

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 18, № 2, 2025

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 18, no. 2, 2025

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» 9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Волконский В.А. Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах 39

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Левашов В.К., Великая Н.М., Савинков В.И. Социально-политическая устойчивость российского общества как критерий легитимности государства 57

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Малкина М.Ю. Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников 76
- Манаева И.В., Мельников В.В. Оценка потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации 90

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. Сценарное прогнозирование вероятности банкротства предприятий химической промышленности в Свердловской области 107
- Тихонова А.В., Герасимова А.Е. Развитие налоговой поддержки сельского хозяйства в контексте повышения эффективности различных налоговых режимов ... 123

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Фролов А.А., Холина В.Н., Горбунов В.С. Человеческий капитал и институты его развития в условиях технологической трансформации: опыт России и стран ЕАЭС	141
Мехова А.А., Воробьева И.Н., Вавилова А.С. Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников	163
Калашников К.Н. Доступность и качество медицинской помощи для пожилого населения как особой социально-демографической группы	180
Смирнов А.В., Лыткина У.В., Чупрова Е.А. Рождаемость на Севере России: пространственные и этнические закономерности	194

МИРОВОЙ ОПЫТ

Ефимова Е.Г., Ши Юйчжу, Скрипнюк Д.Ф. Влияние электронной коммерции на экспортную торговлю: модели пространственных панельных данных регионов Китая	212
---	-----

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Короленко А.В., Белехова Г.В., Косыгина К.Е. Экосистемы устойчивого развития локальных территорий: обзор теоретических подходов	230
---	-----

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	247
Правила приёма статей	259
Информация о подписке	260

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. What the 30-Year Absence of a State Ideology Leads to:
“The Enemy Is Not Only on the Other Side of the Frontline” 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Volkonsky V.A. The Epochs of Passionaries and Conservatives and the Image of the Future
in Historical Processes 39

PUBLIC ADMINISTRATION

- Levashov V.K., Velikaya N.M., Savinkov V.I. Socio-Political Stability of Russian Society
as a Criterion of the Legitimacy of the State 57

REGIONAL ECONOMICS

- Malkina M.Yu. Drivers of Economic Growth of the Nizhny Novgorod Region:
Modeling GRP Using Data from Twin Regions 76
- Manaeva I.V., Melnikov V.V. Assessing the Potential of Agglomeration Processes
in the Regions of the Russian Federation 90

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Naumov I.V., Nikulina N.L., Bychkova A.A. Scenario Forecasting of the Probability
of Chemical Industry Enterprises Bankruptcy in the Sverdlovsk Region 107
- Tikhonova A.V., Gerasimova A.E. Development of Tax Support for Agriculture
in the Context of Enhancing the Effectiveness of Various Tax Regimes 123

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Frolov A.A., Kholina V.N., Gorbunov V.S. Human Capital and Its Development Institutions in the Context of Technological Transformation: Experience of Russia and EAEU Countries	141
Mekhova A.A., Vorobeva I.N., Vavilova A.S. Corporate Demographic Business Practices: Attitudes of Russian Students as Future Employees	163
Kalashnikov K.N. Healthcare Access and Quality for Older Adults as a Special Socio-Demographic Group	180
Smirnov A.V., Lytkina U.V., Chuprova E.A. Fertility in the North of Russia: Spatial and Ethnic Patterns	194

GLOBAL EXPERIENCE

Efimova E.G., Shi Yuzhu, Skripnuk D.F. Effects of E-Commerce on Export Trade: Spatial Panel Data Models for Regions of China	212
---	-----

SCIENTIFIC REVIEWS

Korolenko A.V., Belekhova G.V., Kosygina K.E. Ecosystems for the Sustainable Development of Local Territories: A Review of Theoretical Approaches	230
--	-----

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	247
Manuscript Submission Guidelines	259
Subscription Information.....	260

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта»

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В статье анализируется проблема отсутствия в России государственной идеологии. На все более острую назревающую необходимость государственной идеологии указывает регулярное появление таких «черных лебедей», как попытка вооруженного переворота, осуществленная руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным (24 июня 2023 г.), арест замминистра обороны Т. Иванова (23 апреля 2024 г.), задержание экс-губернатора Курской области А. Смирнова (15 апреля 2025 г.) и т. д. Подобные события в жизни страны создают реальную угрозу национальной безопасности, особенно в условиях специальной военной операции и продолжающейся «острой» фазы цивилизационного конфликта России со странами НАТО. Их последствия сложно переоценить, поскольку за ними стоят человеческие жизни и угроза существованию россий-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Враг не только по другую линию фронта» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 9–38. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2025). What the 30-year absence of a state ideology leads to: “The enemy is not only on the other side of the frontline”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 9–38. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.1

ской государственности. Авторский взгляд (опирающийся на мнения экспертов, факты, анализ законотворческой деятельности органов власти, опросы общественного мнения) исходит из того, что причина появления таких «черных лебедей» имеет глубокие социокультурные, морально-нравственные основания: коррупция на всех уровнях власти, неспособность и нежелание правящих элит соответствовать повестке будущего, диктуемой целями СВО, являются следствием деформации «культурного кода» российской цивилизации, произошедшей в результате почти 35-летнего воздействия западной культуры «общества потребления» на сознание российского общества. Это особенно касается правящих элит страны — в отношении их следует вести речь о почти 70-летнем периоде (начиная со времен «хрущевской оттепели») проникновения и доминирования западных ценностей, в основе которых лежит достижение личной материальной выгоды. Опыт Республики Беларусь, где 9 апреля 2025 года была принята Директива № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», также указывает на то, что в текущих крайне сложных геополитических условиях потребность в государственной идеологии объективно назрела. При этом, несмотря на активную политику государства по борьбе с коррупционерами в системе управления, по созданию воспитательных и образовательных условий для профилактики данной проблемы на стратегическую перспективу, для будущих поколений россиян, решить ее пока так и не удастся. Многие эксперты отмечают, что это невозможно сделать без соответствующей «идеологии неприятия коррупции», причем как в среде государственных служащих, так и в обществе в целом. Авторский капитал состоит в анализе социокультурных и исторических основ современного состояния проблемы коррупции во власти и шире — ее рассмотрении как одного из многих проявлений ценностных установок значительной части правящих элит, сформировавшихся в условиях доминирования западной идеологии «общества потребления».

Ключевые слова: идеология, культура, «культурный код», цивилизационный конфликт, правящие элиты, коррупция.

Выражением «враг находится не только по другую линию фронта» врио губернатора Курской области А. Хинштейн дал оценку ситуации, которая в настоящее время (в конце 2024 — начале 2025 гг.) разворачивается вокруг деятельности «Корпорации развития Курской области» и бывшего губернатора региона А. Смирнова.

Напомним, что в последние месяцы всё больше приоткрывается завеса в ответе на вопрос, почему оказалось возможным «беспрецедентное во всех смыслах событие»¹, «первый случай вторжения в Россию со времен Второй мировой войны»² — вторжение Вооруженных сил Украины на территорию Курской области.

В декабре 2024 г. были арестованы генеральный директор компании «Корпорация развития Курской области» (КРКО) В. Лукин, а также его заместители И. Грабин и С. Мартыанова. 15 апреля 2025 г. задержаны бывший губернатор Курской области А. Смирнов и бывший первый заместитель губернатора А. Дедов... **Все они были связаны с деятельностью «Корпорации развития Курской области». На ее базе была организована преступная схема, с помощью которой долгие годы и в разных формах осуществлялось хищение бюджетных средств, в том числе выделенных на строительство оборонительных сооружений.**

¹ Дугин А. Происходит то, чего происходить точно не должно // Бизнес-онлайн. 07.08.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZrNkRxJirVneMT9d?ysclid=m9qooboanq491707965>

² «Первый случай вторжения в Россию со времен Второй мировой». Как мир реагирует на атаку Украины в Курской области? // Лента.Ру. 09.08.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZrXkdxJirVnevuRc?ysclid=m9qos8dxf763086902>

В своем заявлении 19 апреля 2025 г. врио губернатора А. Хинштейн подробно рассказал о масштабах этого вскрытого в Курской области «нарыва»³:

«Важно объяснить, что изначально эта структура [КРКО] (АО со 100%-ным участием региона) создавалась исключительно как проектный офис для сопровождения инвесторов, **но стараниями чиновников превратилась в настоящую супер-монополию.**

Наряду с оборонительными сооружениями (₽19,4 млрд) КРКО строила в области ФАПы и авиационную инфраструктуру, получала земли под КРТ (одну такую стройку в Железнодорожке мы уже остановили), выкупала бренды алкогольных напитков и даже чуть не стала единственным поставщиком лекарств для нужд региона (соответствующее постановление областного правительства было подготовлено как раз накануне моего назначения, но я, разумеется, его заблокировал).

В общей сложности через КРКО прошли десятки миллиардов бюджетных рублей. Сколько из них было украдено – вопрос открытый. Достаточно сказать, что суд первой инстанции уже удовлетворил иск Генпрокуратуры о взыскании в бюджет ₽4,1 млрд. Средства выделялись на строительство фортификационных сооружений, но были присвоены руководством КРКО и их подрядчиками (мы полностью поддерживали в суде этот иск).

Только с конца прошлого года в Курской области было возбуждено более десяти (!) уголовных дел, связанных с КРКО (часть из них впоследствии были объединены). К настоящему времени наряду с экс-губернатором арестованы директор Корпорации Владимир Лукин, трое (!) его бывших заместителей, а также ряд руководителей компаний-подрядчиков.

А ведь есть ещё и уголовные дела, параллельно расследующиеся в Иваново, где те же лица – руководители и подрядчики КРКО – были уличены в хищениях при капремонте многоквартирных домов (ранее Лукин работал советником по ЖКХ губернатора Ивановской области, но, переехав в 2021 году в Курск, забрал с собой многих своих поделщиков-подчинённых, где они развернулись уже в полную силу. Как минимум, трое ответчиков по многомиллиардному антикоррупционному иску Генпрокуратуры, не считая самого Лукина, имеют «ивановский след». В их числе – бывшие главы департамента ЖКХ и Фонда капремонта Ивановской области).

Прежние руководители Курской области – Смирнов, Дедов и другие – просто не могли не видеть, кому доверяют бюджетные миллиарды. Напротив, они сознательно превращали в крупнейшего господрядчика проектный мини-офис, не имеющий ни должной компетенции, ни опыта, ни элементарного штата специалистов.

Прокуратура и другие силовые структуры неоднократно указывали руководителям региона на это, но никакой должной реакции в ответ не наблюдалось. Почему – отчётливо видно из публикуемого мной фото, где предправления и директор КРКО сидят в обнимку во флиртовых позах.

Увы, враг находится не только по другую линию фронта. Мздоимцы и коррупционеры подрывают страну изнутри, особенно когда речь идёт о воровстве в сфере обороны»³.

³ Иванов А. Хинштейн: «Враг находится не только по другую линию фронта» // Завтра. 19.04.2025. URL: https://zavtra.ru/events/hinshtejn_vrag_nahoditsya_ne_tol_ko_po_druguyu_liniyu_fronta

На фоне проводимых арестов и задержаний многие эксперты справедливо задаются вопросами:

✓ **Как можно оценить ущерб, нанесенный государству, обществу, конкретным людям, семьям, очередными коррупционерами во власти? Ведь «это не просто воровство. Это сознательное ослабление государства изнутри – в момент, когда идет борьба за внешнюю стабильность...»⁴ Это необходимо приравнять к государственной измене.**

✓ **Как вообще так получилось, что в приграничном регионе на протяжении длительного времени действовала чиновничья ОПГ? Кто это допустил?**

✓ **Насколько глубоко в систему государственного управления уходит сеть системной коррупции? Какие органы федеральной, региональной, муниципальной власти подвержены той же проблеме, которая сейчас вскрывается в Курской области? На какие еще российские регионы она распространяется?**

«Мы не можем больше рассматривать такие преступления как экономические. Это не просто воровство. Это сознательное ослабление государства изнутри – в момент, когда идет борьба за внешнюю стабильность. Именно поэтому я считаю необходимым приравнять коррупцию в особо крупных размерах к государственной измене... Вопрос здесь не в формальной квалификации – вопрос в сути происходящего. Если в результате воровства не достроены оборонные рубежи – это не экономический ущерб, это угроза национальной безопасности. Это не халатность, это сознательное ослабление страны, ее границ, ее военного потенциала»⁵.

«Куда потянется коррупционная нить уже от самого Смирнова? И те, кто украл тысячи русских жизней, а это не террористы ВСУ, а российские чиновники, должны быть не только найдены все, но и наказаны по законам военного времени. Так кто они?»⁶

«Пока всё идёт к тому, что это далеко не последний процесс в рамках „разбора полётов“... Вообще-то вплоть до мая 2024 года регион возглавлял Роман Старовойт, нынешний министр транспорта РФ. А защитные сооружения возводились с мая 2022-го. 19,4 млрд бюджетных рублей для строительства защитных сооружений (блиндажей, огневых точек, опорных пунктов, противотанковых пирамид и рвов) с целью защиты страны от военной агрессии Украины выделены именно в 2022–23 годах... Названная в МВД сумма хищений в миллиард рублей, несмотря на свою впечатляющую величину, это лишь часть того, что было украдено-растащено... Во-первых, как измерить тот колоссальный ущерб, которые нанесли коррупционеры государству и людям – населению, бойцам, погибшим из-за того, что не было обустроенных должным образом сооружений? И речь не о миллиардах сейчас. Речь о человеческих жизнях. Во-вторых, как вообще так получилось, что в приграничном регионе на протяжении длительного времени действовала эта чиновничья ОПГ? Кто это дело проглядел, по-русски говоря? И наконец, очень интересно знать, куда поведёт цепочка разоблачений...?»⁷

⁴ По следам Смирнова. В России предложили приравнять коррупцию к госизмене // 360ру. 16.04.2025. URL: <https://360.ru/news/crime/po-sledam-smirnova-v-rossii-predlozhili-priravnjat-korrupsiju-k-gosizmene/?ysclid=m9th7ruq36901014323> (мнение политолога А. Ярошенко).

⁵ Там же.

⁶ Украл тысячи жизней: Кто «впустил» врага в Курскую область – лицо экс-губернатора Смирнова объяснило всё // Царьград. 16.04.2025. URL: https://tsargrad.tv/investigations/ukrali-tysjachi-zhiznej-kto-vpustil-vraga-v-kurskuju-oblast-lico-jeks-gubernatora-smirnova-objasnilo-vsjo_1226710

⁷ Иванов А. Задержаны экс-губернатор Курской области и его первый заместитель // Завтра. 17.04.2025. URL: https://zavtra.ru/events/zaderzhani_eks-gubernator_kurskoj_oblasti_i_ego_pervij_zamestitel_?ysclid=m9mjk15vmu91697405

Следует отметить, что эти вопросы ставятся не в первый раз. Напомним, что год назад, в апреле 2024 г., всё то же самое звучало в адрес бывшего замминистра обороны Т. Иванова, арест которого (как отметили эксперты) «ведёт в преисподнюю российской коррупционной системы».

Действительно, по данным аналитиков, «до весны [2024 г.] силовики почти не проводили операций по задержанию руководителей ведомств. Все изменилось 24 апреля, когда заместитель министра обороны РФ Тимур Иванов стал подозреваемым... После уголовного дела Иванова по всей России стали регулярно задерживать действующих и бывших чиновников. Их арестовывали с частотой каждые 2,5 дня... По открытым данным за 2024 г. насчитывается 110 начальников, руководителей, мэров, заместителей, министров, депутатов, руководителей государственных предприятий и офицеров, ставших фигурантами уголовных дел из-за взяток»⁸ (на вкладке 1 представлены некоторые случаи «громких» задержаний и резонансных дел, произошедших в конце 2024 — начале 2025 гг., за исключением задержания экс-губернатора Курской области А. Смирнова, которого мы «вынесли за скобки»).

Как показывают факты, представленные на вкладке 1, эпизоды коррупции в системе государственного управления продолжают вскрываться фактически в ежедневном режиме, и это свидетельствует, как минимум, о двух вещах.

Первое — о том, что коррупция во власти имеет системный характер. Она настолько глубоко проникла в слои правящих элит, что их не останавливает даже страх перед Законом, не говоря уже о каких-то нормах морали и нравственности; ответственности за реализацию своих служебных обязанностей на вверенном им посту государственного (!) служащего; не говоря об осознании масштабов угроз национальной безопасности, с которыми столкнулась Россия после 24 февраля 2022 г.; об ответственности за

Советов Ю. (политолог): «Задержание заместителя министра обороны — это серьёзный удар по „элитам“. Человек, которому было доверено такое важнейшее дело, как восстановление Мариуполя, строительство госпиталей и прочее, не стеснялся при этом воровать. И, простите, но **это же происходило во многом на глазах тех, кто обязан контролировать это...** Он же на глазах у всех покупал себе особняки на Рублёвке. Ведь это же на глазах у всех. Его жена ездила за границу, принимала гражданство Израиля с детьми. Все же это видели. **Почему это ему прощалось? Почему спускалось с рук?** Считалось, что он эффективный менеджер, как в своё время говорили об Анатолии Чубайсе. **Вот этот вопрос попустительства привёл к такого рода скандалу**»⁹.

А. Проханов: «Точечный арест Тимура Иванова ведёт в преисподнюю российской коррупционной системы... Тимур Иванов — это клюв, исследуя который можно выявить и нарисовать **всю гигантскую таинственную птицу российской коррупции. Имена коррупционеров, коррупционные связи, все отрасли российской экономики, отдельные министерства и предприятия, российские и зарубежные банки, офшоры, денежные суммы, сравнимые с государственным бюджетом...** Птица российской коррупции ужасна. Её клюв — из нержавеющей стали. Этим клювом она выклёвывает у России глаза, терзает печень, рвёт русское сердце»¹⁰.

безопасность жизни людей, проживающих на приграничных территориях, и т. д. **Над всеми мотивами, критериями, ценностями в конечном итоге довлеет только один — жажда наживы и личное материальное обогащение.**

⁸ Смоленцев К. Год чисток. В 2024-м арестовали 110 чиновников, военных и силовиков // Современный портал Екатеринбург — «66.ru». 08.01.2025. URL: <https://66.ru/news/politic/278122/>

⁹ Как связаны арест замминистра Иванова и послание Путина: Эксперты заговорили про красную линию // Царьград. 30.04.2024. URL: https://tsargrad.tv/news/kak-svjazany-arrest-zamministra-ivanova-i-poslanie-putina-jeksperty-zagovorili-pro-krasniju-liniju_994120?ysclid=lxszhly2b8970336897

¹⁰ Проханов А. Великое ожидание // Завтра. 28.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/velikoe_ozhidanie?ysclid=lx4fuap3bl928027715

По данным Генерального прокурора РФ И. Краснова, «за 5 лет прокурорами предъявлено **более 400 исков**, в доход государства с коррупционеров взыскано **свыше 11 тыс. объектов движимого и недвижимого имущества**, а также денежных средств на сумму, **превышающую 760 млрд рублей**... вот в этом и заключается вся гниль и мерзость коррупционеров. Вместо строительства школ, покупки лекарств, помощи многодетным семьям – набивают свои бездонные карманы»¹¹.

Г. Зюганов: «С 2023 по 2024 год число российских миллиардеров в мировом рейтинге „Форбс“ **выросло со 110 до 125 человек. Это рекордный показатель**. За первый год СВО совокупное состояние миллиардеров в нашей стране **подскочило на 43% – до 456 миллиардов долларов**. Дальше эта „траектория роста“ продолжилась.

В 2024 году богатства 25 самых „успешных“ россиян **выросли на 18,5 миллиарда долларов**. За первые два месяца 2025 года их „карманы“ потяжелели **ещё на 8 миллиардов долларов**. **С начала СВО некоторые „счастливчики“ нарастили свои состояния на 100–200%.** И это в то время, когда страна собирала „с миру по нитке“, помогая освобожденным территориям и бойцам на передовой»¹².

И за этим логично следует второй факт: видимо, «скрытая, завуалированная интервенция в отношении нашей страны»¹³ (о которой говорил Президент РФ 7 ноября 2024 г. на Валдайском форуме) не прошла бесследно, а оказала разрушительное влияние на «культурный код» российской цивилизации, ее «генотип». По крайней мере, это касается той части общества, которую принято называть «правлящими элитами».

Ведь абсолютный приоритет достижения личной материальной выгоды — это прямая характеристика капитализма, которую еще в XIX веке четко сформулировал Томас Джозеф Даннинг: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, *при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы*»¹⁴.

¹¹ За пять лет у коррупционеров изъяли имущество на 760 млрд рублей (интервью Генерального прокурора РФ И. Краснова) // ТАСС. 08.12.2024. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/22607027?ysclid=m9moffpxtn977280334>

¹² Доклад Г. Зюганова «О работе отделений КППРФ по социальной защите трудящихся в условиях специальной военной операции и системного кризиса капитализма» на пленуме Центрального Комитета партии 12 апреля 2025 г. // Официальный сайт КППРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/233519.html>

¹³ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

¹⁴ Dunning T.J. (1860). *Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention*. London. Pp. 35–36.

Некоторые «громкие» задержания и резонансные дела в конце 2024 — начале 2025 гг.

11 декабря 2024 г. по делу о взятке был задержан бывший губернатор Рязанской области Николай Любимов. Суд отправил бывшего губернатора под арест на два месяца. Любимов занимал пост губернатора Рязанской области в 2017–2022 годах, после чего стал представителем региона в Совете Федерации. В основу уголовного дела в отношении Любимова легли показания его бывшего заместителя И. Грекова и И. Петинной, представлявшей Рязанскую область в Совфеде в период с 2020 по 2022 год, а до этого на протяжении девяти лет занимавшей должность замминистра здравоохранения региона. Их задержали летом 2023 года по обвинению в получении взяток в особо крупном размере¹⁵.

25 февраля 2025 г. были задержаны вице-губернатор Вологодской области Д. Алексеев и глава регионального представительства в столице К. Бочаров. По версии следствия, они вымогали 100 млн рублей с лесопромышленников АО «Березник» за общее покровительство и продление договора аренды лесных участков под вырубку. Обвинение вологодским чиновникам предъявлено, оба были помещены под стражу. «По мнению политолога К. Калачева, двойное задержание — «серьезный удар по позициям губернатора Филимонова». Причем не по его спорным инициативам, а по его кадровой политике... задержанных подвела самонадеянность, которая связана с представлением, что Филимонов, а значит и его команда неприкосновенны. Они так увлеклись борьбой с „Северсталью“, что перестали замечать всех других...» По словам президента фонда «Петербургская политика» М. Виноградова, арест статусных чиновников регионального правительства в целом обостряет интригу вокруг того, есть ли у Филимонова некий большой мандат на реализацию собственных представлений о прекрасном или речь идет о его произвольной программе и не все еще предпринято»¹⁶.

3 марта 2025 г. в Нижнекамске вручили жилищные сертификаты двум семьям, среди которых оказалась семья мигрантов из Средней Азии — Мухиддин Холзода и Малика Тоирова с четырьмя детьми. Это вызвало волну недовольства среди местных жителей. После публикации новости о вручении сертификатов в официальном канале мэра пользователи соцсетей устроили бунт. Среди комментариев звучали вопросы о причинах получения сертификата именно этой семьей. Одна из жительниц города выразила недоумение, почему местным гражданам, оставшимся без жилья, не предоставляется аналогичную помощь. Другие комментаторы также задавались вопросами о заслугах и достижениях Холзода и Тоировой, а также о том, как долго они являются гражданами России и какие специальные навыки могут оправдать их приоритет в получении жилья. «А жителям разгромленной Курской области, гражданам РФ, оставшимся без крыши над головой, вы не хотите предоставить жилье?» — задавалась вопросом одна из жительниц. Некоторые местные жители отметили, что долго ожидали своей очереди на получение сертификата и являются коренными жителями Нижнекамска.

Общественность обратила внимание на различные фамилии супругов — Холзода и Тоирова. Это вызвало вопросы о юридическом статусе семьи: зарегистрированы ли они по нашим законам или действуют согласно шариату. По данным источников, Мухиддин Холзода имеет двойное гражданство, тогда как его супруга, Малика Тоирова, гражданства России вовсе не имеет. Холзода также являлся основателем школы Корана в Нижнекамске, где обучает детей чтению Корана и арабскому языку. Более того, ранее стало известно, что „герой“ истории — успешный бизнесмен, имеющий множество банковских счетов¹⁷.

¹⁵ Что известно о деле экс-сенатора, подавшего в отставку в день задержания // РБК 14.12.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2024/675c518c9a79471f72f9ac107ysclid=m9mnp8h7i959034458>

¹⁶ Тулунов В. Замгубернатора Вологодской области заподозрили в вымогательстве 100 млн рублей // Ведомости. 26.02.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/articles/2025/02/26/1094557-vimogatelstve-100-rublei>

¹⁷ Мухиддин жильё получил. А люди на разгромленной Куршине нет: Как люди реагировали на скандал в Нижнекамске? // Царьград. 06.03.2025. URL: https://spb.tsargrad.tv/dzen/muhiddin-zhiljo-poluchil-a-ljudi-v-razgromlennoj-kurshine-net-kak-ljudi-reagirovali-na-skandal-v-nizhnekamske_1177470

1 апреля 2025 г. по требованию Генпрокуратуры у бывшего заместителя начальника Главного управления МЧС по Краснодарскому краю С. Симоненко изъяли «коррупционные активы» на сумму почти 360 млн руб. «Фактически работник МЧС являлся владельцем 55 объектов недвижимости, в том числе коммерческих, а также 32 дорогостоящих автомобилей, на приобретение которых потрачено более 300 млн руб.». Симоненко, работая в МЧС, «использовал свое служебное положение для незаконного обогащения», отметили в Генпрокуратуре. Чтобы скрыть это, он оформлял приобретаемое имущество на родственников и доверенных лиц¹⁸.

2 апреля 2025 г. стали известны подробности иска Генпрокуратуры к чиновнику Росприроднадзора об обращении в доход государства имущества и доходов на сумму свыше 480 млн рублей. Речь идет о бывшем руководителе Южно-Сибирского межрегионального управления Росприроднадзора Андрее Фролове. Установлено, что Фролов скрывал принадлежащую ему и его супруге дорогостоящую недвижимость. Фактически он являлся владельцем 50 объектов недвижимости в Алтайском крае, Новосибирской области, Турции и Грузии, а также 49 дорогостоящих автомобилей, в том числе грузовых, на покупку которых он потратил более 300 млн рублей. Кроме того, по данным Генпрокуратуры, Фролов являлся бенефициаром 4 компаний и выгодоприобретателем 3 предпринимателей, от деятельности которых незаконно получил более 147 млн рублей. Одновременно установлено, что в целях личного обогащения Фролов потребовал от подчиненных внести недостоверные сведения в документы, из-за чего предприятие, выполняющее гособоронзаказ, было отказано в выдаче лицензий на обращение с отходами. В результате предприятие был нанесен ущерб более чем в 7 млн рублей¹⁹.

15 апреля 2025 г. задержан экс-министр образования Пензенской области А. Комаров. В отношении бывшего высокопоставленного пензенского чиновника возбуждено уголовное дело по ст. 286 УК РФ. Его подозревают в превышении должностных полномочий. Как сообщают федеральные телеграм-каналы, задержание Алексея Комарова связано с лоббированием интересов бизнеса за откаты на посту министра. Якобы речь идет о 16 млн рублей. А. Комаров занимал должность министра образования Пензенской области с ноября 2021 года по декабрь 2024 года²⁰.

16 апреля 2025 г. задержаны глава администрации Гаврилов-Ямского района Ярославской области А. Сергачев и депутат местного совета, директор коммерческой организации А. Голицын по подозрению в превышении должностных полномочий. По версии следствия, в 2023 г. глава района и депутат создали благоприятные условия для победы подконтрольных компаний в проводимых закупках на выполнение строительных и монтажных работ на социально значимых, спортивных и образовательных объектах. В прокуратуре отмечают, что были и другие соучастники²¹.

21 апреля 2025 г. арестован бывший депутат Курской областной думы М. Васильев (речь идет о хищении средств на создание фортификационных сооружений на границе с Украиной).

¹⁸ У экс-замглавы краснодарского МЧС изъяли имущество на 360 млн руб. // РБК. 01.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/04/2025/67ec0e619a79472530f283d8>

¹⁹ Егоров И. 50 объектов недвижимости и 49 машин. В Генпрокуратуре раскрыли подробности иска к экс-чиновнику Росприроднадзора на 480 млн руб // Российская газета. 02.04.2025. URL: <https://rg.ru/2025/04/02/v-genprokurature-raskryli-sut-iska-k-eks-chinovniku-na-480-mln-rublej.html>

²⁰ Бывший министр образования Пензенской области задержан сотрудниками ФСБ. Эсклюзивные подробности от бывших коллег // Медиа-Пенза. Руб. 15.04.2025. URL: <https://mediapenza.ru/2025-04-15/byvshij-ministr-obrazovaniya-penzenskoj-oblasti-zaderzhan-sotrudnikami-fsb-eksklyuzivnye-podrobnosti-ot-byvshih-kolleg/>

²¹ Чижова А. Торги под занавес // Коммерсант. 16.04.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7659198>

И речь здесь идет не только о том, каких «аппетитов» достигают потребности коррупционеров, у которых при обыске находят десятки объектов недвижимости, миллиардные суммы похищенных средств, дворцы, яхты и т. д., а о том, что **коррупционеры органично «вплетены» в ткань системы государственного управления.** Их всех кто-то назначал. Они все имеют внушительный послужной список, то есть многолетний практический опыт работы на разных управленческих должностях, в разных регионах²². И, по-видимому, в системе государственного управления созданы такие условия, при которых коррупционеры в течение многих лет (занимая ответственные посты для реализации целей национального развития и выполнения прямых поручений Президента РФ) продолжают злоупотреблять служебным положением в целях личного обогащения.

²² Для примера приведем краткую справку об арестованном экс-губернаторе Курской области А. Смирнове (Источник: Завтра. 17.05.2025. URL: https://zavtra.ru/events/zaderzhani_eks-gubernator_kurskoj_oblasti_i_ego_pervij_zamestitel_?ysclid=m9se7duucz274550190):

А. Смирнов окончил Курскую государственную сельскохозяйственную академию им. профессора И.И. Иванова по специальности «экономист-организатор» (1995) и курский филиал Орловской региональной академии государственной службы по специальности «государственное и муниципальное управление» (2001).

С 1998-го по 2004-й работал на различных должностях в комитете ЖКХ Курской области: консультант отдела развития сферы бытовых, коммунальных услуг и лицензирования, начальник экономического отдела, заместитель председателя комитета, первый заместитель председателя комитета.

В 2004–10 годах: заместитель главы Курска — председатель комитета ЖКХ г. Курска, заместитель главы города по ЖКХ, транспорту, имуществу и земельным отношениям.

В 2010–11 годах был директором курского филиала некоммерческого партнёрства «Объединение строительных организаций среднего и малого бизнеса». Как напомнило издание «Блокнот», **«в то время в отношении него было возбуждено несколько уголовных дел. Ситуация оказалась настолько критической, что Смирнову пришлось покинуть Курскую область и отсиживаться в Подмоскowie».**

В 2011-м в течение нескольких месяцев занимал должность заместителя руководителя администрации городского поселения Сергиев Посад.

В 2011–12 годах — советник министра жилищно-коммунального хозяйства Московской области, начальник управления нормирования и реконструкции объектов жилищно-коммунального назначения.

В 2012-м назначен заместителем министра строительного комплекса Подмоскowie, в 2015-м — первым заместителем министра.

В 2016-м стал первым заместителем генерального директора Фонда капитального ремонта многоквартирных домов г. Москвы.

3.11.2018 назначен заместителем губернатора Курской области Романа Старовойта, 16.03.2021 — первым заместителем губернатора (одновременно с августа 2022-го был председателем правительства региона). Курировал экономику, транспорт, дорожную инфраструктуру, внутреннюю и молодёжную политику, информационную сферу, а также управление госимуществом.

С 12.05.2024 исполнял обязанности губернатора области в связи с переходом Старовойта в Правительство РФ, 15.05.2024 данное решение подтверждено указом Президента России.

В июне 2024 г. вступил в партию «Единая Россия», позже избран секретарём Курского регионального отделения ЕР. 8.09.2024 избран губернатором Курской области на прямых выборах (набрав 65,28% голосов избирателей), 16 сентября официально вступил в должность.

Входил в состав Государственного совета РФ. Ставленник группы Ротенбергов, как и Старовойт. Почётный работник жилищно-коммунального хозяйства РФ. Награждён почётной грамотой Президента РФ, белорусским нагрудным знаком «80 лет освобождения Гомельской области от немецко-фашистских захватчиков».

²³ Идеология как главный способ борьбы с коррупцией // UralDaily.ru. 22.03.2011. URL: <http://uraldaily.ru/april/2/ideologiya-kak-glavnyi-sposob-borby-s-korrupsiei>

Это вопрос именно культуры, «культурного кода»; осознания ответственности государственного чиновника за реализацию национальных интересов и судьбу конкретных людей, которые зависят от выполнения им своих служебных обязанностей на вверенном ему служебном месте.

За период, пока наша страна находилась под влиянием западной идеологии «общества потребления» (а для правящих элит, напомним, этот период начался на 40 лет раньше, чем для большинства россиян; не в 1991 году после распада СССР, а в середине 1950-х гг., после смерти И. Сталина и наступления «хрущевской оттепели»), в России создалась определенная «генотипная среда», которая в настоящее время «воспроизводит» разрушительные для государственности «гены». Как пишут эксперты, **«правовой нигилизм — вот основная черта российского общества. И чиновники в этом смысле не являются исключением»²³.**

И эта «среда» создалась не «вдруг» после начала СВО. О ежедневных арестах и их бесперспективности в борьбе с коррупционерами **без формирования «идеологии неприятия коррупции»** в обществе и в среде государственных служащих эксперты говорили еще в 2011 г.

Приведенные факты и «вытекающие» из них следствия указывают на важность обращения к вопросам культуры и «культурного кода» российского общества; к вопросам сохранения того, что ученые называют «генотипом»²⁴

русской цивилизации. И, соответственно, к вопросу о формировании в России государственной идеологии — не только как единственно возможного способа по-настоящему эффективной борьбы с коррупцией во власти, но и как формулирования **Образа будущего, некоего «автопортрета общества», «Идеи, которая будет общей для самых разных категорий граждан — независимо от возраста, профессии, статуса или места жительства»**²⁵.

«Сведения о разоблачении того или иного коррупционера публикует сегодня, пожалуй, всякая газета. Ежедневно мы слышим о новых арестах взяточников и мздоимцев. Некоторые из них даже получают реальные сроки тюремного заключения. Вместе с тем, большинство экспертов сходится во мнении, что карательные меры нельзя назвать эффективным инструментом борьбы с коррупцией. До тех пор, пока в обществе не изменится отношение к этому явлению, на сколь либо значимые результаты рассчитывать не приходится.

Одной из главных задач государства в связи с этим является **формирование идеологии неприятия коррупции не только со стороны общественности, но и со стороны самих государственных служащих. Пропаганда общечеловеческих, общесоциальных ценностей должна стать неременной составляющей общественной политики в сфере государственной службы.**

Вместе с тем, нельзя не отметить, что демократизация общества в нашей стране сопровождается его деидеологизацией... Правовой нигилизм – вот основная черта русского общества. И чиновники в этом смысле не являются исключением.

Смещение традиций и культурных стереотипов, **бесконтрольность бюрократии, а также политическая безответственность** способствуют тому, что сегодня основные идеологические ценности сильно деформированы. Многие чиновники рассматривают государственную службу исключительно как возможность поправить свое финансовое положение.

Формирование поколения служащих, отвечающих запросам современного общества, возможно лишь на основе **целенаправленного изменения правосознания общества в целом. В противном случае ничего не изменится: на смену одних взяточников придут другие, и так будет бесконечно, какие бы строгие карательные меры ни предпринимало государство...** Увы, но на сегодняшний день не существует действенных программ повышения нравственно-этических норм в поведении отечественных служащих. Это свидетельствует о недостатке внимания со стороны правительства к данной проблеме. **Нормы, закрепляющие правила поведения, как правило, носят рекомендательный характер и являются декларативными, нежизнеспособными»**²⁶.

²⁴ Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпунин О.И. (2022). На переломе веков: социодинамика русской культуры: [монография] / ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. С. 7.

²⁵ «Это автопортрет общества»: аналитик БИСИ о Директиве № 12 и роли идеологии в жизни государства // БЕЛТА — Новости Беларуси. 10.04.2025. URL: <https://belta.by/society/view/eto-avtoportret-obschestva-analitik-bisi-o-direktive-12-i-rol-i-ideologii-v-zhizni-gosudarstva-708206-2025/>

²⁶ Идеология как главный способ борьбы с коррупцией // UralDaily.ru. 22.03.2011. URL: <http://uraldaily.ru/april/2/ideologiya-kak-glavnyi-sposob-borby-s-korrupciei>

Здесь следует отметить, что 9 апреля 2025 г. произошло важное событие для Союзного государства: Президент Республики Беларусь А. Лукашенко подписал Директиву № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства». В данном документе на государственном уровне закреплено понятие «государственная идеология», перечислены «основы идеологии белорусского государства», ее «компоненты», основные цели, принципы, субъекты, механизмы «идеологической рабо-

ты» и т. д. Как отметил заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь В. Перцов, *«время для такого документа объективно пришло...* Если говорить кратко, такой документ был необходим для того, чтобы: 1) *описать понятным и ясным языком концепцию государственности*, сделать едиными подходы к организации и проведению идеологической работы с людьми; 2) доносить государственную повестку до граждан, *заниманных в частном секторе экономики»*²⁷.

Аналитик Белорусского института стратегических исследований

С. Алейникова о Директиве № 12:

«Это очень важное событие в общественной жизни страны. К нему Беларусь шла более 20 лет – начиная с первого семинара идеологических работников с участием главы государства. Почему так долго? Потому что ни национальную идею, ни принципы идеологической политики и в целом идеологии белорусского государства невозможно сформулировать одномоментно. Они должны быть **выкристаллизованы**. Этому предшествовала большая аналитическая, экспертная, научная работа – по выявлению ценностей белорусского общества, его запросов, ожиданий, потребностей. Именно при таком подходе любая идеологическая концепция способна стать объединяющим, консолидирующим звеном. Идеей, которая будет общей для самых разных категорий граждан – независимо от возраста, профессии, статуса или места жительства. Это тот самый объединяющий фактор, к которому страна действительно шла достаточно долго...

Документ отражает нашу реальность. Его разработке предшествовал действительно длительный путь изучения общественного мнения. В документ заложены итоги масштабных научных исследований, социологических опросов... Но нужно понимать: как и любой нормативный правовой акт, **Директива – это не просто фиксация каких-либо тезисов. Это ориентир. Это вектор работы – для общества, для всех категорий граждан.** Те цели и идеалы, которые в ней обозначены, не реализуются сами по себе. Это большой труд. Труд всего общества...

Без идеологии не может существовать ни одно общество, ни одно государство – даже если оно заявляет, что у него якобы нет идеологии. Потому что идеология – это совокупность ценностей, ожиданий, запросов людей: к государству, к власти, к обществу. Это, если хотите, такой автопортрет общества. Зеркало, в котором отражаются его лучшие качества, традиции – формировавшиеся не просто десятилетиями, а веками. Поэтому идеология – не просто необходимость. Это свойство любого социума, любого государства. Перманентное свойство, неотделимое от жизни общества. Живой общественный организм без идеологии существовать не может, кто бы что ни говорил»²⁸.

²⁷ Перцов прокомментировал Директиву Президента № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства». URL: <https://www.sb.by/articles/pertsov-prokommentiroval-direktivu-prezidenta-o-realizatsii-osnov-ideologii-belorussskogo-gosudarstva.html?ysclid=m9h36zfq9q610471293>

²⁸ «Это автопортрет общества»: аналитик БИСИ о Директиве № 12 и роли идеологии в жизни государства // БЕЛТА – Новости Беларуси. 10.04.2025. URL: <https://belta.by/society/view/eto-avtoportret-obschestva-analitik-bisi-o-direktive-12-i-rol-i-ideologii-v-zhizni-gosudarstva-708206-2025/>

Пожалуй, можно согласиться с некоторыми экспертами в том, что для нашей страны принятие Республикой Беларусь основ государственной идеологии — *«это знаковое событие, мимо которого невозможно пройти... Минск подаёт пример Москве*, показывает, что настало время серьёзно озаботиться созданием идеологического документа для Российского государства...»²⁹

Можно выделить несколько причин, которые обуславливают необходимость России всерьёз заняться вопросом идеологии.

Первая причина носит глобальный характер и заключается в обострении вопросов культуры, сохранения «культурного кода» в условиях цивилизационного кризиса, с которым столкнулось мировое сообщество в XXI веке.

В настоящее время весь мир пребывает в «горячей» фазе цивилизационного конфликта, который еще 30 лет назад прогнозировали ученые, исходя из анализа самой логики развития однополярного мира, установившегося после распада СССР в 1991 г.

Например, известный американской социолог и политолог Сэмюэл Филлипс Хантингтон в своей статье «Столкновение цивилизаций» (1993 г.) писал о том, что *«столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики», поскольку даже «на вершине могущества Запада», «среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным культурным корням».*

Опираясь на идеи С. Хантингтона, российский философ, политолог, общественный деятель А.С. Панарин в книге «Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке» (1998 г.) писал о *«беспрецедентном и окончательном одиночестве счастливых передовиков прогресса, которым предстоит поедать свои яства под ревнивыми взглядами навсегда отлученных и потому готовых взорваться отчаянием. Речь идет, таким образом, не столько о конфликте цивилизаций,*

С. Хантингтон: *«Наиболее важные границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой... Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов.*

Рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням... Во многих незападных странах идёт интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням... На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик»³⁰.

сколько о конфликте „золотого миллиарда“ с остальным человечеством»³¹.

Российский историк А. Фурсов пишет о том, что *«мы покидаем мир модерна и вступаем в новый, посткапиталистический мир»³², причем этот период «был полностью запрограммирован развитием мировой системы в послевоенный период, является логическим результатом этого развития»³³.*

По сути, об этом же цивилизационном кризисе XXI века предупреждал гегемонов однополярного мира (США и возглавляемый ими «коллективный Запад») Президент РФ В.В. Путин, когда на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. говорил о том, что *«мир одного суверена губителен для всех, кто в нем находится».*

²⁹ Степанов А.Д. Белорусская идеология: плюсы и минусы // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 11.04.2025. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/04/11/belorusskaya_ideologiya_plyusy_i_minusy

³⁰ Huntington S.P. (1993). The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), p. 22.

³¹ Панарин А.С. (1998). Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос. С. 9.

³² Фурсов А. Мир посткапитализма // Завтра. 04.02.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/kruglij_stol_fursov?ysclid=m9tkkx3q161305128

³³ Фурсов А. XXI век выиграет тот, кто сможет создать новую науку о человеке, об обществе // Бизнес-онлайн. 04.02.2022. URL: <https://dzen.ru/a/Yfzci0QqzmymRuhG>

«Однополярный мир, как бы ни украшали этот термин, в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри»³⁴.

Учитывая именно цивилизационный характер кризиса (точнее, его «горячей» фазы, с которой столкнулось человечество в первой четверти XXI века), необходимо отметить, что **культура (в широком смысле этого слова, то есть как «культурный код» и «генотип цивилизации») приобретает в нем ключевое значение.** В 1991 г. английский философ Арнольд Джозеф Тойнби писал по этому поводу: *«Культура представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации... Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она медленно начинает впитывать элементы чуждой культуры»*³⁵.

«Именно культура как средоточие человеческого в человеке является генотипом цивилизации, потому культурные противоречия являются двигателем столкновений цивилизаций. В культуре происходит смысловое и ценностное осознание реальности, что генетически детерминирует и легитимизирует все социально-политические и экономические трансформации...

Отечественная культура, которая является носителем традиционных духовно-нравственных ценностей и генотипом российской цивилизации, стала ныне главным препятствием на пути американского гегемонизма»³⁶.

И, учитывая значимость культуры как «сущности, крови и лимфы цивилизации», совершенно справедливо современные эксперты отмечают, что **культурный суверенитет является главным, «самым важным» компонентом полного суверенитета; именно «с его отсутствия и начинается путь в никуда».**

«Что такое Полный Государственный Суверенитет? Он состоит из пяти суверенитетов:

1. Признание международным сообществом территории страны, флаг, герб и гимн.
2. Дипломатический суверенитет – возможность проводить независимую международную политику...
3. Военный суверенитет.
4. Экономический суверенитет.
5. **Культурный суверенитет. Как показала наша история, самый важный. С его отсутствия и начинается путь в никуда»**³⁷.

Таким образом, первая (глобальная) причина необходимости принятия идеологии в России заключается в том, что только она способна защитить культуру как «генотип» цивилизации в условиях «горячей» фазы цивилизационного конфликта.

«Весь ход мировой истории последних десятилетий явственно показывает значимость культуры как генотипа цивилизации в любой из существующих ее форм. Именно культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла»³⁸.

³⁴ Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

³⁵ Тойнби А. (1991). Постигание истории. М. С. 285.

³⁶ Комиссаров С.Н. (2023). Российская культура в столкновении цивилизаций: культура на грани инобытия? // Гуманитарий юга России. Т. 12. № 4 (62). С. 32.

³⁷ Стариков Н.В. Дефицит государственного суверенитета // Официальный сайт Н. Старикова. 28.07.2010. URL: <https://nstarikov.ru/defitsit-gosudarstvennogo-suverenite-6047>

³⁸ Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпунин О.И. (2022). На переломе веков: социодинамика российской культуры: [монография] / ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. С. 7.

Вторая причина заключается в том, что Российская Федерация сталкивается с цивилизационным кризисом не только на глобальном уровне (связанном со сменой формы мироустройства, с переходом от однополярного к многополярному миру и с необходимостью занятия в этом новом мире достойного места), но и на уровне национальном, связанном с начинающимся выходом из полуколониального состояния, в котором страна оказалась после распада СССР в 1991 году.

Это тоже цивилизационный кризис, и он тоже связан с угрозой существования «культурного кода», поскольку в 1991 г. Россия стала жертвой нового типа войны — войны «гибридной», «войны смыслов». Этот новый тип войны, возникший в результате появления ядерного оружия, реализуется посредством «мягкой силы» и, как отмечает Е. Балацкий, имеет своей целью **именно «разрушение культуры народа-противника».**

«Гибридная война представляет собой войну смыслов и нервов... задача войны смыслов состоит в разрушении культуры народа-противника — его традиционной картины мира, этических и эстетических координат, ценностей, веры и других элементов мировоззрения... Война гибридного типа является по своей сути информационной, ее „удары“ встраиваются в национальную экономику и культуру, нарушая их исходный формат и направление эволюции... Ее окончание, так же как и в обычной горячей войне, завершается победой одной стороны и поражением другой со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Именно это и произошло в 1991 г., когда Советский Союз в лице своего руководства признал поражение в холодной войне и был подвергнут послевоенным репарациям в новой, модифицированной форме»³⁹.

Даже сами причины распада СССР, по сути, доказывают точность трактовки культуры именно как «генотипа цивилизации», ведь феномен появления в истории страны «могильщиков Советского Союза» в лице Горбачева, Ельцина, Бурбулеса, Яковлева, Чубайса и многих других лиц, несущих личную ответственность за развал СССР, стал (как пишет Ж.Т. Тощенко) **«преступлением, у которого нет срока давности»**⁴⁰. Возникновение этих разрушительных для государственного организма «генов» произошло не случайно, **а именно в условиях изменения «генотипной среды»**, которое наблюдалось с середины 1950-х гг. и характеризовалось постепенной либерализацией правящего класса, проникновением во властвующие элиты страны ценностей западного «общества потребления».

Кроме того, как отмечают эксперты, распад СССР сопровождался **«социальной травмой»**⁴¹ российского общества и имел глубочайшие культурные последствия. Он **«разорвал поступательное развитие государства и общества», «привел к возникновению и закреплению новых травмирующих черт (характеристик) общественного сознания — дезориентация и дезорганизация... раскол, раздвоение, противоречивость, конфликтность развития»**⁴².

Здесь будет уместно вспомнить о том, что означает термин «генотип», предложенный датским биологом В. Иогансеном в 1909 г.:

«Генотип — совокупность всех наследственных факторов организма..., носитель наследственной информации, передаваемой от поколения к поколению. Он представляет собой систему, контролирующую развитие, строение и жизнедеятельность организма... Это единая система взаимодействующих генов, так что проявление каждого гена зависит от генотипической среды, в которой он находится»⁴³.

³⁹ Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 44.

⁴⁰ Тощенко Ж.Т. (2022). Бездна предательства — Александр Яковлев // Правда. № 91 (31294). 19–22 августа.

⁴¹ Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Издательство «Весь Мир». 352 с.

⁴² Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. С. 19, 37.

⁴³ Большая советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/78399/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BF>

«Корни распада СССР отыскиваются уже в 1950-х годах, то есть во времена Хрущева. Успешная командная система создает собственных могильщиков. Прежде всего, это сама номенклатура, которой просто хочется жить без страха перед диктатором. Желание резонное, однако, решая свои малые обывательские задачи, чиновничество помимо своей воли заклинавает систему управления»⁴⁴.

После распада СССР на протяжении более 30 лет «культурный код» России продолжал подвергаться агрессивному внешнему воздействию, и только специальная военная операция, объявленная Президентом РФ 24 февраля 2022 года, стала для нашей страны **«механизмом, инструментом для комплексного преобразования»**⁴⁵. По большому счету именно об этом говорит фраза В.В. Путина (которую неслучайно некоторые эксперты называли «революционной»⁴⁶) о том, что Россия **не должна «возвращаться на путь, которым она шла до 2022 года»**⁴⁷.

Напомним, что СВО начиналась как вынужденная защитная реакция России на невозможность дипломатическими методами урегулировать с Соединенными Штатами Америки вопрос о дальнейшем продвижении НАТО на Восток (на этот раз на территорию нашего ближайшего соседа — Украины), что создавало прямую угрозу национальной безопасности России⁴⁸.

Однако практически с самого начала стало очевидно, что речь в этой борьбе России за свою национальную безопасность идет не только о нейтральном статусе Украины и не только о возвращении военных сил НАТО к границам 1997 г., **а о чём-то гораздо более глубоко, выходящем далеко за пределы политических, военных или территориальных угроз национальной безопасности.**

В.В. Путин: **«Мне бы не хотелось, чтобы Россия вернулась на путь, которым она шла до 2022 года, как я уже говорил в своем выступлении.** А это был путь, который был сопряжен с такой **скрытой, завуалированной интервенцией в отношении нашей страны,** направленной на подчинение ее интересам каких-то других стран, которые еще считали, что они имеют на это право»⁴⁹.

Неслучайно в своем обращении к россиянам 24 февраля 2022 г., когда Президент РФ — Верховный главнокомандующий объявлял о начале СВО, разъясняя ее суть, причины и вынужденную необходимость, он говорил не столько об Украине, сколько об агрессивном навязывании Западом своих **«псевдоценностей»**, которые **«разъедали бы нас, наш народ изнутри,** ведя его **«к деградации и вырождению»;** об **«установках»**, которые **«противоречат самой природе**

⁴⁴ Дерлугьян Г. (2013). Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд. Института Гайдара. 176 с.

⁴⁵ Ильин В.А., Морев М.В. (2025). 25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 9—45.

⁴⁶ Попов Д. Путин признал предательство элит: началась революция сверху // МК. Ру 08.11.2024. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/08/putin-priznal-predatelstvo-elit-nachalas-revoluciya-sverkhu.html?ysclid=m4mavltb25960798>

⁴⁷ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

⁴⁸ 17 декабря 2021 г. российской стороной были официально представлены требования к США и странам НАТО по обеспечению правовых гарантий национальной безопасности, включающие в себя требования исключить дальнейшее расширение НАТО на восток и присоединение к альянсу Украины; отказаться от любой военной деятельности НАТО на Украине, в Восточной Европе, Закавказье, Центральной Азии; не создавать военные базы в постсоветских странах и т.д. (Источник: О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/).

Тем не менее 26 января 2022 г. госсекретарь США Э. Блинкен заявил о том, что «США не откажутся от принципа „открытых дверей“ в НАТО» (источник: Блинкен: США не откажутся от принципа „открытых дверей“ в НАТО // ТАСС. 26.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13535663>), а генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг отметил: «Мы не можем пойти на компромисс по принципам, на которых основана наша безопасность в течение десятков лет» (источник: НАТО и США отвергли предложения России по безопасности. Чем ответит Путин? // Бизнес-online. 27.01.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/537506>).

⁴⁹ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

человека», а также о «мощной **корневой системе** своей культуры и ценностей, опыта и традиций предков», от которой зависит «само существование целых государств и народов». Как подчеркнул В.В. Путин, «**это касается не только России... Это касается всей системы международных отношений**».

Дальнейшие публично озвученные представителями западного политического истеблишмента планы по нанесению России «**стратегического поражения**»⁵⁰, попытки не только «**победить Россию на поле боя**»⁵¹ и «**разорвать российскую экономику**»⁵², но и **отменить ее культуру, ее место в истории**, на практике доказа-

ли справедливость слов Президента о том, что «**для нашей страны — это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа**»⁵³.

«По состоянию на 1 декабря 2023 года в странах Евросоюза было снесено более 3 тыс. памятников советским воинам-освободителям. Об этом на круглом столе «Реванш националистов, или Кому в Европе мешают памятники советским воинам» заявил представитель Минобороны России Андрей Таранов»⁵⁴.

Выдержки из обращения В.В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г., раскрывающие цивилизационные основы специальной военной операции:

«То, о чём сейчас говорю, касается не только России и не только у нас вызывает озабоченность. **Это касается всей системы международных отношений**, а подчас даже и самих союзников США... складывается впечатление, что практически везде, во многих регионах мира, куда Запад приходит устанавливать свой порядок, по итогам остаются кровавые, незаживающие раны, язвы международного терроризма и экстремизма...

До последнего времени не прекращались попытки использовать нас в своих интересах, разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека...

Для США и их союзников это так называемая политика сдерживания России, очевидные геополитические дивиденды. **А для нашей страны – это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа.** И это не преувеличение – это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету...

Благополучие, само существование целых государств и народов, их успех и жизнеспособность всегда берут начало **в мощной корневой системе своей культуры и ценностей**, опыта и традиций предков и, конечно, прямо зависят от способности быстро адаптироваться к постоянно меняющейся жизни, от сплочённости общества, его готовности консолидировать, собирать воедино все силы, чтобы идти вперёд»⁵⁵.

⁵⁰ «С точки зрения США, конечной целью является **стратегическое поражение** президента России Владимира Путина», — об этом 9 марта 2022 г. заявила заместитель госсекретаря США по политическим делам В. Нуланд (источник: <https://russian.rt.com/world/news/973180-nuland-ssha-rossiya>).

⁵¹ О том, что «**эта война будет выиграна на поле боя**» 9 апреля 2022 г. заявил Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/09/17546431.shtml>

Позже (22 мая 2023 г.) председатель Евросовета Шарль Мишель заявил о том, что «**ЕС будет работать с партнерами по G7, чтобы нанести удар по каждому столпу российской экономики**» (источник: <https://www.rline.tv/news/2023-05-22-sammit-g7-v-khirosime-podtverdil-tsel-zapada-nanesti-strategicheskoe-porazhenie-rossii/>).

⁵² «Санкции против России останутся в силе, пока ее экономика не будет разорвана», — об этом заявила глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен в ежегодном отчете о работе Еврокомиссии перед депутатами Европарламента в Страсбурге 14 сентября 2022 г. (источник: Ведомости. 14.09.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/09/14/940737-glava-sanktsii-protiv-rossii-ostanutsya-v-sile>).

⁵³ Обращение В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843>

⁵⁴ Архипов Д. Минобороны раскрыло количество снесенных в Европе памятников советским воинам // Газета.Ру. 05.12.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/12/05/21855121.shtml>

⁵⁵ Обращение В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843>

И, как и много раз ранее в российской истории, угрозы национальной безопасности **столь высокого уровня**, причем исходящие именно от внешних врагов, сделали этот конфликт для нашей страны (как пишет В. Багдасарян) **«цивилизационным, ценностно-мировоззренческим»**.

Это означает, что для выхода из ценностно-мировоззренческого конфликта нашей стране **потребуется ценностно-мировоззренческие изменения**: внутри элит, внутри широких слоев населения, внутри государства и государственной политики во всех ее проявлениях (в экономике, образовании, науке, культуре и т. д.). Иначе как может быть завершен ценностно-мировоззренческий конфликт без хотя бы частичного устранения его ценностно-мировоззренческих причин?

Угрозы национальной безопасности, исходящие со стороны стран НАТО, создали для России ситуацию вынужденной необходимости активизации принятия управленческих решений по самому широкому спектру вопросов, касающихся как продолжения общего курса национального развития, так и регуляции повседневной жизни граждан (их мониторинг мы продолжаем вести фактически с самого начала СВО; вкладка 2).

Однако наряду с деятельностью, направленной на поддержку участников СВО и членов их семей, социально-экономическую поддержку широких слоев населения, повышение эффективности российской экономики, ВПК и т. д., государство отдельное внимание уделяет вопросам, связанным именно с культурой и созданием условий для воспитания подрастающих поколений.

В. Путин: «Культура напрямую влияет на решение многих вопросов социального и экономического характера и прежде всего на задачи воспитания подрастающих поколений граждан, которым предстоит определять будущее России»⁵⁶.

Багдасарян В.: «Конфликты России с внешними противниками имели ценностно-мировоззренческое измерение и могут быть определены как конфликты цивилизационные. Цивилизационными конфликтами являлись, в частности, периоды острых фаз противостояния России с Западом. На кону в этих противостояниях находилось само цивилизационное существование России, её суверенитет и базовые ценности... Признаками цивилизационных войн обладали, в частности, противостояние Руси агрессии крестоносцев на восток, Ливонская война, русско-польские войны, отражение агрессии Наполеона, Крымская война, отражение интервенции Антанты, Великая Отечественная война, холодная война. Все признаки цивилизационного конфликта имеет противостояние России и сил коллективного Запада, действующего в формате прокси-войны с фокусом театра боевых действий на Украине...»⁵⁷

Для примера приведем лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее важные решения, принятые Президентом и Правительством РФ после начала СВО, которые касаются, во-первых, непосредственно формулировки основ «культурного кода» российской цивилизации, во-вторых, создания организационных механизмов для их трансляции на будущие поколения россиян.

14 июля 2022 г. принят Федеральный закон № 261 «О российском движении детей и молодежи», в котором были зафиксированы основные цели деятельности молодежного движения, его организационная структура, возможности участия граждан, роль наставников и т. д. Как отметили авторы проекта, *«если мы ничего не будем делать, с точки зрения монументальных решений в области воспитания есть большие риски потерять большое количество людей — молодых людей, подростков, которые уйдут в экстремистские движения, которые просто уйдут в негатив»⁵⁸.*

⁵⁶ Выступление В. Путина на заседании Совета по культуре и искусству 25 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. 25.03.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76525>

⁵⁷ Вардан Багдасарян: Мы — цивилизация // Изборский клуб. 28.11.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/26366>

⁵⁸ Авторы закона о новом детском движении назвали его отличие от пионерии // РБК. 01.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/06/2022/62960b249a79473c080a122b> (мнение депутата Государственной Думы А. Метелева).

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 14 февраля по 20 апреля 2025 г.⁵⁹*МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ*

28 февраля — ФЗ № 15 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Для банков установлены штрафы за пособничество спонсорам экстремистов. Установлена административная ответственность для организаций, совершающих операции с деньгами или другим имуществом, которые препятствуют проведению надзорными органами проверок или не выполняют предписаний, вынесенных этими органами для противодействия экстремистской деятельности.

10 марта — Указ № 129 «О комиссии Государственного Совета Российской Федерации по вопросам поддержки ветеранов боевых действий — участников специальной военной операции и членов их семей». Комиссия образована в целях усиления координации деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, фонда «Защитники Отечества», иных организаций. Также в числе задач комиссии разработка мер, которые помогут ветеранам легче адаптироваться к мирной жизни и обеспечить защиту их социальных интересов. Председателем комиссии назначен губернатор Астраханской области И. Бабушкин.

10 марта — Указ № 137 «О дополнительных социальных гарантиях отдельным категориям граждан Российской Федерации». Получившим инвалидность участникам боевых действий, которые входили с 11 мая 2014 г. в состав Вооруженных сил ДНР, Народной милиции ЛНР, военных формирований и органов республик, решено предоставлять единовременные выплаты в зависимости от группы инвалидности. По I группе — 6 054 415 руб., по II группе — 5 236 250 руб., по III группе — 4 418 086 руб.

7 апреля — ФЗ № 64 «О внесении изменений в статью 128 Трудового кодекса Российской Федерации». Предоставлено право на отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до 14 календарных дней в году родителям и детям, в том числе совершеннолетним, погибших или умерших военнослужащих, добровольцев, сотрудников войск нацгвардии, сотрудников ОВД, ФПС, таможенных органов, учреждений и органов УИС, органов принудительного исполнения. Отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до 35 календарных дней в году могут получить родители, супруги и дети, в том числе совершеннолетние, раненых участников СВО для ухода за ними в соответствии с медицинским заключением.

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

28 февраля — ФЗ № 28 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно закону разрабатывать и утверждать типовые дополнительные профессиональные программы медицинского образования сможет только Минздрав. Образовательные организации должны получить заключение Росздравнадзора о наличии кадрового и материально-технического обеспечения. При реализации программ медицинского и фармацевтического образования запрещено применять электронное и дистанционное обучение, за исключением случаев, установленных ФГОСами. Дополнительное профессиональное образование будет лицензироваться по видам программ и специальностям.

28 февраля — ФЗ № 29 «О внесении изменений в статьи 19 и 20 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». В целях участия педагогических и научных работников в разработке федеральных государственных образовательных стандартов, федеральных государственных требований к программам подготовки научных и научнопедагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), федеральных основных общеобразовательных программ и примерных образовательных программ среднего профессионального образования, координации действий организаций, осуществляющих образовательную деятельность, создаются федеральные и региональные учебно-методические объединения.

⁵⁹ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который ведется с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

28 февраля — ФЗ № 31 «О внесении изменений в статью 167 Уголовного кодекса Российской Федерации». Статья 167 Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества дополняется квалифицирующим признаком совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

20 марта — ФЗ № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Закон направлен на совершенствование законодательства о местном самоуправлении с учётом положений Конституции РФ, предусматривающих вхождение органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти.

Законом предусмотрены три вида муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ и внутригородские муниципальные образования в городах федерального значения. Регионы, имеющие социально-экономические, исторические и иные особенности, могут сохранить двухуровневую систему местного самоуправления (поселения (сельские и городские) и муниципальные районы). Общая структура органов местного самоуправления остается неизменной. Для оперативного решения задач МСУ новый закон позволяет создавать территориальные органы местной администрации.

1 апреля — ФЗ № 40 «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования». Предусматривается проведение эксперимента в городах федерального значения Москва и Санкт-Петербурге и в Липецкой области. В рамках эксперимента исполнительными органами субъектов РФ устанавливается специальное правовое регулирование отношений, связанных с проведением государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего образования и приёмом на обучение по образовательным программам среднего общего и среднего профессионального образования. Исполнительные органы субъектов РФ, участвующих в эксперименте, совместно с Правительством РФ осуществляют мониторинг и оценку итогов реализации эксперимента и представляют не позднее 10 декабря 2025 г. информацию о предварительных результатах проведения эксперимента в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

2 апреля — Указ № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции». Согласно Указу на базе Главного управления по вопросам миграции МВД будет образована Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД.

7 апреля — ФЗ № 58 «О внесении изменений в Федеральный закон „О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации“». Правительство установит требования к компьютерным системам, базам данных и радиоэлектронному оборудованию, а также порядок и сроки перехода критической инфраструктуры на российское ПО. В финансовых сферах этот процесс нужно согласовать с Банком России. В каждой отрасли Правительство определит типы информационных систем, которые нужно будет отнести к значимым объектам критической информационной инфраструктуры. Компании, использующие критическую инфраструктуру, должны выполнять требования властей и вовремя заменять программы на отечественные.

7 апреля — ФЗ № 72 «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона „О противодействии экстремистской деятельности“ и Федеральный закон „О рекламе“». С 1 сентября 2025 г. запрещается распространять рекламу на информационных или международной организации, чья деятельность в России признана нежелательной. Также это касается иных информационных ресурсов, доступ к которым ограничен в соответствии с законодательством. Кроме того, рекламе нельзя будет распространять на сайтах общественных и религиозных объединений либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Законом о противодействии экстремистской деятельности или Законом о противодействии терроризму.

*МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ,
УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ*

10 марта — Указ № 141 «О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20». Дополнена Доктрина продовольственной безопасности. Установлены стратегическая цель и основные задачи обеспечения глобальной продовольственной безопасности. Основная цель — поддержание стабильности на мировых продовольственных рынках, в том числе за счет сотрудничества со странами, которые проводят конструктивную политику в отношении России. Основные задачи — развитие внутреннего производства сельхозпродукции, сырья, продовольствия и минеральных удобрений для наращивания экспортного потенциала, создание благоприятных внешних условий для поддержания и развития международных торгово-экономических, транспортно-логистических и финансовых связей на основе взаимной выгоды и равноправия, а также оказание гуманитарной помощи нуждающимся странам. К рискам и угрозам отнесены международно-противоправные деяния и недружественные действия иностранных государств, препятствующие торговле российской продукцией и развитию АПК.

20 марта — ФЗ № 39 «О внесении изменений в статью 121 Федерального закона „О государственной социальной помощи”». Федеральный закон направлен на оптимизацию межведомственного взаимодействия при установлении пенсионерам региональной социальной доплаты к пенсии. Предусматривается возможность передачи Фонду пенсионного и социального страхования Российской Федерации полномочий по установлению и выплате указанной доплаты на основании соглашений, заключённых между Фондом и высшим исполнительным органом власти субъекта Российской Федерации.

1 апреля — ФЗ № 41 «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Предусматривается создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, в целях организации взаимодействия Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Банка России, кредитных организаций, операторов связи, а также федеральных органов исполнительной власти и организаций, перечень которых утверждается Правительством РФ. В целях защиты денежных средств граждан предусматриваются мероприятия по противодействию выдаче наличных денежных средств с использованием банкоматов без добровольного согласия клиента, в том числе с установлением периода охлаждения. Предусматривается ряд мер в целях защиты граждан от мошеннических телефонных вызовов.

9 ноября 2022 года — Указ № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В документе дается определение традиционных ценностей (*«нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство»*). Перечислены традиционные ценности (*«жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»*).

25 января 2023 г. — Указ № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». В нем впервые был введен термин «культурный суверенитет» в число понятий государственной политики, где он определяется как *«совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*.

31 марта 2023 г. — Указ № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», где впервые появился текст о том, что *«более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, со-*

ставляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира».

20 ноября 2023 г. — Письмо Министерства Просвещения РФ № 08-2142 о проведении «Разговоров о важном», которое «инициировало в российских школах цикл внеурочных занятий „Разговоры о важном“». Главные темы — патриотизм и гражданское воспитание, историческое просвещение, нравственность, экология и другие социально значимые вопросы».

23 марта 2024 г. — Федеральный конституционный закон № 1 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона „О Государственном флаге Российской Федерации“», в соответствии с которым Государственный флаг Российской Федерации должен быть вывешен постоянно на зданиях образовательных организаций независимо от форм собственности или установлен постоянно на их территориях.

8 мая 2024 г. — Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». В указе определены цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации госполитики в области исторического просвещения. Под последним понимается регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний. Она направлена на формирование научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также на противодействие попыткам умаления подвига народа при защите Отечества.

11 сентября 2024 г. — Распоряжение Правительства РФ № 2501 «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.», в которой, в частности, указано, что *«государство по-прежнему остается основным стратегическим инвестором культуры и культурных институтов в Российской Федерации... это делает государство ключевым субъектом культурной политики, обязанным четко формулировать инвестиционные задачи в сочетании с ценностно ориентированным подходом»*.

28 декабря 2024 г. — Указ Президента РФ № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». В новой Стратегии проанализированы состоя-

ние и источники угроз экстремизма. Сформулированы такие понятия, как ксенофобия и русофобия. Пересмотрено содержание терминов «радикализм», «противодействие экстремизму» и «субъекты противодействия экстремизму». Отдельное внимание уделяется противодействию распространению идей радикального национализма и неонацизма в контексте проведения СВО и включения в состав страны новых регионов. Важная роль отведена участию институтов гражданского общества, образовательных организаций в противодействии экстремистским проявлениям.

К перечисленным (далеко не всем) законодательным актам в сфере культуры и воспитания подрастающих поколений следует добавить целенаправленную системную политику государства по ограничению возможностей негативного влияния иноагентов, по ужесточению миграционного законодательства; кадровую программу «Время героев» (которая также нацелена на то, чтобы элитой государства стали *«те, кто служат России, а не те, кто набили карманы в 1990-х»*⁶⁰)...

При этом немаловажную роль играют непосредственно кадровые назначения, проводимые Президентом, в результате которых на ключевые должности в системе управления приходят крепкие «государственники», такие как М. Мишустин и А. Белоусов.

Пожалуй, здесь нельзя не отметить совместное решение президентов Российской Федерации и Республики Беларусь (принятое 17 апре-

ля 2025 г.) о назначении на должность секретаря Союзного государства бывшего советника Президента РФ С.Ю. Глазьева. Некоторые эксперты назвали это событие «не просто ярким, а революционным», прежде всего потому, что С.Ю. Глазьев — «человек со своей вполне определенной политической и идеологической позицией», а именно — *«последовательный критик вульгарно-либеральной доктрины рыночного фундаментализма»*⁶¹, *«настоящее пугало системных либералов и самый идеологизированный сотрудник Администрации Президента всех времён»*⁶².

«Назначение Глазьева на пост – решение не просто яркое, а революционное, ведь это не просто чиновник, который после назначения будет исполнять некие указания. Это человек, известный своей четкой позицией, последовательный сторонник интеграции и на постсоветском пространстве, и в рамках белорусско-российского союза, человек с вполне определенной политической позицией, и экономист-профессионал, который, по всей видимости, будет пытаться продвигать некую свою повестку. В данном случае это революционное назначение, потому что впервые на позиции госсекретаря Союзного государства такой яркий человек с определенным идеологическим и политическим лицом»⁶³.

⁶⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁶¹ Академику Глазьеву Сергею Юрьевичу – 60 лет! // Сайт РАН. 01.01.2021. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=69bee026-94c1-4d33-a0fa-900a57f72c4b>

С.Ю. Глазьев — автор более 200 научных работ (в т. ч. более 20 монографий). Среди них такие статьи, как:

✓ **«Восстановление империи — спасение для России»** (Изборский клуб. 20.09.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/26125?ysclid=m9sfzvql219787497>);

✓ **«Преступление без срока давности»** (Официальный сайт С.Ю. Глазьева. 04.10.2023. URL: <https://glazev.ru/prestuplenie-bez-sroka-davnosti/?ysclid=m9sfx4pmuj327756237>);

✓ **«Экономика русской победы»** (Завтра. 17.03.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/ekonomika_russkoj_pobedi);

✓ **«Центробанк обрекает экономику России на дальнейшее отставание»** (Аргументы недели. 27.12.2021. URL: <https://argumenti.ru/economics/2021/12/752908?ysclid=m9sfzqluwe319341960>);

✓ **«Идеология или смерть!»** (Завтра. 20.08.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/ideologiya_-_razmishleniya) и др.

⁶² Иванов А. Должность госсекретаря Союзного государства России и Белоруссии займёт Сергей Глазьев // Завтра. 18.04.2025. URL: https://zavtra.ru/events/dolzhnost_gossekreteryay_soyuznogo_gosudarstva_rossii_i_beloruccii_zajmet_serгей_glaz_ev

⁶³ Назначение Сергея Глазьева — это революция в интеграции // Sputnik Беларусь. 17.04.2025. URL: <https://sputnik.by/20250417/shimov-lusch-naznachenie-sergeya-glazeva--eto-revolutsiya-v-integratsii-1095499797.html> (старший научный сотрудник Института Европы РАН, кандидат политических наук Всеволод Шимов).

«У Глазьева рано сформировался имидж патриота-государственника, твердого и принципиального, не торгующего своими убеждениями. Это повелось с сентября 1993 года, когда он единственный из министров черномырдинского правительства выступил против указа Ельцина о роспуске парламента и подал в отставку в знак протеста...

Сергей Глазьев – лояльный член путинской команды, не из ближнего круга, не из старых знакомых, но единомышленник, человек много раз проверенный»⁶⁴.

Таким образом, сталкиваясь с необходимостью освобождения от полуколониальной зависимости от западных либеральных догм именно в культурном плане, решая задачу укрепления национального культурного суверенитета, Президент и другие органы власти реализуют меры, которые носят разноплановый и системный характер. По сути, государство пытается создать условия для изменения той самой «генотипной среды», которая когда-то породила «Чубайсов» и «Горбачевых», принявших непосредственное участие в развале СССР. Потому что только при условии изменения «генотипной среды» можно рассчитывать на то, что в государственном «организме» появятся новые «гены» (например, из кадровой программы «Время героев»), способные вернуть Россию к ее исходному «культурному коду»; очистить ее генотип от 30-летнего воздействия чуждой, по сути, ей культуры.

Однако, как отмечали эксперты еще до начала СВО, *«противостоять враждебной идеологии можно только с помощью альтернативной идеологии. С идеями результативно можно бороться только контридеями»*⁶⁵. Тем не менее, до

сих пор, по словам Советника Президента РФ, председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В. Фадеева, «конструкторы современной российской идеологии» сталкиваются с **«не-разрешимой проблемой»**: «они легко объясняют, против кого и чего нужно бороться», **но не могут «сформулировать ясную, четкую, идеальную или хотя бы желаемую для большинства населения картину будущего»**.

«В этом и заключается пока неразрешимая проблема конструкторов новой государственной идеологии России. Они, опираясь на довольно широкий общественный консенсус, легко объясняют, против кого и чего нужно выступать. Это могут быть русофобия, «непатриотичные» исторические оценки, пропаганда нетрадиционных ценностей или неуважительное отношение к религии. Медиаресурсы, культурные и научные центры широко могут маркироваться как „прозападные“, „антипатриотические“, идеологически вредные. Но сформулировать ясную, сплавляющую большинство общества позитивную программу, изложить четкую и всеобъемлющую систему взглядов, предложить картину идеального или хотя бы желаемого будущего им довольно затруднительно. Возможно даже, что пока не очень-то и нужно.

Такой сугубо оборонительный, реактивный подход ведет к тому, что главным инструментом идеологической политики является цензура, защита умов от „опасных“ веяний. Угроз конституционному положению о запрете госидеологии такая ситуация, похоже, действительно пока не представляет – поскольку нет самой госидеологии»⁶⁶.

⁶⁴ Зачем Сергею Глазьеву дали второй шанс на посту госсекретаря Союзного государства // Блокнот. 21.04.2025. URL: <https://dzen.ru/a/aAZC8JmDBXmr3gE>

⁶⁵ Можно ли победить насилие, экстремизм и сепаратизм без идеологии? // Царьград 30.03.2020. URL: https://tsargrad.tv/articles/mozhno-li-pobedit-nasilie-jekstremizm-i-separatizm-bez-ideologii_245164

⁶⁶ Государственной идеологии еще нет, идеологическая цензура уже есть // Независимая газета 08.06.2023. URL: https://www.ng.ru/editorial/2023-06-08/2_8745_red.html

Зюганов Г. (председатель ЦК КПРФ): «Правящий класс не видит себя вне мировой системы капитализма. Значительную его часть устраивает роль России как периферийной „державы“. Их позиция откровенно порочна: снабжать „первый мир“ сырьём и ввозить готовую продукцию, в том числе высокотехнологическую... Правящий класс всегда подчиняет национальные интересы своей выгоде. Российской олигархии хочется, чтобы Запад учитывал её интересы. В условиях капитализма это означает стремление защитить свою сферу влияния и иметь в ней привилегии. Смена экономической модели ей не нужна. Менять внутреннюю либерально-рыночную политику буржуазия тоже не готова. Её суть – в обогащении олигархов за счёт эксплуатации рабочей силы и природных ресурсов страны...»⁶⁷

Марков С.А. (политолог, гендиректор Института политических исследований): «Нужна ли России новая идеология? Она нужна, но... наша элита не способна создать идеологию, поскольку одной из ее характеристик является цинизм. Цинизм противоречит идеологии, потому что идеология – система ценностей. То есть люди, которые тратят огромные деньги на потребительское поведение, ненавидят любую идеологию, поскольку она ограничивает их стиль поведения»⁶⁸.

Дугин А. (философ, публицист): «Совершенно очевидно, что нам нужны очень серьезные перемены. И тут дело не в курсе, а в скорости и в пассионарности. В честности и искренности. Курс правильный, и все с ним согласны. Но наша элита откровенно не тянет. Даже действуя в правильном направлении, следуя за Президентом, она плетется еле-еле, не забывая по ходу о себе и сохраняя надежду на то, что все вернется как было... Необходима ротация элит. Кадры, плетущиеся еще с 90-х, даже при всей лояльности, просто проф-непригодны. Президент начал призывать новую элиту, но тут точечные шаги ничего не дадут, стихия их поглотит. Назрело нечто более радикальное»⁶⁹.

Возможно, поэтому пока так и остается нерешенной, пожалуй, главная внутренняя проблема современного российского общества и государства — **неспособность и нежелание значительной части правящих элит соответствовать требованиям времени, задачам национальной безопасности и национального развития.**

Такие «черные лебеди» (то есть «события, которые изначально кажутся редкими, труднопрогнозируемыми, но постфактум часто оказываются вполне логичными, исходя из сложившейся ситуации»⁷⁰), как попытка вооруженного переворота, осуществленная руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным 24 июня 2023 г., коррупция в Министерстве обороны (вскрыва-

шаяся после задержания Т. Иванова 23 апреля 2024 г.), курская «аномалия» в виде деятельности «Корпорации развития» (о которой стало известно после задержаний, начавшихся в декабре 2024 г.) — всё это лишь частные проявления данной проблемы, однако каждое из них влечет за собой далеко не «частные» последствия, а последствия таких масштабов, переоценить которые практически невозможно: речь идет о потерянных человеческих жизнях и о существовании российского государства.

Решение задачи преодоления коррупции во власти, которая является вполне закономерным следствием мировоззрения и системы ценностей, сформировавшихся в правящих

⁶⁷ Доклад Г. Зюганова «О работе отделений КПРФ по социальной защите трудящихся в условиях специальной военной операции и системного кризиса капитализма» на пленуме Центрального Комитета партии 12 апреля 2025 г. // Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/233519.html>

⁶⁸ «Наша элита не способна создать идеологию, поскольку одной из ее характеристик является цинизм» // Круглый стол «Бизнес Online» — прогнозы на 2025-й: СВО, экономика и выборы. 09.01.2025. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/659313>

⁶⁹ Дугин А. России необходима радикальная ротация элит // Discred.ru. 22.02.2025. URL: <https://www.discred.ru/2025/02/22/aleksandr-dugin-rossii-neobhodima-radikalnaya-rotatsiya-elit/>

⁷⁰ Зуйкова А. «Черный лебедь» — что это и как к нему подготовиться // РБК. 18.12.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/60be57219a794724c40c369a>

элитах за тот период, пока она подвергалась агрессивному воздействию западной идеологии либерализма и «общества потребления», безусловно, имеет прямую связь с успешностью достижения Россией целей специальной военной операции и выгодного для нее выхода в целом из цивилизационного кризиса. «Выгодного» — то есть гарантирующего ей возможность безопасного суверенного развития в новых условиях многополярного мира на стратегическую перспективу.

В.В. Путин: «Нам нужно не перемирие, нам нужен мир – долгосрочный, прочный, обеспеченный гарантиями для Российской Федерации и ее граждан»⁷¹.

Однако без идеологии; без четкого представления об образе будущего России, причем

«Всем известны слова „воспитание не терпит пустоты“, оно обязательно будет заполнено, только вопрос кем? и чем?»⁷²

не просто культивируемого государством, а разделяемого большинством всех слоев российского общества, эта задача крайне труднореализуема, поскольку один из главных уроков, который нам преподала эпоха «либерального тумана», заключается в том, что **государства без идеологии не бывает; если у государства нет своей идеологии, то её место обязательно займет кто-то другой.**

Особенно если учесть тот факт, что в XXI веке «управленческие войны» и «мягкая сила» с их нацеленностью на «разрушение культуры народа-противника» стали обыденной реальностью, новым типом войны, пришедшим на смену «горячим» боевым действиям.

«Сегодня, в условиях жесточайшей гибридной войны не только в военной, но, самое главное, в экономической и социальной сферах, объявленной США и коллективным Западом против России, **страна объективно, хотим мы этого или нет, стоит на развилке выбора дальнейшего направления политико-экономического движения.**

Либо Россия и дальше продолжит курс на основе экономической либерализации, рыночного фундаментализма, внешнего управления финансами – **а это прямой путь к катастрофе и даже с возможным последующим распадом Российской Федерации,** чего и добивается коллективный Запад.

Либо, исходя из теории развития общественно-экономических формаций, практики СССР и нынешних социалистически ориентированных стран, развиваться дальше по обновленному социалистическому пути, опираясь на позитивный социалистический опыт СССР, Китая, Вьетнама, Кубы и Индии. Исходя из мирового опыта, наиболее приемлемой для Российской Федерации могла бы быть **модель социально-экономического социалистического развития, опирающаяся на государственный планово-рыночный механизм.** Планово-рыночный на государственной основе!

России нужна государственная общенациональная идеология обновленного социализма, закреплённая в Конституции РФ, на основе которой у граждан, особенно молодежи, формируются подлинная государственность, интернационализм, любовь к Родине и гордость за её прошлое, патриотизм, а не желание уехать из неё, идеология, которая должна способствовать отторжению ущербной идеологии Запада, включая неонацизм, идеологию либеральной пятой колонны, развращающей сознание и души молодежи.

⁷¹ «Прямая линия» с В. Путиным 19 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>

⁷² Киреев М., Коренева Е., Киреева Н. (2024). Культурный код России и его эволюция // Наука, искусство, культура. № 3 (43). С. 22–35.

...политическому руководству России следует, наконец, понять, что даже если мы достигнем решающих успехов на военном поле СВО, даже если в результате переговорного процесса будет найден компромисс, экономическая война, объявленная США и коллективным Западом против России, к сожалению, как об этом упорно говорят иностранные эксперты и специалисты, будет продолжена и усилена, будет весьма и весьма жесткой. Без социалистической идеологии у России нет будущего, нет шансов противостоять мощному экономическому потенциалу Запада, сохраняя старую модель олигархического капитализма, который генерирует колоссальное социальное неравенство и раскол общества»⁷³.

Если следовать предлагаемой некоторыми экспертами логике, заключающейся в том, что цивилизационное противостояние между однополярным и многополярным миром в XXI веке является продолжением противостояния либерализма и социализма XX века, то итог развития России **без идеологии, но с пониманием необходимости укрепления национального суверенитета**, следующий —

при ответе на вопрос «В каком обществе Вы хотели бы жить?»: 1) представители всех основных социально-демографических групп населения существенно (почти в 2 раза) чаще говорят о том, что **социалистическое общество лучше капиталистического** (в целом по опросу 34 против 19%; *таблица*);

2) однако наиболее распространенные ответы — «в каком-то другом» и «затрудняюсь ответить» (46%).

Распределение ответов на вопрос «В каком обществе Вы хотели бы жить?», %

Показатель	В социалистическом	В капиталистическом	В каком-то другом; затрудняюсь ответить
Пол			
Мужской	34,4	19,5	46,1
Женский	34,2	19,2	46,6
Возраст			
до 30 лет	29,2	17,7	53,1
30–55 лет	33,8	18,9	47,4
старше 55 лет	36,7	20,5	42,8
Образование			
Среднее и н/среднее	33,1	20,1	46,8
Среднее специальное	34,8	17,4	47,9
Высшее и н/высшее	34,9	20,8	44,2
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	33,0	18,7	48,3
60% среднеобеспеченных	34,9	19,0	46,1
20% наиболее обеспеченных	38,5	22,0	39,6
Территории			
Вологда	34,1	17,4	48,6
Череповец	40,2	22,7	37,1
Районы	31,0	18,5	50,4
Область	34,3	19,3	46,4

Источник: данные опроса, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН (за декабрь 2024 г.).

⁷³ Воронин Ю. Без социалистической идеологии у России нет будущего // Аргументы недели. 13.03.2025. URL: <https://argumenti.ru/opinion/2025/03/942344> (Ю. Воронин — д.э.н., проф., зам. Председателя Совета министров Татарской АССР, Председатель Госплана ТАССР; Первый заместитель Председателя Верховного Совета РФ; депутат Государственной Думы (второго созыва); аудитор Счетной палаты РФ).

«Противостояние капитализма и социализма, которое было **главным идеологическим противоречием в XX столетии**, можно рассматривать как **первый этап противостояния западной цивилизации и ряда незападных цивилизационных полюсов...** Поэтому цивилизационное противостояние сторонников однополярного мира и сторонников многополярного мира в определенном смысле есть **продолжение противостояния капитализм – социализм**»⁷⁴.

«Мы что-то делаем – явно, но совершенно понятно, что мы ещё не определились, что мы делаем... Мы ведь, по-моему, не имеем мастер-плана... учёные-экономисты, к сожалению, в большинстве своём – я их знаю, я сам бывший экономист, хотя бывших, конечно, не бывает, – застряли в старой модели... мы какую модель вообще строим – мы знаем? Я бы назвал идеальной моделью для России авторитарный социальный капитализм, чтобы всё было понятно, куда мы идём. Потому что мы идём якобы правильным путём, якобы раньше шли либеральным – не понимаю...»⁷⁷

Причем необходимо отметить, что этот опрос⁷⁵ был проведен не в столице, а в одном из наиболее традиционных русских регионов – Вологодской области⁷⁶.

Пожалуй, эти достаточно противоречивые данные, полученные нами в декабре 2024 г., наиболее точно отражают текущее состояние общества и вопрос, который уже не раз звучал в адрес Президента РФ, в том числе от С. Караганова, напрямую спросившего у В. Путина: **«Мы какую модель вообще строим – мы знаем?»**

В заключение отметим, что исход «горячей» фазы «противостояния цивилизаций», которую мы наблюдаем в последние годы и которая становится чуть ближе вместе с началом переговорных процессов между Россией и США⁷⁸, как справедливо отмечают эксперты, будет зависеть **«не только от баланса сил и интересов на мировой арене, но и от внутренней устойчивости важней-**

⁷⁴ Волконский В.А. (2023). Логика противостояния цивилизационных полюсов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 41.

⁷⁵ Социологическое исследование проведено Вологодским научным центром РАН в ноябре – декабре 2024 г. в рамках мониторинга общественного мнения. Параметры мониторинга: опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

⁷⁶ По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность русского населения в Вологодской области составляет 975 683 чел. (85,38% от общей численности населения).

⁷⁷ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. (цитата С. Караганова) // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

⁷⁸ 12 февраля 2025 г. состоялся телефонный разговор между Президентом Российской Федерации В. Путиным и Президентом США Д. Трампом. По его итогам главы государств договорились о продолжении контактов.

18 февраля в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) была проведена первая (с начала СВО) встреча представителей России и США по вопросам восстановления двусторонних дипломатических отношений. Делегацию из России представляли глава МИД С. Лавров, помощник президента Ю. Ушаков и глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев.

24 марта прошли вторые переговоры. Основной темой стала черноморская зерновая инициатива. Россию представляли: глава комитета Совета Федерации по международным делам Г. Карасин и советник директора ФСБ С. Беседа.

2–3 апреля (впервые со времен начала конфликта) США с визитом посетил спецпредставитель президента России по инвестиционно-экономическому сотрудничеству с зарубежными странами, глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев. В интервью он отметил, что Россия и США сделали «три шага вперед по большому количеству вопросов», в частности начали «активную работу над восстановлением прямого авиасообщения» (источник: РБК. 04.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67eef5039a79473cb4cd8c1f?from=article_body).

10 апреля в Стамбуле на очередном раунде переговоров обсуждался вопрос о возврате изъятых дипломатической собственности и возобновлении прямого авиасообщения. Российскую Федерацию представлял посол России в США А. Дарчиев, Вашингтон – заместитель помощника госсекретаря по делам Европы и Евразии С. Коултер.

ших государств»⁷⁹. Конечно, речь идет об устойчивости и политической, и экономической, и военной... Но, учитывая цивилизационный характер кризиса, который переживает Россия и весь мир; а также тот факт, что в 2022 г. наша страна столкнулась с этим кризисом **сразу на двух уровнях** — не только на внешнем (связанном с объективным процессом формирования многополярного мира и необходимостью поиска своего места в нем), но и на внутреннем (связанном с попытками Запада отменить русскую культуру, язык и место в истории, а также с попыткой самой России переосмыслить эпоху предыдущего 30-летия и вернуться к истокам своего собственного «культурного кода»), **это, прежде всего, вопрос, касающийся цивилизационного самоопределения и достижения именно культурного суверенитета.**

«В ближайшие десятилетия мы увидим новый этап, когда одни общества, лишенные пассионарности, будут погибать, другие сформируют коллективные и индивидуальные формы ответственности...

Россия одной из первых ступила в этот поиск себя в будущем... В отличие от всех остальных мы не ограничены ресурсами, технологиями и пассионарностью. Грядущая Победа в войне с Западом и происходящие процессы психохисторического, ментального очищения создают благоприятные условия для эволюционного, общественного прорыва. Большая победа в прошлом, большой проект в настоящем и большая цель в будущем»⁸⁰.

Как отмечают эксперты, *«страна, забывшая своё прошлое и отказавшаяся от традиций, рано или поздно сгинет, исчезнет, пропадёт»⁸¹*, а *«культурный суверенитет является краеугольным камнем любой государственности, находящимся на переднем крае идеологического и информационно-психологического противоборства, глобальной конкурентной борьбы»⁸²*.

Системный характер коррупции, поразившей значительную часть правящих элит, является следствием деформации «культурного кода» российской цивилизации, которая, в свою очередь, стала следствием «скрытой, завуалированной интервенции в отношении нашей страны», наблюдавшейся на протяжении десятилетий до начала специальной военной операции.

И, как показывает реальная практика, даже при всей активности принимаемых органами власти решений, нацеленных на исправление «культурного кода», без идеологии они по-прежнему остаются во многом разрозненными, несистемными, реагирующими по факту, а не на опережение.

При этом вопрос времени имеет принципиально важное значение (о чем, собственно, напоминает нам долго «вызревающее», но все-таки принятое в Республике Беларусь решение о Директиве № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», к которому страна «шла более 20 лет»⁸³). Как говорят эксперты, *«мир вступает в новую эпоху. Опасную и непредсказуемую. Пережить ее без потерь и, тем более, занять в будущем выгодную позицию смогут только те страны и политики, которые продемонстрируют силу стратегического мышления, силу принципов, силу воли...»⁸⁴*

⁷⁹ Евстафьев Д. «Новая Ялта» Владимира Путина: стратегическая перспектива для Евразии. URL: <https://eurasia.expert/novaya-ylta-vladimira-putina-strategicheskaya-perspektiva-dlya-evrazii/>

⁸⁰ Школьников А. Третий демографический переход // Завтра. 10.04.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/tretij-demograficheskij_perehod

⁸¹ Хэндус Г. Культурный суверенитет России // Русская народная линия. 02.05.2023. URL: https://ruskline.ru/analitika/2023/05/02/kulturnyi_suverenitet_rossii

⁸² Дзятковская Е.Н. (2022). Культурный суверенитет страны: роль экологической культуры // Вестник международной академии наук (русская секция). Спец. выпуск 1. С. 8.

⁸³ «Это автопортрет общества»: аналитик БИСИ о Директиве № 12 и роли идеологии в жизни государства // БЕЛТА — Новости Беларуси. 10.04.2025. URL: <https://belta.by/society/view/eto-avtoportret-obschestva-analitik-bisi-o-direktive-12-i-rol-i-ideologii-v-zhizni-gosudarstva-708206-2025/>

⁸⁴ Чеснаков А. (руководитель Научного совета Центра политической конъюнктуры). Время сильных // Актуальные комментарии. 10.04.2025. URL: <https://actualcomment.ru/vremya-silnykh-2504101152.html>

В.В. Путин, выступая 21 февраля 2025 г. на Пленарном заседании Форума будущих технологий, отметил: «**Чтобы быть успешными, нужно играть на опережение**»⁸⁵. Пожалуй, это можно отнести не только к развитию технологий, но и к любым другим направлениям государственной деятельности по решению ключевых задач национального развития:

- ✓ к разработке идеологических основ российского общества,
- ✓ к преодолению коррупции на всех уровнях системы государственного управления (федеральном, региональном, муниципальном),
- ✓ к смене элит, препятствующих дальнейшему развитию России в сторону укрепления национального суверенитета.

Литература

- Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 42–59.
- Волконский В.А. (2023). Логика противостояния цивилизационных полюсов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 35–54.
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. (2022). На переломе веков: социодинамика российской культуры: [монография] / ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН.
- Дерлугьян Г. (2013). Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд. Института Гайдара. 176 с.
- Дзятковская Е.Н. (2022). Культурный суверенитет страны: роль экологической культуры // Вестник международной академии наук (русская секция). Спец. выпуск 1. С. 7–10.
- Киреев М., Коренева Е., Киреева Н. (2024). Культурный код России и его эволюция // Наука, искусство, культура. № 3 (43). С. 22–35.
- Комиссаров С.Н. (2023). Российская культура в столкновении цивилизаций: культура на грани инобытия? // Гуманитарий Юга России. Т. 12. № 4 (62). С. 32–54.
- Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
- Тойнби А. (1991). Постигание истории. Москва.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Издательство «Весь Мир». 352 с.
- Dunning T.J. (1860). *Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention*. London.
- Huntington S.P. (1993). The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

⁸⁵ Выступление В. Путина на пленарном заседании Форума будущих технологий 21 февраля 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. 21.02.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76304>

Ilyin V.A., Morev M.V.

What the 30-Year Absence of a State Ideology Leads to: “The Enemy Is Not Only on the Other Side of the Frontline”

Abstract. The paper analyzes the problem of the lack of a state ideology in Russia. The increasingly urgent need for state ideology is indicated by the regular appearance of “black swans” such as the attempted armed coup carried out by E. Prigozhin, head of the private military company Wagner Group (June 24, 2023), the arrest of Deputy Defense Minister T. Ivanov (April 23, 2024), the detention of ex-governor of the Kursk Region A. Smirnov (April 15 2025), etc. Such events in the country’s life pose a real threat to national security, especially in the context of the special military operation and the ongoing “acute” phase of the civilizational conflict between Russia and NATO countries. Their consequences are difficult to overestimate, since human lives and the threat to the existence of Russian statehood are behind them. Our view (based on expert opinions, facts, analysis of the legislative activities of government bodies, public opinion polls) proceeds from the fact that the reason for the appearance of such “black swans” has deep socio-cultural and moral grounds: corruption at all levels of government, inability and unwillingness of the ruling elites to meet the agenda of the future dictated by SMO goals; they are a consequence of the deformation of the “cultural code” of the Russian civilization, which occurred as a result of almost 35 years of influence of the Western culture of the “consumer society” on the consciousness of Russian society. This is especially true with regard to the country’s ruling elites – in relation to them, we should talk about the almost 70-year period (since the time of the Khrushchev Thaw) of the penetration and dominance of Western values, which are based on the achievement of personal material gain. The experience of the Republic of Belarus, where Directive 12 “On the implementation of the foundations of the ideology of the Belarusian State” was adopted on April 9, 2025, also indicates that in the current extremely difficult geopolitical conditions, the need for a state ideology has objectively matured. At the same time, despite the active policy of the state to combat corrupt officials in the management system, to create educational conditions for the prevention of this problem in the long term, for future generations of Russians, it has not yet been possible to solve it. Many experts point out that this cannot be done without an appropriate “ideology of rejection of corruption”, both among civil servants and in society as a whole. Our contribution consists in analyzing the socio-cultural and historical foundations of the current state of the problem of corruption in power and, more broadly, considering it as one of the many manifestations of the value orientations of a significant part of the ruling elites formed under the dominance of the Western ideology of the “consumer society”.

Key words: ideology, culture, “cultural code”, civilizational conflict, ruling elites, corruption.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах

**Виктор Александрович
ВОЛКОНСКИЙ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: volk-econom@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена задаче структурирования истории «во времени и пространстве», т. е. построения ее схематической картины (или модели) в виде небольшого числа крупных обществ, различающихся своеобразными типами культуры и закономерностей развития (структурирование «в пространстве»), развитие которых проходит долгосрочные периоды, различающиеся по их смысловому содержанию (структурирование во времени). Долгое время функции такой модели выполняли категории общественно-исторических формаций и цивилизаций. В последние десятилетия категории формаций становятся все менее пригодны для отражения быстро трансформирующихся исторических процессов, что показано в статье. Предлагается использовать для задачи структурирования введенный в историческую науку Львом Гумилевым социально-психологический тип пассионариев, а также ввести альтернативный тип консерваторов. Л. Гумилев и другие исследователи использовали психологический тип пассионариев как фактор в процессах этногенеза. В статье демонстрируется возможность эффективного применения категорий пассионарии и консерваторы в качестве факторов политико-идеологических, экономических и других перемен в общественном устройстве и для структурирования гораздо более коротких периодов развития общества. В статье рассматривается социально-психологический феномен отношения общества к прошлому и будущему — его роль в активизации общественной жизнедеятельности и в формировании различий духовно-идеологической основы цивилизаций Запада и России в разные исторические периоды. Показана его связь с эпохами доминирования пассионариев и консерваторов.

Для цитирования: Волконский В.А. (2025). Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 39–56. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.2

For citation: Volkonsky V.A. (2025). The epochs of passionaries and conservatives and the image of the future in historical processes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 39–56. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.2

Ключевые слова: социально-психологические типы пассионариев и консерваторов, эпохи пассионариев, эпохи консерваторов, перемены в общественном устройстве, общественно-экономические формации, образ будущего, образ прошлого.

Введение. Проблема активизации общественной жизни

Для общественных наук необходимо структурирование истории человечества «во времени и пространстве», т.е. построение ее общей схематической картины в виде небольшого числа крупных сообществ, различающихся своеобразными типами культуры и закономерностей развития (структурирование «в пространстве»), которое проходит своеобразные долгосрочные периоды, различающиеся по их смысловому содержанию (структурирование во времени). Первым шагом в создании научной картины подобного рода была разработка категорий общественно-экономических формаций в теории марксизма. В отношении структурирования «в пространстве» разделением человечества на своеобразные сообщества стала теория цивилизаций Данилевского и Тойнби.

В исторической науке предлагались другие признаки и модели структурирования «во времени и пространстве», но картина (или схема) истории, построенная на основе категорий формаций и цивилизаций, долгое время оставалась наиболее удобной и общепризнанной. Однако в последние десятилетия (или в последнее столетие) категория формаций становится все менее пригодной для отражения исторических процессов: это связано с тем, что экономические факторы и проблемы перестают занимать неоспоримые первые места в общей системе факторов исторического развития. В настоящей статье показаны признаки ухудшения адекватности категории формаций. Необходим поиск новых принципов структурирования истории. В статье демонстрируются возможности использования для этого категории социально-психологического типа пассионариев, а также феномена отношения общества к образам Будущего и Прошлого.

Чтобы продемонстрировать значимость предлагаемого подхода, начнем с представления конкретной проблемы. Сейчас весь пишущий мир направляет внимание на признаки начала глобального кризиса, который представляется неизбежным и всесторонним. Ожидаемый

экономический кризис — далеко не главная его часть. Геополитическое противостояние сторонников однополярного и многополярного мира (ОПМ — МПМ) создает угрозу глобального переворота и разрушения сложившегося мирового порядка, сейчас его можно назвать основным противоречием, определяющим движение истории. Страны делятся на две группы: страны западной цивилизации, где властный центр «заряжен» установкой на распространение своего устройства общества и своего положения гегемона на всю планету (глобалисты), и страны, готовые сопротивляться этому давлению, формирующие многополярный мир. Но, возможно, еще важнее, что это геополитическое противостояние разворачивается в условиях угасания духовных энергий великих сообществ, обозначаемых как цивилизации.

В России серьезной частью этого кризиса сейчас является дефицит кадров, конкретнее, дефицит квалифицированных работников для промышленности. Молодежь не хочет идти работать на завод ни в должности рабочего, ни в должности инженера, предпочитая (даже с более низкой зарплатой) сферу услуг. Работа на заводе признается исключительно на «конторско-интеллигентских» должностях. Можно предположить, что в сфере услуг и административно-управленческой деятельности легче, чем в промышленности, повысить свой социальный статус (одновременно и уровень дохода).

Т. Воеводина анализирует мотивы такого поведения¹. Главная причина — неприятие работы, связанной с ответственностью и дисциплиной, с ежедневным присутствием на предприятии и регламентированным рабочим днем. Человек хочет «принадлежать себе». Имеют значение комфортные условия труда. Ценится работа в окружении «трех К»: кофе, кондиционер, клавиатура. На предприятиях сферы услуг собственно производительным трудом работников занята очень малая доля времени.

¹ Воеводина Т. (2024). Школа мастеров. Как сформировать в России новый промышленный класс // Завтра. № 31.

Ни руководителей предприятий, ни самих работников это не беспокоит. Свидетельства и аналитиков, и журналистов, например яркая статья Сергея Ануреева «Чистка «белых воротничков»², показывают, что руководители не пользуются возможностями сократить число избыточных «белых воротничков», «перекладывающих бумажки», и у них самих стремления к повышению статуса в настоящее время, как правило, не наблюдается.

Недостаток активности граждан и стимулов, пробуждающих и поднимающих энергию общества, — одна из важнейших российских проблем. По моему мнению, при ее решении (как и при решении большинства других проблем, связанных с историческими процессами) не обойтись без использования подходов социальной психологии. Такие подходы разрабатывались еще К.Г. Юнгом, З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими великими психологами, а также философами и историками начиная с О. Шпенглера, Льва Гумилева и др. (Волконский, 2002). Их труды дают систему понятий, позволяющих приступить к построению новой теоретической картины исторического развития во времени и в пространстве, новой классификации периодов и цивилизационных различий. Цель настоящей статьи — показать значение этого направления исследований во взаимосвязи с новейшими историческими процессами.

Пассионарии и Консерваторы

В начале XX века, как и в настоящий момент, Европа и Россия переживали преддверие кризиса. Его правильнее назвать глобальной катастрофой — две мировые войны, Великая Депрессия. (Будем надеяться, что ожидаемый сейчас кризис не станет такой катастрофой). Чем отличается нынешнее преддверие кризиса от начала XX столетия? Это прежде всего социально-психологическое и духовное отличие. Нынешний глобальный кризис не только ожидается, он уже наступил в некоторых сферах жизни человека, в частности — в духовно-смысловой (Кьеца, 2019). Культурологи констатируют «идеологический вакуум». Значение идеологических и культурно-психологических факторов часто недооценивается представи-

телями наук об обществе. Наука требует опираться на четко очерченные и верифицируемые факты и процессы. Указанные факторы этим требованиям обычно не соответствуют. В настоящее время одна из актуальных проблем как в России, так и в западных странах — необходимость повышения темпов экономического роста. Варианты прогнозов обычно разрабатываются на основе моделей (по существу, бихевиористских), опирающихся на жесткие зависимости объемов производства множества частных и государственных экономических организаций от финансовых и ресурсных параметров, стимулирующих их активность. Такие модели при одинаковых ресурсных ограничениях дадут резко различающиеся результаты, будучи применены в эпоху подъема или в эпоху духовного упадка и рецессии. В эпоху подъема будет гораздо большее число желающих создать свой бизнес, стать предпринимателем или найти новое место работы — более высокооплачиваемое, с возможностями карьерного роста.

В картинах мира, лежащих в основе прогнозов, не хватает показателя, характеризующего общий уровень активности общества. В настоящей статье предлагается при изучении подобных вопросов считать необходимым учитывать психологическое состояние общества, предлагается регулярно использовать понятия, содержание которых относится к психологии, точнее к социальной психологии. А именно введенное Л. Гумилевым понятие пассионариев, людей пассионарного психологического типа. Это люди, обладающие очень большой энергией и направляющие ее на великие дела, как правило, на преобразование общества, готовые рисковать во имя великой цели собственной жизнью и жизнью своего сообщества. Главными стимулами деятельности пассионарной личности, как правило, служат «надличностные» ценности и смыслы, т. е. не индивидуальные, личные интересы, а духовно-идеологические сущности или смысловые установки, связанные с жизнью сообщества, с которым она себя идентифицирует (Волконский, 2002).

Иллюстрацией социально-психологического типа пассионариев могут служить движения неконформизма в период перестройки в СССР и в 90-е годы, возникновение многочисленных рок-групп социальной направленности («Гражданская оборона», «Инструкция по вы-

² Ануреев С. (2024). Чистка «белых воротничков». Простые методы повышения производительности труда // Завтра. № 31.

живанию» и многие другие). Воспоминания об этом времени Олега Судакова³ — это, по существу, документальный фильм о пассионариях, получивших возможность осуществлять свои мечты о свободе: «19 декабря 1993 года большой концерт в ДК Горького... У здания Дома культуры собралось около трех тысяч человек. Директор ДК, посмотрев на пришедшую целую ораву слушателей, отказался впускать их внутрь. Люди протестовали, выкрикивали политические лозунги, потом начались беспорядки: в здании крушили стекла, в приехавший на разгон ОМОН полетели бутылки, булыжники, льдины... В итоге у нас возникло желание продлить то протестное воодушевление. Так была придумана музыкально-политическая акция «Русский прорыв»... Мы стремились к тому, чтобы страна всколыхнулась, чтобы все настоящие, активные, «буйные» личности оказались вовлечены в этот процесс. Возникает точка концентрации, которую можно сравнить с кипением воды».

Л. Гумилев и другие исследователи использовали категорию пассионариев как один из факторов теории этногенеза. В настоящей статье демонстрируется возможность эффективного применения этой категории как одного из факторов более краткосрочных процессов развития обществ. Наряду с пассионариями, предлагается использовать альтернативный социально-психологический тип — консерваторов.

История пяти столетий Нового времени свидетельствует, что факторами, условиями, порождающими такие смыслы и стимулы, охватывающими общество и длительно действующими, могут быть либо капиталистическая система с установкой на личное обогащение и обладание властью, либо надличностные ценности и смыслы, идентификация себя с целями и идеологией общества или крупнейших устойчиво развивающихся организаций. Важнейшей частью этих систем является социально-психологическое представление о целях, представление о Будущем.

Духовно-идеологические основы общества, включая и образы Будущего, резко различаются в странах разных цивилизаций. Опыт 1990-х годов — попытка превратить Россию в капита-

листическую страну по западному образцу — свидетельствует, что такое преобразование в России приводит к разрушению социально-экономической системы и сопротивлению всех здоровых сил общества. В работах (Волконский, 2024; Волконский, 2025) представлена концепция противостояния двух цивилизаций: стран «коллективного Запада» и стран формирующейся цивилизации многополярного мира. Идеологическая основа первой — индивидуалистический либерализм, второй — идеология государственности.

Как правило, условия длительной стабильности общества пассионарии начинают воспринимать как «темные времена», как необходимость повернуть траекторию исторического развития (Балацкий, 2024; Волконский, 2025), но им не всегда открывается подобная возможность.

Большая часть общества вовсе не пассионарии, а люди, стремящиеся предотвращать опасности, связанные с резкими изменениями в условиях своей жизни и общества. Их доминирующая первоочередная установка — надежность и устойчивость. Эту часть членов общества следует называть консерваторами (от лат. *conservare* — сохранять) и уделять ей внимания не меньше, чем пассионариям (Волконский, 2002). Для них образ Будущего не означает образ желаемых или необходимых перемен. Ценности и показатели, характеризующие периоды времени, играют в мировоззрении консерваторов большую роль. Но нередко это не «время Будущего», а «время Прошлого».

Приведем некоторые соображения о роли пассионариев и консерваторов в исторических процессах. Выше была отмечена как главная черта пассионария стремление внести перемены в сложившееся общественное устройство. Причем проводить преобразования надо в ближайшее время, чтобы самому участвовать в событиях. Главная черта консерваторов — установка на долгосрочное сохранение основы общества (будем называть ее каркасом). В истории бывают ситуации, когда для долгосрочного сохранения каркаса необходимо проведение достаточно радикальных преобразований. Если в этот период доминируют консерваторы и в их руках власть, их стремление обойтись без перемен, или хотя бы их отложить, нередко приводит к потере власти консервативной властвующей элитой и, возможно, переходу власти к пассионарной контрэлите.

³ Судаков О. (2024). Беседа с Красниковой М. «Настежь и навсегда. О панк-роке, нон-конформизме и точке кипения воды» // Завтра. № 49.

Примерами могут служить периоды ожидания кризиса: в США — годы, предшествующие выборам президента 5 ноября 2024 г., и в СССР — годы, предшествующие его распаду в 1991 г. В США в период президентства Байдена властвующая часть элиты (глобалисты Демпартии, включая СМИ и соцсети) всемерно поддерживает и продвигает «культуру отмены, отказа» — отмены традиционных ценностей и нравственных норм: продвижение ЛГБТ, поддержка «глубинной церкви» сатанистов как орудия устранения христианства⁴. Представители властвующей элиты отрицают прошлое, чтобы создать свой образ, чтобы убедить всех и самих себя, что они пассионарии. Но главная установка, и весь политический курс этого сообщества, и его реальная историческая задача — сохранение и продвижение формации глобального превосходства Запада, что подтверждает консервативность этого сообщества.

Трамп — представитель психологического типа пассионариев. Он и его сторонники видят неизбежность перелома мировой истории — уже начавшегося в других странах периода смены общественно-экономических формаций. Он уверен в необходимости для США найти место в новом многополярном мире, чтобы остаться одной из держав-лидеров. Чтобы «сделать Америку снова великой», нужна перемена политического курса и всех приоритетов: от приоритета международных проблем — к проблемам внутренним, от безоглядного развязывания войн и их пошаговой эскалации — к предпочтению мирных, хотя бы временных, разрешений конфликтов. Потеря власти консерваторами была исторически предreshена.

Аналогичная картина разворачивалась в СССР. Партийно-государственная властвующая элита после 1968 года боялась любых серьезных реформ, сохраняя и продолжая эпоху консерваторов. Попытку включить элементы рынка в механизм управления экономикой (косыгинскую реформу) пришлось отложить. В стране росли диссидентские и прозападные настроения. Запад достаточно успешно решал свои проблемы и готовился к экономическим и политическим ударам по Советам (период рей-

ганомии). Необходимость обновления управляющей системы и идеологии в России была для всех очевидна. Новая попытка реформы «сверху» оказалась запоздалой. Социалистическая формация терпит поражение от экспансии западной формации глобального превосходства. Консервативный правящий слой в СССР теряет власть.

Использование категорий пассионариев и консерваторов позволяет надеяться на создание теоретических концепций, способных объяснять такие важнейшие процессы, как войны: их возникновение, эскалацию, окончание. В 2024 году вышла книга Кристофера Блаттмана «Зачем мир воюет» (Блаттман, 2024). В книге рассмотрено множество подходов к объяснению причин и процессов развязывания войн. В отношении начала серьезных военных конфликтов между большими государствами наиболее близок к тематике нашей статьи процесс, описанный в главе 3 части 1. В результате предшествующих исторических событий, властвующая социальная группировка (или партия), альтернативная официальному правительству, заряжена установкой на развязывание войны (назовем ее группировкой милитаристов). Радио и пресса — в распоряжении этой группировки. Часть общества (значительная, но далеко не большинство) «предрасположена» к войне. За счет пропаганды и стремления местных лидеров получить выгоду, повысить свой общественный статус через непродолжительное время группировка милитаристов получает большинство сторонников в обществе и становится официальной властью.

У Блаттмана остается без ответа вопрос, который имеет простое объяснение при использовании категорий пассионарии-консерваторы. Чем выделяется группировка милитаристов? За счет каких факторов получает значительные властные возможности именно такая группировка, это случайность или достаточно закономерное явление? Наш ответ следующий. Группировка милитаристов — это пассионарии, не нашедшие и не создавшие идеологической основы для применения своей чрезмерной энергии мирным путем. В таких ситуациях у пассионариев всегда есть «запасной вариант» — установка на войну. Описанное явление — высоко вероятное.

⁴ Катасонов В. Ю. (2024). Маски сброшены // Пятая газета. № 40.

Обращение к учету и анализу социально-психологических факторов становится особенно важным сейчас, когда мир остается на грани радикальной опасности — опасности эскалации межцивилизационной конфронтации и начала мировой войны. Именно среди представителей пассионарного типа всегда находятся группы, готовые ради великой цели рисковать не только своей жизнью, но и человечеством. Они могут находиться в социальных слоях, обладающих властными возможностями.

Можно сделать вывод: роль пассионариев и консерваторов заслуживает того, чтобы учитывать ее как самостоятельную движущую силу истории, учитывать при формировании политического курса и при разработке теоретических концепций.

Участие людей рассматриваемых психологических типов в исторических процессах оказывает серьезное влияние на их судьбы. Пассионарные личности в периоды бурных общественных перемен, войн и революций выходят на первые роли в обществе. В спокойные времена консерваторы как представители большинства, опасаясь, что пассионарии сломают устоявшийся уклад жизни, отодвигают их на вторые роли. Конечно, реформы часто проводятся «сверху». Проведение таких реформ, несомненно, требует энергии и воли пассионариев. Часть пассионариев находят свое призвание и в рамках спокойно развивающегося, стационарного общественного устройства. Но многие пассионарии не находят подходящего поприща в государственных и общественных структурах и часто воспринимают это как личную трагедию. В такие времена многие из них используют избыток энергии для фиксации на определенной идее и становятся создателями новых идеологий и новых направлений в культуре.

Лермонтов — типичный представитель и генеральный выразитель судьбы пассионариев в эпоху консерваторов:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Лермонтов жаждет борьбы с бурей, но бури нет. И он воспринимает это как трагедию: «Уж не жду от жизни ничего я... Я б хотел навеки так заснуть».

Другой пример — Ницше. Он ждет людей, которые обладают психологическими качествами — «волей к возрастающей силе, волей к власти». «Что есть счастье?» — задает вопрос Ницше-Заратустра. Ответ: «Чувство, что преодолено новое препятствие». Ницше ждет прихода пассионариев. Ницшеанство — это призыв к ним выступить на сцену Истории: «Не мирись со сложившимся порядком, падающего, слабого, подтолкни!» И призыв был услышан. И Серебряный век русской культуры, и ненависть к капитализму, и антикапиталистическая революция — все это, кроме прочих причин, ответ на ницшеанский вызов⁵.

И появления таких пассионариев он ждал прежде всего в России: «Сильнее и удивительнее всего сила воли проявляется в России — в громадном срединном царстве, где Европа как бы возвращается в Азию. Там сила хотеть давно уже откладывалась и накоплялась. Там воля ждет угрожающим образом того, чтобы освободиться»; «Мы, немцы, нуждаемся в безусловном сближении с Россией... Англичане — утилитаристы, нельзя допустить установления английских трафаретов и американского будущего, а следует заключить союз с Россией»; «Должна существовать воля, пробуждающая инстинкт, антилиберальная до яркости, — воля к традиции, к авторитету, к ответственности за целые столетия, к солидарности прошлых и будущих поколений. Единственная страна, у которой в настоящее время есть будущность... — Россия»⁶.

Ницше видел в образе Раскольникова у Достоевского, по существу, психологический портрет пассионария, который, правда, не выдержал тяжести своего призвания.

Эпохи доминирования пассионариев или консерваторов и общественно-экономические формации

При анализе исторических процессов может быть полезно выделение периодов, когда доминируют пассионарии (эпохи пассионариев, эпохи перемен) и когда — консерваторы (эпохи консерваторов, эпохи стабильности). Как и общественно-экономические формации, эти эпохи могут быть разными в разных странах,

⁵ Багдасарян В. (2024). Неукротимый. К 180-летию Фридриха Ницше // Завтра. № 41.

⁶ Там же.

а в какие-то периоды можно констатировать общемировое доминирование одного из двух психологических типов.

Эти эпохи обычно отличаются разными темпами экономического роста. Чрезвычайно высокие темпы экономического роста (рывки, «экономические чудеса») нередко происходят в рамках эпохи консерваторов, хотя, как правило, эпохи консерваторов характеризуются умеренными темпами. Эпохи пассионариев обычно характеризуются высокими показателями инфляции и активности финансовых рынков (рынков акций и облигаций), эпохи консерваторов — относительно низкой инфляцией и пассивностью финансовых рынков.

Важно подчеркнуть, что эпоха доминирования консерваторов — время стабильности экономико-политических и других общественных структур, но вовсе не стагнации или рецессии в экономике. Темпы могут быть именно умеренными, в некоторые периоды и очень высоким). При этом для преодоления экономической и политической волатильности, для реализации стремления консерваторов к стабильному и эффективному общественному развитию им часто необходимы усилия не меньшие, чем пассионариям для радикальных перемен. Примерами могут служить периоды послереволюционных диктатур, когда от участников властвующей группировки, стремящейся обеспечить стабильность и безопасность, требуется решительность и колоссальные усилия во всех сферах жизни.

Возможно, более целесообразно вернуться к основному определению пассионариев у Гумилева как людей, наделенных «излишней», сверхнормальной энергией, а для людей с психологической склонностью к переменам использовать другое название, например, новаторы. Чтобы сделать материал статьи более понятным и интересным для специалистов, в работе используется все же термин пассионарии, а не новаторы. Характер психики пассионариев (по Гумилеву) не вызывает сомнений, что это тот объект, который начиная с работ Карла Юнга называют психологическим типом. Характер и структура индивидуальной и коллективной психики новаторов и консерваторов менее устойчивы, нет надежных данных о генетической (наследственной) укорененности соответствующих склонностей. Возможно, более

целесообразно для их определения применять не термин психологический тип, а психологическая установка (Юнг, 1997).

Использование психологического типа пассионариев давно вошло в арсенал общественных наук. Однако причины появления пассионариев и механизмы их влияния на исторические процессы изучены явно недостаточно. Важнейший вопрос: надо ли считать рост пассионарной напряженности первопричиной исторических процессов или, наоборот, пассионарная напряженность является следствием складывающейся исторической ситуации? Как уже отмечалось, Лев Гумилев рассматривал периоды влияния пассионариев только очень большой длительности — в масштабе фаз развития этноса, но согласно его теории, появление и рост пассионарности в обществе определяется природными факторами и не зависит от процессов исторических.

С такой концепцией не согласны многие специалисты, — например, (Балацкий, 2022; Екимова, 2024; Турчин, 2024). П. Турчин считает, что потенциал пассионарности всегда присутствует в элите. Пассионарное ядро элиты обычно сосредоточивается в контрэлите и выступает на сцену Истории в периоды конфликтов элит. В работе Е.В. Балацкого представлен поэтапный процесс возникновения в обществе пассионарной напряженности. «Взрыв пассионарности» является ответом, «гиперреакцией» на каскад внешних вызовов как «высвобождение скрытых резервов» пассионарности. Я согласен с таким представлением о причинах появления пассионарной напряженности и формулирую это так: она не появляется, а проявляется в определенных исторических условиях.

Другой вопрос относится к оценке — положительной или отрицательной — подъема пассионарной напряженности, а также новаторской и консервативной установок. Ответ на этот вопрос не может быть дан независимо от сложившейся исторической ситуации. В современной России у многих складывается впечатление, что важнейшей проблемой в эпоху стабильности и застоя всегда является обеспечение роста доли пассионариев в обществе с их избыточной энергией, создание условий для подъема пассионарной напряженности. Но надо вспомнить о том, что все «цветные рево-

люции» (в том числе горбачевская перестройка с ельцинским переворотом 1990-х годов) были связаны именно с ростом в обществе влияния пассионариев, новаторов с установкой на необходимость радикальных перемен. В следующих разделах статьи чуть подробнее рассматривается ситуация в современной, путинской России, в которой значительную роль играет идеология консерваторов. Однако это самостоятельная сложная проблема, на которую я не готов дать однозначные ответы.

По моему мнению, использование категорий эпохи перемен и эпохи стабильности может дать структурирование истории, достаточно значимое и более адекватное ее современному течению, чем аппарат формаций. Проиллюстрируем это подробнее. Можно «привязать» эпохи пассионариев — к «бурным» периодам смены общественно-экономических формаций и серьезных военных конфликтов, а эпохи консерваторов — к спокойным периодам мирного развития без серьезных войн и перемен («переломов») в основах общественного устройства.

Привлекательна простота и компактность той картины мировой истории, которую предлагает модель формационно-цивилизационного синтеза (Волконский, 2025). Новое время характеризуется наличием двух в основном независимо развивающихся цивилизаций. Одна — это страны Западной Европы, тесно связанные и взаимодействующие друг с другом, где еще до возникновения системы капитализма сформировались культура и глубинная идеология индивидуалистического либерализма. Другая цивилизация — группа стран с доминированием ценности государства и его организационной структуры. Новая формация возникает и развивается сначала в рамках предыдущей, а «моментом» смены формаций надо считать некое знаковое событие при достижении ее доминирования в экономической, политической, институциональной областях, в результате которого происходит резкий сдвиг (перелом) в глубинной идеологии (Волконский, 2025) большинства населения или хотя бы элиты. Обычно в периоды, близкие к таким событиям, происходят социальные, политические, военные столкновения и иные бурные исторические процессы. Надо заметить, что порядки и общественные устройства предыдущей формации всегда сохраняются еще длительное вре-

мя после «момента смены» формаций, так что использование слова «смена» имеет условный характер.

Периодом смены формаций «феодализм — капитализм» в Европе можно считать период от Великой Французской революции до окончания наполеоновских войн (1815 г.). С этим вполне согласуется представление об эпохе пассионариев. Конечно, распространение капиталистической формации в Европе, как и сохранение феодальных структур власти и собственности происходило на протяжении всего XIX века. Но наиболее важным процессом в это время было мощное экономическое, институциональное, культурное развитие в рамках капиталистической формации. Доминирующей идеологической (и дипломатической) установкой было предотвращение войн и отыскание мирных решений. Можно считать, что эпоха консерваторов продолжалась до начала революционных событий в России в 1905 году. Период смены формаций «капитализм — социализм» — с 1905 г. до конца Гражданской войны в России в 1922 г. Этот период включает Первую мировую войну, революцию 1917 года, российскую Гражданскую войну и другие бурные события, — типичную эпоху пассионариев.

Как определить смысловую сущность и датировку формации, появившейся в цивилизации либерализма в ответ на экспансию социализма? Эта формация наиболее отчетливо и содержательно проявилась с приходом нацистов к власти в Германии и во время Второй мировой войны (эпоха пассионариев). В период холодной войны формируется общая идеология формации (включающая идеологию неонацизма как экстремальный вариант) — идеология глобального превосходства Запада. Этот термин может быть принят в качестве названия формации. Данная идеология включает элементы, взятые как из идеологии либерализма (принцип тотального освобождения индивида), так и из идеологии государственности (теневой центр высшей власти, «глубинное государство»).

В период холодной войны 1946–1991 гг. вплоть до разрушения Советского Союза (период противоборства формации превосходства Запада и формации социализма) доминируют консерваторы. 1991 год можно назвать началом недолгого периода безраздельного доминирования формации превосходства Запада.

Концом этого периода можно считать объявление Россией в 2022 г. Специальной военной операции (СВО), когда общепризнанной новой движущей силой истории становится формирующаяся политико-идеологическая система отношений между странами. В работе (Волконский, 2025) эта формирующаяся система названа новой формацией — формацией многополярного мира (МПМ). Но целесообразно ли рассматривать эту политико-экономическую систему как новую формацию или считать, что категории общественно-экономических формаций не применимы для изучения новой исторической ситуации? Можно ли использовать категории «эпохи пассионариев и консерваторов»? Для ответа на эти вопросы нужны новые теоретические инструменты.

Война не обязательно время доминирования пассионариев, если общество и элита едины и устойчивы. Но это время выявления пассионариев. А послевоенный этап всегда связан со сменой значительной части элиты. Эта смена может происходить под контролем государства — кадровая реформа «сверху». Эти соображения позволяют показать серьезность предостережений об опасностях и указать пути их анализа.

Категории формаций больше не пригодны?

С усложнением общественной жизнедеятельности человечества формационно-цивилизационная модель и концепция формаций в применении к конкретным историческим процессам утрачивают свою простоту и четкость, поскольку ослабевает значение самих исторических факторов, определяющих формации. Укажем на следующие процессы. Очень эффективная для философии истории категория формаций определена еще в марксизме как совокупность производственных отношений, порождающая надстройку, в частности, политико-идеологические отношения между государствами и другими сообществами. Стремительный по историческим меркам прогресс производства и технологий привел к значительному перемещению основных факторов и проблем исторического развития, движущих сил истории из сферы материального производства — в сферу политико-идеологических отношений, и перемещению приоритетных проблем и факторов из области внутристрановых в область междустрановых отношений и геополитики.

В периоды доминирования определенных формаций каждая из них распространялась на всю группу стран, лидирующих в соответствующей цивилизации. И можно было (хотя и с оговорками) определять «моменты смены формаций» как точки, разделяющие течение общего исторического времени. Но уже в XX веке определять такие моменты стало проблематично: несколько формаций сосуществуют и взаимодействуют одновременно в течение вековых временных отрезков. А с возникновением многополярного мира на мировую арену вышли новые мощные суверенно развивающиеся страны с разными традициями и культурой, с разной историей, — страны разных цивилизаций. И говорить о последовательной смене формаций теперь возможно только применительно к каждой стране в отдельности.

Другой процесс, ведущий к утрате четкости и однозначности в определении конкретных формаций, — процесс сближения их институционального и идеологического содержания, а также их смешивания. Большая часть XX столетия прошла под знаком конфронтации (временами обостряющейся до горячих войн) между капитализмом и социализмом. Идеологии этих формаций были идеологическим выражением значительно различающихся, «разошедшихся» кодов цивилизаций Запада и Незапада. Однако параллельно шло идеологическое и институциональное сближение их общественных устройств (Волконский, 2025), особенно после разрушения Советского Союза. Как расхождение, так и сближение касались в основном внутривостановых проблем и факторов.

В развитых странах Европы и Америки признаки сближения формаций капитализма и социализма — это признание обязанности государства обеспечивать минимально необходимый уровень жизни для граждан, доступность услуг образования и здравоохранения, включение в официальную идеологию тезиса о социальном государстве и т. д. В бывших странах Социалистического Содружества — это широкое использование и включение в доминирующую идеологию рыночных механизмов, тезисов о правах человека и т. д. И в идеологии, и в других сферах общественного устройства сближение привело к сочетанию (далеко не всегда эффективному) элементов капитализма и социализма,

западничества и патриотизма. Идеологии этих стран потеряли свою четкую оформленность.

Важные изменения произошли с понятиями классов и классовой структуры общества — их адекватности современной реальности и роли в исторических процессах. В западных странах господствующий класс, когда-то состоявший преимущественно из капиталистов, радикально пополнился слоем экономических менеджеров и научно-технологической элиты. В социалистических странах класс буржуазии практически перестал существовать, так что классовое деление общества сменилось на разделение общества на слой управленцев и научно-технологических работников (элиту) и массу остальных граждан, включающую рабочих, служащих и крестьян.

Концепции, не учитывающие таких изменений, могут содержать опасные ошибки. Примером может служить статья Б.К. Кучкина «Фашизация России»⁷, где он обвиняет Г.А. Зюганова и других теоретиков КПРФ в том, что они являются единомышленниками и идейными соратниками национал-социалистов. По моему мнению, ошибка Кучкина состоит в том, что он саму установку на «общность народа», на создание «единого социального сознания» считает отличительной чертой именно фашистской идеологии, элементом, отличающим ее от идеологии социализма. Это отличие было актуальным в устах Георгия Димитрова в его выступлении на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.). Тогда речь шла о революционном социализме в странах Европы, где шла фашизация. Но и тогда это не относилось к социализму в СССР. Социалистическая основа идеологии КПРФ — это не революционный социализм. Действительно, и современный социализм, и фашизм используют идеологическую и институциональную структуры национализма и государственности. Но они радикально различаются по целям и ценностям. Цель фашизма (и неофашизма) и его идеи единства общества — утверждение и сохранение гегемонии Запада (он порождение формации глобального превосходства Запада). А цель современного социализма — обеспечение равенства, братства, справедливости и идеалов многополярного мира.

⁷ Кучкин Б.К. (2024). Фашизация России // Пятая газета. № 44; см. также (Волконский, 2025).

Рассмотренные исторические тенденции ведут к следующим изменениям. Внутристрановые факторы и проблемы, определяющие расхождения и противоборство формаций, отходят на второй план, их влияние ослабевает. Первые места в поле внимания заняли проблемы междоусобиц, прежде всего проблемы геополитические. Получается, что длительное устойчивое противоборство между большими группами стран определяется только рационально-волевыми факторами и решениями их властных элит? Это не соответствует гораздо более содержательному определению категории формации в теории.

Образ Будущего в разные исторические периоды

Важным социально-психологическим фактором является отношение общества к будущему. Выше уже отмечалось, что в начале XX века, как и теперь, Европа и Россия переживали преддверие кризиса. Но эти периоды радикально различаются по доминирующей социально-психологической и духовной атмосфере. Важной чертой этого различия является убеждение в возможности (а часто и в неизбежности) лучшего Будущего, которое последует за кризисом-переворотом. Это убеждение, или вера, базировались на успехах промышленной революции, на развитии научно-производственных корпораций — основе будущего Прогресса. Тогда все это мощно развивалось, захватывая все новые страны и общественные слои.

Но этот же мощный научно-технологический Прогресс частью человечества воспринимается как предвестник Будущего, вовсе не Светлого, а Катастрофического. Вот что пишет великий немецкий физик Макс Борн, переживший (в Великобритании!) разгром германского нацизма, в книге «Моя жизнь»: «Хотя я влюблен в науку, ... нынешние политические и милитаристские ужасы, полный распад этики ... — необходимое следствие роста науки».

Жить ради будущего, отодвигая на второй план ценности и возможности текущего момента, вкладывать все силы в достижение того Образа Будущего, который сложился в твоей системе смыслов, если надо, рисковать жизнью, — люди с таким состоянием души, с такой психологической установкой всегда составляли заметную часть европейских народов. Причем это не только пассионарии. Консерваторы нередко

становятся героями ради сохранения устойчивого порядка, предотвращения его утраты в будущем. Пассионарии отличаются тем, что их Образ Будущего обязательно включает перемены. В религиях христианства и ислама Образом Будущего служит потусторонний мир. Правда, в них этот Образ относится только к будущему каждого верующего в отдельности, а не к состоянию общества как целого.

Однако в период конца XIX — начала XX века в России устремление в будущее захватывает все общество. Это не только «новые люди» М. Горького — Нил, Шишкин («Мещане»), Павел Власов («Мать») — люди, которые верят, что господство «старой жизни» кончилось, которые готовы отстаивать свое право жить по-новому. Это и герои Чехова, которые способны только мечтать о будущем. Вот Ольга (одна из «Трех сестер»): «Страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле».

В России вера в Светлое Будущее была в большой мере результатом формирования новой общественно-экономической формации, которое было ответом российской цивилизации на вызов чуждой ей капиталистической формации, идущий со стороны Запада (Волконский, 2025).

Надо сказать, что западная установка на Будущее часто была связана с войной и разрушением старой жизни, российская — почти всегда представляет Будущее светлым, счастливым, устойчивым (Волконский, 2017).

Россияне обычно неплохо представляют себе (если не из школьного курса, то из рассказов старшего поколения) жизнь в Советском Союзе в 1930–1960-е годы. Причиной высокого смыслового значения Будущего у населения СССР многие назовут то обстоятельство, что установка на построение будущего коммунистического общества была центральной частью государственной идеологии. Но тогда уверенность в постоянном улучшении жизни была не только частью коммунистического мировоззрения, а просто не обсуждаемой данностью. Не все знают, что в начале XX века смысловая установка на Будущее была свойственна и мироощущению западных стран. Вот цитата из «Футуристического манифеста» Ф.Т. Маринетти (1909 г.): «Мы стоим на обрыве столетий! Так чего же оглядываться назад? Мы вот-вот про-

рубим окно прямо в таинственный мир невозможного».

Ожидание «взрывного» социально-экономического развития тогда было характерно и для большой доли населения США и капиталистических стран Европы. Этот аспект развития США и Европы 1930–1950-х годов прекрасно показан в статьях Максима Калашникова. Хочется специально отметить в его статье (Калашников, 2023) прекрасное описание выставки «Мир завтрашнего дня» в США в 1939 г., которая отражает общий тогда настрой, веру во «взрывной» научно-технологический и экономический рост.

Хотя послевоенные десятилетия для россиян вовсе не были периодом высокого благосостояния, большинство из тех поколений неизменно вспоминают о тех десятилетиях (и даже о предвоенных 1930-х годах, кого не коснулись репрессии) как о светлой эпохе, о чем пишет поэт Д. Самойлов в сборнике «Дни»: «Мы этих дней не позабыли, горим огнем тех дней, в которые мы жили грядущим днем».

Образы Будущего и Прошлого как инструмент структурирования исторических процессов

В настоящее время духовный вакуум не оставил и следа от того всеобщего устремления в Светлое Будущее, которое было описано выше. В то же время очевидно, что вера в тот или иной Образ Будущего, несомненно, играет важную роль в решении проблемы активизации общества. В настоящем разделе кратко опишем ту роль, которую играют Образы Будущего и Прошлого в различии кодов цивилизаций Запада и России.

Представление о Будущем как о постоянном улучшении условий жизни стало утверждаться в западных странах в связи с развитием капитализма. Адам Смит объясняет причины небывалого в истории процесса — постоянного роста экономики. Стоимость создает труд (имеется в виду предпринимательская активность), а не земля, как было в средневековых обществах. Земля и собранный с нее урожай ограничены. Но при капитализме стала развиваться промышленность. Ее развитие неограниченно за счет развития техники, обновления структуры продукции, локализации и т. д. Возникает идея бесконечного накопления богатства, неограниченного Прогресса, которая становится важнейшим постулатом идеологии капитализма.

С развитием капиталистической системы изменяется значимость экономической и политико-идеологической сфер жизнедеятельности. Экономические проблемы и показатели выходят на первый план, становятся целевыми, а политические оказываются второстепенными, становятся средствами для их достижения, решения проблем.

Вера в неизбежность Лучшего Будущего сама по себе является важной движущей силой, повышающей общественную активность. Когда накапливаются глубинные недостатки капиталистической системы и начинает развиваться идеология социалистической формации, одним из ее главных постулатов становится постулат о неограниченном экономико-технологическом Прогрессе. И Образ Светлого Будущего занимает в ней одно из первых мест.

Традиционные общества (в частности, общества феодальной формации) — общества, духовной основой которых служат религии и традиционное общественное устройство. Сохранение традиций, их сакрализация поддерживаются, в частности, доминированием сельскохозяйственного производства, его зависимостью от неизменно повторяющейся смены времен года, определяющей необходимость стабильности жизненного уклада. Поэтому традиционные общества настроены против нововведений времен Модерна, а идеологам и деятелям Нового времени приходится вести борьбу с традициями и их защитниками. А.Г. Дугин формулирует результат этих процессов в обобщенном виде: «Модерн есть отрицание Традиции» (Дугин, 2020, с. 151). Иными словами, это не просто вера в Будущее, это отрицание Прошлого.

Для западного человека времен Модерна существует только Будущее, цель его деятельности. Прошлое может быть только помехой на пути к цели. Пройденный путь, как только он пройден и стал прошлым, теряет свое значение и ценность. Для человека традиционного общества (Премодерна) будущее — только воображение, мечты, а прошлое — настоящая реальность, без которой человечество осталось бы только созданием воображения, пустотой. Вся значимость и ценность, вся реальность Человечества — в пройденном пути, в достигнутых высотах, в открытых, сконструированных, созданных сокровищах, в реализованных целях. И эти ценности, этот выстроенный мир вечны.

Постоянное обновление экономико-технологических условий жизни создает атмосферу приоритетной ценности инноваций во всех сферах бытия, будущее отождествляется с новым. Общие установки Модерна создают приоритетные условия для пассионариев. Между тем, серьезным недостатком ориентации на Будущее с отрицанием опоры на Прошлое является неизбежная неопределенность Будущего. Это усиливает позицию консерваторов, защитников стабильности общественного устройства и традиционных ценностей. Образ Будущего раздваивается на Будущее для пассионариев и Будущее для консерваторов. Это создает потенциал раскола общества.

В последние десятилетия социально-психологический феномен отношения к Будущему и Прошлому оказывается одной из ключевых характеристик современного периода развития «коллективного Запада» и его цивилизационного отличия от большинства стран остального мира. «Глубинное государство» США и экстремальная часть их элиты, опираясь на ряд меньшинств, надеясь на активизацию общества за счет их энергии. Создана целая «культура отмены, отказа», отмены всех традиционных ценностей и нравственных норм, связанных с прошлым, как устаревших (например, идеология ЛГБТ и вся трансгендерная вакханалия). Как сказала недавний вице-президент США Камала Харис: «Будущее не отягощено прошлым».

В США результатом такой идеологии и политики стал не экономический рывок, на который надеялись идеологи, а политико-идеологический раскол элиты и всего общества. В настоящее время образы близкого будущего у двух частей элиты различаются. Сторонники Дональда Трампа надеются на заявленную им установку на переключение внимания на внутренние проблемы, которых у США накопилось множество. За счет решения этих проблем предполагается преодолеть медленный, но неуклонный процесс потери страной своей мировой гегемонии. Другая часть властвующей элиты — глобалисты — категорически отвергает изменение политического курса, требующего поддержания любыми средствами (включая силовые и террористические), а точнее возвращения, достигнутого победой в холодной войне геополитического контроля над миром.

В странах Востока в условиях многополярного мира общественные устройства многообразны. Они не подчинены гомогенизирующему воздействию Центра. Страны-лидеры Россия и Китай прошли через эпоху стремления к переменам с переносом смыслов в Будущее и расколом общества в период смены капитализма на социализм. Современная конфронтация с западным глобализмом требует создания идеологии, устойчиво противостоящей его экспансии. Ответом становится повышение значимости традиции, истории. Иными словами, оружием стран Востока становится... Прошное.

Российская цивилизация, создав великое многоэтническое государство, продемонстрировала редкий пример мирного сосуществования и сотрудничества этносов с разными культурами, исповедующими различные религии, верования и культы. Редким и ценным достижением российской цивилизации надо считать то, что, восприняв и творчески развивая возможности, открытые западным Модерном, она сохранила в первородной целостности и ценности лучшие системы и качества духовности прошлых времен (например, неискаженный протестантизмом феномен христианства). Западная цивилизация культивирует те качества психики, которые дают силу, способность преодолевать сопротивление, российская — те качества, которые дают установку и способность понимать народ другой культуры, достигать согласия и сотрудничества без насилия, необходимость согласовывать, сопрягать новые смыслы со старыми. Одной из причин разрушения социалистического государства СССР была противоречащая коду российской цивилизации установка на «отмену Прошлого».

Период путинской России характеризуется восстановлением этой способности России, глубинным и официальным процессом постепенной интеграции Прошлого, его лучших моментов, с установкой на Будущее. В идеологию включается ценность истории, все более важное место занимают правоконсервативные ценности. Это не «возвращение Прошлого», а его привлечение и сращивание с Настоящим и Будущим. Это процесс создания единого пространства «Прошлого — Настоящее — Будущее», или «Вечное Развитие».

Будем надеяться, что этот процесс даст исторически эффективное решение проблемы «пассионарии в эпоху консерваторов».

Проблема экономического рывка в современной России

Знание о влиянии психологических типов на общество было бы сейчас очень ценным для России. Общественное устройство современной путинской России, наверное, лучше всего определено в книге (Сергейцев и др., 2020) как «народное государство». Его главные определяющие черты:

- доверие народа к государству и государства к народу;
- массовое участие народа в работе государства, отказ от любой сословной структуры.

Важнейшей чертой политического курса Путина является установка на устойчивость, минимизация рисков раскола, распада единства общества и государства, на всестороннюю поддержку наиболее миролюбивого и направленного к политической устойчивости исторического процесса современности — к многополярному миру. Это типичная эпоха консерваторов. Антипутинская оппозиция состоит не только из сторонников западного либерализма, но и включает патриотов, установка которых — необходимость перехода к высоким темпам экономического роста. Часть из них — это те, кто считает нынешний строй России капитализмом, от которого происходят основные беды и угрозы, в том числе опасность ее фашизации. Выразителем этой идеологии часто выступает «Пятая газета»⁸ (о роли капитализма). Выше уже отмечались статьи Б.К. Кучкина. Их основная идеология — революционный социализм. А вот статья⁹, «разоблачающая» Казанскую декларацию XVI саммита БРИКС как «подпроект» для проектов глобализации и «устойчивого развития», продвигаемых западными кураторами. Это примеры «пассионариев в эпоху консерваторов».

Можно привести примеры «пассионариев в эпоху консерваторов», которые не только нашли свое место, но и оказывают глубокое положительное воздействие на развитие страны.

⁸ Рашин И.Я. (2024). К практике фашизма // Пятая газета. № 45.

⁹ РИА «Катюша» (2024). По повестке глобалистов // Пятая газета. № 45.

Речь пойдет о периодах чрезвычайно высоких темпов роста, экономических рывках («экономических чудесах»). Такие рывки происходят обычно тогда, когда нет внешних или внутренних угроз разрушения единства общества и стабильности государства, т. е. в эпохи доминирования консерваторов. Но П. Турчин (Турчин, 2024) и Е. Балацкий (Балацкий, 2023) показывают, что сам экономический рост высокими темпами обычно нарушает сбалансированность во многих секторах жизнедеятельности и может таить опасность распада единства элиты. Маловероятно, что инициаторами экономических рывков становятся осторожные консерваторы. Скорее всего, это пассионарии, которые сумели убедить консерваторов, преодолеть их сопротивление и нашли свое призвание в великом деле экономико-технологического преобразования страны.

В настоящее время значительная часть патриотической элиты уверена в возможности и необходимости сейчас и в близком будущем для российской экономики высоких темпов, экономического рывка (Глазьев, 2024). С.Ю. Глазьевым разработана концепция опережающего развития, позволяющая повышать темпы роста в смешанной рыночно-государственной экономике (Глазьев, 2021). Ее ключевая идея состоит в следующем. Государство с помощью механизмов планирования или целевого, проектного финансирования и кредитования обеспечивает развитие (и рост) сектора воспроизводства производительных сил более интенсивное, с опережающими темпами роста, по сравнению с «рыночными» темпами потребительского спроса. Приоритет получает развитие производственно-технологических комплексов нового технологического уклада. Опережающий рост численности работников этого сектора и их доходов ведет к повышению темпов роста общего потребительского спроса и за ним пищевой и легкой отраслей промышленности, коммунального и транспортного хозяйства. Именно так, с опережением возможностей воспроизводства по сравнению с ростом спроса, развивалось советское хозяйство, демонстрируя первое в мире экономическое чудо. Подобные идеи пассионарной элиты и их разработка, несомненно, важный компонент успешности политического курса, интегрирующего задачи устойчиво-

сти и хорошего экономического роста. Сейчас у России любых ресурсов для экономического рывка достаточно. Наверное, главным вопросом является дефицит пассионариев. Возможно, постепенная интенсификация экономико-технологического развития повлечет за собой и появление все большего числа пассионариев.

Пока проблема влияния консерваторов и пассионариев, связи их динамики с процессами политическими, экономическими, идеологическими остается не изученной. И для теории, и для формирования государственной политики остается важным вопрос, чем определяется смена эпох «консерваторы – пассионарии» и «пассионарии – консерваторы». Продолжается эпоха консерваторов. Является ли переход к доминированию пассионариев результатом накопления экономических, политических, научно-технологических факторов и противоречий, приводящего к каскаду бурных перемен в общественном устройстве, который открывает поле деятельности для пассионариев? Или важнейшая причина – увеличение численности, накопление энергии, идей переустройства общества у самого социального слоя пассионариев?

Современный перелом исторической траектории

В странах Запада такой перелом ожидается многими политологами и журналистами как глубокий кризис (иногда даже как катастрофа), связанный в США с президентством Трампа, в Европе – с возможным приходом к власти «правых». Если на Западе перелом только ожидается, то в России характер правления Путина, особенно после начала СВО, с несомненностью доказывает, что перелом произошел. Россия демонстрирует конец западной гегемонии, она стала одним из лидирующих полюсов многополярного мира. Аналогичное преобразование произошло в Китае еще раньше: в период Ден Сяопина, и еще убедительнее – в период Си Цзиньпина. В этом разделе попробуем обойтись без категорий формации, используя психологические типы и образы Будущего и Прошлого.

В государственно-политических, социально-экономических, институциональных структурах стран Запада радикальных преобразований пока происходит мало, так что можно счи-

тать, что там до сих пор продолжается эпоха консерваторов. Однако в США эпохой пассионариев может стать период, наступивший после выборов президента 5 ноября 2024 г. и победы на них Д. Трампа. Яркую характеристику ситуации в мире, ожидаемую после этих выборов, дает в своем интервью (названном «Перед бурей») за несколько недель до 5 ноября промышленный эксперт Саймон Хант¹⁰. Он показывает, как готовятся к возможной большой войне Иран, Китай, крупные корпорации США, не желая ее и опасаясь рискованных шагов.

В США уже 30 лет проводилась политика сохранения идеологии и всей формации превосходства Запада (это является необходимым условием единства элиты, единства народа). Это установка на раздробление России, контроль над экономикой Китая, использование Израиля в качестве плацдарма на Ближнем Востоке и т. д. Но в последние десятилетия эта политика велась очевидной, постепенной, но неуклонной, потере этого превосходства, иными словами, к проигрышу в противостоянии цивилизации Запада (с установкой на однополярный мир) — Востоку (с установкой на МПМ).

Приход в Белый Дом Д. Трампа — это разрушение всей идеологической конструкции, которая выстраивалась на протяжении десятилетий демократами и неоконками совместно с «глубинным государством» (deep state). Но что еще важнее: масса участников созданной структуры наверняка потеряют свои места. Многие наблюдатели предрекают, если не гражданскую войну, то «серьезные гражданские беспорядки». Надо ожидать начала эпохи пассионариев. Конечно, пока неизвестно, насколько высказывания Трампа удастся ему реализовать на деле. Но вот какие цели вырисовываются, исходя из его высказываний и намечаемых назначений¹¹. Например, Трамп обещает установить универсальные пошлины в размере 10–20% на весь импорт и до 60% на все китайские товары.

¹⁰ Хант Саймон (2024). Перед бурей. О возможной финансовой стратегии БРИКС и не только. Интервью журналу «Соар Файненшиалли» // Завтра. № 43.

¹¹ Подборку таких высказываний сделал британский политолог Дэвид Чартер в газете The Times (см.: Чартер Д. (2024). Трамп у порога Белого дома. Чего стоит ждать Америке и всему миру? // Советская Россия. № 125).

Другим направлением трамповских преобразований должна стать защита страны от нелегальной иммиграции. Это строительство стены вдоль южной границы США и выдворение нелегальных мигрантов (если понадобится, даже с привлечением армии). Также он собирается просить Конгресс США отменить «экологические» ограничения на развитие энергетики. От внешней политики США, от их участия во всех внешних конфликтах Трамп будет требовать резкого сокращения расходов. В целом намерения Трампа направлены на переориентацию всего политического курса с задач обеспечения мировой гегемонии США на задачи внутри-страновые. Ради этого он готов к конфронтации с всесильным «глубинным государством» и его «зачистке».

В информационно-идеологическом пространстве Западной Европы в 2024 году ожидалась и стала широко использоваться пара категорий «левые» и «правые». Различие представлений о будущем играет определяющую роль в политических движениях левых и правых и в понимании этих категорий. Обычно правыми принято было считать политические движения, опирающиеся на ценность национальных культур, защищающие сложившуюся привычную сословную структуру общества, левыми — идеи и движения, ставящие целью сокращение экономического неравенства, ограничение власти олигархии, в целом — борьбу за ценности социалистического характера. Экстремальными вариантами правых и левых движений являются нацизм и коммунизм.

Начиная с Великой французской революции понятия «левое» и «правое» использовались в борьбе между формирующимся капиталистическим общественным устройством и феодально-монархическими режимами. За «левыми» закрепилось представление как о сторонниках перемен и возвышения ценности будущего, за «правыми» — установка на сохранение сложившегося порядка и ценностей прошлого. Важнейшим символом левых стал индивидуалистический либерализм — главное идеологическое оружие в процессе построения капиталистического строя. В XIX–XX веках доминирующим противоречием исторического процесса была классовая борьба. Левыми называли борцов за интересы низших классов, за их освобождение от

господства буржуазии. К началу XX века оформилась идеология социализма, а левые стали ее главным носителем, при этом правыми считались адепты национальной культуры, сложившейся классовой структуры и государства.

Вместе с тем капиталистическая система успешно развивалась на основе технологического прогресса. Шла к «революции управляющих», и ей не нужны были символы Прошлого. Как в социалистических, так и в капиталистических странах, доминировало ожидание Лучшего Будущего. Противопоставление, связанное с временем, Прошлого — Будущее, отошло на вторые роли. Категории левое и правое употреблялись редко. В сознании, в культуре большинства стран левое политическое направление сохранилось ассоциированным с борьбой за интересы низших классов против господства буржуазной олигархии и за расширение прав и свобод личности.

В середине 2024 г. на выборах в Европарламент, а затем в парламенты Франции, Саксонии и Тюрингии в Германии, Австрии неожиданно выступили антиглобалистские партии, такие как «Национальное объединение» Марин Ле Пен, «Альтернатива для Германии», австрийская «Партия свободы», выступающие за национальный суверенитет. Глобалисты стали использовать категории «левое — правое» в качестве оружия борьбы с этой опасностью. Глобалисты, «боевой отряд» финансовой олигархии, присвоили себе наименование «левых», оставив в этой категории только либерально-освободительные смыслы и, как правило, не упоминая об установке на борьбу низших классов против буржуазии. Успешные партии националистов они называют «ультраправыми», чтобы связать с угрозой возрождения фашизма. Хотя поддержка глобалистами украинских и прочих неонацистов именно их сближает с фашистской идеологией. В западных СМИ обвинение в правом консерватизме стало чуть ли не ругательством. Так «обзывают», например, премьер-министра Венгрии Виктора Орбана. Сотрудничество с европейскими или американскими правыми в элитарных кругах считается «неприличным» (Тетекин, 2024).

Понятия «левое» и «правое» в политике потеряли устойчивость своих смыслов, явно не пригодны для теоретического анализа. Более

надежными оказываются близкие к ним понятия пассионариев и консерваторов. Это понимает и учитывает Сара Вагенкнехт, чья партия («Союз Сары Вагенкнехт») проводит левую политику в общепринятом смысле этого понятия и выступает против экспансии американского гегемонизма. Она предлагает немцам «левый консерватизм» — гибрид экономики со справедливым перераспределением доходов и традиционной социальной политики (подробно описано в статье британского политолога Фрейзера Майерса в издании *Spiked*, русский перевод)¹².

Конечно, возрождение категорий «левое — правое» не является главным признаком, симптомом исторического перелома в Западной Европе. Таким симптомом его назревания можно считать само вступление на историческую сцену новых политико-идеологических сил. Но важнее то состояние духовно-идеологического вакуума, о котором говорилось в начале статьи. Его можно проиллюстрировать с помощью социально-психологических категорий. Как было отмечено, сейчас в странах «коллективного Запада» вся духовно-идеологическая конструкция опирается на Образ Будущего и «культуру отмены Прошлого». Поэтому отсутствие новых «инклюзивных» идей оказывается для них таким болезненным и открывающим поле действий для пассионариев. Для российского общества отсутствие новых идей вовсе не так болезненно, поскольку в российской цивилизации важную роль играет ценностный смысл Вечного Развития.

Категории «эпоха пассионариев» и «эпоха консерваторов», «Образы Будущего и Прошлого», наверное, не смогут заменить аппарат общественно-экономических формаций, но они могут служить хорошей дополнительной теоретической конструкцией, проясняющей важные и актуальные проблемы.

Заключение

В работе показано снижение в последнее время адекватности марксистского инструментария общественно-экономических формаций. Результатами работы можно считать демонстрацию на материале исторических процессов необходимости регулярного учета при научных

¹² Майерс Фрейзер (2024). Подъем «левого консерватизма» // Советская Россия. № 98.

исследованиях и при формировании государственной политики факторов социальной психологии, а именно психологических типов пассионариев и консерваторов, а также феномена отношения общества к будущему и прошлому. Применение категории психологических типов позволяет дать содержательное разделение исторического времени на эпохи доминирования пассионариев и доминирования консерваторов. Использование феномена образа Будущего характеризует переход от традиционных обществ к обществам Модерна.

Указанные психологические факторы характеризуют разделение на их основе общества, в первую очередь элиты, и оказывают серьезное воздействие на взаимоотношения разделенных частей. Это оказывает серьезное влияние на другие общественные процессы. Иными словами, надо рассматривать роль этих психологических факторов как самостоятельную движущую силу истории. Предлагается

использовать разделение исторического времени на эпохи доминирования пассионариев и эпохи доминирования консерваторов. Это дает возможность оценить ошибки правящих элит и государственной власти, связанные с неспособностью определить моменты смены этих эпох и принять меры по их учету. Приведены исторические примеры.

В статье рассмотрена важная для современной России задача конструктивного использования энергии пассионариев в эпоху консерваторов для активизации экономико-технологического развития, а также использования образа Прошлого при формировании идеологии консерваторов в период всеобщей ориентации на Будущее.

Хочется закончить статью подтверждением известного, но часто забываемого тезиса: развитие истории, экономики и других общественных наук напрямую связано с продвижениями в научной психологии.

Литература

- Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 52–78.
- Балацкий Е.В. (2023). Эрозия институтов и экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 81–101.
- Балацкий Е.В. (2024). Феномен мегациклов в фантастике Роберта Хайнлайна // Alter Economics. Т. 21. № 1. С. 141–158.
- Блаттман К. (2024). Зачем мир воюет: причины вражды и пути к примирению. Москва: Эксмо. 464 с.
- Волконский В.А. (2002). Драма духовной истории. Внеэкономические основания экономического кризиса. Москва: Наука. 262 с.
- Волконский В.А. (2017). XXI век. Многополярный мир. Тренды и задачи истории. Москва: Книжный мир. 320 с.
- Волконский В.А. (2024). Идеология государственности во взаимоотношениях между странами Востока и Запада // Экономическая наука современной России. № 4.
- Волконский В.А. (2025). Формационно-цивилизационный синтез в изучении социальной динамики // Экономическая наука современной России. № 1.
- Глазьев С.Ю. (2021). За горизонтом конца истории. Москва: Проспект. 416 с.
- Дугин А.Г. (2020). *Politica Aeterna*. Политический платонизм и «Черное Просвещение». Москва: Академический проект. 563 с.
- Екимова Н.А. (2024). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 64–80.
- Калашников М. (2023). Как устроено русское чудо // Изборский клуб. № 8.
- Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П. (2020). Идеология русской государственности, Континент Россия. Санкт-Петербург: Питер. 688 с.
- Турчин П.В. (2024). Конец времен. Москва: Изд. АСТ. 432 с.
- Юнг К.Г. (1997). Психологические типы. Москва: Университетская книга, АСТ. 710 с.

Сведения об авторе

Виктор Александрович Волконский — доктор экономических наук, профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Volkonsky V.A.

The Epochs of Passionaries and Conservatives and the Image of the Future in Historical Processes

Abstract. The article considers the problem of structuring history “in time and space”, i.e. constructing its schematic picture (or model) in the form of a small number of large communities, differing in types of culture and patterns of development (structuring “in space”), the development of which takes place over long periods that differ in their semantic content (structuring in time). For a long time, the functions of such a model were performed by categories of socio-economic formations and civilizations. In recent decades, the categories of formations have become less and less suitable for reflecting rapidly transforming historical processes, as shown in the paper. To address the task of structuring, we suggest using the socio-psychological type of passionaries introduced into historical science by Lev Gumilev; we also propose to introduce an alternative type of conservatives. L. Gumilev and other researchers used the psychological type of passionaries as a factor in the processes of ethnogenesis. The paper demonstrates the possibility of effectively applying the categories of passionaries and conservatives as drivers of political, ideological, economic and other changes in the social structure and for structuring much shorter periods of society’s development. The article examines the socio-psychological phenomenon of society’s attitude toward the past and the future — its role in the revival of social life and in the formation of differences in the moral and ideological foundations of Western and Russian civilizations in different historical periods. Its connection with the epochs of domination of passionaries and conservatives is shown.

Key words: socio-psychological types of passionaries and conservatives, epochs of passionaries, epochs of conservatives, changes in the social structure, socio-economic formations, image of the future, image of the past.

Information about the Author

Viktor A. Volkonsky — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Статья поступила 21.02.2025.

Социально-политическая устойчивость российского общества как критерий легитимности государства

**Виктор Константинович
ЛЕВАШОВ**

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: levachov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4830-2502; ResearcherID: R-5424-2016

**Наталья Михайловна
ВЕЛИКАЯ**

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: natalivelikaya@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5532-844X; ResearcherID: A-9577-2017

**Владимир Ильич
САВИНКОВ**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: visavinkov@senat.gov.ru
ORCID: 0000-0002-1544-1605

Для цитирования: Левашов В.К., Великая Н.М., Савинков В.И. (2025). Социально-политическая устойчивость российского общества как критерий легитимности государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 57–75. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.3

For citation: Levashov V.K., Velikaya N.M., Savinkov V.I. (2025). Socio-political stability of Russian society as a criterion of the legitimacy of the State. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 57–75. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.3

Аннотация. В статье на базе данных общероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» анализируется динамика социально-политической устойчивости российского общества как критерий и индикатор публично выражаемой гражданами легитимности государству, создающему обществу условия устойчивой жизнедеятельности в настоящем и будущем. В рамках анализа теоретических оснований устойчивости показана диалектическая природа социально-политической устойчивости, ее предопределенность характером социальной структуры, распределительных отношений и реализацией принципов социальной справедливости в обществе. На основе проведенного анализа эмпирической информации показано отчуждение большей части граждан России от неолиберальной модели государства, выраженное предпочтение в выборе социально-ориентированного типа государства, что ведет к востребованности населением административного социально-политического управления. Динамика удовлетворенности политической системой, оценки населением выполнения государством социальных, в том числе конституционных, гарантий доказывают высокую степень устойчивости российского общества, которая, однако, базируется всего на четырех факторах: этно-территориальном; оборонном (доверие армии); полном доверии Президенту РФ (В.В. Путину); гарантированной Конституцией социальной поддержке населения государством. С помощью факторного анализа выявлена значимость различных групп противоречий в российском обществе (экономические, этно-религиозные, классовые), которые влияют на социально-политическую устойчивость. Выделены зоны риска устойчивости, связанные с низким уровнем институционального доверия к большинству институтов власти и структурам гражданского общества. По результатам исследования сформулированы рекомендации укрепления социально-политической устойчивости российского общества и государства.

Ключевые слова: социально-политическая устойчивость общества, легитимность государства, социальные противоречия, доверие институтам власти, конституционные гарантии, социально ориентированное государство.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00438 «Резервы устойчивого социально-политического развития российского общества и государства в контексте укрепления традиционных ценностей и глобальной многополярности», <https://rscf.ru/project/23-18-00438/>.

Введение

Проблемы, связанные с возможностями политической легитимации, постоянно находятся в поле зрения исследователей в силу того, что дефицит политической легитимности испытывают сегодня политические элиты разных стран, вне зависимости от типов политического режима, практики властных коммуникаций и уровня развития гражданского общества (Hinsch, 2010; Callaghan, 2022; Михайлова, 2023). Потребность в дополнительных механизмах легитимации у властных институтов усиливается в переходные эволюционные и кризисные моменты, когда важно сохранить управляемость и социально-политическую устойчивость.

Публичная легитимность в этом случае является важнейшим показателем устойчивости

и эффективности политической системы. Фундамент легитимности государства строится на убежденности граждан, что их благополучие зависит от поддержания существующего порядка в обществе, когда государство выражает интересы граждан, а государственная власть обеспечивает порядок не только мерами принуждения, но и политическим участием населения. В эпоху постмодерна в поле зрения ученых все чаще попадают проблемы, связанные с манипулятивным характером современных легитимационных практик (Омельченко, Гасратова, 2015, с. 38; Saccà, Velikaya, 2024), когда человек «лишь периодически «подключается» к властно-политическому порядку с помощью таких процедур, как выборы, референдумы, соцопросы» (Мартыанов, 2009, с. 83).

При этом исследования легитимности в последние годы смещаются от описания ценностно-нормативных оснований легитимности, определяющих политическую идентичность, на выявление фреймов политических коммуникаций, в том числе на основе эволюции дискурса «включения — исключения» насилия и его трансформации в дискурс политической легитимации как различия «легитимного» и «нелегитимного» принуждения, символическим производным которого и является собственно политическая легитимность (Завершинский, 2016, с. 6). Другими словами, государство, обладая монополией на легальность, в условиях демократического политического порядка не форсирует проведение своих решений в общественное мнение, а, наоборот, старается интегрировать мнение общества в свои решения, что обеспечивает действительное осуществление его политики (Беше-Головко, 2011, с. 135). В целом большинство исследователей солидарны с позицией Ю. Хабермаса, рассматривающего легитимацию власти как интеграцию общества, большинство которого поддерживают ценности и нормы, провозглашаемые властью «чтобы удовлетворить эти притязания, т. е. показать, почему существующие институты достойны и правомочны осуществлять законную власть таким образом, чтобы реализовались основополагающие для идентичности общества ценности» (Хабермас, 2010, с. 183).

Авторы рассматривают легитимность как результат процесса устойчивого развития общества и государства, содержание которого определяется широким кругом социальных и политических факторов (Левашов, Великая, 2021). Вес и значимость этих факторов варьируются в разные исторические периоды, что возможно оценить, опираясь на результаты мониторинговых исследований.

Эмпирическая база статьи — данные всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия» (Левашов и др., 2024), прово-

димого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН¹, позволяющие анализировать динамику релевантных легитимности государства показателей: доверие к политическим институтам и политическим лидерам, уважение и подчинение закону, общая, разделяемая большинством система ценностей и ценностно-мировоззренческие ориентиры, наличие консенсуса власти и общества по поводу значимых политических и экономических целей.

Теоретическая концепция социологического анализа устойчивости общества

Для характеристики политической жизни общества чаще всего используют понятие *консолидация, чем устойчивость*, хотя второе по содержанию шире и в большей степени соответствует отображению диалектики структурно-функциональной модели общества. Понятие устойчивости используется для характеристики не «идиллии», а равновесия социальных отношений с учетом их объективной перманентной противоречивости, предсказуемости характера эволюции противоречий и компромиссной формы их разрешения. Консолидация общества — это сплочение граждан государства на основе идентичности ценностных установок (Руткевич, 2001; Левашов, 2003; Коэн, Арато, 2004; Sacca, Velikaya, 2024). В политических исследованиях устойчивость политической системы определяется как способность сохранять свое развитие в заданном направлении (движении по намеченной траектории) и поддерживать заданный режим функционирования, несмотря на воздействующие возмущения (Гришин, 2015), что обеспечивается способностью власти принимать решения и проводить их в жизнь, не прибегая к открытому насилию (Варламова, 2015).

В данном исследовании устойчивость политической системы в социологическом измерении рассматривается как бесконфликтная вариативность социально-экономических

¹ Социологический мониторинг «Как живёшь, Россия?» (научный руководитель — доктор социологических наук В.К. Левашов) проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. В основе исследования — всероссийская квотная пропорциональная выборка на основе следующих компонентов генеральной совокупности: пол, возраст, образование, место жительства. При территориальном размещении выборки используется районирование страны на основе экономико-географического компонента (соблюдаются пропорции численности населения и пропорции между городским и сельским населением). В разное время объем выборочной совокупности составлял от 1 312 до 1 866 респондентов; Полевой этап 2024 года проведён в период с 23 марта по 08 апреля 2024 г. в 22-х регионах страны. (N=1700).

состояний общества, эквивалентная естественной динамике социально-профессиональной структуры и распределительным отношениям, соответствующим ожиданиям граждан, восприятию ими этих отношений как *социально справедливых*. В отличие от аффективно-ментальной консолидации (Попов, 2004), диалектическая устойчивость общества допускает политический плюрализм в опосредованных индивидуальных интересах, установках, консенсус в определении критериев социально справедливых распределительных отношений.

Диалектическая противоречивость содержания устойчивости той или иной структурно-функциональной модели государства — как рыночного, так и преимущественно социально ориентированного — может быть подвергнута анализу исходя из практического и гносеологического подходов. В аспекте практической составляющей устойчивости структурно-функциональной модели государства необходима для кумулятивного накопления экономического и интеллектуального потенциала общества. Однако диалектика предполагает наличие двух противоположных составляющих, которые в разнонаправленном взаимодействии перманентно генерируют процесс социального развития.

В научном плане было бы некорректно абсолютизировать устойчивость политической системы, так как методы политического управления в ее обеспечении могут быть диаметрально противоположными: либо демократия, либо теократия, либо диктатура. Авторы рассматривают понятие устойчивости, с одной стороны, как социально-экономическую ассоциацию общества в социальный институт демократического государства, органически включающий социальные противоречия, регулируемые государством политическими и экономическими методами для нахождения компромисса. Институциональный (Кушнир, 2023, с. 134–140) и политический (Тепляков, 2010, с. 239–241) аспекты регулирования равновесия общества, и соответственно государства, рассматриваются как методы, которые, как свидетельствуют социальные революции, не всегда достаточны для обеспечения устойчивости общества.

В обыденном сознании понимание устойчивости социальной организации людей базируется на понятии социальной справедливости

принципов распределения. Значимость такого восприятия массами своего отношения к государству как индикатор его устойчивости значительно выше, чем количественные критерии материальной составляющей распределительных отношений. Пример тому длительная во времени устойчивость политической организации этнически и конфессионально высокодифференцированного советского общества. В данном ракурсе интерпретация понятия «устойчивость государства» может звучать как соответствие политического управления объективным законам развития общества и понимание справедливости существующего политического порядка. Так это понимал Аристотель, считавший основным стержнем баланса государства-полиса *соблюдение принципа социальной справедливости* (Аристотель, 1983, с. 603). Это понятие у Аристотеля тесно связано с установкой власти на создание условий роста численности «среднего слоя» в составе населения полиса: «...благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия... либо тирания...» (Аристотель, 1983, с. 508)².

С зарождением классических капиталистических государств кодифицированной формой устойчивости политической организации общества стала конституция как свод основных принципов и нормативно-правовых законов добровольного объединения граждан в государство рыночных отношений. Принято считать, что в политическом отношении конституция есть средство ограничения государственной власти и гарант прав личности. Даже если закон содержит сугубо институциональные нормы кодифицированного права, без учета вариации интересов гражданина, осознающего обязательность соблюдения предписанных правовых норм, он все равно будет субъективно воспринимать эти нормы с позиции справедливости относительно себя лично или в более широком аспекте — с позиции социальной справедливости.

² Правомерно предположить, что под «крайней демократией» Аристотель понимал «анархию». Сформулированный Аристотелем принцип есть прообраз концепции среднего класса, составляющей стержень современной идеологии развитых капиталистических стран.

Однако государство не может быть добрым или злым, хорошим или плохим абсолютно для всех, раз и навсегда. Поэтому вопрос должен быть поставлен так: соответствует ли данное государство решению задачи устойчивости общества в конкретно-историческом политическом, экономическом и социальном пространствах. Если не соответствует, это чревато социальными коллизиями. Если соответствует, тогда задача воспроизводства и сохранения устойчивости решается и общество становится устойчивым в той структурно-функциональной модели, которую представляет собой данное государство.

На связь устойчивости общества с легитимностью обращали внимание и классики социологической мысли. В частности, Д. Истон понимал легитимность именно в этом ключе — как возможность, благодаря которой политическая система может справиться с проблемами обеспечения стабильности системы (Истон, 2000, с. 319–321). Роль легитимности в процессе поддержания стабильности системы подчеркивал М. Липсет, рассматривающий политическую легитимность как «качество политической системы, как ее способность поддерживать веру населения и социальных групп в то, что существующие политические институты наиболее соответствуют данному обществу» (Липсет, 2012, с. 42). Предлагаемый авторами подход к исследованию легитимности строится на понимании легитимности государства как результата осознанного научного поддержания диалектического процесса устойчивого социально-политического развития отношений субъектов и институтов общества и государства в интересах граждан в настоящем и будущем (Левашов, 2023; Березина и др., 2024, с. 4–6).

Граждане делегируют право выбора методов и способов регулирования социально-политического баланса отношений в обществе, создания условий для рентабельного функционирования экономики своим представителям во властных структурах, сами же занимаются своими «заботами», не обременяя себя той работой, которую оплачивают бюрократии за счет своих налогов. Поэтому должны существовать индикаторы контроля результативности работы органов власти, действующих от имени, в интересах и за счет граждан.

Есть понятие государства и власти, но нет их вещественных «субстратов» — ни государства, ни власти. Государство и есть народ, а

власть — социально-политический статус части народа в условиях демократии. Не случайно современный этап развития обществ современного типа, определяющийся влиянием глобализации и цифровизации, изменил конфигурацию гражданского общества, которое теряет свою идеологическую интерпретацию «в терминах рынка и собственнического индивидуализма» (Лэйн, 2012, с. 99) и становится средой для самоподдерживающихся связей, в которой переплетены разнообразные неформальные сети солидарностей с различными формами взаимной поддержки и взаимовыгодных объединений. При этом социальные роли различных групп населения дифференцируются общественным разделением труда и его производной — принципом распределения прибавочного продукта. Этот принцип изменяется в соответствии с ростом производительности общественного труда и, соответственно, величины прибавочного продукта. Например, в монархическом феодальном государстве происходит экспроприация основной части прибавочного продукта, преимущественно в натуральной или в смешанной, натурально-денежной форме. С введением в оборот частной собственности и ее неотчуждаемости экспроприация части прибавочного продукта происходит в денежной форме как «налог на граждан» по унифицированному принципу и в пропорциональном долевым соотношении, что порождает у граждан иллюзию социальной справедливости. Этот процесс объективный и способствует устойчивости рыночного государства как социально-политического образования, так как сглаживает противоречия между селом и городом, между трудом интеллектуальным и физическим, между работниками предприятий гражданского товарного производства и между работниками оборонных предприятий и в целом — между производящей и иждивенческой частями населения.

Если говорить о значимом социальном противоречии между населением и властью как политическим представителем государственного образования — это противоречие между гражданами и бюрократией, о чем упоминал А. Токвиль, анализируя практику демократии на начальной стадии становления США как демократического государства: «В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление

к власти. В демократических правительствах государственные деятели — это бедные люди, и им только предстоит нажать свое состояние³. Из этого следует, что в аристократических государствах правители практически недоступны для коррупции и весьма умеренно относятся к деньгам; совершенно обратное происходит в демократических странах» (Токвиль, 1992, с. 177).

В социологическом плане важность общественного разделения труда как естественной основы кооперационных устремлений людей подчеркивал Э. Дюркгейм: «...разделение труда если не единственный, то по крайней мере главный источник общественной солидарности» (Дюркгейм, 1996, с. 69), и производимая общественным разделением труда «...солидарность способствует общей интеграции общества» (Дюркгейм, 1996, с. 71). Гарантацией этой интегрированности является конституция. Однако, если конституции придавать сугубо социально-регулятивную функцию, безотносительно типа государства или иного экономически структурированного сообщества, тогда безразлично, как ее называть: закон, уложение, декрет, завет и т.д. В гносеологии требуется четкое разграничение понятий, иначе научность рассуждений подменяется субъективно истолковываемыми прецедентами исторического характера.

Конституция не может быть законом сама по себе, и, хотя сегодня конституцию называют основным законом государства, в действительности это свод принципов, не подлежащих дроблению на подзаконные акты. Характер действия конституции и закона различается: конституция является гарантом прав граждан, а не просто разрешительного характера: было бы нелогично разрешать то, чем гражданин обладает от природы. Граждане объединяются в государство при условии гарантии защиты их жизненных интересов. Это компромисс, на который должна соглашаться власть, чтобы государство существовало. И в этом случае актуален вопрос об устойчивости компромисса, о

своевременном предвидении необходимости коррекции принципов отношения государства и общества. Например, изучая характер действия Конституции Токвиль восхищался новыми принципами гражданского сообщества: «Общие принципы построения современных конституций, которые большинство европейцев XVII века понимало с трудом и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и закреплены ее законами: участие народа в общественных делах, свободное голосование по вопросу о налогах, ответственность представителей власти перед народом, личная свобода и суд присяжных — все это было воспринято единодушно и реально введено в жизнь в Новой Англии» (Токвиль, 1992, с. 51).

С позиции социологии анализ социально-консолидирующей роли конституции государства осуществляется посредством учета оценки гражданами тех положений, которые непосредственно касаются их жизненных интересов. Так как интересы граждан по форме различаются, индикатором их консолидации может быть только унифицированная субъективная оценка, высказанная самими гражданами. Это подтверждается и широтой сформулированных в конституции целей социально-экономической кооперации. В частности, о государственно-консолидирующей роли Конституции РФ, способствующей устойчивости государства, можно судить на основании определяемой методами прикладной социологии оценки гражданами реализации обязательств государства по гарантии их основных прав и свобод (статьи 6–48)⁴.

Спектр гарантий, которые, согласно Конституции РФ, государство берет на себя, велик. Многие гарантии, относящиеся к социальному страхованию, можно было бы опустить, однако социальные фонды не могут их полностью взять на себя из-за девальвации накоплений по причине высокой, продолжительной инфляции. Такую гарантию, как право на отдых, должен реализовать профсоюз путем соглашения с работодателем, а не государство. Гарантия обращения с претензиями в государственные органы противопоставляет государство и граждан, подчеркивает роль государства как «опекуна».

³ Правомерность вывода Токвиля подтверждается «авральской» политикой нынешней администрации Президента США Д. Трампа по сокращению бюрократического аппарата с мотивацией «нецелевого» расходования денег из средств государственного бюджета и противодействия деструктивной для интересов государства и общества деятельности.

⁴ Конституция Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 08.12.2024).

В правовом государстве производственные споры должен решать арбитраж, а гражданские споры — суд. Декларативный характер носят гарантии свободы выбора профессии, места и характера труда. Они были актуальны в советский период, когда эти права ограничивались пропиской: житель села не мог поехать работать в город или выбрать заводскую профессию, если не было целевого направления органов власти. Сейчас ограничения профессионального самоопределения граждан заданы технологией производства, его рыночной рентабельностью, и государство на это влиять может только в небольшой степени, в основном коррекцией системы профессионального образования и созданием дополнительных рабочих мест за счет государственных (национальных) проектов.

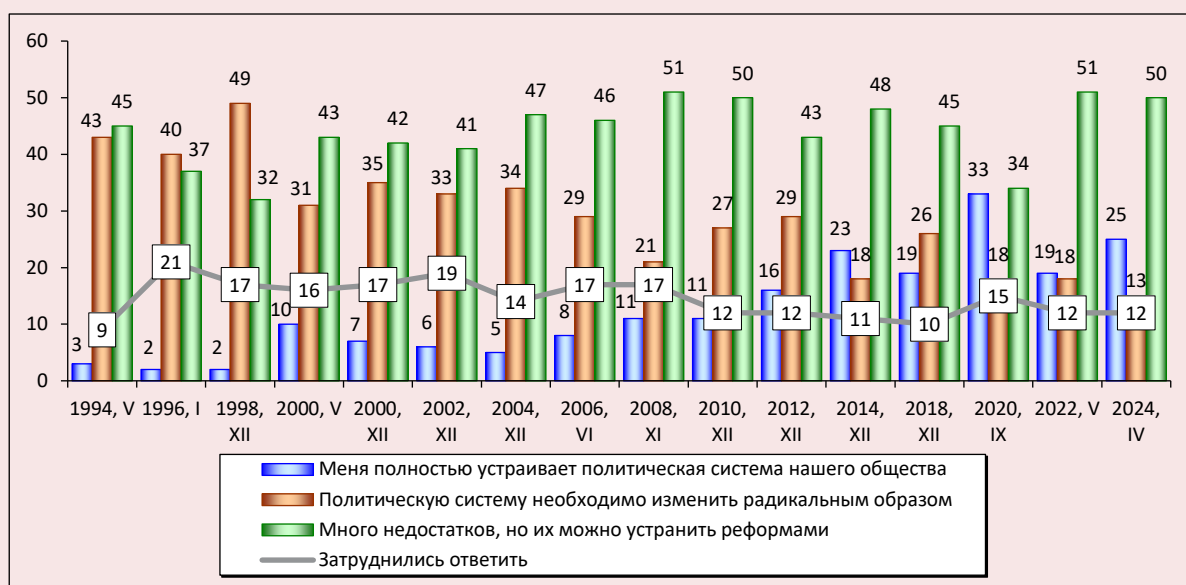
Эмпирико-социологический анализ социально-политической устойчивости общества

При эмпирическом изучении социально-политической устойчивости в ИСПИ ФНИСЦ

РАН⁵ используются различные группы индикаторов: принятие/непринятие существующего политического порядка, доверие/недоверие к институтам власти и конституционным политическим практикам, гражданская и политическая активность, самооценка материального положения и др.

Динамика «отношение к политической системе» позволяет говорить о расширении зоны устойчивости, сложившейся в российском обществе и государстве политической модели. На фоне роста массы граждан, полностью поддерживающих конфигурацию политической системы, снизилось число сторонников радикального ее изменения. При этом последние три года демонстрируют стабильное мнение граждан относительно возможностей трансформации политической системы. Половина наших сограждан видит существующие проблемы и недостатки, но в качестве возможного пути ее изменения рассматривает реформы (рис. 1).

Рис. 1. Отношение респондентов к политической системе общества (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: (Левашов и др., 2024).

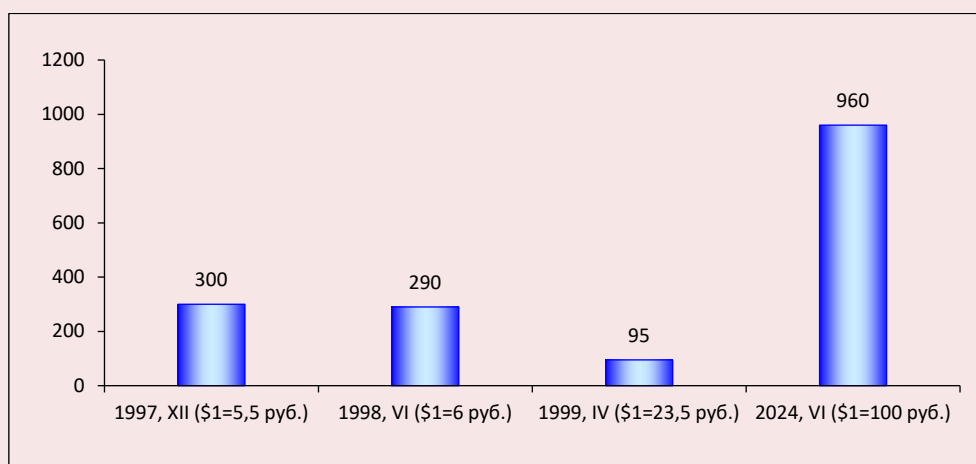
⁵ Исследование проводится ежегодно по сопоставимой методике на базе квотной территориально-районированной выборке с квотным отбором 1700 респондентов в 22-х субъектах РФ, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге, в форме персонального интервью. Территориальные пропорции в выборке соблюдаются с учетом статистических данных Росстата по всем федеральным округам и пяти типам поселений: мегаполисы, административные центры субъектов РФ, районные города, пгт, села. Также соблюдаются квоты по 12-ти социально-профессиональным группам, квоты по которым рассчитаны в соответствии с данными Росстата. По перечисленным параметрам средняя ошибка выборки не превышает |3%|.

Определяющим фактором здесь остается степень доверия общества к власти, политическим акторам и принимаемым ими государственным решениям, а также к общественным структурам, что позволяет рассматривать институциональное доверие и как социальный капитал и как социальный ресурс, обеспечивающий социальное взаимодействие (Штомпка, 2012). В эмпирическом поле это подтверждается корреляцией между уровнем институционального доверия и отношением к политической системе (Березина и др., 2024, с. 86–109).

Говоря о нынешнем состоянии, наиболее достоверным показателем высокой устойчиво-

сти российского общества правомерно считать состоявшиеся в марте 2024 г. выборы Президента РФ: явка электората на голосование превысила 70% — самая высокая в истории аналогичных выборов в РФ; голосование за В.В. Путина — почти 90%, также исторический рекорд. Устойчивая тенденция консолидации российского общества в выборе Президентом РФ В.В. Путина в 2024 году — явление закономерное и берет свое начало в период углубления и кульминации социально-экономического кризиса и финансового дефолта в конце 90-х годов, что и определило реальность отставки с поста Президента РФ Б.Н. Ельцина (рис. 2 ; табл. 1).

Рис. 2. Динамика среднемесячного бюджета семьи из трех человек⁶, \$

Источник: (Шереги, 2003; Левашов и др., 2024).

Таблица 1. Динамика доли имущественных групп в период до и после финансового дефолта в РФ (август 1998 г.), %

Имущественные группы	1998 г. июнь	1998 г. октябрь	1999 г. январь	1999 г. апрель	2024 г. июнь
Материально высоко обеспечены	0,9	0,2	0,2	0,9	1,7
Материально средне обеспечены	34,3	22,4	19,6	16,7	71,8
Материально низко обеспечены	54,5	57,4	59,6	57,3	14,8
Живут за чертой бедности	10,3	20,0	20,6	25,1	11,7
Итого	100	100	100	100	100
Всего бедные	64,8	77,4	80,2	82,4	26,5

Источник: (Шереги, 2003; Левашов и др., 2024).

⁶ Источник данных за период 1997–1999 гг. на рис. 1, табл. 1, рис. 2 (Шереги, 2003, С.438, С. 390). Все приведенные в статье данные за 2024 г. — результаты 54 этапа общероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» (Левашов и др., 2024), проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2024 г. (руководитель Левашов В.К.).

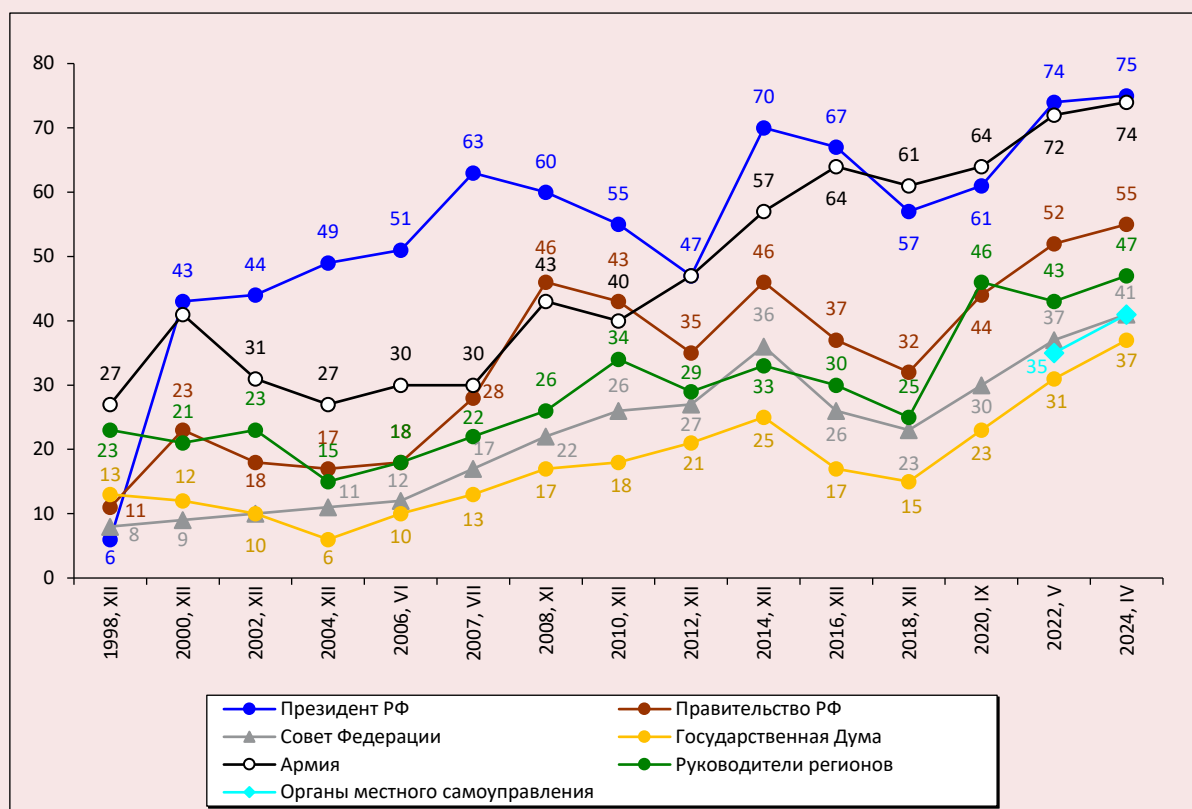
На рисунке 2 и в таблице 1 отображены экономические последствия финансового кризиса 1998 г. — крайняя поляризация общества до 1999 г. по уровню благосостояния, что «эхом откликнулось» в общественном мнении в форме доверия граждан органам исполнительной и законодательной власти (рис. 3).

Угроза устойчивости общества проявляется не только в падении доверия граждан Президенту РФ (Б.Н. Ельцину) почти до нуля в 1999 году, но и в том, что доверие к другим органам исполнительной и законодательной власти не достигало 20%. Относительно высокой оставалась только доля граждан, доверявших Российской армии. Заметим, что рост доверия граждан органам исполнительной и законодательной власти начался только в 2000 г., и сегодня гарантом устойчивости развития российского общества и легитимности

государства в настоящем и будущем большинство граждан правомерно считают Президента РФ (В.В. Путина) и Российскую армию.

В то же время все еще слаба гражданско-консолидирующая роль в устойчивом социально-политическом развитии институтов гражданского общества, партий и Государственной Думы, общественных организаций и местной власти (Левашов и др., 2024, с. 17–18). По всей вероятности, одной из причин низкого рейтинга является не только слабая публичная прозрачность и гласность результатов их деятельности, но и слабое «взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти в единой системе публичной власти для эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»⁷.

Рис. 3. Динамика доли россиян, доверяющих органам исполнительной и законодательной власти (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: (Левашов и др., 2024).

⁷ Конституция РФ. Ст. 132, п. 3. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 08.12.2024).

За все годы реформ в стране не удалось сформировать структуру действенных институтов гражданского общества, которые могли бы сравниться с советской системой народных депутатов. Ни профсоюзы, ни общественные организации, ни партии так и не стали публично эффективными инструментами социальной интеграции и социальной солидарности граждан. Вместе с тем последние годы, с начала СВО, российские граждане продемонстрировали рост публичного доверия практически ко всем властным институтам, что объективно указывает на консолидацию российского общества и укрепление легитимности органов государственной власти, обусловленные социально-политической ситуацией противостояния внешним угрозам (табл. 2).

При этом в 2024 г. сохраняется существенный разрыв в доверии, которое граждане выражают действующему Президенту РФ по сравнению с другими органами власти. В частности, уровень доверия к местной и региональной власти на 30 пунктов ниже, чем доверие Президенту РФ (табл. 1). Столь серьезные расхожде-

ния в доверии институтам политической власти приводит к приобретению качеств режима персоналистского типа (Попова, 2019), где региональная и местная власти встраиваются в общую иерархическую вертикаль соподчинения, а решение всех вопросов, в т.ч. местного уровня, завязывается на президенте (Великая, 2024). Однако, если устойчивость государства зависит только от отношения граждан к Президенту РФ В.В. Путину, то это вуалирует перспективы социально-политической устойчивости в долгосрочном будущем.

Существует ряд факторов, синхронных с содержанием конституции и непосредственно затрагивающих интересы населения. В частности, хотя в нынешней Конституции РФ не обозначена идейно-политическая система государства, по инерции или по генетической предрасположенности россияне в значительной степени дифференцированы по критерию предпочтения ими идейно-политической системы, тяготея либо к социализму, который воспринимается как социально-ориентированное государство, либо к капитализму (рис. 4).

Таблица 2. Динамика отношений респондентов к общественным структурам и институтам власти (вариант ответа «доверяю») (РФ, % от числа опрошенных, 2012–2024 гг.)

Общественные структуры и институты власти	2012, XII	2014, VI	2016, XII	2021, VI	2023, VI	2024, IV	Индекс доверия (Id) по 2024 г. *
	доверяют	доверяют	доверяют	доверяют	доверяют	доверяют	
Президент РФ	47	72	67	50	73	75	0,60
Правительство РФ	35	49	37	35	53	55	0,28
Совет Федерации	27	38	26	27	39	41	0,09
Государственная Дума	21	27	17	23	34	37	-0,9
Администрация Президента РФ	28	42	32	36	47	51	0,26
Совет Безопасности	32	48	36	46	52	53	0,31
Полиция, суд, прокуратура	18	21	17	25	37	36	-0,4
Армия	47	61	64	66	69	74	0,62
Руководители регионов	29	36	30	39	50	47	0,19
Общественная палата	23	29	19	29	35	35	0,07
Профсоюзы	21	25	19	34	34	36	0,4
Церковь	52	55	45	40	52	54	0,31
Партии, политические движения	22	19	15	20	22	26	-0,15
Общественные организации	31	29	21	37	35	47	0,11
Средства массовой информации	26	24	17	22	27	31	-0,1
Органы местного самоуправления	-	-	-	-	41	41	0,5

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

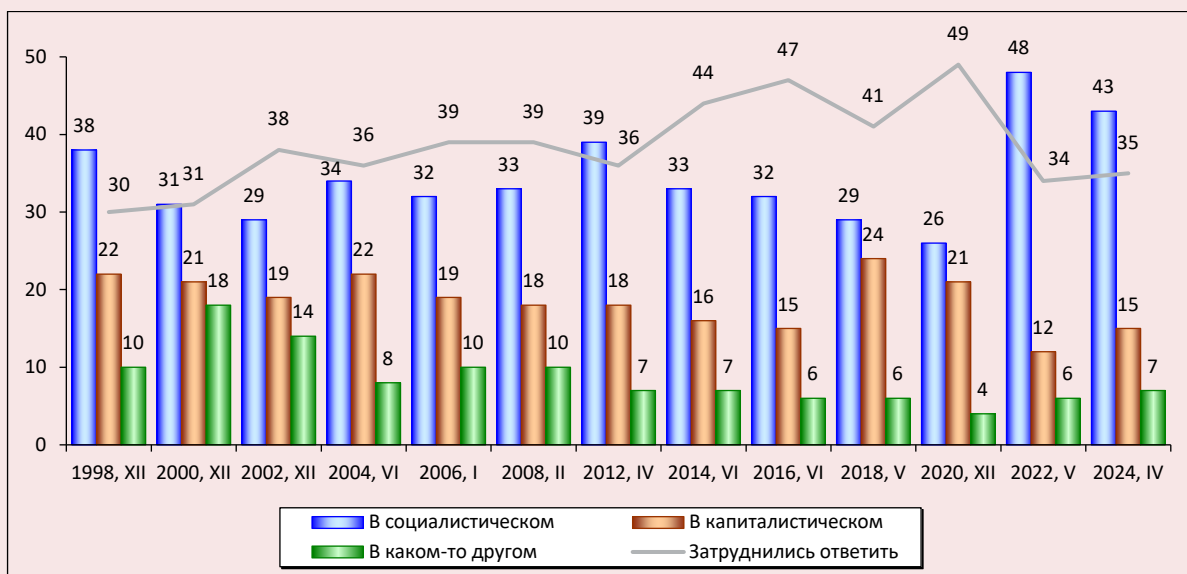
* Индекс доверия (Id) измеряется в диапазоне [-1; 1]. Чем ближе значение индекса к 1, тем выше уровень доверия к изменяемому институту. Тем ближе к -1, тем он ниже.

Источник: (Левашов и др., 2024); данные Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Значительная разобщенность мнения россиян по вопросу о предпочтении идейно-политической системы (от нее зависят распределительные отношения в государстве) объясняет отсутствие в современных конституциях рыночных государств характеристики идейно-политической системы. Россия инициировала введение в стране радикально-либеральных рыночных отношений, но приватизация эко-

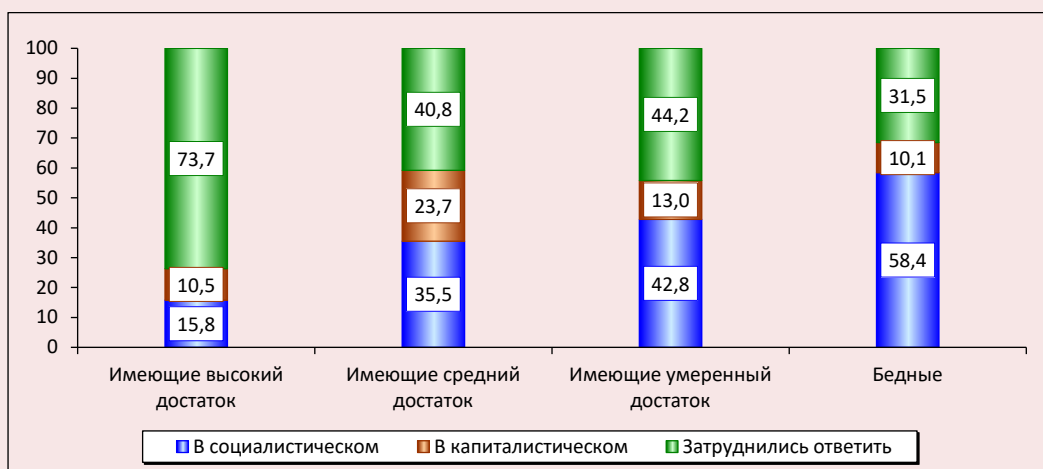
номики в 1990-х годах прошла социально неэффективно. В итоге абсолютное большинство населения было вынуждено довольствоваться приватизацией только своей квартиры, которая не представляет собой значительного авансового капитала для предпринимательской деятельности. Поэтому ориентация на социализм наиболее ярко выражена у малоимущей части населения (рис. 5).

Рис. 4. Мнение россиян о том, в каком обществе они бы хотели жить (РФ, % от числа опрошенных, 1998–2024 гг.)

Источник: (Левашов и др., 2024).

Рис. 5. Мнение представителей различных имущественных групп о том, в каком обществе они бы хотели жить (РФ, % от числа опрошенных в 2024 г.)

Источник: (Левашов и др., 2024).

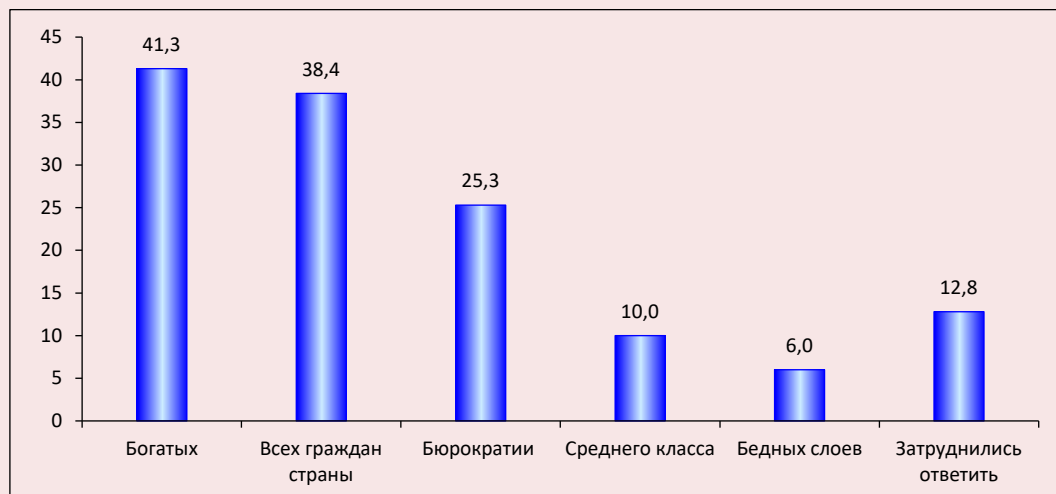
Данные на рисунках 5, 6 свидетельствуют об ориентированности большинства россиян на социальное, патерналистское государство. Из этого также следует, что идейно-политическая система Российской Федерации сегодня сама по себе не является консолидирующей для граждан, она целенаправленно не разобщает, но поддерживает массовое сознание относительно социально-экономических реформ в неустойчивом состоянии. О достоверности этого утверждения свидетельствует мнение респондентов о том, чьи интересы преимущественно защищает сегодня государство (рис. 6).

При такой позиции общественного мнения не удивительно, что среди граждан 40% граждан считают целесообразным национализировать все ранее приватизированные предприятия и еще 45% — часть таких предприятий. Подобная позиция россиян не согласуется с многими целевыми социально-ориентированными пара-

метрами экономической политики государства, направленной на развитие устойчивых рыночных отношений. В качестве одной из причин отторжения населением стихийного неолиберального рынка можно назвать слабое участие малого и среднего бизнес-сообщества в социальной политике государства.

Тем не менее, как свидетельствуют данные исследования, *в настоящее время российское государство правомерно считать вполне устойчивым*. Факторный анализ выявил, что основная составляющая генерирования устойчивости — это политика государства в области социальных гарантий. При этом гарантии политических свобод не играют решающей роли в формировании устойчивости. Российские граждане традиционно объединяют сформулированные в Конституции РФ гарантии в две ассоциированные группы: *социальные гарантии* и *политические гарантии* (рис. 7)⁸.

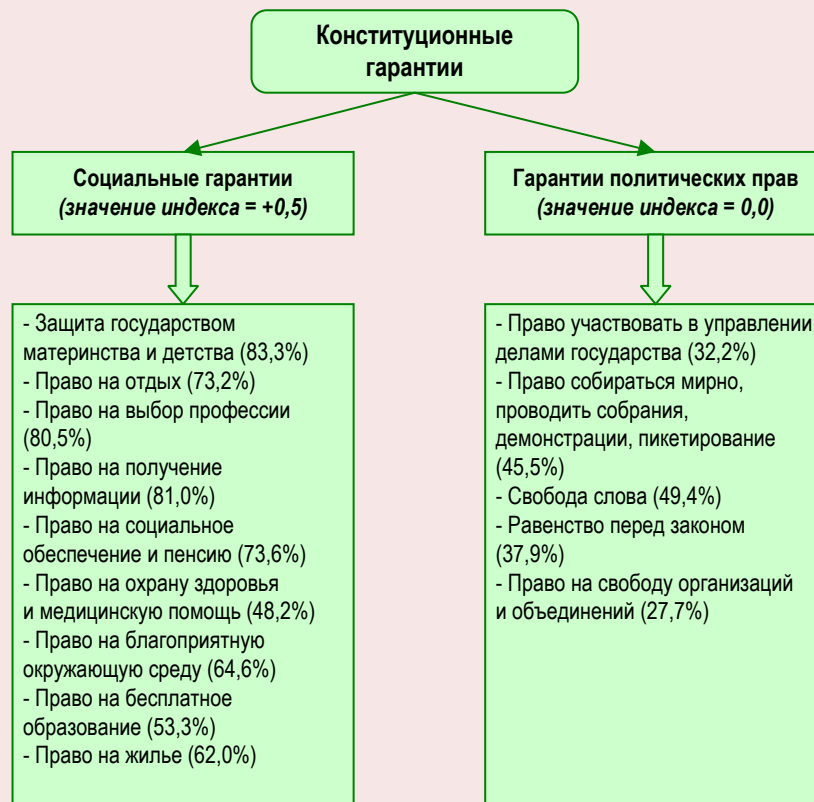
Рис. 6. Мнение респондентов о том, чьи интересы защищает сегодня государство (РФ, % от числа опрошенных в 2024 г.)

Источник: (Левашов и др., 2024).

⁸ Здесь и далее для расчета факторов применен метод главных компонент (программа класса SPSS). В качестве условия образования факторов задан нижний порог с числовым значением — $|0,5|$. Веса фактора «социальные гарантии» изменяются в пределах — $0,85-0,54$, фактора «гарантии политических прав» — $0,87-0,64$. В клетках второго ряда числовые индексы (в скобках) рассчитаны как средняя арифметическая индексов отдельных гарантий, входящих в соответствующий фактор. Интерпретация числовых значений индекса конституционных гарантий: государство полностью выполняет гарантии — «+1», государство совсем не выполняет гарантии — «-1», между ними располагаются промежуточные позиции граждан.

Рис. 7. Факторная схема ассоциации гражданами конституционных гарантий

Составлено по: (Левашов и др., 2024).

На основании значений индексов (в скобках во втором ряду клеток) можно заключить, что тем, как государство выполняет свои обещания по социальным гарантиям, в среднем довольны до 80%, а тем, как выполняет политические гарантии, — менее 50%. Эти показатели по отдельным видам гарантий различаются, поэтому в конце названия каждого вида гарантии в скобках (третий ряд клеток) указана доля респондентов, считающих, что государство соответствующую гарантию *выполняет полностью*.

Согласно этим показателям, можно заключить, что сформулированные в Конституции РФ социальные гарантии государством исполняются соответственно ожиданиям абсолютного большинства населения, а по политическим гарантиям большая доля граждан считает, что государство не выполняет свои обязательства сообразно их ожиданиям. Относительно выполнения государством социальных гарантий

претензии есть по гарантии права на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также по гарантии бесплатного образования. Заметим, что в условиях конституционно закрепленного принципа социального государства продолжают воспроизводиться практики многократно описанного патернализма российских граждан, когда от групп интересов лишь в малой степени зависит направления государственной политики. При этом невысоко оцениваются гарантии обеспечения равенства перед законом, возможности участвовать в управлении делами государства, право на политический протест и свободу организаций и объединений.

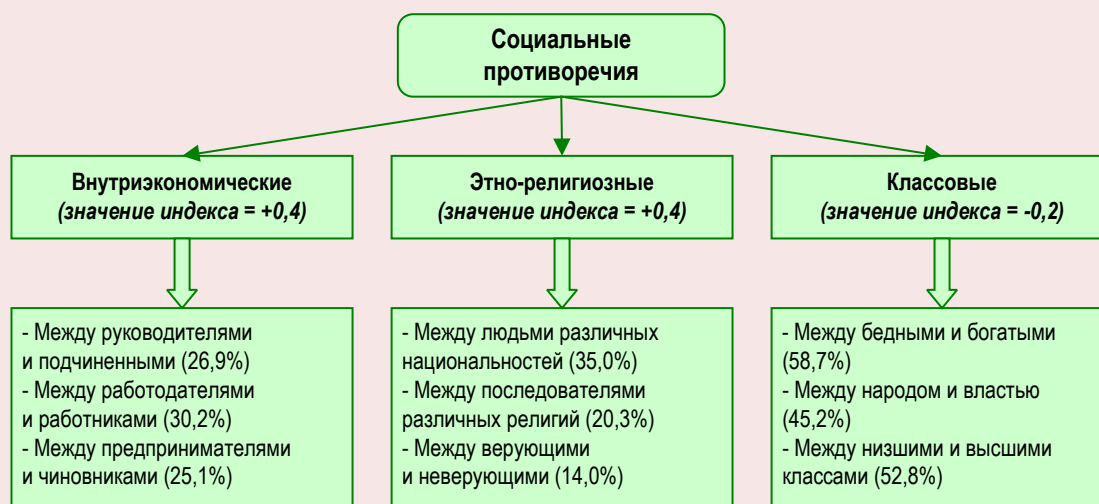
Ситуация усложняется и закреплением персоналистской модели политического режима, где многие вопросы, в т.ч. управления на региональном и местном уровне, решаются в ручном режиме на уровне Президента РФ. Именно В.В. Путин рассматривается как единственный лидер, способный вывести страну из кризиса:

об этом устойчиво заявляют порядка 65–70% опрошенных за последнее десятилетие (Левашов и др., 2024, с. 22). Ряд исследователей и ученых интерпретирует этот социологический факт в понятиях «подданнической культуры» и «авторитарного синдрома» россиян, когда граждане в сильной власти видят опору и надежду (Григорьева, 2014).

Приведенные эмпирические характеристики – это субъективные показатели удовлетворенности или неудовлетворенности граждан принципами распределительных отношений, однако они не раскрывают собственно причины, которые кроются в несоответствии социально-профессиональной структуры общества прогрессивным изменениям в технологии производства. Например, коэффициент соотношения доли сельского населения (25,2%) и занятых в сельском хозяйстве (6,3%) составляет – 0,25, коэффициент соотношения доли не аграрного населения (74,8%) и занятых не аграрным трудом (68,1%) – 0,91⁹. А кормиться и пользоваться гарантиями должно все население.

Противоречия, которые могут служить причиной «эрозии» устойчивости российского общества, отображены на факторной схеме (рис. 8). В скобках напротив индикаторов (третий ряд клеток) указана доля граждан в возрасте 18 лет и старше, считающих данное противоречие *значительным*. Судя по числовой величине индекса (в скобках во втором ряду клеток) сегодня наиболее значительным граждане считают классовое противоречие, актуализированное в массовом сознании, как чрезмерные материальные различия условий жизни разных социальных групп населения. При этом как наиболее острое выделяется противоречие между бедными и богатыми (значение индекса – «-0,3»), наименее острое – противоречие между властью и населением (значение индекса – «0,0»). Внутриэкономические и этно-религиозные противоречия, с точки зрения общественного мнения, незначительные, особенно между верующими и неверующими (значение индекса – «+0,7»), хотя в национальных отношениях некоторое напряжение имеет место (значение индекса – «+0,1»).

Рис. 8. Факторная схема актуальности в общественном мнении россиян социальных противоречий

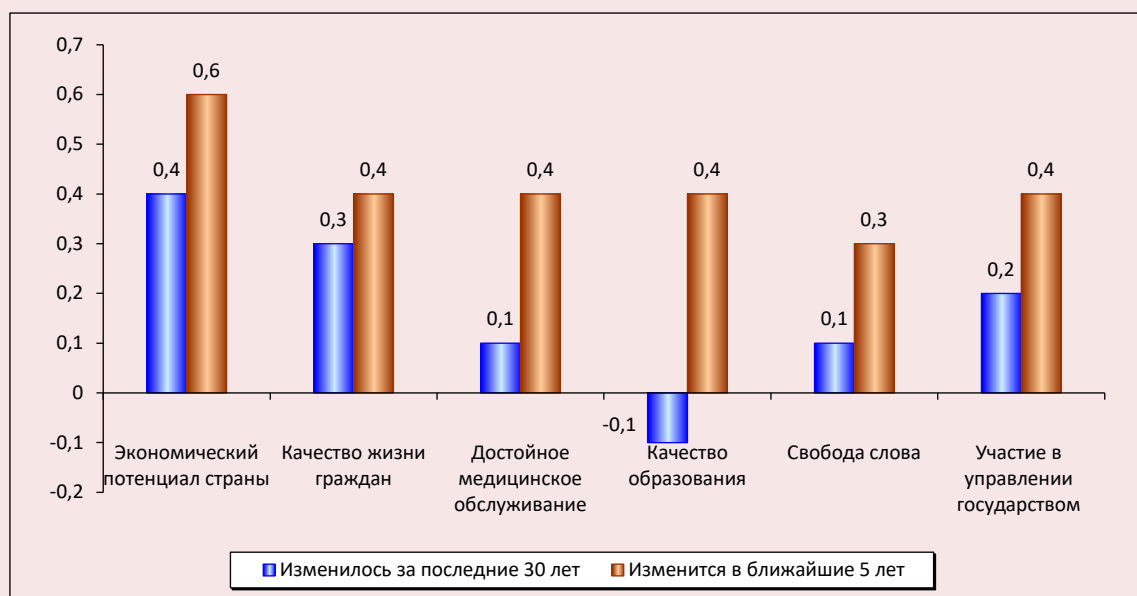

Примечание. Интервал факторных весов для факторов (противоречий): экономические – 0,84-0,66, этно-религиозные – 0,85-0,69, классовые – 0,87-0,75. Числовые параметры индекса значительности противоречий изменяются от «-1» (противоречия значительные) до «+1» (противоречия незначительные или нет противоречий).

Составлено по: (Левашов и др., 2024).

⁹ Рассчитано по источнику: Россия – Занятое население | 1991–2024 Данные | 2025–2026 прогноз. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/employed-persons> (дата обращения: 18.12.2024).

Рис. 9. Индекс мнения россиян о направленности изменения значимых характеристик жизни страны в лучшую сторону за последние 30 лет и в предстоящие 5 лет

Примечание. Интерпретация индекса направленности изменений: «+1» – все россияне считают, что данная характеристика изменилась / изменится в лучшую сторону; «-1» – все россияне считают, что данная характеристика изменилась / изменится в худшую сторону.

Составлено: (Левашов и др., 2024).

Условный прогноз социально-политической устойчивости российского общества свидетельствует о том, что характер изменения важных для граждан характеристик страны, произошедшего за последние 30 лет, имеет умеренно-положительную тенденцию, кроме оценки качества образования, которое имеет тенденцию к ухудшению. О высокой вероятности сохранении устойчивой легитимности российского государства свидетельствуют весьма оптимистичные прогнозные тенденции роста жизненно важных для населения характеристик общественных гарантий — по всем характеристикам прогнозируется значительный положительный рост (рис. 9).

Обсуждение и выводы

А. Общие выводы на основании обобщения эмпирического материала

1. На основании анализа эмпирической информации по значениям основных индикаторов социально-политической устойчивости выявлено, что *динамика ключевых индикаторов носит позитивный характер*. Устойчивость

структурно-функциональной модели современного российского общества на этапе продолжающегося поиска оптимальной трансформации социально-экономического устройства государства опирается на два фактора: усиление социальной ориентированности внутренней политики государства и высокое доверие граждан страны Президенту РФ как основному гаранту эффективности социальной политики.

2. Из установок населения относительно актуальной политики государства следует, что устойчивость российской политической системы в высокой степени зависит от социальной политики государства, отвечающей принципам социальной справедливости, а также от разделяемых большинством идеологических приоритетов, связанных с общим историческим прошлым и с травматичным опытом перехода к либеральной модели социального порядка. Основой социально-ориентированного государства должны быть такие распределительные отношения, которые генерируют в общественном мнении чувство социальной справедливости и доверие

к институтам власти, обеспечивая высокий уровень легитимности политической системы. Для достижения этого необходима рентабельная социально-ориентированная экономика с высоким уровнем производительности труда, способная производить большой объем прибавочного продукта, или в экономических терминах — большой валовый внутренний продукт.

3. Сегодня в Российской Федерации имеются четыре гарантирующих социально-политическую устойчивость общества фактора: *этно-территориальный; оборонный от внешнего врага (армия); действующий Президент РФ* (среди россиян в возрасте 18 лет и старше 72,4% считают, что обеспечить устойчивое развитие России в будущем способен только В.В. Путин); *гарантированная Конституцией социальная поддержка населения государством*. За исключением электоральных ситуаций, граждане РФ в политической жизни государства участвуют преимущественно как «созерцатели».

Б. Аналитические выводы и гипотезы

4. Одна из основных теоретических гипотез, генерированная на основании анализа данных исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН, следующая: в современных условиях концентрации крупного капитала под контролем немногочисленных собственников через банки и ТНК функционирование рыночного хозяйства осуществляется с помощью конституционно-правового регулирования, которое представляет собой нормативно-организационное воздействие на государственные и общественные отношения в целях их упорядочения, охраны и развития устойчивого социально-политического прогресса в интересах граждан. Конституция объявляет государство «общенародной волей», однако впоследствии положения «главного закона» концептуально-декларативного характера конкретизируются в кодифицированных законах и подзаконных актах, поддающихся манипулированию законодателями-лоббистами. Тогда подмена незыблемых принципов конституции «прецедентными» переменными рыночными законами становится как бы легитимной. Вместе с тем *подавляющее большинство россиян не приемлет капиталистическую государственную систему*, что ограничивает возможность ее легитимации.

5. Несформированность у занятого населения проактивной гражданской позиции, неосознанность своих социально-политических и социально-экономических интересов, прав и обязанностей затрудняют эффективный диалог между государством и гражданским обществом. Профсоюзы зачастую выступают не как защитники интересов работников, а как партнеры работодателя, как «третейский судья» в случае производственного конфликта, что сдерживает перерастание экономической неудовлетворенности трудящихся в политические требования. По этой причине населением слабо востребованы политические партии (им доверяют всего 26,2% граждан). *Политическая система государства получается псевдорыночной*, т.е. эклектичной, играющей роль «опекуна» и для работников, и для бизнес-сообщества, которое в условиях кризиса тоже получает субсидии от государства.

6. Принято считать, что основной критерий рыночного государства — это доминирование правового регулирования общественных отношений, когда приоритет права обеспечивает общественный баланс. Низкая оценка функционирования правового государства гражданами (54% опрошенных считают, что государство не обеспечивает реализацию принципа равенства перед судом и законом) рассматривается нами как еще один риск делигитимации политической системы и потери ее устойчивости.

7. Другой значимый фактор гарантии устойчивости общества — экономический, который предполагает объективное наличие для гражданина места в общественном разделении труда и доли в общественном продукте. При этом функционирование общества потребления, предсказанного австро-американским экономистом и социологом Йозефом Шумпетером (Шумпетер, 2007), вытесняет политическое содержание идеологии, подменяя ее потребительской рекламой, стимулируя к потреблению нужного и не нужного продукта. Из этого правомерно следует вывод: главный идеологический инструмент рыночного государства, поддерживающая «скрепа» общества, — потребительская идеология. Происходит «формализация» личности за счет вытеснения ее социальной идентичности вещной. Теряется

уникальность социальных связей, они подменяются универсальностью глобализованного вещного потребления. Как результат, мы видим отчуждение индивида от общества, замену духовных ценностей на вещные и зависимость социально-политической устойчивости государства исключительно от удовлетворенности материальными сторонами жизни.

8. Учитывая наличие противоречий в развитии политической системы современной России, недостаточную функциональную конструктивность институтов гражданского общества, представительной и судебной ветвей власти, представляется целесообразным минимизировать угрозы устойчивости общества и государства с помощью восстановления баланса согласований планов и деятельности между различ-

ными ветвями власти, налаживания постоянной обратной связи с населением, совершенствования законодательства с учетом запросов повышения уровня политической и правовой культуры граждан (Керимов, 2015). Россияне в целом оптимистичны относительно устойчивого развития государства в предстоящее пятилетие, и это является важным индикатором и критерием легитимности государства. Однако оптимизм граждан сохранится только при соблюдении государством приоритета социальных гарантий, в частности существенного улучшения качества и доступности образования и медицинского обслуживания. Если при этом будет гарантирован хотя бы умеренный рост благосостояния граждан, то политические риски в общественном мнении не будут критически актуальны.

Литература

- Авдеев Д.А. (2021). Легитимность и легитимация российской публичной власти // *Правоприменение*. Т. 5. № 2. С. 145–158. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).145–158
- Аристотель (1983). *Сочинения*. В 4-х томах. Т. 4. Москва: Мысль.
- Березина Н.В., Великая Н.М., Гребняк О.В. [и др.] (2024). *Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация: [монография]* / отв. ред. В. К. Левашов. Москва: ФНИСЦ РАН. 432 с.
- Беше-Головко К. (2011). Россия: государство и суверенитет versus общество и легитимность // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 3 (82). С. 134–149.
- Варламова Н.В. (2015). Социальная легитимность как предельное основание действительности правопорядка // *Право и общество; эволюция во взаимодействии. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции*. Москва: Российский ун-т дружбы народов. С. 58.
- Великая Н.М. (2024). Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // *Наука. Культура. Общество*. Т. 30. № 4. С. 21–35. DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.2
- Григорьева Е.Б. (2014). Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // *Вестник Томского государственного университета*. № 379. С. 46–54. DOI: 10.17223/15617793/379/8
- Гришин О.Е. (2015). Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // *Современные проблемы науки и образования*. № 1–1. С. 19–24.
- Дюркгейм Э. (1996). *О разделении общественного труда*. Москва: Канон.
- Завершинский К.Ф. (2016). Легитимация политической власти: морфология научного дискурса // *Политическая экспертиза: Политэкс*. Т. 12. № 4. С. 4–18.
- Истон Д. (2000). Системный анализ политической жизни (1965) // *Политология: хрестоматия* / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. Москва: Гардарики. 843 с.
- Керимов А.А. (2015). Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. № 1 (137). С. 81–91.
- Коэн Д.Л., Арато Э. (2003). *Гражданское общество и политическая теория*. Москва: Весь мир. 784 с.
- Кушнир А.М. (2023). Институциональный подход к роли государства в экономике: современные особенности // *Проблемы экономики и юридической практики*. Т. 19. № 4. С. 134–140.

- Левашов В.К. (2003). Резервы социо-политической консолидации российского общества (XIX этап мониторинга «Как живешь, Россия?») // Социология власти. № 6. С. 24–46.
- Левашов В.К. (2023). Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии // Доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году. Москва: РАН. С. 327–338.
- Левашов В.К., Великая Н.М. (2021). Публичная легитимность российского государства в условиях пандемии и выборов в Государственную Думу // Социальное пространство. Т. 7. № 4. С. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.4
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.] (2024). Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга: [бюллетень]; ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва: ИСПИ ФНИСЦ РАН.
- Липсет С.М. (2012). Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность (пер. с англ.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 3. С. 20–74.
- Лэйн Д. (2012). Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии // Полис. Политические исследования. № 2. С. 98–116.
- Мартыанов В.С. (2009). «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. № 4.
- Михайлова Е.А. (2023). Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 23. Вып. 2. С. 227–234. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234
- Омельченко Н.А., Гасратова Ф.М. (2015). Проблемы легитимации политической власти в современной России: от теории к практике // PolitBook. № 4. С. 36–55.
- Попов М.Ю. (2004). В поиске идеологии консолидации // Социологические исследования. № 10 (246). С. 128–130.
- Попова Ю.В. (2019). О типологическом соответствии современного российского политического режима // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4 (24). С. 175–181. DOI: 10.24147/2312-1300.2019.4.175-181
- Руссо Ж.Ж. (2000). Об общественном договоре, или принципы политического права. Трактаты. Москва: Канон-Пресс. 542 с.
- Руткевич М.Н. (2001). Общество как система. Социологические очерки. Санкт-Петербург: Алетейя. 444 с.
- Тепляков А.С. (2010). Политика как разрешение конфликтов: природа и особенности консенсуса // Вестник ТГУ. Вып. 9 (89). С. 239–241.
- Токвиль А. (1992). Демократия в Америке. Москва: Прогресс. 736 с.
- Хабермас Ю. (2010). Проблема легитимации позднего капитализма. Москва: Праксис. С. 289–296.
- Чеботарев Г.Н. (2017). Общественное представительство: [монография]. Москва: Юрист. 160 с.
- Шереги Ф.Э. (2003). Социология политики: прикладные исследования. Москва: ЦСП.
- Штомпка П. (2012). Доверие – основа общества. Москва: Логос. 440 с.
- Шумпетер Й. (2007). Теория экономического развития. Москва: Эксмо. 861 с.
- Callaghan G.D. (2022). *Dissent and Legitimacy, Moral Philosophy and Politics*. DOI: <https://doi.org/10.1515/mopp-2021-0073>
- Hinsch W. (2010). Justice, legitimacy, and constitutional rights. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 13(1), 39–54. DOI: 10.1080/13698230903326240
- Morris C. (2008). State legitimacy and social order. In: Kuhnelt J. (Ed.). *Political Legitimization without Morality*. Heidelberg: Springer Science. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8576-5_2
- Saccà F., Velikaya N. (2024). Back to the future. Socialism and nationalism as tools for political legitimization. *Partecipazione e Conflitto*, 17(3), 601–628. DOI: 10.1285/i20356609v17i3p601

Сведения об авторах

Виктор Константинович Левашов — доктор социологических наук, директор, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: levachov@mail.ru)

Наталья Михайловна Великая — доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: natalivelikaya@gmail.com)

Владимир Ильич Савинков — доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; e-mail: visavinkov@senat.gov.ru)

Levashov V.K., Velikaya N.M., Savinkov V.I.

Socio-Political Stability of Russian Society as a Criterion of the Legitimacy of the State

Abstract. The paper uses the database of the all-Russian sociological monitoring “How are you, Russia?” to analyze the dynamics of socio-political stability of Russian society as a criterion and indicator of the legitimacy publicly expressed by citizens to the State, creating conditions for decent life in the present and future. By analyzing theoretical foundations of stability, we show the dialectical nature of socio-political stability, its predetermination by the nature of the social structure, distributive relations and the implementation of the principles of social justice in society. Based on the analysis of empirical information, we show the alienation of the majority of Russian citizens from the neoliberal government model, an expressed preference for choosing a socially oriented type of government, which leads to the people’s demand for administrative socio-political management. The dynamics of satisfaction with the political system, the assessment by the population of the State’s fulfillment of social, including constitutional guarantees, prove a high degree of stability of Russian society; however, this stability is based on only four factors: ethno-territorial; defense (trust in the Army); complete trust in the RF President (Vladimir Putin); social support of the population by the State, provided for in the Constitution. The factor analysis reveals the importance of various groups of contradictions in Russian society (economic, ethno-religious, class-related) that affect socio-political stability. We identify the sustainability risk zones associated with a low level of institutional trust in most government institutions and civil society structures. Based on the findings of the study, we put forward recommendations to strengthen the socio-political stability of Russian society and the State.

Key words: socio-political stability of society, legitimacy of the State, social contradictions, trust in government institutions, constitutional guarantees, Welfare State.

Information about the Authors

Viktor K. Levashov — Doctor of Sciences (Sociology), director, Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: levachov@mail.ru)

Nataliya M. Velikaya — Doctor of Sciences (Politics), Professor, deputy director, Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: natalivelikaya@gmail.com)

Vladimir I. Savinkov — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Russian State Social University (4, building 1, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: visavinkov@senat.gov.ru)

Статья поступила 10.02.2025.

Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников

Марина Юрьевна

МАЛКИНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: mmuri@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0002-3152-3934; ResearcherID: M-2681-2017

Аннотация. Выявление тенденций развития и потенциала роста российских регионов в новых условиях требует разработки продвинутых подходов к моделированию основных экономических показателей. Целью статьи является эконометрическое моделирование и анализ ВРП Нижегородской области с использованием данных регионов-двойников. Отбор регионов-двойников осуществлялся на основе схожести отраслевых структур, уровня и тенденций развития. С использованием панельных данных по 16 регионам кластера Нижегородской области за 2000–2022 годы построены функции Кобба – Дугласа с лаговыми переменными, оцененные методом максимального правдоподобия с коррекцией на групповую гетероскедастичность. В результате моделирования установлено положительное влияние факторов предложения (накопленных основных фондов, текущих инвестиций, количества занятых), факторов спроса (доходов на душу населения в прошлом периоде) на текущий ВРП. Важную роль в увеличении ВРП в рассматриваемом кластере также играет масштаб и структура бюджетных расходов региона. Среднегодовая ключевая процентная ставка Банка России, а также ее изменение оказывают отрицательное влияние на ВРП. Кроме того, ВРП регионов кластера находится в прямой зависимости от цены нефти марки Brent, что свидетельствует об исторической зависимости российской экономики от нефтяного сектора, и курса доллара к рублю, который влияет на ценовую составляющую ВРП через эффект переноса, а также процессы импортозамещения. Полученные результаты могут быть основой для дальнейшей разработки прогнозов и сценариев развития области на перспек-

Для цитирования: Малкина М.Ю. (2025). Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 76–89. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.4

For citation: Malkina M.Yu. (2025). Drivers of economic growth of the Nizhny Novgorod Region: Modeling GRP using data from twin regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 76–89. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.4

тиву, определения последствий регулирующих воздействий на региональном уровне и эффектов неуправляемых макроэкономических параметров. Развитие исследования в будущем возможно путем вовлечения в него высокочастотных данных, разработки моделей более продвинутых спецификаций, в том числе структурированных и агрегированных, отдельного моделирования инфляционной и реальной составляющей ВРП, что позволит создавать более точные краткосрочные прогнозы.

Ключевые слова: регион, валовый региональный продукт, эконометрическое моделирование, факторы, кластеризация, регионы-двойники, бюджетные расходы, ключевая ставка Банка России.

Постановка проблемы

В последние годы российская экономика столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением со стороны ряда развитых государств. В этих условиях чрезвычайно важно как на уровне страны, так и отдельных регионов определить потенциал экономического роста и замещения импортного производства. Для понимания имеющихся возможностей необходимо исследовать ресурсы, их динамику и эффективность с точки зрения воздействия на основные производственные показатели (прежде всего валовый региональный продукт), а также тенденции развития регионов в ретроспективе. Для выявления прошлых трендов и зависимостей валового регионального продукта необходимо выработать адекватные подходы к его моделированию, позволяющие оценить влияние на его уровень и динамику факторов предложения, спроса, макроэкономической и институциональной среды.

Одной из проблем моделирования региональной экономики является короткость временных рядов, основанных на годовых показателях, то есть недостаточность наблюдений. Особенно это относится к российским регионам, для которых период рыночной истории длится чуть более трех десятилетий, причем до кризиса 1998–1999 годов экономика находилась в переходном состоянии, развивалась по другим трендам, а статистика того времени является неполной. Поэтому в настоящее время моделирование возможно и целесообразно по данным 2000–2022 годов. Но и в этом временном интервале есть свои структурные разломы, в основном связанные с кризисами 2008–2009 годов, 2014–2015 годов, пандемией 2020 года и началом СВО в 2022 году. Кроме того, благодаря активному развитию воен-

ного и гражданского сектора в последние годы экономика большинства регионов завершила свой кейнсианский этап, стала трудодефицитной и находится в перегретом состоянии, то есть в состоянии полной занятости. Это означает, что прежние тренды нельзя однозначно экстраполировать на будущее, что ограничивает возможности прогнозирования. Между тем основные зависимости региональных экономик в силу жесткости (негибкости) отраслевых, технологических и институциональных структур, зависимости от предыдущего состояния (*state dependence*) и прошлого развития (*path dependence*) сохраняются относительно неизменными, что делает их исследование актуальным и ценным для последующего анализа.

Целью настоящего исследования является эконометрическое моделирование и анализ валового регионального продукта Нижегородской области на основе объединенных временных рядов и пространственной выборки по регионам одного с Нижегородской областью кластера.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) выявляется кластер регионов, схожих с Нижегородской областью по ВРП на душу населения, отраслевой структуре экономики и тенденциям развития; 2) устанавливаются показатели, которые могут объяснять изменение ВРП регионов кластера Нижегородской области и лаги их влияния; 3) на основе панельных данных осуществляется моделирование ВРП региона, устанавливается характер и степень влияния на него факторов предложения, спроса, макроэкономических условий и отдельных инструментов фискальной и монетарной политики.

Обзор литературы

Моделированию и прогнозированию региональных показателей посвящен ряд исследований российских и зарубежных авторов. При этом используются разные подходы. Часто для моделирования ВРП и его последующего краткосрочного прогнозирования применяется построение ARIMA-моделей (AutoRegressive Integrated Moving Average) – авторегрессий со скользящим средним и меняющейся дисперсией (Peng, 2023; Jijo, 2025). Преимуществом таких моделей является возможность учесть прежние тренды развития и меняющуюся волатильность моделируемого показателя. В ARIMA-моделях текущий ВРП зависит от его собственных исторических тенденций, но не учитывает влияющие на него факторы (изменяющиеся ресурсные и спросовые ограничения, макроэкономические условия и инструменты регулирования). Поэтому более продвинутым является подход, основанный на построении ARIMAX-моделей – с включением ряда экзогенных переменных (Ugoh, 2021; Haydier et al., 2023). При этом важным ограничением обоих подходов является необходимость большого количества наблюдений. Модели такого типа лучше реализуются на высокочастотных, как правило месячных данных, но для многих социально-экономических показателей официальная статистика их не предоставляет. Кроме того, такие данные нередко содержат сезонную и институциональную составляющие.

В случае с моделированием ВВП, ВРП и других социально-экономических показателей объективно приходится оперировать короткими временными рядами, что не позволяет учесть все множество факторов, на них влияющих. Кроме того, нередко факторы демонстрируют мультиколлинеарность. Для решения этих проблем зарубежные исследователи используют метод главных компонент, позволяющий через первые главные компоненты создать композитные переменные, охватывающие наибольшую вариацию признаков (Dias et al., 2015; Zhemkov, 2021). В российских исследованиях проблема короткости временных рядов решалась другим способом – за счет включения в выборку всех или некоторых регионов с похожими показателями. Критериями отбора служил размер ВРП,

для регионов с его разным уровнем вводились фиктивные переменные либо строились самостоятельные регрессии (Ивченко, 2019).

Другим часто используемым подходом к моделированию ВВП и ВРП является построение производственных функций, в которых валовой продукт зависит от труда, капитала, инвестиций и других факторов. Одной из наиболее популярных является производственная функция Кобба – Дугласа (Малкина, 2015; Вавилова, Зерари, 2024; Baranov et al., 2023) – функция степенного вида, которая путем логарифмирования преобразуется в линейный вид, что делает возможным применение метода наименьших квадратов для ее оценивания. Альтернативным вариантом является построение модели Р. Солоу, в основе которой тоже может лежать функция Кобба – Дугласа, но она учитывает ограниченное количество факторов. Например, в работе (Кутышкин, 2021) односекторная модель экономического роста Р. Солоу применена для моделирования валового регионального продукта Ямало-Ненецкого автономного округа. Есть и другие типы производственных функций, например, функция с постоянной эластичностью замещения (CES – Constant Elasticity Substitution), которая позволяет учесть меняющиеся связи между факторами. В силу нелинейности ее оценивание представляет определенные сложности, однако иногда используются методы приближительной линеаризации (Черемухин, Груздев, 2022).

Выбор наиболее адекватной производственной функции для моделирования ВРП того или иного региона – самостоятельная исследовательская задача. Например, в статье (Скуфьина, Баранов, 2017) решается вопрос о поиске оптимальной производственной функции при моделировании ВРП регионов Севера и Арктики. Рассматривались следующие альтернативные варианты: 1) мультипликативная производственная функция; 2) степенная функция типа Кобба – Дугласа; 3) производственная функция с постоянной эластичностью замещения. Авторы пришли к выводу, что для четырех из пятнадцати рассматриваемых регионов и РФ в целом лучше подходит функция CES, для одного региона – функция Кобба – Дугласа, а для восьми регионов не подходит ни одна функция.

Встречаются и другие подходы к моделированию ВРП и ВВП. Например, в статье (Кузнецов, Кулигин, 2022) с использованием экономико-математических методов разработана модель валового регионального продукта на базе конечно-временной схемы интегро-дифференциального уравнения.

Одним из продвинутых и достаточно трудоемких способов моделирования ВРП является структурированный подход, основанный на отдельном моделировании отраслей или секторов экономики и последующем синтезе результатов. Применение такого подхода позволило (Еремин, 2024) определить потенциал увеличения ВРП Новгородской области за счет изменения структуры инвестиций с учетом рассчитанных мультипликаторов по различным типам производств. В другой работе (Дубовик и др., 2022) с помощью регрессионного моделирования и преобразования Бокса-Кокса оценен вклад в ВРП Брянской области трех основных отраслей — сельского хозяйства, обрабатывающих производств, оптовой и розничной торговли. Часть исследований посвящены моделированию сложных экономических систем с выделением лидирующего сектора региональной экономики — конкретной отрасли по ОКВЭД (Афанасьев, Гусев, 2023).

Еще один вариант структурированного подхода к моделированию регионального продукта предполагает отдельное моделирование составляющих спроса (потребления, инвестиций, госзакупок и чистого экспорта) и предложения и сведение их воедино (Lombardini, 2024), либо моделирование поведения отдельных типов хозяйствующих субъектов с последующим синтезом в единую модель (Jokubaitis et al., 2021).

При моделировании валового продукта, помимо недостатка данных, авторы сталкиваются с проблемой меняющихся методик расчета показателей, что нередко делает статистические данные несопоставимыми (Михеева, 2022). Для решения этого вопроса используется либо пересчет показателей по новым методикам, что представляет собой нетривиальную задачу, либо использование корректирующих коэффициентов, либо введение дамми-переменных для новых периодов.

Важной исследовательской задачей является отбор факторов, влияющих на ВРП. При

этом исследователи руководствуются как базовыми положениями и концепциями экономической теории, так и доступными данными. Конечный выбор переменных осуществляется на основе их тестирования на значимость, мультиколлинеарность и пр. Обычно в качестве факторов, влияющих на ВРП, рассматриваются основные фонды, инвестиции в основной капитал, занятость или затраты на рабочую силу. Например, в статье (Crespo-Cuaresma et al., 2010) с использованием модели байесовского усреднения (ВМА) для класса моделей квантильной регрессии показано, что основными детерминантами роста реального ВРП в странах Евросоюза с учетом фиксированных страновых эффектов являются инвестиции в основной капитал, трудовые навыки и начальный валовой внутренний продукт на душу населения, однако влияние этих факторов в различных квантилях различно. В работе (Ghosh, Samanta, 2021) с использованием панельных данных по европейским странам тестировались модели ВРП разных спецификаций: со случайными, фиксированными эффектами, с перекрестной зависимостью и гетероскедастичностью. Лучший результат показала модель со случайными эффектами. Авторы пришли к выводу, что прогнозной силой для ВВП обладают такие показатели, как инвестиции, изменение рабочей силы и бюджетного профицита.

В некоторых исследованиях в производственные функции, кроме традиционных, включаются и другие факторы. Например, в работе (Ивченко, 2019), помимо стандартных, исследованы такие детерминанты ВРП, как социальные расходы регионального бюджета, уровень оборотных средств предприятий и организаций, сальдо доходов и расходов предприятий и организаций, показатель платежеспособного спроса населения региона. В статье (Zhemkov, 2021) в качестве факторов для формирования сценарных индикаторов моделирования ВВП России применялись цены на нефть, реальный обменный курс, темпы роста мировой экономики и краткосрочные и долгосрочные ставки по кредитам. В статье (Заздравных, 2023) важным фактором роста реального ВРП являлись темпы роста и выхода на региональный рынок новых компаний.

Иногда в моделях тестируется влияние на ВРП какого-то специфического фактора. Примером является работа (Федорова и др., 2020), где исследовалось влияние туристических потоков на ВРП регионов и также обнаружены положительные эффекты инвестиций в основной капитал в предшествующем году и объема платных туристических услуг. В работе (Демидова, Камалова, 2021) изучался пространственный фактор экономического развития регионов с применением методов пространственной эконометрики. Обнаружено влияние соседних регионов на рост реального ВРП на душу населения, скорректированного по паритету покупательной способности.

В ряде работ в модели включаются институциональные факторы, разные инструменты экономического регулирования, используемые Банком России и Правительством, обычно при этом решается задача оценки их эффективности и выработки рекомендаций по совершенствованию соответствующей политики. Например, в работе (Малкина, Виноградова, 2024) на примере Нижегородской области исследовались существенность и степень влияния на валовый региональный продукт объемов поддержки областного бюджета в форме налоговых льгот, грантов и субсидий, а также субсидирования процентной ставки по ипотечным программам. Обнаружено положительное влияние на ВРП региона внутренних затрат на НИОКР и расходов на национальную экономику в консолидированном бюджете области и отрицательное влияние ключевой ставки Банка России.

Опираясь на предшествующие исследования, в настоящей статье применим целый пул показателей, предположительно, влияющих на ВРП Нижегородской области: ресурсных, спросовых, макроэкономических и институциональных. Проблему короткости временных рядов решим с помощью выделения регионов-двойников Нижегородской области, схожих с ней по ряду показателей развития, что является принципиально новым подходом. Также в качестве принципиальной модели используем расширенную производственную функцию Кобба — Дугласа, включающую четыре типа переменных без ограничений на эффект масштаба, соединив ее с моделью распределенного лага для учета влияния прошлых значений переменных на текущий ВРП.

Отбор регионов-двойников для моделирования

Как было отмечено в обзоре литературы, недостаток данных во временных рядах сильно ограничивает возможности моделирования и прогнозирования показателей каждого конкретного региона на основе его собственных значений. В то же время включение в анализ всех регионов представляется не вполне корректным, в силу различающихся у них отраслевых и технологических структур, достигнутого уровня и трендов развития. Поэтому в настоящей статье выделим регионы, которые могут послужить в качестве совершенных двойников Нижегородской области, на основе данных которых будет расширена панельная выборка.

Формирование регионов-двойников предлагается по трем критериям.

1. Близкий ВРП на душу населения (по данным 2022 года) в k -м регионе (Y_k) и в Нижегородской области (Y_N). Для этого определяется их абсолютная разница:

$$SY_{kN} = abs(Y_k - Y_N) \quad (1)$$

2. Близкая отраслевая структура (по данным 2022 года). Для анализа используются доли в валовой добавленной стоимости следующих укрупненных и объединенных видов экономической деятельности:

S1 — сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство;

S2 — добыча полезных ископаемых;

S3 — обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений;

S4 — строительство;

S5 — торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов;

S6 — транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи;

S7 — деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом;

S8 — деятельность профессиональная, научная и техническая;

S9 — деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение;

S10 — образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг; деятельность домашних хозяйств как работодателей.

Для оценки близости двух отраслевых структур для каждого k -го региона рассчитывается индекс схожести с Нижегородской областью (регионом N):

$$SSI_{kN} = \frac{1}{10} \sqrt{\sum_{i=1}^{10} (S_{ki} - S_{Ni})^2}, \quad (2)$$

где:

S_{ki} — доля i -й укрупненной отрасли в ВДС k -го региона;

$i = \overline{1,10}$;

S_{Ni} — доля i -й укрупненной отрасли в ВДС Нижегородской области.

3. Близкие тренды развития регионов. Для этого на основе годовых данных за 2000–2022 годы рассчитываются межвременные корреля-

ции всех базовых показателей каждого k -го региона с Нижегородской областью, определяется их простая средняя (Cor_{kN}).

Для каждого из трех показателей каждого k -го региона (SY_{kN} , SSI_{kN} и Cor_{kN}) рассчитывается ранг среди всех регионов, эти ранги суммируются и снова ранжируются. Далее среди всех регионов выбираются те, у которых общий ранг наименьший. Это регионы наиболее близкие к Нижегородской области по отраслевой структуре, уровню и тенденциям развития. Иными словами, это регионы-двойники, чьи показатели также будут участвовать в моделировании.

Отобранные регионы и их показатели представлены в таблице 1.

Моделирование ВРП региона

Моделирование ВРП региона проводилось на панельной выборке, включающей годовые данные по 16 регионам Нижегородского кластера за 2000–2022 годы. В качестве объясняющих первоначально тестировались 18 переменных (определялись значимость, мультиколлинеарность и пр.), из которых в конечные модели вошли 12 переменных¹. Они представлены в таблице 2.

Таблица 1. Регионы одного кластера с Нижегородской областью и показатели их отбора

Регион	Y_k^* (руб.)	Ранг	SSI_{kN}^*	Ранг	Cor_{kN}	Ранг	Общий ранг
Нижегородская область	739125	1	0	1	1	1	1
Новосибирская область	693656	9	1,456	22	0,705	2	2
Архангельская область	722234	5	1,379	20	0,642	18	3
Владимирская область	585131	29	1,136	11	0,680	4	4
Челябинская область	673545	14	1,292	17	0,644	16	5
Калининградская область	715359	6	1,582	27	0,639	19	7
Ярославская область	623525	25	0,665	2	0,620	25	7
Калужская область	647307	21	1,427	21	0,661	12	8
Ростовская область	556629	33	1,333	18	0,672	8	10
Свердловская область	816092	16	0,690	3	0,568	40	10
Тверская область	516489	39	0,938	7	0,651	15	11
Костромская область	480120	46	1,135	10	0,673	7	13
Тульская область	674432	13	2,123	41	0,668	9	13
Ленинградская область	822794	19	1,258	16	0,581	34	16
Московская область	901231	30	1,200	15	0,632	24	16
Рязанская область	566113	32	1,007	8	0,601	29	16

* Данные за 2022 год.

¹ В конечные модели в силу мультиколлинеарности или незначимости не вошли следующие тестируемые показатели: население региона (тыс. чел.), стоимость потребительской корзины (руб.), расходы на НИОКР (млн руб.), налоговые поступления, неналоговые поступления, безвозмездные поступления в консолидированный бюджет субъекта РФ (млн руб.). В то же время в модели вошел показатель собственных доходов бюджета (сумма налоговых и неналоговых поступлений) и общих доходов бюджета (определяемый суммированием всех трех источников).

Таблица 2. Показатели для моделирования региональной экономики и их обозначения

Переменная	Обозначение	Переменная	Обозначение
Валовой региональный продукт (млн руб.)	<i>GDP</i>	Безвозмездные поступления в консолидированный бюджет субъекта РФ от других уровней бюджетной системы (млн руб.)	<i>BR_transfers</i>
Инвестиции в основной капитал (млн руб.)	<i>Invest</i>	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ (млн руб.)	<i>BE</i>
Стоимость основных фондов на конец года (млн руб.)	<i>Assets</i>	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ на национальную экономику (млн руб.)	<i>BE_econ</i>
Среднегодовая численность занятых (тыс. чел.)	<i>Employ</i>	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ на социальную сферу* (млн руб.)	<i>BE_soc</i>
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц (руб.)	<i>Income_pc</i>	Цена нефти марки Brent (\$ за баррель)	<i>Brent</i>
Доходы консолидированного бюджета субъекта РФ (млн руб.)	<i>BR</i>	Среднегодовая ключевая ставка Банка России (%)	<i>Rate</i>
Собственные (налоговые и неналоговые) доходы консолидированного бюджета субъекта РФ (млн руб.)	<i>BR_own</i>	Курс доллара США к российскому рублю (руб./\$)	<i>USD</i>
*Суммировались расходы на следующие социально-культурные мероприятия: образование, здравоохранение, культура, физкультура и спорт, социальная политика.			

На основе предположений о лаговом влиянии ряда переменных была отобрана модель распределённого лага – ADL(q,k):

$$y_t = a_0 + \sum_{i=1}^k \sum_{j=0}^q b_{kj} x_{k-t-j} + \varepsilon_t,$$

где:

($i = \overline{1, k}$) – номер экзогенной переменной;

($j = \overline{1, q}$) – лаг экзогенной переменной x_{k-t-j} .

Заметим, что модели подобного типа могут строиться не только для временных рядов, но и для панельных данных, интерпретированных как объединенные временные ряды. В качестве альтернативной и более продвинутой можно использовать модель авторегрессии с распределенным лагом (ARDL). Ее преимуществом является более успешное решение проблемы автокорреляции остатков и иногда гетероскедастичности. Однако коэффициенты в такой модели уже не будут отражать полноценное влияние факторов производственной функции и поэтому хуже поддаются интерпретации.

В основу модели была положена производственная функция Кобба – Дугласа, которая путем логарифмирования преобразована в линейный вид. Таким образом, в приведенной выше формуле все переменные были представлены в логарифмическом виде. Оптимальные лаги при экзогенных переменных выбирались с учетом значимости коэффициентов при регрессорах и требований модели к нормальности остатков.

Тест Вальда указывал на наличие групповой гетероскедастичности в модели с фиксированными эффектами, а тест Бройша-Пагана – на наличие гетероскедастичности в остатках модели со случайными эффектами. Также в обоих случаях присутствовала автокорреляция в остатках. Для максимально возможного устранения гетероскедастичности было осуществлено оценивание моделей с помощью поэтапного взвешенного МНК (Iterative weighted least squares) с подбором весов на основе максимизации функции максимального правдоподобия. В таблице 3 представлены результаты моделирования и соответствующие тесты.

Все представленные в таблице 3 модели значимы по критерию Фишера, оценки коэффициентов значимы по критерию Стьюдента (причем для большинства на уровне $p\text{-value} < 0,001$). Остатки распределены по нормальному закону, гомоскедастичны. Согласно дисперсии остатков (S.E. of regression), все модели обладают высокой предсказательной силой.

Выбор лучшей модели осуществляется на основе максимума функции логарифмического правдоподобия, минимума информационных критериев Акаике, Шварца, Ханнана-Куинна. Этим критериям удовлетворяет Модель 5. Однако она уступает всем остальным моделям по критерию нормальности остатков. По этому критерию лучшей является Модель 2.

Таблица 3. ADL модели ВРП региона: оценки методом максимального правдоподобия с учетом групповой гетероскедастичности; зависимая переменная $\ln GDP$, 16 поперечных сечений, 352 наблюдения

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
	Коэффициент (стандартная ошибка), значимость					
<i>const</i>	-1,456 (0,185)***	-0,975 (0,196)***	-1,226 (0,155)***	-1,326 (0,150)***	-1,268 (0,135)***	-1,399 (0,148)***
$\ln Invest_t$	0,132 (0,016)***	0,147 (0,017)***	0,147 (0,015)***	0,143 (0,015)***	0,129 (0,015)***	0,145 (0,015)***
$\ln Assets_{t-1}$	0,102 (0,014)***	0,099 (0,015)***	0,092 (0,014)***	0,097 (0,014)***	0,104 (0,013)***	0,110 (0,014)***
$\ln Employ_t$	0,460 (0,026)***	0,495 (0,024)***	0,437 (0,024)***	0,455 (0,024)***	0,449 (0,021)***	0,474 (0,023)***
$\ln Income_{pc_{t-1}}$	0,202 (0,027)***	0,210 (0,027)***	0,181 (0,026)***	0,199 (0,025)***	0,204 (0,022)***	0,210 (0,024)***
$\ln BR_t$	0,175 (0,029)***	-	0,129 (0,030)***	0,104 (0,031)***	-	-
$\ln BR_{own_{t-1}}$	0,297 (0,038)***	0,293 (0,032)***	0,254 (0,036)***	0,259 (0,036)***	0,368 (0,029)***	0,324 (0,030)***
$\ln BE_{econ_{t-1}}$	-	0,026 (0,013)**	-	-	-	-
$\ln BE_{soc_{t-1}}$	-0,107 (0,034)***	-	-	-	-	-
$\ln Brent_t$	0,167 (0,018)***	0,127 (0,016)***	0,149 (0,018)***	0,150 (0,018)***	0,152 (0,017)***	0,163 (0,018)***
$\ln USD_t$	0,463 (0,025)***	0,454 (0,024)***	0,460 (0,024)***	0,460 (0,024)***	0,452 (0,023)***	0,474 (0,024)***
$\ln Rate_t$	-	-0,051 (0,019)***	-	-	-	-
$\Delta \ln Rate_t$	-0,078 (0,018)***	-	-0,077 (0,018)***	-0,078 (0,018)***	-0,072 (0,017)***	-0,084 (0,018)***
$\Delta \ln BR_t$	-	-	-	-	0,323 (0,039)***	-
$\Delta \ln BE_t$	-	-	-	0,151 (0,045)***	-	0,204 (0,043)***
$\Delta \ln BE_{soc_t}$	-	0,152 (0,050)***	0,097 (0,050)**	-	-	-
Логарифмическое правдоподобие / Log-likelihood	447,176	433,023	444,604	447,595	462,765	443,686
Критерий Акаике / Akaike criterion	-829,853	-844,045	-867,209	-873,191	-905,530	-867,371
Критерий Шварца / Schwarz criterion	-855,440	-801,545	-824,709	-830,691	-866,894	-828,735
Критерий Ханнана-Куинна / Hannan-Quinn	-872,353	-827,132	-850,296	-856,278	-890,155	-851,996
Стандартные остатки / S.E. of regression	0,076	0,080	0,076	0,077	0,074	0,078
χ^2 тест / Chi-square(15) <i>p-value</i> ¹⁾	46,381 4,625e-005	45,373 6,686e-005	45,580 6,200e-005	48,738 1,933e-005	56,170 1,134e-006	52,671 4,373e-006
χ^2 тест / Chi-square(2) <i>p-value</i> ²⁾	0,536 0,765	0,129 0,938	0,185 0,912	0,733 0,693	2,766 0,251	1,203 0,548

Примечание: значимость *** *p-value* < 0,01; ** *p-value* < 0,05.

¹⁾ Тест отношения правдоподобия для групповой гетероскедастичности с помощью поперечного сечения. Нулевая гипотеза: единицы имеют общую дисперсию ошибок.

²⁾ Тест на нормальность остатков. Нулевая гипотеза: остатки распределены нормально.

Таблица 4. ARDL модель ВРП региона: оценки методом максимального правдоподобия с учетом групповой гетероскедастичности; зависимая переменная $\ln GDP$, 16 поперечных сечений, 352 наблюдения

	Коэффициент	Стандартная ошибка	p -value	Значимость
$const$	-0,371	0,092	< 0,0001	***
$\ln GDP_{t-1}$	0,610	0,050	< 0,0001	***
$\ln GDP_{t-2}$	0,084	0,038	0,0277	**
$\ln Invest_t$	0,081	0,010	< 0,0001	***
$\ln Employ_t$	0,142	0,013	< 0,0001	***
$\ln BR_own_{t-1}$	0,106	0,027	< 0,0001	***
$\ln Brent_t$	0,110	0,012	< 0,0001	***
$\ln USD_t$	0,237	0,021	< 0,0001	***
$\Delta \ln Income_pc_t$	0,213	0,057	0,0002	***
$\Delta \ln Rate_t$	-0,046	0,015	0,0024	***
$\Delta \ln BR_t$	0,261	0,033	< 0,0001	***
Логарифмическое правдоподобие / Log-likelihood	548,223			
Критерий Акаике / Akaike criterion	-1074,445			
Стандартные остатки / S.E. of regression	0,050			
χ^2 тест / Chi-square(15) ¹	21,130		0,133	
χ^2 тест / Chi-square(2) ²	2,493		0,287	
Примечание: значимость *** p -value < 0,01; ** p -value < 0,05.				
¹) Тест отношения правдоподобия для групповой гетероскедастичности с помощью поперечного сечения. Нулевая гипотеза: единицы имеют общую дисперсию ошибок.				
²) Тест на нормальность остатков. Нулевая гипотеза: остатки распределены нормально.				

Между тем, выбранный метод оценивания моделей не позволил полностью преодолеть гетероскедастичность в остатках. Для ее устранения дополнительно построена модель ARDL (авторегрессии с распределенным лагом), отличающаяся от ADL-моделей включением лаговых значений эндогенной переменной. Она представлена в таблице 4.

Построенная ARDL модель соответствует всем критериям качества, более того, в ней отсутствует гетероскедастичность и автокорреляция в остатках. Знаки при переменных и их относительное влияние в целом соответствуют моделям ADL. Между тем, все коэффициенты при экзогенных переменных по абсолютному значению ниже, потому что их влияние распределилось на лаговые переменные $\ln GDP_{t-1}$ и $\ln GDP_{t-2}$. А значит, они не могут быть интерпретированы как показатели эластичности факторов в производственной функции. Между тем, эта модель выполняет контрольную функцию в нашем исследовании: совместимость ее

содержательных результатов с моделями ADL позволяет далее перейти к интерпретации результатов, полученных на основе традиционной производственной функции.

В целом построенные модели соответствуют основным положениям экономической теории. Прежде всего, ВРП регионов Нижегородского кластера зависит от имеющихся производственных ресурсов (трудовых — $\ln Employ_t$, капитальных — наличных основных фондов на начало периода — $\ln Assets_{t-1}$) и их изменения в текущем периоде (уровня инвестиций в основной капитал — $\ln Invest_t$).

Поскольку все переменные в моделях представлены в логарифмической форме, оценки коэффициентов в ADL-моделях интерпретируются как эластичности ВРП по соответствующей экзогенной переменной, то есть они показывают, на сколько процентов изменится ВРП при изменении этой переменной на 1% при прочих равных условиях. Например, изменение инвестиций в основной капитал в те-

кущем периоде на 1% предположительно дает прирост ВРП 0,129–0,147% при прочих равных условиях. А прирост занятости на 1% приводит к росту ВРП на 0,437–0,495%. Это результат согласуется с выводами ряда других исследований (Кутышкин, 2021; Baranov et al., 2023), где также обнаружена большая чувствительность ВРП российских регионов к труду, чем к капиталу. В то же время другие исследования продемонстрировали, что коэффициенты эластичности выпуска по труду и капиталу различны в зависимости от рассматриваемого региона и периода исследования (Вавилова, Зерари, 2024; Скуфьина, Баранов, 2017). Полученный нами результат свидетельствует о трудоинтенсивности производства в регионах одного кластера с Нижегородской областью (куда входят регионы с развитой обрабатывающей промышленностью) и высокой значимости проблемы дефицита кадров при текущей технологической структуре экономики.

Результаты моделирования показали, что немаловажную роль в увеличении производства в регионе играет наличие финансовых ресурсов. Источником финансовых ресурсов могут быть как собственные, так и бюджетные и заемные средства. Важную роль в развитии региона играет масштаб, а также структура доходов и расходов региональных бюджетов. В частности, построенные модели продемонстрировали положительное влияние на ВРП региона доходов консолидированного бюджета субъекта РФ в текущем периоде ($\ln BR_t$) и собственных (налоговых и неналоговых) доходов консолидированного бюджета субъекта РФ в прошлом периоде ($\ln BR_{own,t-1}$). Модели также показали среднее по значимости положительное влияние на ВРП региона бюджетных расходов на национальную экономику в прошлом периоде ($\ln BE_{econ,t-1}$) и отрицательное влияние бюджетных расходов на социальную сферу в прошлом периоде ($\ln BE_{soc,t-1}$). В то же время прирост расходов на социальную сферу в текущем периоде по сравнению с прошлым периодом ($\Delta \ln BE_{soc,t}$) доказал положительное влияние на текущий ВРП. Это может объясняться тем, что социальные выплаты являются важной составляющей дохода малообеспеченных граждан, у которых склонность к потреблению выше. Кроме того, расходы на социальную сфе-

ру также формируют доходы соответствующих отраслей и сфер деятельности, способствуют повышению качества человеческого капитала. Полученный результат несколько откорректировал оценку эффектов социальных расходов, которая ранее была исключительно положительной (Ивченко, 2019). Это может быть связано как с тем, что в нашем случае сумма социальных расходов рассматривалась по разным направлениям, так и с особенностями выборки регионов и подходов к моделированию.

Как следовало ожидать, модели продемонстрировали положительное влияние доходов населения в прошлом периоде $\ln Income_{pc,t-1}$ на ВРП текущего периода, что также согласуется с мнением других авторов (Ивченко, 2019; Arpitha et al., 2025). Это означает, что в среднем в рассматриваемом периоде региональное производство в кластере Нижегородской области зависело от потребительского спроса, то есть исторически региональные экономики скорее находились на кейнсианском, чем неоклассическом отрезке кривой предложения.

В построенных моделях среднегодовая ставка Банка России $\ln Rate_t$ и особенно ее изменение $\Delta \ln Rate_t$ показали значимое отрицательное влияние на ВРП региона. Тем самым на весь кластер распространяется вывод, ранее полученный для Нижегородской области (Малкина, Виноградова, 2024). Как известно, Банк России поднимает ставку для борьбы с инфляцией, но платой за это выступает замедление темпов экономического роста. При проведении жесткой денежно-кредитной политики номинальный ВРП уменьшается как в части инфляционной, так и реальной составляющей, что и отразили полученные коэффициенты.

Наконец, все модели показали прямую зависимость ВРП региона от двух слабо управляемых макроэкономических параметров — цены на нефть марки Brent и курса доллара США к российскому рублю. Эти параметры также оказались предикторами в моделях ВВП России, представленных в статье (Zhemkov, 2021).

Доходы от нефтяного сектора растекаются по всей российской экономике, питают бюджетную систему, создают вторичные мультипликационные эффекты, поэтому влияние цены нефти на производство в разных регионах (не только добывающих, но и обрабаты-

ющих) является положительным. В то же время положительное влияние цены нефти на ВРП свидетельствует о существенной и перманентной зависимости российской экономики от состояния мировых рынков нефти, что, с учетом нестабильности этих рынков и санкционных ограничений доступа к ним российских производителей, создает серьезные риски для регионального развития.

Курс американского доллара к рублю может быть интерпретирован как прокси-ценовой составляющей ВРП. Курс влияет на цены импортных товаров, доля которых в отечественном потреблении, по разным оценкам, составляет от 24% до 40%. Через эффект переноса курс влияет на цены всех товаров. Кроме того, снижение курса национальной валюты увеличивает ценовую конкурентоспособность отечественного производства, способствует импортозамещению внутри страны и продвижению отечественных товаров на внешние рынки, а также увеличению доходов бюджетной системы.

Таким образом, для регионов, входящих в один кластер с Нижегородской областью, то есть регионов-двойников, доказана зависимость ВРП от факторов спроса, предложения, инструментов фискальной и денежно-кредитной политики, а также ряда слабоуправляемых макроэкономических факторов, установлена направленность и степень влияния этих факторов.

Заключение

В работе проведено моделирование ВРП Нижегородской области с использованием данных регионов-двойников. Анализ литературы показал, что в настоящее время существуют разные подходы к моделированию основных социально-экономических показателей региона: построение моделей временных рядов типа ARIMA и ARIMAX, моделей с фиксированными и случайными эффектами, основанных на панельных данных, построение производственных функций различного типа, агрегированных моделей. Выбор той или иной модели зависит от структуры данных. Важными проблемами в моделировании также является выбор объясняющих факторов (исходя из теоретических концепций и имеющихся данных) и преодоление проблемы короткости временных рядов.

Последняя проблема может быть решена разными способами. В настоящем исследовании предложен и реализован подход к увеличению количества наблюдений за счет включения в модель данных регионов-двойников. Регионы одного с Нижегородской областью кластера выбирались по трем критериям: ВРП на душу населения, схожая отраслевая структура экономики, схожие тренды развития. В результате была сформирована панельная выборка из 16 индустриально развитых регионов с временными рядами за 2000–2023 гг.

Для моделирования ВРП регионов кластера Нижегородской области была построена производственная функция Кобба – Дугласа с распределенным лагом (ADL), которая оценивалась методом поэтапного взвешенного МНК с подбором весов на основе максимизации функции максимального правдоподобия. В результате получены непротиворечащие и частично дополняющие друг друга шесть моделей, обладающие высокой объяснительной силой. Модели значимы по критерию Фишера, оценки всех коэффициентов значимы по критерию Стьюдента, остатки моделей распределены согласно нормальному закону. Для устранения гетероскедастичности и автокорреляции остатков они дополнены построением ARDL-модели, которая привела к непротиворечащим с ADL-моделями результатам.

Построенные модели подтвердили большую зависимость ВРП регионов рассматриваемого кластера от фактора труда, чем от фактора капитала в форме накопленных фондов и текущих инвестиций. Это означает, что трудодефицитность накладывает существенные ограничения на экономический рост, способом ее преодоления является развитие технологических структур, способствующих повышению капиталоемкости национального дохода и капиталовооруженности труда.

Доказано положительное влияние на ВРП состояния бюджетной сферы региона и масштабов поддержки региональной экономики из консолидированного бюджета субъекта федерации. При этом установлена неоднозначная роль социальных расходов: с одной стороны, их относительно большая величина наблюдается у регионов с меньшим ВРП, с другой сторо-

ны, прирост этих расходов может давать положительный эффект для регионального продукта через формирование спроса на продукцию разных секторов экономики. Также важным драйвером экономического роста в регионе со стороны спроса является увеличение доходов населения, за которым, разумеется, стоят другие факторы. Для более точного определения связи доходов населения с ВРП требуется построение более сложных моделей с прямыми и обратными связями, вероятно, основанных на системе одновременных уравнений.

Помимо инструментов фискальной политики, модели показали отрицательное влияние ключевой ставки Банка России и ее прироста на ВРП исследуемых регионов. Наконец, они подтвердили устойчивую зависимость экономик исследуемых регионов от цен на нефть и валютного курса рубля к доллару США.

Таким образом, ВРП регионов одного с Нижегородской областью кластера объясняется ресурсными, спросовыми ограничениями, институциональной и макроэкономической средой. Полученные результаты указывают на

относительную значимость этих факторов, эффективность разных мер воздействия, обнаруживают слабые места и резервы роста региональных экономик. Они могут быть полезными при разработке взвешенной политики управления региональным развитием в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью и достаточно диверсифицированной отраслевой структурой, типа Нижегородской области.

Дальнейшее развитие исследования возможно как путем уточнения спецификаций моделей, их построения с использованием высокочастотных данных других показателей, создания структурированных моделей (моделирования ВРП по видам экономической деятельности или составляющим спроса), отдельного моделирования инфляционной и реальной составляющей роста, использования метода главных компонент для агрегирования влияния большего числа переменных. Уточнение моделей и подходов в будущем позволит разработать более взвешенные подходы к краткосрочному прогнозированию ВРП и других показателей социально-экономического развития регионов.

Литература

- Афанасьев М.Ю., Гусев А.А. (2023). Ситуационное моделирование траекторий экономической сложности регионов // Экономика и математические методы. Т. 59. № 4. С. 58–70. DOI: 10.31857/S042473880028217-7
- Вавилова Д.Д., Зерари Р. (2024). Анализ, моделирование и прогнозирование динамики валового регионального продукта на основе производственной функции // Экономика. Информатика. № 51 (1). С. 5–17. DOI 10.52575/2712-746X-2024-51-1-5-17
- Демидова О., Камалова Э. (2021). Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. Т. 16. № 2. С. 34–59. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-34-59
- Дубовик М.В., Дмитриев С.Г., Обидовская Н.Н. (2022). Регрессионная модель валового регионального продукта Брянского региона и выпуска отраслей региональной экономики // KANT. Т. 42. № 1. С. 27–33. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.4
- Еремин В.В. (2024). Мультипликативное влияние формирования ресурсного потенциала на величину валового регионального продукта // Современная конкуренция. Т. 18. № 6. С. 97–110. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-6-97-110
- Заздравных А.В. (2023). Динамика входа и выхода компаний и региональный экономический рост // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 2. С. 8–43. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-8-43
- Ивченко Ю.С. (2019). Определение основных факторов уровня валового регионального продукта методами эконометрического моделирования по совокупности регионов Российской Федерации // Статистика и экономика. Т. 16. № 6. С. 4–18. DOI: 10.21686/2500-3925-2019-6-4-18
- Кузнецов С.Б., Кулигин Е.В. (2022). Интегро-дифференциальная модель оценки валового регионального продукта // Развитие территорий. № 2. С. 15–21. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-2-15-21
- Кутышкин А.В. (2021). Моделирование динамики валового регионального продукта // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». Т. 21. № 2. С. 104–113. DOI: 10.14529/ctcr210210

- Малкина М.Ю. (2015). Факторы экономического роста в регионах Российской Федерации // Общество и экономика. № 7. С. 139–160.
- Малкина М.Ю., Виноградова А.В. (2024). Эффективность институтов государственной поддержки экономики России и ее регионов // Journal of Institutional Studies. Т. 16. № 4. С. 97–112. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.097-112
- Михеева Н.Н. (2022). «Новые» региональные пропорции: результаты пересчета валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 78–88. DOI: 10.47711/0868-6351-192-78-8
- Скуфьина Т.П., Баранов С.В. (2017). Математико-статистическое моделирование динамики производства ВРП регионов Севера и Арктики: в поисках лучшей модели // Вопросы статистики. № 7. С. 52–64.
- Федорова Е.А., Черникова Л.И., Пастухова А.Э., Ширяева Л.К. (2020). Туризм и экономический рост: региональный аспект // ЭКО. № 9. С. 138–155. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-138-155
- Черемухин А.Д., Груздев Г.В. (2022). Исследование применимости CES-функций для описания процессов сельскохозяйственного производства // Вестник НГИЭИ. № 9 (136). С. 65–83. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-9-65-83
- Arpitha P., Kumar M., Reddy G.B.S., Joshi A.T. (2025). A quantitative analysis of macroeconomic indicators and GDP growth in India. *Journal of Scientific Research and Reports*, 31(2), 135–143. DOI: <https://doi.org/10.9734/jsrr/2025/v31i22831>
- Baranov S., Skufina T., Samarina V. (2023). Influence of underutilization of production capacities on the dynamics of Russian GDP: An assessment on the basis of production functions. *Journal of Risk and Financial Management*, 16(3), 166. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm16030166>
- Crespo-Cuaresma J., Foster N., Stehrer R. (2010). Determinants of regional economic growth by quantile. *Regional Studies*, 45(6), 809–826. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343401003713456>
- Dias F., Pinheiro M., Rua A. (2015). Forecasting Portuguese GDP with factor models: Pre- and post-crisis evidence. *Economic Modelling*, 44, 266–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2014.10.034>
- Ghosh S., Samanta G.P. (2021). Gross domestic product modeling using “panel-data” concept. In: Patnaik S., Tajeddini K., Jain V. (Eds). *Computational Management. Modeling and Optimization in Science and Technologies*. Cham: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-72929-5_9
- Haydier E., Albarwari N., Ali T. (2023). The comparison between VAR and ARIMAX time series models in forecasting. *Iraqi Journal of Statistical Sciences*, 20(2), 249–262. DOI: <https://10.33899/ijjoss.2023.0181260>
- Jijo J.J. (2025). Modelling and forecasting the GDP of G7 countries using Arima model. *Asian Journal of Economics, Business and Accounting*, 25(3), 295–315. DOI: <https://doi.org/10.9734/ajeaba/2025/v25i31711>
- Jokubaitis S., Celov D., Leipus R. (2021). Sparse structures with LASSO through principal components: Forecasting GDP components in the short-run. *International Journal of Forecasting*, 37(2), 759–776. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2020.09.005>
- Lombardini S. (2024). Italian regional econometric model. *Papers in Regional Science*, 103(6), 100060. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100060>
- Peng Y. (2023). Forecasting USA GDP base on ARIMA model. *BCP Business & Management*, 38, 1745–1752. DOI: <https://doi.org/10.54691/bcpbm.v38i.3961>
- Ugoh C.I., Uzuke C.A., Ugoh D.O. (2021). Application of ARIMAX model on forecasting Nigeria's GDP. *American Journal of Theoretical and Applied Statistics*, 10(5), 216–225. DOI: <https://doi.org/10.11648/j.ajtas.20211005.12>
- Zhemkov M. (2021). Nowcasting Russian GDP using forecast combination approach. *International Economics*, 168, 10–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2021.07.006>

Сведения об авторе

Марина Юрьевна Малкина — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и методологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, д. 7; e-mail: mmuri@iee.unn.ru)

Malkina M.Yu.

Drivers of Economic Growth of the Nizhny Novgorod Region: Modeling GRP Using Data from Twin Regions

Abstract. Identification of development trends and growth potential of Russian regions in the new conditions requires the elaboration of advanced approaches to modeling the main economic indicators. The aim of the article is to carry out an econometric modeling and analysis of the GRP of the Nizhny Novgorod Region using data from twin regions. The selection of twin regions was based on the similarity of industry structures, level of development and trends. Using panel data for 16 regions of the Nizhny Novgorod Region cluster for 2000–2022, the Cobb – Douglas functions with lagged variables were constructed, estimated by the maximum likelihood method with correction for group heteroscedasticity. As a result of the modeling, a positive influence of supply factors (accumulated fixed assets, current investments, number of employees), demand factors (income per capita in the past period) on the current GRP was established. The scale and structure of budget expenditures of the region also play an important role in increasing the GRP in the cluster under consideration. The average annual key interest rate of the Bank of Russia, as well as its change, have a negative impact on the GRP. In addition, the GRP of the cluster regions is positively related to the price of Brent crude oil, which indicates the historical dependence of the Russian economy on the oil sector, and the dollar to ruble exchange rate, which affects the price component of the GRP through the pass-through effect, as well as import substitution processes. The obtained results can be the basis for designing forecasts and scenarios for the development of the region in the future, determining the consequences of regulatory impacts at the regional level and the effects of uncontrolled macroeconomic parameters. Further development of the study is possible through the inclusion of high-frequency data, the elaboration of models with more advanced specifications, including structured and aggregated ones, as well as separate modeling of the inflationary and real components of GRP, which together will allow for the creation of more accurate short-term forecasts.

Key words: region, gross regional product, econometric modeling, factors, clustering, twin regions, budget expenditures, key rate of the Bank of Russia.

Information about the Author

Marina Yu. Malkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of the Department of Economic Theory and Methodology, Lobachevsky State University of Nizhy Novgorod (7, Universitetsky Lane, Nizhny Novgorod, 60300, Russian Federation; e-mail: mmuri@iee.unn.ru)

Статья поступила 18.03.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.5

УДК 332.122, ББК 65.04

© Манаева И.В., Мельников В.В.

Оценка потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации

Инна Владимировна**МАНАЕВА**Белгородский государственный национальный исследовательский
университет

Белгород, Российская Федерация

e-mail: In.manaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4517-7032; ResearcherID: E-5025-2017

Вадим Вячеславович**МЕЛЬНИКОВ**

Научно-исследовательский институт социальных систем

при МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: melnikov@niiss.ru

ORCID: 0009-0009-2562-944X; ResearcherID: KRP-8186-2024

Аннотация. Для обоснования рычагов и механизмов воздействия на агломерационные процессы в территориальном пространстве значимым и актуальным направлением экономической науки являются теоретико-методологические разработки идентификации и оценки потенциала агломерационных процессов в регионах России, что определено целью данной работы. Авторами сформирована система показателей агломерационных процессов, включающая блоки: концентрация производства и экономической активности; концентрация населения; концентрация научно-технического потенциала и инноваций; концентрация жилищной инфраструктуры; благосостояние населения. Предлагаемый методический инструментарий предполагает анализ специализации регионов РФ путем расчета коэффициента локализации по отдельным видам экономической деятельности и оценку взаимодействия потенциала агломерационного процесса

Для цитирования: Манаева И.В., Мельников В.В. (2025). Оценка потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 90–106. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.5

For citation: Manaeva I.V., Melnikov V.V. (2025). Assessing the potential of agglomeration processes in the regions of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 90–106. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.5

территории и уровня концентрации на ней отдельных видов экономической деятельности посредством построения матрицы «уровень потенциала агломерационного процесса в регионе — коэффициент локализации отдельных видов экономической деятельности». Апробация авторского методического подхода проводилась на 85 субъектах РФ. Период исследования: 2000, 2008, 2016—2022 гг. Информационная база — данные Федеральной службы государственной статистики. По результатам проведенных расчетов определена высокая степень дифференциации потенциала агломерационных процессов в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Интенсивные агломерационные процессы отмечаются в Калининградской, Ленинградской, Ростовской, Нижегородской, Свердловской, Тюменской, Новосибирской областях, Краснодарском и Красноярском краях, городе Севастополь и Республике Татарстан. В субъектах Северного Кавказа и Дальнего Востока отмечается низкий потенциал агломерационного развития, в отдельные годы в Чеченской Республике и Республике Ингушетии отсутствовали агломерационные процессы. Результаты данного исследования могут быть использованы органами региональной власти при разработке документов стратегического планирования, широким кругом исследователей в области пространственной экономики, а также преподавателями и студентами в рамках подготовки кадров по экономическим специальностям.

Ключевые слова: регион, агломерация, потенциал, агломерационный процесс, коэффициент локализации, пространственная экономика, социально-экономическое неравенство.

Введение

На сегодняшний день вопросы развития агломерационных процессов в регионах Российской Федерации приобретают особую популярность по ряду причин. Во-первых, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹ городские агломерации обозначены в качестве ключевых центров экономического роста, научно-технологического и инновационного развития субъектов РФ в рамках формирования в стране экономики предложения, ориентированной на развитие внутреннего рынка. Во-вторых, наличие крупных городских агломераций способствует ускоренному экономическому росту региона, на фоне опустынивания муниципальных районов субъекта и сжатия экономического пространства, при этом усиливая межрегиональную и внутрирегиональную дифференциацию. В-третьих, на основе неверного понимания взаимосвязи территорий, без учета связей и взаимодействия внутри регионов, можно получить искаженную картину исследуемого объекта, что приведет к неправильным результатам.

Все это диктует необходимость обоснования рычагов и механизмов воздействия на агломерационные процессы в территориальном пространстве, в связи с чем значимым и актуаль-

ным направлением экономической науки являются теоретико-методологические разработки идентификации и оценки потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации.

В исследовании будет проведена оценка потенциала агломерационных процессов в субъектах РФ. Работа построена следующим образом: в первом разделе рассмотрим теоретические основы заявленной проблематики в трудах отечественных и зарубежных ученых; во втором — методологию и информационную базу исследования; в третьем — общее представление о развитии агломерационных процессов в регионах РФ и анализ полученных результатов. В заключении представим основные выводы и рекомендации.

Научная новизна исследования заключается в возможности корректно измерять дифференциацию потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации, позиционировать каждый субъект РФ по отношению к другим регионам.

Теоретической и методологической основой исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных ученых в области теории, методологии, оценки и анализа агломерационных процессов, а также сфере пространственной экономики.

¹ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

Эволюция аспектов исследования агломерационных процессов

Научная категория «агломерация» в отечественной литературе получила широкое распространение во второй половине XX века. Агломерация (от лат. *agglomerare* — присоединять, накапливать) — это «компактное расположение, группировка городских поселений, объединенных в единое целое интенсивными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными связями»². Термин «агломерация» был введен в научный экономический оборот Адной Феррин Вебер (США). Основной причиной концентрации населения в городе она определила экономические (структурные) силы, к которым относилась технический прогресс, появление и развитие торговли, территориальное разделение труда и др. (Вебер, 1903). Э.Ю. Бозе верно замечает, что «сегодня агломерация характеризуется не столько целостностью производственной и расселенческой систем, сколько целостностью рынков труда, недвижимости, земли, а также уровнем функциональной связанности отдельных ее элементов» (Boze, 2007).

С.Н. Растворцева под агломерационным процессом понимает «концентрацию экономической активности в регионе (в городе) в динамике» (Растворцева, 2013). Коллектив авторов под руководством Н.Н. Киселевой дает более широкое определение агломерационному процессу, по их мнению, это «пространственно-временная динамика концентрации экономической, инновационной и деловой активности как степень сосредоточения производства» (Киселева и др., 2016). Б.М. Гринчель и А.А. Антонова рассматривают региональный агломерационный процесс как «неотъемлемую часть (компоненту) инновационно-ориентированного процесса трансформации социально-экономического пространства РФ» (Гринчель, Антонова, 2012), ученые подразумевают в первую очередь «измерение динамики регионального агломерационного процесса» (Гринчель, Антонова, 2012). С.А. Кожевников и Н.В. Ворошилов делают заключение о том, что «агломерационные процессы от ядра распространяются преимущественно лишь на ближайшую

к нему территорию, что проявляется в наличии только по этой линии высокого уровня маятниковой миграции, в сближении и определенной синхронизации их развития по ключевым социально-экономическим показателям» (Кожевников, Ворошилов, 2024).

Исследованию агломерационных процессов большое внимание уделяется представителями новой экономической географии. По результатам ряда эмпирических исследований утверждалось, что агломерационный процесс продолжается до определенного момента — начала процесса рассеивания (*dispersion*), когда центробежные силы начинают превалировать над центростремительными.

Основополагающими работами новой экономической географии являются труды П. Кругмана. По мнению ученого «низкие транспортные расходы и экономия от масштаба стимулируют агломерационные процессы» (Krugman, 1991), «низкие транспортные расходы приводят к агломерационным процессам: концентрации видов промышленности в том регионе, где начальные условия лучше, при средних транспортных издержках агломерационные процессы происходят тогда, когда начальные условия значительно разнятся между регионами» (Krugman, Venables, 1996).

Испанский ученый Д. Пуга утверждает, что «при наличии мобильности рабочей силы высокие торговые расходы приводят к конвергенции, низкие торговые расходы стимулируют агломерационные процессы» (Puga, 1999). М. Фуджита и Х. Огава заключают, что «агломерационные процессы в регионе характеризуются экономическими отношениями между производителями, которые ослабевают с ростом расстояния между ними» (Fujita, Ogawa, 1982). Ф. Мартен и Д.И.П. Оттавиано по результатам эмпирических исследований пришли к выводу, что «если изначально большее число фирм производят дифференцированные товары в одном регионе, то агломерационный процесс возникает в этом регионе, так как стоимость затрат на инновации ниже. Тогда все инновации концентрируются в этом регионе» (Martin, Ottaviano, 2001). «Современные исследования объясняют возникновение и развитие агломерационных процессов как следствие межрегионального взаимодействия в больших пространственных масштабах» (Brakman, van Marrewijk, 2009).

² Большой экономический словарь (2002) / под ред. А.Н. Азриляна. 5-е изд., доп. и перераб. Москва: Ин-т новой экономики. 1280 с.

Рассматривая эволюцию методических подходов к оценке агломерационных процессов и пространственного неравенства в зарубежных и отечественных исследованиях, целесообразно выделить отдельные блоки, совокупность которых создает единый методологический каркас.

1. Методические подходы к выделению и оценке агломераций

Для оценки развития агломераций по уровню сформированности и развитости ее внешней зоны ученые Института географии РАН и ЦНИИП градостроительства представили систему показателей: коэффициент агломеративности (K_a), индекс агломеративности (I_a), коэффициент развитости агломерации ($K_{раз}$). Ю.Л. Пивоваров представил методический подход к определению границ агломераций (Пивоваров, 2002).

2. Методические подходы к оценке пространственной концентрации

В научной литературе для оценки пространственной концентрации используется ряд индексов: индекс Джини (Gini, 1914); индекс Тейла (Коломак, 2013; Малкина, 2016); индекс Аткинсона (Atkinson, 1970); индекс концентрации Херфиндаля – Хиршмана (Суворова, Котлярова, 2023; Lin et al., 2011; Han, Song, 2021), индекс специализации П. Кругмана (Krugman, 1991).

3. Методические подходы к выделению и оценки периферии находятся в процессе формирования и становления, определим значимые, на наш взгляд, индексы периферизации территорий: индекс периферизации Кибла (Corpus, 2001), индекс периферизации Эдера (Eder, 2019).

Распространенным подходом к оценке возникновения агломерационных процессов в регионе является метод У.С. Странга, который заключается в анализе динамики плотности населения в городах. Если плотность конкретных городов увеличивается более быстрыми темпами, то это свидетельствует о возникновении агломерационного процесса (Strange, 2009). С.Н. Растворцева провела модификацию данного метода путем добавления оценки миграционного прироста и представила алгоритм анализа развития агломерационного процесса в региональной экономике (Растворцева, 2013).

Таким образом, можем заключить, что на сегодняшний день в зарубежной и российской научной литературе нет общепризнанного методологического подхода для идентификации, оценки, управления и прогнозирования агломерационных процессов в пространственной экономике, что подтверждает значимость и актуальность данного исследования.

Методология и информационная база исследования

1. Первым этапом оценки потенциала агломерационных процессов является определение индикаторов. Подчеркнем, что обоснование индикаторов сопрягается с мнениями исследователей, которые дают определения агломерациям и агломерационным процессам.

Критерии агломерационных процессов региона:

- концентрация производства и экономической активности — в процессе определения сущности агломерационных процессов данный критерий выделен их основным индикатором;

- концентрация населения — важный критерий агломерационных процессов, протекающих в территориальном пространстве, так как экономически активное население мигрирует в привлекательные для жизни, работы и учебы города и регионы, способствуя развитию агломерационных процессов;

- концентрация научно-технического потенциала и инноваций — данный критерий в современных условиях глобализационного развития является важным для оценки потенциала агломерационных процессов, так как наряду с концентрацией промышленности в регионах с активными агломерационными процессами происходит концентрация технологий и инноваций;

- концентрация жилищной инфраструктуры — жилищная инфраструктура обеспечивает качество жизни населения; в агломерированных регионах, а именно в ядре агломерации, качество жизни выше, что определяет выбор данного индикатора;

- благосостояние населения — характеризует финансовые возможности жителей региона; важным индикатором активно протекающих агломерационных процессов региона является более высокий уровень благосостояния населения.

Каждый из представленных индикаторов описывает агломерационные процессы в регионе с определенной стороны, что в целом устанавливает многофакторность и комплексность данного понятия.

2. На втором этапе оценки, по каждому выделенному индикатору сформируем систему показателей, обладающих информационной доступностью, достоверностью и релевантностью, которая позволит комплексно оценить потенциал агломерационных процессов в российских регионах. В рамках авторской методики целесообразно использовать, с одной стороны, достаточное количество (18 в авторском наборе) показателей, объединенных в пять функциональных блоков, соответствующих индикаторам агломерационного процесса, а с другой стороны, результирующий индекс, позволяющий количественно оценить потенциал агломерационного процесса в том или ином регионе в динамике. При формировании системы показателей агломерационных процессов в регионах России учитывалась имманентная взаи-

мосвязанность, которая при расчете итогового индекса обеспечивает кумулятивное накопление качественных признаков и достоверность полученных результатов. Подчеркнем, что в каждый блок включено число показателей, реально необходимое и достаточное для обеспечения достоверности итоговой оценки по каждому индикатору агломерационного процесса. По-нашему мнению, представленная система показателей характеризует весь спектр значимых аспектов агломерационных процессов регионов России (таблица).

Для индикатора «Концентрация производства и экономической активности» представлены показатели, которые наиболее объективно отражают уровень концентрации производства и экономической сферы региона, что в свою очередь определяет интенсивность агломерационных процессов.

Использование показателей в индикаторе «Концентрация населения» основано на гипотезе: в регионах с более высоким потенциалом агломерационных процессов наблюдается бо-

Показатели оценки потенциала агломерационных процессов в регионах России

№ п/п	Индикатор	Показатель
1	Концентрация производства и экономической активности	1.1. Число организаций, ед. 1.2. Оборот розничной торговли (без субъектов малого предпринимательства), в ценах 2017 года, тыс. руб. 1.3. Численность рабочей силы, всего, чел. 1.4. Плотность экономически активного населения, чел./км ²
2	Концентрация населения	2.1. Плотность населения; чел./км ² 2.2. Коэффициент естественного прироста, промилле 2.3. Миграция, прирост в год, промилле 2.4. Удельный вес городского населения, % 2.5. Численность активных абонентов фиксированного мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел., чел.
3	Концентрация научно-технического потенциала и инноваций	3.1. Численность организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ед. 3.2. Доля экономически активного населения, занятого научными исследованиями и разработками, % 3.3. Внутренние текущие затраты на инновационные исследования и разработки, млн руб. 3.4. Объем инновационных товаров, работ и услуг, млн руб.
4	Концентрация жилищной инфраструктуры	4.1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, всего, м ² 4.2. Ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения, м ²
5	Благосостояние населения	5.1. Медианные среднелюдные денежные доход населения, руб. 5.2. Средства (вклады) физических лиц на рублевых счетах в Сбербанке России в расчете на душу населения, руб. 5.3. Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения, шт.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (дата обращения 08.01.2025).		

лее высокая плотность населения, естественный и миграционный прирост населения, следовательно, большее количество активных пользователей интернета и доли городского населения.

Показатели индикатора «Концентрация научно-технического потенциала и инноваций» позволяют объективно оценить уровень инновационного развития региона, в субъектах с интенсивно протекающими агломерационными процессами более высокий уровень инновационного развития.

Важным индикаторов агломерационных процессов является «Концентрация жилищной инфраструктуры». Данный блок в авторской методике раскрывает обеспеченность населения жильем и темпы строительства, которые напрямую зависят от агломерационных процессов в регионе.

Для индикатора «Благосостояние населения» предлагается использовать показатели, характеризующие финансовые возможности жителей региона. Важной характеристикой агломерированных регионов является уровень денежных доходов. Статистический параметр «число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения» демонстрирует не только уровень благосостояния населения, но и показывает концентрацию личного автотранспорта, который необходим для совершения ежедневных поездок на работу, учебу и т. д. в «ядро» агломерации.

Расчетный аппарат исследования включает несколько этапов.

Стандартизация показателей будет проводиться на основе вариационного размаха к одному числовому измерителю (0–1) по следующей формуле:

$$P_i = \frac{X_{ij} - X_{\text{ср} \min}}{X_{\text{ср} \max} - X_{\text{ср} \min}}, \quad (1)$$

где:

P_{ij} — стандартизированный i показатель региона j ;

X_{ij} — фактический i показатель региона j ;

$X_{\text{ср} \min}$ — усредненное по пяти худшим регионам минимальное значение показателя i показателя в выборке регионов;

$X_{\text{ср} \max}$ — усредненное по пяти лучшим регионам максимальное значение показателя i показателя в выборке регионов.

$$I_j = (\sum P_{ij})/n, \quad (2)$$

где:

I_j — нормированная оценка потенциала агломерационного процесса региона j по каждому индикатору;

n — общее число показателей индикатора.

$$AP_j = \frac{I_{j1} + I_{j2} + I_{j3} + I_{j4} + I_{j5}}{5}, \quad (3)$$

где:

AP_j — нормированный индекс потенциала агломерационных процессов в регионе j ;

$I_{j1} - I_{j5}$ — нормированные оценки потенциала агломерационного процесса региона j по каждому из пяти индикаторов.

Поясним, что усреднение по пяти худшим/лучшим регионам значений показателей проведено с целью сокращения разрыва в значениях, но при этом не нарушается ранжирование субъектов в выборке.

Полученный расчетным путем итоговый индекс (AP_j) позволяет корректно измерять межрегиональную дифференциацию потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации, позиционировать каждый субъект РФ по отношению к другим регионам.

На третьем этапе проведем анализ специализации регионов РФ (сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; лесоводство и лесозаготовки; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производство; научные исследования и разработки) путем расчета коэффициента локализации:

$$LQ = \frac{E_{ji}/E_j}{E_i/E}, \quad (4)$$

где:

LQ — коэффициент локализации;

E_{ji} — численность занятых в секторе экономики i в регионе j ;

E_j — общая численность занятых в регионе j ;

E_i — численность занятых в секторе экономики i ;

E — общая численность занятых в стране;

i — сектор экономики;

j — регион.

Коэффициент локализации показывает, во сколько раз концентрация конкретного вида экономической деятельности превышает средний показатель по стране, то есть характеризует регион относительно специфики промышленного производства.

На четвертом этапе оценки по полученным расчетным путем результатам построим матрицу «уровень потенциала агломерационного процесса в регионе — коэффициент локализации отдельных видов экономической деятельности». Предполагается, что матрица учитывает взаимодействие потенциала агломерационного процесса территории и уровень концентрации на ней отдельных видов экономической деятельности.

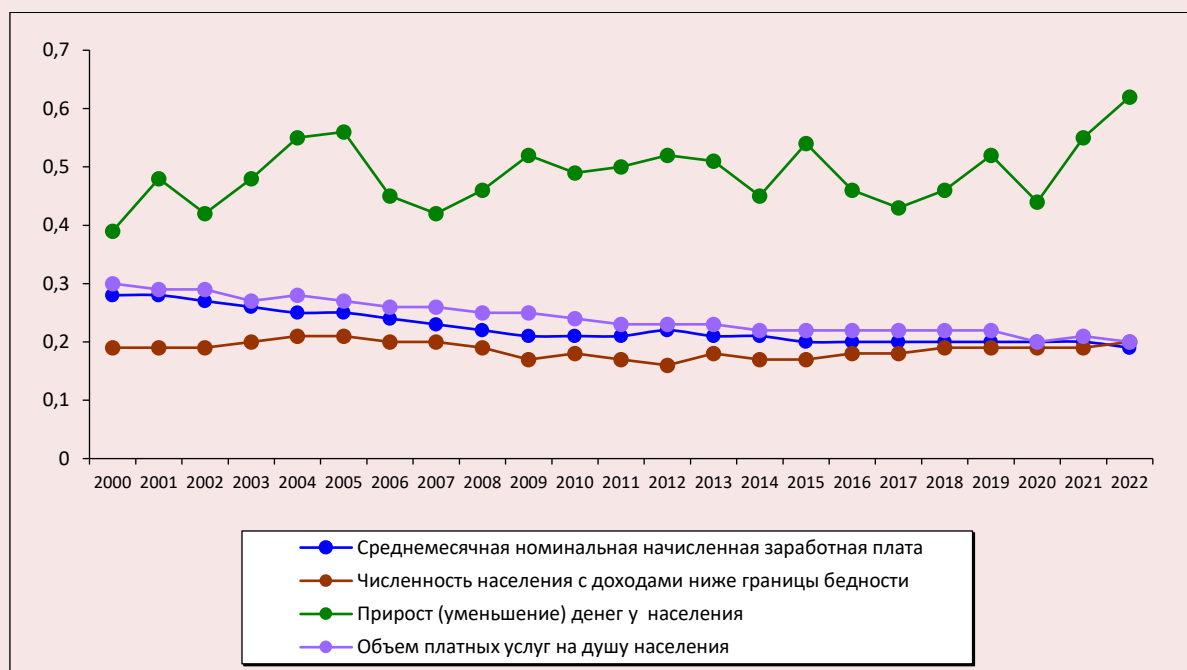
Исследование проводилось по 85 регионам России. Данные по Архангельской и Тюменской областям принимались отдельно, без включения автономных округов. Автономные округа учитывались как отдельные субъекты Федерации. Период исследования: 2000, 2008, 2016–2022 гг. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики.

Полученные результаты и обсуждения

Важной особенностью городов и регионов Российской Федерации является высокий уровень их дифференциации по ряду важных социально-экономических и природного-географических показателей, что создает условия для возникновения и развития агломерационных процессов на одних территориях и отток ресурсов (человеческий капитал, инновации, инвестиции и др.) с периферийных регионов. Для того чтобы дать общую картину дифференциации регионов России, рассчитаем индекс Джини по отдельным социально-экономическим параметрам (рис. 1, 2). Выбор коэффициента Джини определен простотой расчета, отсутствием необходимости идентифицировать субъекты оценки.

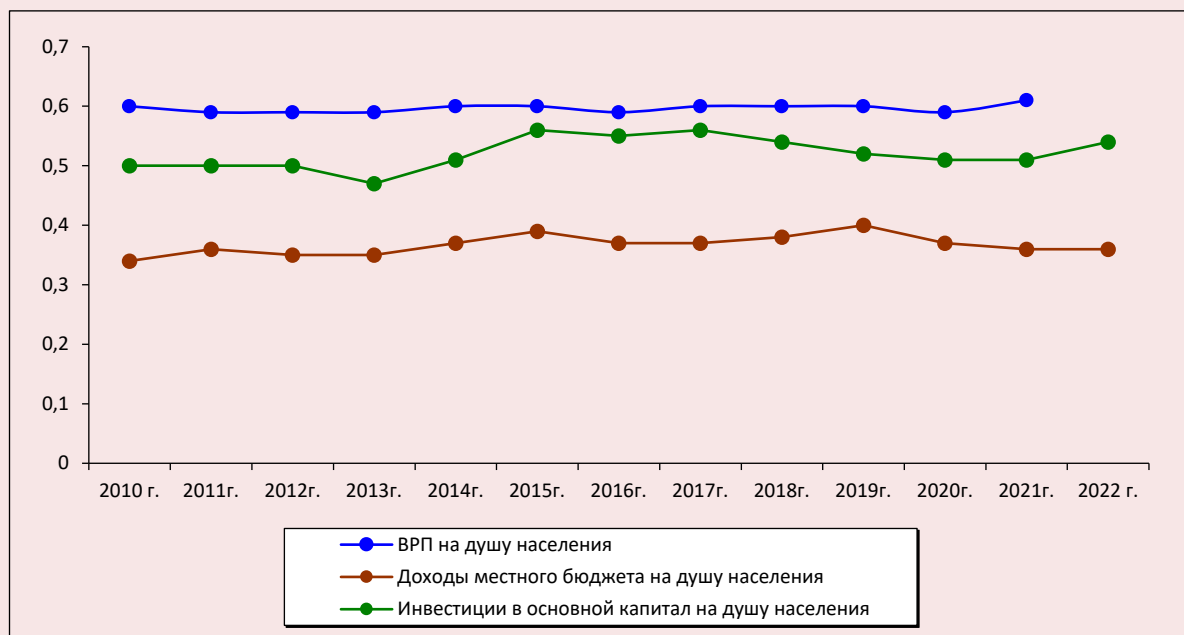
Индекс Джини по показателю «прирост (уменьшение) денег у населения» составляющий 0,39 (минимальное значение) в 2000 году достиг максимального значения в 2022 году — 0,62, сложившаяся тенденция позволяет сделать вывод о росте неравенства по данному критерию. В 2000 году в пяти регионах-лидерах

Рис. 1. Динамика социального неравенства регионов России в 2000–2022 гг., индекс Джини

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 15.08.2024).

Рис. 2. Динамика экономического неравенства в регионах России в 2010–2022 гг., индекс Джини

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 15.08.2024).

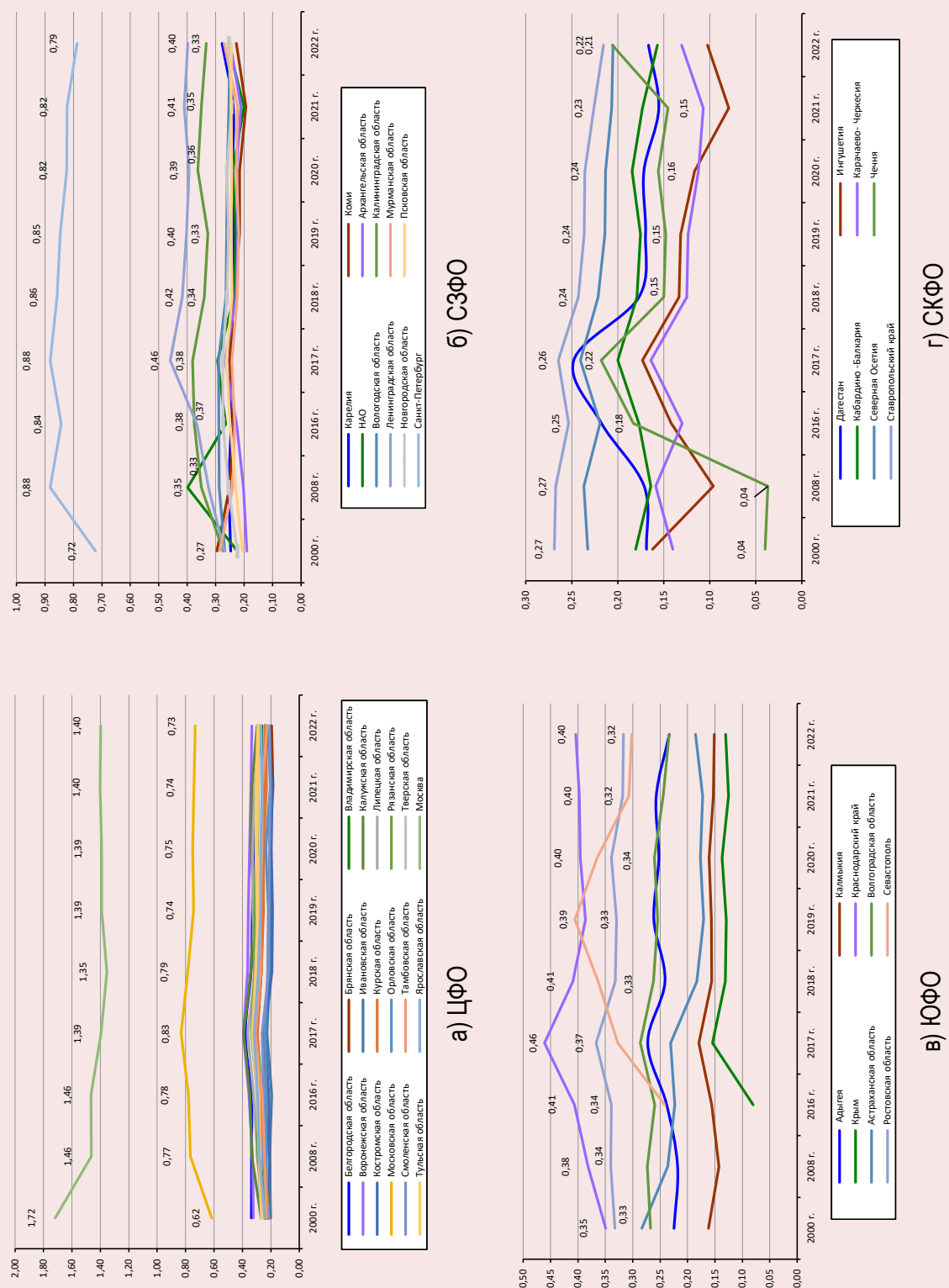
было сосредоточено 22,5% денежных накоплений у населения, в 2002 году – 26,6%, в 2022 году – 48,8%. По критериям «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата», «численность населения с доходами ниже границы бедности», «объем платных услуг на душу населения» наметилась тенденция на снижение дифференциации, но значимых изменений не наблюдалось.

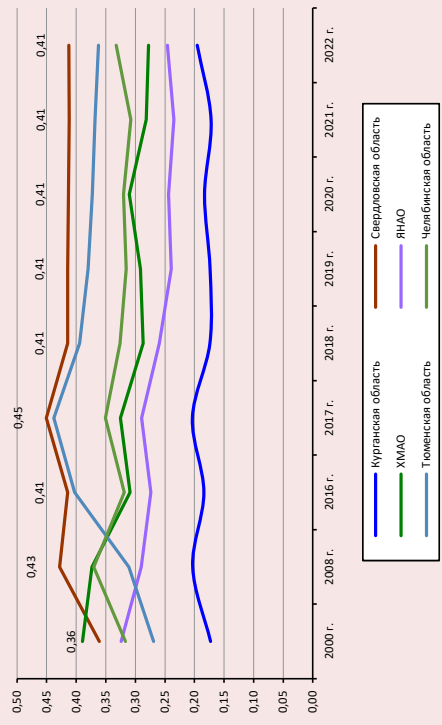
Данные, представленные на рисунке 2, демонстрируют стабильно высокий уровень неравенства по показателю «ВРП на душу населения», подчеркнем, что за анализируемый период значимая динамика отсутствует. Неоднозначная динамика коэффициента Джини получена для показателя «инвестиции в основной капитал на душу населения»: присутствуют как периоды роста, так и снижения неравенства. Проведенные расчеты показали низкий уровень неравенства российских регионов по критерию «доходы местного бюджета на душу населения».

На рисунке 3 представлена динамика индекса потенциала агломерационных процессов в регионах России в разрезе федеральных округов.

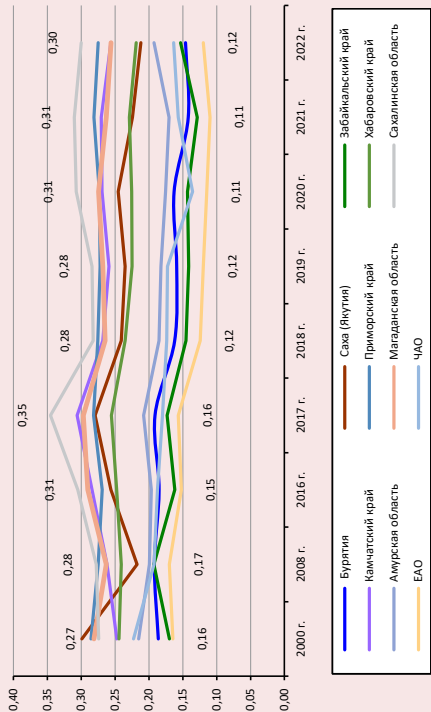
По данным, представленным на рисунке 3, можно сделать вывод о наличии высокой дифференциации в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, лидерами за анализируемый период выступают Москва, Санкт-Петербург и Московская область. В 2008 году наблюдается отрицательная динамика потенциала агломерационного процесса в Москве, но при этом в Московской области намечена тенденция роста (рис. 3а), т. е. высокая стоимость жизни (цены на недвижимость, аренду квартир и офисов, тех. помещений) создало ситуацию, при которой увеличился приток человеческого потенциала в Московскую область. Население приобретает недвижимость в московском регионе, при этом совершает ежедневные поездки в Москву на работу, учебу, а также пользуется культурной, медицинской и спортивной сферами столичного региона. В Северо-Западном федеральном округе (рис. 3б) максимальное значение индекса потенциала агломерационных процессов получено для Санкт-Петербурга с неоднозначной динамикой. Значимая положительная динамика анализируемого показателя зафиксирована в Ленинградской и Кали-

Рис. 3. Динамика индекса потенциала агломерационного процесса в регионах России в 2000–2022 гг.

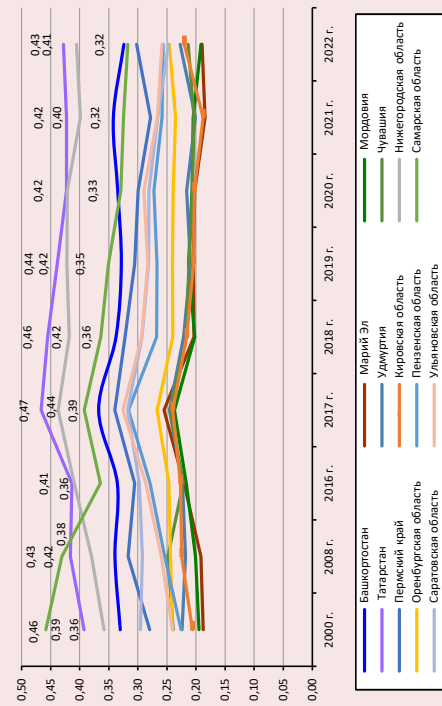

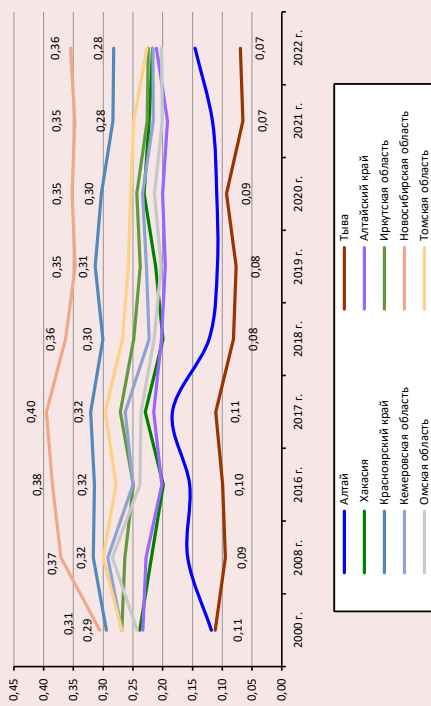
е) УФО

з) ДВФО

д) ПФО

ж) СФО

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 15.08.2024).

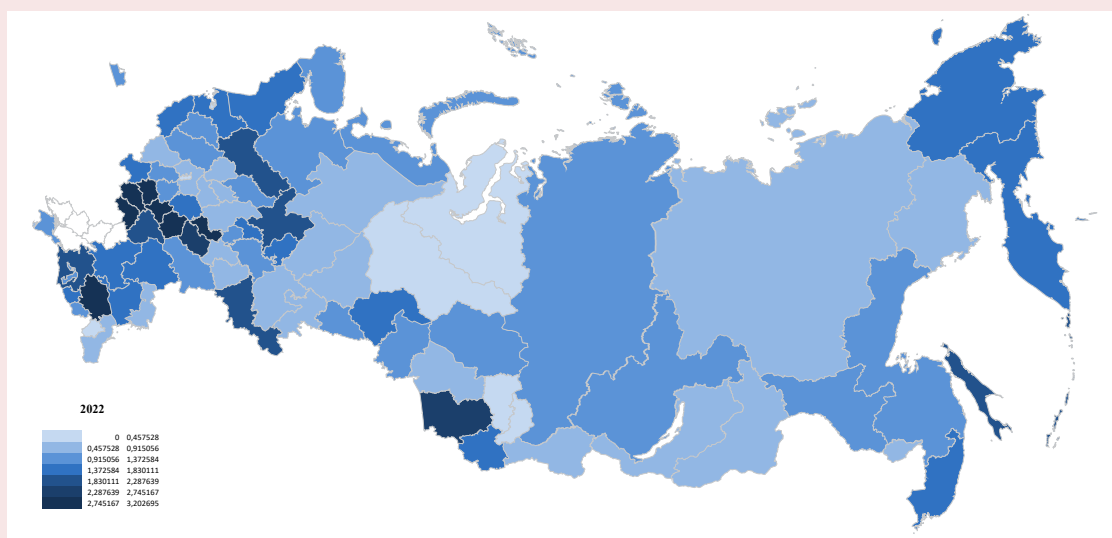
нинградской областях, что свидетельствует об интенсивности агломерационных процессов и формировании агломераций в данных субъектах РФ. На территории Южного федерального округа (рис. 3в) к числу субъектов с интенсивными агломерационными процессами (высокие значения и положительная динамика индекса потенциала агломерационных процессов) можно отнести Краснодарский край, Ростовскую область и город Севастополь. Отрицательная динамика анализируемого индекса зафиксирована в Астраханской области. Оценивая агломерационные процессы Северо-Кавказского федерального округа (рис. 3г), заключим, что в целом для всех субъектов характерен низкий потенциал агломерационного развития, также в отдельные годы в Чеченской Республике и Республике Ингушетии отмечается отсутствие агломерационных процессов. Из числа субъектов Приволжского федерального округа (рис. 3д) целесообразно выделить Республику Татарстан и Нижегородскую область как лидеров по анализируемому индексу. Интерес вызывает Самарская область, на территории которой отмечается отрицательная динамика потенциала агломерационных процессов. На территории Уральского федерального округа (рис. 3е) значимая положительная динамика, свидетель-

ствующая об интенсивности агломерационных процессов, наблюдается в Свердловской и Тюменской областях. В Сибирском федеральном округе (рис. 3ж) лидерами по степени развития агломерационных процессов является Новосибирская область и Красноярский край. Отсутствие агломерационных процессов зафиксировано в Республике Тыва. Результаты расчетов, полученные для субъектов Дальнего Востока (рис. 3и), свидетельствуют о низком потенциале агломерационных процессов, а в отдельных регионах об их отсутствии.

На рисунках 4–8 представлены результаты анализа специализации регионов РФ. Подчеркнем, что развитие сельского хозяйства, лесного хозяйства и добывающей промышленности определено факторами первой природы: плодородные почвы, наличие полезных ископаемых, климатические условия.

По данным, представленным на рисунке 4, можем заключить, что в секторе «сельское хозяйство» максимальный уровень специализации наблюдается в Тамбовской области ($LQ = 3,2$), Ставропольском крае ($LQ = 3,02$), Республике Мордовии ($LQ = 2,8$), Орловской ($LQ = 2,8$), Белгородской ($LQ = 3$), Курской ($LQ = 2,8$), Липецкой ($LQ = 2,7$), Пензенской ($LQ = 2,3$) областях, Алтайском крае ($LQ = 2,3$).

Рис. 4. Коэффициент локализации по виду деятельности «сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в регионах РФ в 2022 году

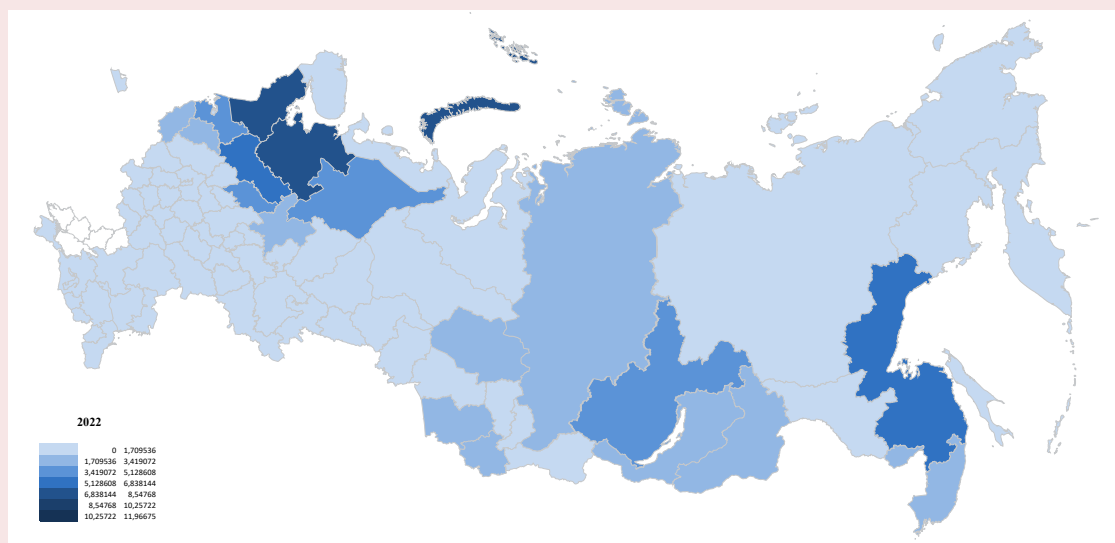

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

К числу регионов-лидеров РФ, специализирующихся на секторе «лесоводство и лесозаготовки», относятся субъекты Европейского Севера и Сибири: Архангельская область ($LQ = 7,2$), Республика Карелия ($LQ = 6,9$), Вологодская область ($LQ = 5,9$), Хабаровский край ($LQ = 5,4$), Иркутская область ($LQ = 4,9$), Ленинградская область ($LQ = 4,7$), Республика Коми ($LQ = 4,4$) (рис. 5).

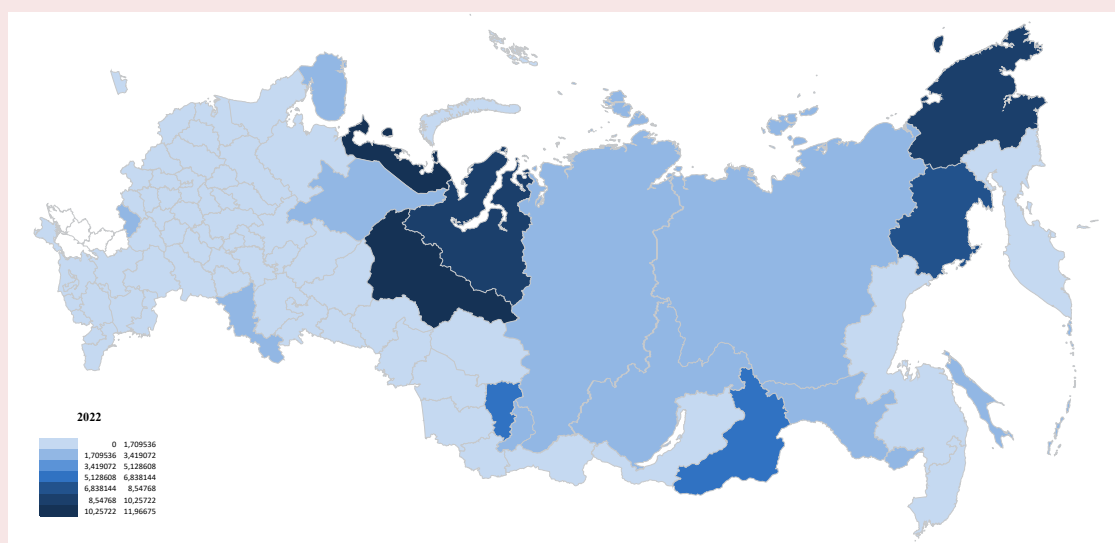
К числу регионов-лидеров, специализирующихся в добывающем секторе промышленности, по результатам проведенных расчетов относятся Ханты-Мансийский ($LQ = 11,9$), Ненецкий ($LQ = 10,4$), Ямало-Ненецкий ($LQ = 9,50$), Чукотский ($LQ = 8,80$) автономные округа, Магаданская область ($LQ = 8,4$). Важно подчеркнуть высокий уровень дифференциации

Рис. 5. Коэффициент локализации по виду деятельности «лесоводство и лесозаготовки» в регионах РФ в 2022 году

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

Рис. 6. Коэффициент локализации по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» в регионах РФ в 2022 году

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

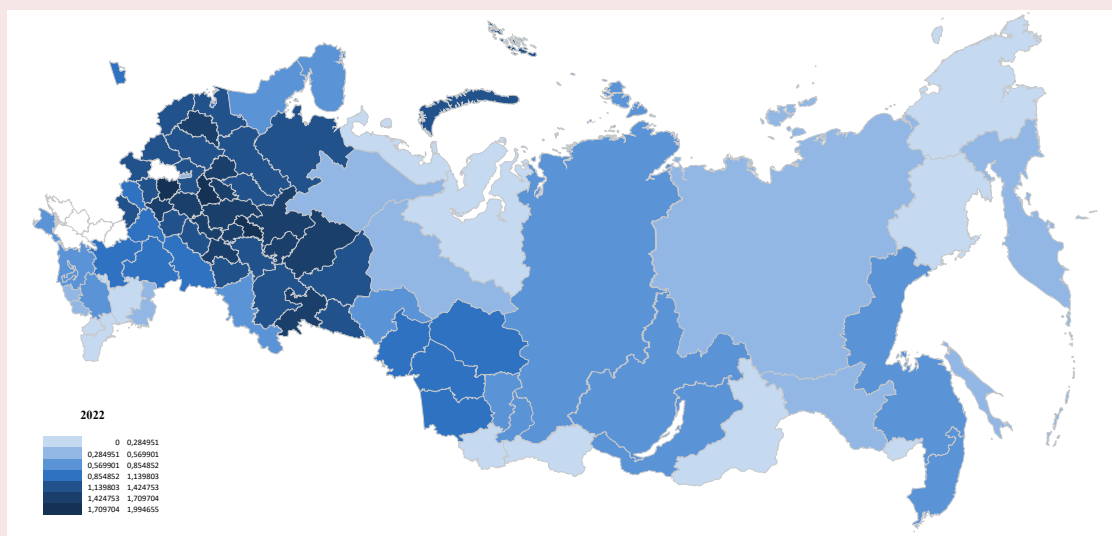
коэффициента локализации по сектору «добывающая промышленность» в регионах РФ, так как развитие данной отрасли определено наличием полезных ископаемых (рис. 6).

По данным, представленным на рис. 7, заключили, что регионы, специализирующиеся на секторе «обрабатывающая промышленность», образуют «пояс» с северо-запада на юго-восток до Урала, с исключением субъек-

тов Северного Кавказа и юга. В данной отрасли высокого уровня дифференциации не наблюдается по причине того, что специализация сектора «обрабатывающая промышленность» не продиктована факторами природного характера.

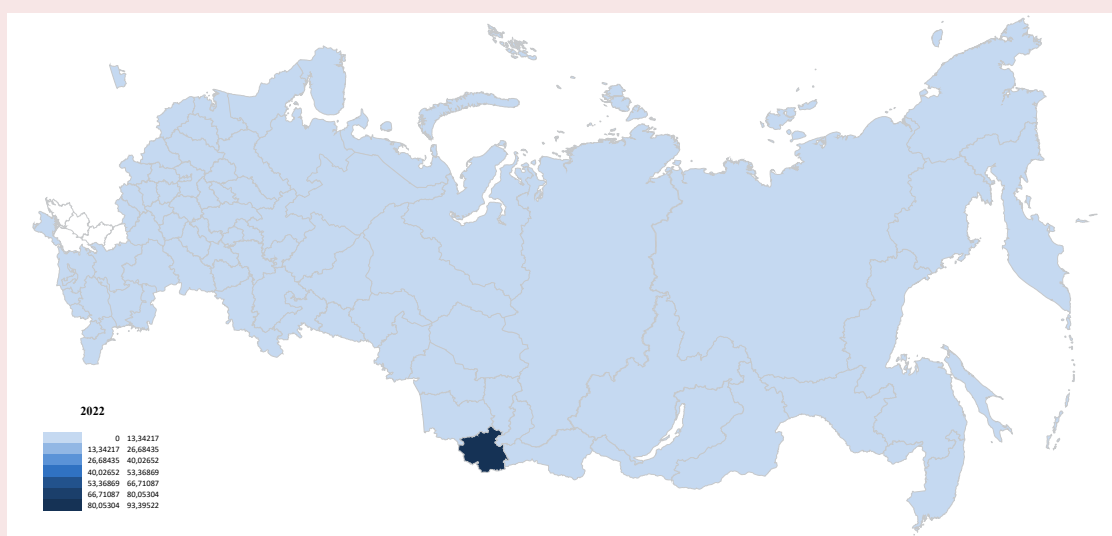
Специализация регионов в секторе «научные исследования и разработки» также не продиктована факторами первой природы, но широко дифференцирована в субъектах РФ (рис. 8).

Рис. 7. Коэффициент локализации по виду деятельности «обрабатывающая промышленность» в регионах РФ в 2022 году

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

Рис. 8. Коэффициент локализации по виду деятельности «научные исследования и разработки» в регионах РФ в 2022 году

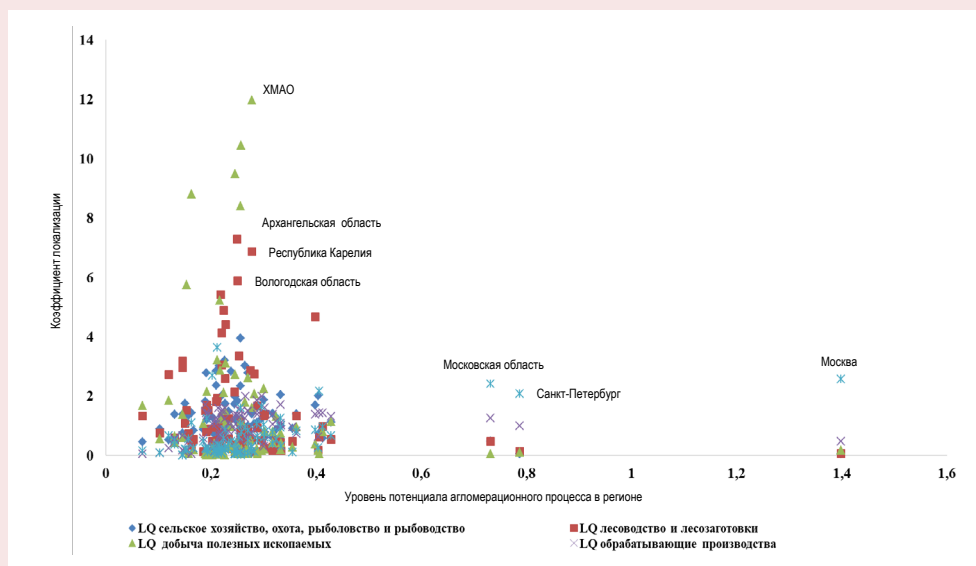

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

Максимальные значения коэффициента локализации по виду деятельности «научные исследования и разработки» получены для Омской области ($LQ = 2,7$), Москвы ($LQ = 2,6$), Московской области ($LQ = 2,4$), Нижегородской области ($LQ = 2,15$), Санкт-Петербурга ($LQ = 2,1$).

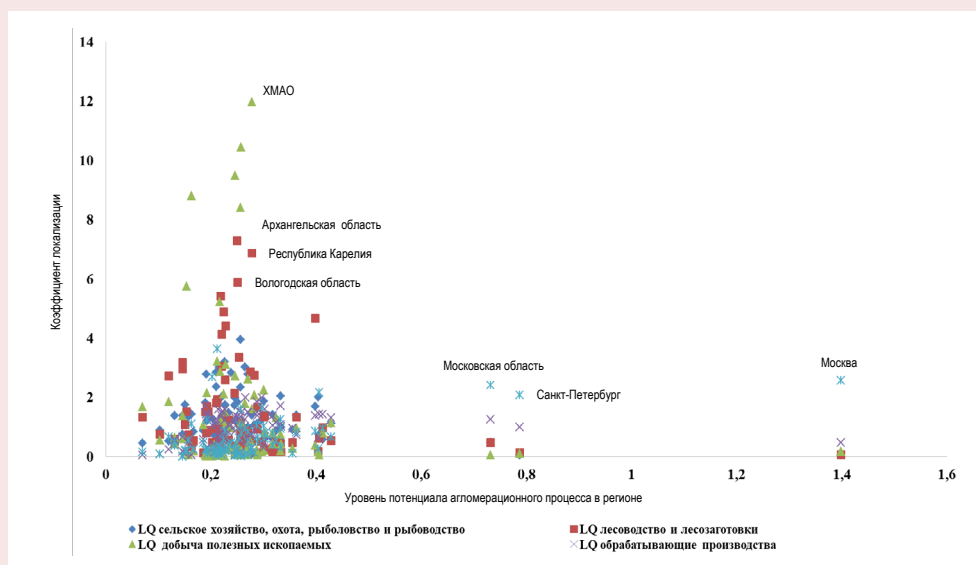
На рисунках 9–10 представлены матрицы «уровень потенциала агломерационного процесса в регионе – коэффициент локализации отдельных видов экономической деятельности» в регионах РФ в 2017, 2022 гг.

Рис. 9. Матрица «уровень потенциала агломерационного процесса в регионе – коэффициент локализации отдельных видов экономической деятельности» в регионах РФ в 2017 году

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

Рис. 10. Матрица «уровень потенциала агломерационного процесса в регионе – коэффициент локализации отдельных видов экономической деятельности» в регионах РФ в 2022 году

Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 15.09.2024).

В целом на территории Российской Федерации наибольший уровень концентрации определяется для вида экономической деятельности «добыча полезных ископаемых», на втором месте — «лесоводство и лесозаготовки», при этом индекс потенциала агломерационного процесса в данных субъектах находится в диапазоне 0,2–0,3. В регионах — лидерах по уровню потенциала агломерационного процесса (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) максимальные значения коэффициента локализации получены для вида экономической деятельности «научные исследования и разработки», на втором месте — «обрабатывающее производство», т. е. виды экономической деятельности, не обусловленные факторами «первой природы». По данным, представленным на рис. 9–10, можно сделать вывод о росте в регионах РФ коэффициента локализации в 2022 году по видам деятельности «лесоводство и лесозаготовки», «научные исследования и разработки».

Заключение

В рамках проведенного исследования представлен методический инструментарий оценки потенциала агломерационных процессов в регионах Российской Федерации. Апробация авторского методического инструментария позволила проанализировать динамику потенциала агломерационного процесса отдельной территории, оценить взаимодействие потенциала агломерационного процесса территории и уровня концентрации на ней отдельных видов деятельности.

В регионах РФ выявлена высокая степень дифференциации потенциала агломерационных процессов в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Удорожание стоимости жизни (цены на недвижимость, аренду квартир и офисов, технических помещений) в Москве спровоцировало приток человеческого потенциала в Московскую область. Населе-

ние приобретает недвижимость в московском регионе, при этом совершает ежедневные поездки в Москву на работу, учебу, а также пользуется культурной, медицинской и спортивной сферами столичного региона. Интенсивные агломерационные процессы зафиксированы в Калининградской, Ленинградской, Ростовской, Нижегородской, Свердловской, Тюменской, Новосибирской областях, Краснодарском и Красноярском краях, городе Севастополь и Республике Татарстан.

В субъектах Северного Кавказа и Дальнего Востока отмечается низкий потенциал агломерационного развития, в отдельные годы в Чеченской Республике и Республике Ингушетии агломерационные процессы отсутствуют.

В регионах — лидерах по уровню потенциала агломерационного процесса (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) максимальные значения коэффициента локализации получены для вида экономической деятельности «научные исследования и разработки», на втором месте — «обрабатывающее производство».

Предложенный авторский методический инструментарий может быть положен в основу регулярного мониторинга оценки эффективности региональной экономики для получения информации о характере и динамике потенциала агломерационных процессов, о возможности получения эффекта от взаимодействия агломерационного процесса территории и уровня концентрации на ней отдельных видов экономической деятельности.

Результаты данного исследования могут быть использованы органами региональной власти при разработке документов стратегического планирования, широким кругом исследователей в области пространственной экономики, а также преподавателями и студентами в рамках подготовки кадров по экономическим специальностям.

Литература

- Вебер А.Ф. (1903). Рост городов в XIX столетии / пер. с англ. А.Н. Котельникова. Санкт-Петербург: Изд. Е.Д. Кусковой. 464 с.
- Гринчель Б.М., Антонова А.А. (2012). Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (23). С. 79–90.
- Киселева Н.Н., Бавина К.В., Каратунов А.В. (2016). Методические подходы к исследованию природы агломерационных процессов // Фундаментальные исследования. № 12 (2). С. 422–426.

- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2024). Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 17 (1). С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5
- Коломак Е.А. (2013). Неравномерное пространственное развитие в России: объяснение новой экономической географии // Вопросы экономики. № 2. С. 132–150.
- Малкина М.Ю. (2016). Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла-Бернулли // Пространственная экономика. № 3. С. 16–37.
- Пивоваров Ю.Л. (2002). Сжатие «экономической ойкумены России // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 63–69.
- Растворцева С.Н. (2013). Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии: [монография]. Москва: Экон-информ. 131 с.
- Суворова А.В., Котлярова С.Н. (2023). Особенности концентрации населения и жилья в регионах Уральского федерального округа // Муниципалитет: экономика и управление. № 4 (45). С. 33–41. DOI: 10.22394/2304-3385-2023-4-33-41
- Atkinson A.B. (1970). On the measurement of inequality. *Journal of Economic Theory*, 2, 244–263.
- Boze E.Yu. (2007). City agglomeration: Old name, new contents. *Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie=Russian Expert Review*, 4, 13–16.
- Brakman S., van Marrewijk Ch. (2009). Introduction: Heterogeneity at Different Spatial Scales. *Journal of Regional Science*, 49, 607–615.
- Copus A.K. (2001). From core-periphery to polycentric development: concepts of spatial and aspatial peripherality. *European Planning Studies*, 9(4), 539–552.
- Eder J. (2019). Peripheralization and knowledge bases in Austria: Towards a new regional typology. *European Planning Studies*, 27(1), 42–67.
- Fujita M., Ogawa H. (1982). Multiple equilibria and structural transition of nonmonocentric urban configuration. *Regional Science and Urban Economics*, 12, 161–196.
- Gini C. (1914). Sulla misura della concentrazione e della variabilità dei caratteri. *Atti Del Reale Istituto Veneto Di Scienze, Lettere Ed Arti, LXXVIII (Parte Seconda)*, 1203–1248.
- Han L., Song Y. (2021). The method of measuring the agglomeration degree of high-tech industries and its influence mechanism: Taking Guangdong province as an example. *Mathematical Problems in Engineering*, 3, 1–14.
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99, 483–499.
- Krugman P., Venables A.J. (1996). Integration, specialization, and adjustment. *European Economic Review*, 40, 959–467.
- Martin P., Ottaviano G.I.P. (2001). Growth and agglomeration. *International Economic Review*, 42(4), 947–968.
- Lin H.L., Li H.Y., Yang C.H. (2011). Agglomeration and productivity: Firm-level evidence from China's textile industry. *China Economic Review*, 22(3), 313–329.
- Puga D. (1999). The rise and fall of regional inequalities. *European Economic Review*, 43, 303–334.
- Strange W.C. (2009). Viewpoint: Agglomeration research in the age of disaggregation. *Canadian Journal of Economics*, 42(1), 1–27.

Сведения об авторах

Инна Владимировна Манаева — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, корп. 10; e-mail: In.manaeva@yandex.ru)

Вадим Вячеславович Мельников — научный сотрудник, Научно-исследовательский институт социальных систем при МГУ им. М.В. Ломоносова (127018, Российская Федерация, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2; e-mail: melnikov@niiss.ru)

Manaeva I.V., Melnikov V.V.

Assessing the Potential of Agglomeration Processes in the Regions of the Russian Federation

Abstract. To substantiate the levers and mechanisms of influence on agglomeration processes in the territorial space, a significant and relevant area of economic science is theoretical and methodological developments related to identifying and assessing the potential of agglomeration processes in Russia's regions, which is determined by the aim of the work. We have designed a system of indicators for agglomeration processes, which includes the following blocks: concentration of production and economic activity; concentration of population; concentration of science and technology potential and innovations; concentration of housing infrastructure; people's welfare. The proposed methodological toolkit involves analyzing the specialization of Russia's regions by calculating location quotient for certain types of economic activity and assessing the interaction of the territory's agglomeration process potential and concentration of certain types of economic activity in it by constructing the matrix "agglomeration process potential in the region – location quotient for certain types of economic activity". Our methodological approach was tested on 85 constituent entities of the Russian Federation. The research period included the years 2000, 2008, 2016–2022. The information base comprised data from the Federal State Statistics Service. According to the results of the calculations, we see a high degree of differentiation of agglomeration processes potential in the Central and Northwestern federal districts. Intensive agglomeration processes are observed in the Kaliningrad, Leningrad, Rostov, Nizhny Novgorod, Sverdlovsk, Tyumen, Novosibirsk regions, Krasnodar and Krasnoyarsk territories, the city of Sevastopol and the Republic of Tatarstan. There is a low potential for agglomeration development in the North Caucasus and the Far East, and in some years there were no agglomeration processes in the Chechen Republic and the Republic of Ingushetia. The findings of our research can be used by regional authorities in designing strategic planning documents, by a wide range of researchers in the field of spatial economics, and by teachers and students in the framework of personnel training in economic specialties.

Key words: region, agglomeration, potential, agglomeration process, location quotient, spatial economy, socio-economic inequality.

Information about the Authors

Inna V. Manaeva – Doctor of Sciences (Economics), professor at the department of world economics, Belgorod State National Research University (85, building 10, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: In.manaeva@yandex.ru)

Vadim V. Melnikov – Researcher, Social Systems Research Institute, Lomonosov Moscow State University (8, building 2, Oktyabrsky Lane, Moscow, 127018, Russian Federation; e-mail: melnikov@niiss.ru)

Статья поступила 11.01.2025.

Сценарное прогнозирование вероятности банкротства предприятий химической промышленности в Свердловской области

**Илья Викторович
НАУМОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: naumov.iv@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

**Наталья Леонидовна
НИКУЛИНА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: nikulina.nl@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-6882-3172; ResearcherID: J-9846-2013

**Анна Андреевна
БЫЧКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: bychkova.aa@uiec.ru
ORCID: 0000-0001-8676-5298; ResearcherID: AAC-8061-2019

Для цитирования: Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. (2025). Сценарное прогнозирование вероятности банкротства предприятий химической промышленности в Свердловской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 107–122. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.6

For citation: Naumov I.V., Nikulina N.L., Bychkova A.A. (2025). Scenario forecasting of the probability of chemical industry enterprises bankruptcy in the Sverdlovsk Region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 107–122. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.6

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастанием рисков банкротства предприятий химической промышленности в условиях глобальной социально-экономической нестабильности. Целью является разработка прогнозных сценариев динамики вероятности банкротства предприятий химической отрасли с учетом влияния внутренних и внешних факторов. Используется методический подход к прогнозированию вероятности банкротства предприятий, объединяющий дискриминантный анализ по модифицированной методике Альтмана, множественный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов, оценивающий влияние внутренних и внешних факторов на вероятность банкротства предприятий, а также авторегрессионное моделирование со скользящей средней (ARIMA/ARMA) для построения прогнозных сценариев (инерционного, крайне пессимистичного и оптимистичного) вероятности банкротства. При проведении исследования использовались данные первичной отчетности предприятий химической промышленности Свердловской области за период с 1999 по 2023 год, а также статистические данные Росстата. Установлено, что крупные и малые химические предприятия более подвержены рискам банкротства, чем средние, из-за высокой закредитованности, низкой обеспеченности запасами и собственными оборотными средствами. Для каждой группы предприятий химической отрасли были выявлены основные факторы, влияющие на вероятность банкротства: для крупных — обеспеченность собственными оборотными средствами, рентабельность внеоборотных активов, численность экономически активного населения в Свердловской области, объем затрат на инновационную деятельность организаций в регионе; для средних — обеспеченность общим размером капитала и рентабельность оборотных активов; для малых — обеспеченность собственными оборотными средствами и оборачиваемость запасов. Спроектированные сценарные прогнозы позволили установить низкую вероятность банкротства средних химических предприятий, повышенную вероятность для крупных предприятий и значительную — для малых. Авторский подход к сценарному моделированию и прогнозированию вероятности банкротства с учетом влияния различных факторов, апробированный на примере химических предприятий, может быть использован для разработки стратегических планов и мер государственной поддержки предприятий отрасли, направленных на снижение рисков финансовой неустойчивости, повышение финансовой устойчивости.

Ключевые слова: вероятность банкротства предприятий, модифицированная модель Альтмана, сценарное моделирование и прогнозирование, химическая промышленность.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00704 «Сценарное моделирование и прогнозирование рисков банкротства отраслей промышленности Свердловской области» (<https://rscf.ru/project/24-28-00704>).

Введение

В условиях экономической неопределенности, нарастающего санкционного давления на российскую экономику обостряются проблемы обеспечения хозяйствующих субъектов производственными запасами, ликвидными оборотными активами для своевременного выполнения текущих и краткосрочных обязательств, возрастает уровень закредитованности предприятий. Все это снижает финансовую устойчивость и повышает вероятность их банкротства. Представленные в научной литературе исследования оценивают устойчивость

и риски банкротства отдельных предприятий, что затрудняет оценку финансового состояния каждой отрасли в целом. Разработке методического подхода для оценки рисков банкротства отраслей экономики и посвящено данное исследование.

Химическая промышленность, ориентированная на выпуск крупнотоннажной продукции низких переделов, является одним из значимых секторов экономики России, в т. ч. Свердловской области. Основными направлениями развития химического комплекса в ре-

гионе выступают производства лакокрасочных материалов и жаропрочных пигментов, продукции крупнотоннажной химии, метанола, продукции малотоннажной химии (сорбенты, добавки к полимерным материалам), высокопрочных текстильных, полиамидных волокон, нитей и сеток¹.

Химическая промышленность в 2023 году сформировала 4,4% от общего объема отгруженной продукции, товаров и услуг обрабатывающих производств Свердловской области². Представленная на *рисунке 1* динамика изменения объема отгруженной продукции, товаров и услуг химической промышленности в Свердловской области за 2017–2023 гг. свидетельствует о том, что данная отрасль активно развивается и на нее не повлияли какие-либо санкционные ограничения.

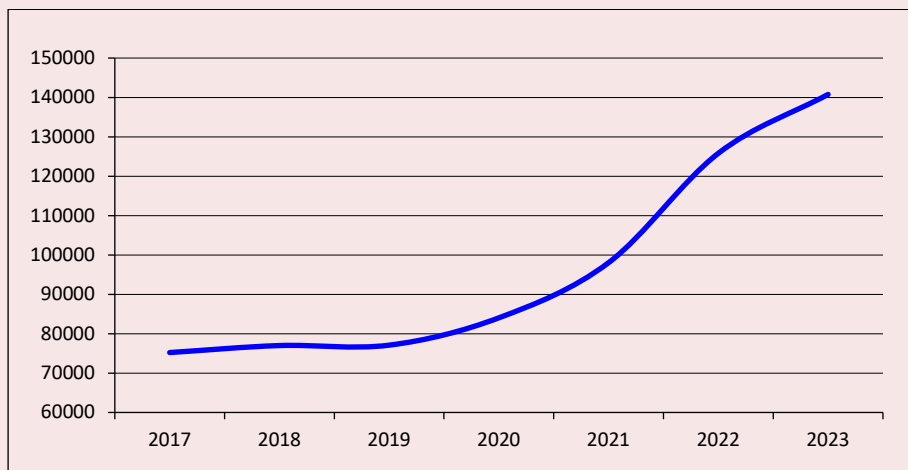
Свердловская область, согласно рейтингу Инвестиционного портала Свердловской области, входит в топ-10 регионов России по экспорту химической продукции за рубеж. В настоящий момент химическая промышленность региона сталкивается с проблемами изношен-

ности материально-технической базы, дефицита инвестиционных ресурсов из-за ограниченности банковского кредитования и сложности привлечения прямых иностранных инвестиций, обновления производственных запасов вследствие усложнения транспортных логистических цепочек импортируемого сырья и материалов, роста их стоимости, недостаточной обеспеченности химических предприятий кадровыми ресурсами. Указанные проблемы повышают риски банкротства предприятий химической отрасли. Именно поэтому оценка и прогнозирование динамики финансовой устойчивости и несостоятельности предприятий химической промышленности Свердловской области, исследование динамики влияющих на них факторов внутренней и внешней среды являются необходимыми задачами для своевременного устранения формирующихся рисков банкротства предприятий важной для региона отрасли.

Теоретический обзор

Для оценки вероятности банкротства предприятий отраслей экономики используются такие методические подходы, как многомерный

Рис. 1. Динамика отгруженной продукции, товаров и услуг химической промышленности в Свердловской области за 2017–2023 гг., млн руб.

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

¹ Химическая промышленность в Свердловской области. URL: <https://invest-in-ural.ru/investment/khimicheskaya-promyshlennost>

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 1081 с.

дискриминантный анализ по методикам У. Бивера (Beaver, 1966), Э. Альтмана (Altman, 1968), Р. Таффлера и Г. Тишоу (Taffler, Tisshaw, 1977), Ж. Конана и М. Холдера (Conan, Holder, 1979), Д. Фулмера (Fulmer et al., 1984), Ж. Лего (Legault, 1987) и др.; эконометрический анализ Дж.А. Олсона (Ohlson, 1980), К. Завгрена (Zavgren, 1983), М. Змиевского (Zmijewski, 1984), Д. Чессера (Chesser, 1994), Х. Джафари (Ghafari et al., 2024) и др.; модели машинного обучения Х. Джолампуре и М. Асади (Gholam-poor, Asadi, 2024), А. Шевелева и Г. Бузанова (Шевелев, Бузанов, 2022).

Оценка вероятности банкротства отдельных отраслей экономики проводилась Б. Пилчем (Pilch, 2021), использовавшим пять польских моделей прогнозирования банкротства: модели Хадасика, Мончиньской и Завадски, Погозиньской и Союка, Вежбы, Хамрола, Чайки и Пехоцкого, однако они не позволили должным образом спрогнозировать динамику банкротства предприятий в отдельных отраслях экономики.

Анализ риска банкротства производственных компаний в Индонезии с комплексным использованием трех различных моделей прогнозирования банкротства: модели Конана и Холдера, модели *J-UK* и модели Таффлера — осуществили К.А. Djonaputra, R.S. Nadira. Оценка финансовых показателей данных компаний, прогнозирование их платежеспособности и риска банкротства, а также оценка устойчивости их темпов роста проводились с использованием модели *Z*-счета Альтмана и коэффициента устойчивого роста агропромышленных компаний Чиру (Djonaputra, Nadira, 2024).

В исследовании Н.Т.Р. Ле и соавторов с использованием динамической системы обобщенного метода моментов и расчета *Z*-счета Альтмана выявлено, как финансовые ограничения и общие активы влияют на риск корпоративного банкротства листинговых фирм во Вьетнаме (Le et al., 2024).

Прогнозирование банкротства компаний и анализ прогностических возможностей факторного анализа выполнены Н. Bărbut и М. Madaleno с применением дискриминантного анализа и модели Альтмана, Конана и Холдера, Таффлера, Спрингейта и Змиевского для

оценки риска банкротства. Для оценки влияния рисков банкротства на производительность фирмы использовалась динамическая модель по обобщенному методу моментов (*GMM*) на основе панельных данных. Для оценки влияния показателей производительности компании на динамику рисков их банкротства применялась модель Tobit (Bărbut, Madaleno, 2020).

Логит-модели оценки риска банкротства предприятий использовались В.Е. Рыгиным³. Отличительной особенностью данных моделей, по мнению автора, является возможность учета нелинейной зависимости уровня риска банкротства предприятия от факторов, в наибольшей степени отражающих особенности функционирования крупных и мелких предприятий металлургической отрасли, что обеспечивает более высокую точность оценки вероятности банкротства предприятий по сравнению с существующими моделями. Также В.Е. Рыгиным были предложены инструменты прогнозирования риска банкротства предприятий металлургической отрасли, учитывающие тенденции и характер изменения риска банкротства конкретного предприятия и позволяющие определять дальнейшее развитие риска на период до одного года⁴.

Сценарный подход к диагностике вероятности банкротства и алгоритм контроля риска банкротства горно-металлургических предприятий были предложены Н.А. Казаковой, А.Ф. Лещинской, А.Е. Сивковой (Казакова и др., 2018). Проведение корреляционно-регрессионного анализа 12 факторных показателей, используемых в дискриминантных моделях прогнозирования банкротства, дало возможность отобрать пять показателей, между которыми отсутствует существенная корреляционная связь: коэффициент рентабельности активов, отношение рабочего капитала к общей сумме активов, коэффициент оборачиваемости

³ Рыгин В.Е. (2014). Разработка методического инструментария оценки и управления риском банкротства промышленных предприятий (на примере предприятий металлургической отрасли): автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами — промышленность). Москва. 28 с.

⁴ Там же.

активов, отношение текущих обязательств к общей сумме активов и коэффициент абсолютной ликвидности. Сценарный подход был использован также S.N. Borlea, M.V. Achim (Borlea, Achim, 2014) для оценки риска банкротства компаний металлургической отрасли Румынии. Пессимистический сценарий оценки вероятности банкротства для румынской металлургической промышленности был спроектирован авторами по модели Альтмана, а более оптимистичный — по модели Конана и Холдера. Разработку прогностических сценариев развития корпоративной деятельности с использованием экономической оценки с целью предотвращения возможного банкротства предприятий представили L.B. Sungatullina, Yu.I. Chupova (Sungatullina, Chupova, 2020).

Финансовая устойчивость и вероятность банкротства химической отрасли также могут оцениваться перечисленными выше методами.

В исследовании Е.В. Орловой (Орлова, 2019) были рассмотрены теоретические и практические аспекты построения Z-модели методом дискриминантного анализа для отдельного химического предприятия. Платежеспособность предприятий химической промышленности Оренбургской области определена Ю.О. Шавриной (Шаврина, 2023) с использованием коэффициентного метода, скоринговых моделей оценки платежеспособности Донцовой — Никифоровой и модели Савицкой. Выявленные тенденции позволили установить закономерности платежеспособности и финансовой устойчивости в исследуемом сегменте экономики региона, а также сформулировать спорные моменты интерпретации расчетных значений результатов применяемых методик. Алгоритм для построения экономико-математической модели (*logit*-модели) для диагностики риска банкротства предприятия агрохимической промышленности был предложен В.Ю. Ждановым и Л.Б. Винничек (Жданов, Винничек, 2022).

Для оценки финансовой устойчивости предприятий химической отрасли рядом авторов применялся метод рейтингового анализа. Рейтинговое агентство АКРА разработало методологию присвоения кредитных рейтингов нефинансовым компаниям по международной шкале, раскрывающую особенности рейтингового анализа операционного и финансового профилей

предприятий химической промышленности⁵. Анализ и обобщение практического опыта в отношении оценки рисков компаний химической промышленности России рейтинговыми агентствами представлены в работе О.В. Бережной, Н.В. Соловьевой (Бережная, Соловьева, 2020). Для финансовых рисков химических предприятий характерно высокое значение коэффициента вариации, что говорит о неоднородности компании по уровню финансового состояния.

В исследовании А.Г. Саксина был сформирован системный подход к стратегическому развитию химического комплекса, разработаны два альтернативных сценария развития химического комплекса — инерционный (пассивный) и инновационный (активный), предложены критерии и индикаторы решения системной проблемы. В качестве критериев и индикаторов автором предлагается использовать объем отгруженных товаров собственного производства, долю химического производства в общем объеме отгруженных товаров в целом по обрабатывающим производствам, производство ряда важнейших видов продукции на душу населения (Саксин, 2010).

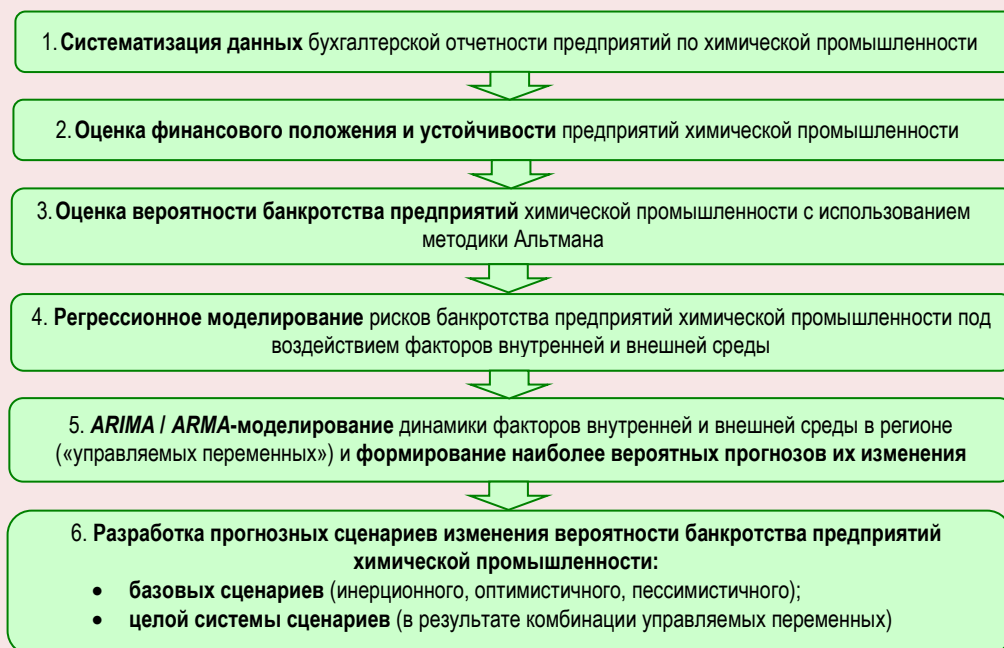
Представленные в отечественных и зарубежных исследованиях методики сценарного прогнозирования не позволяют оценить риски банкротства отраслей экономики в целом, а концентрируются на отдельных предприятиях или их совокупности, а используемые при построении сценариев модели не учитывают «управляющие переменные», применяется ограниченный набор оцениваемых факторов.

Методический подход

Теоретико-методический обзор научных работ показал, что существует пробел в сценарном прогнозировании вероятности банкротства предприятий химической промышленности. Настоящее исследование основывается на разработанном И.В. Наумовым, Н.Л. Никулиной, А.А. Бычковой (Наумов и др., 2024а; Наумов и др., 2024с) теоретико-методическом подходе к сценарному моделированию и прогнозированию вероятности банкротства предприятий различных отраслей экономики (рис. 2).

⁵ АКРА: принципы оценки отраслевых факторов рейтингового анализа нефинансовых компаний: химическая промышленность (2023). Москва. 10 с.

Рис. 2. Адаптированный алгоритм сценарного моделирования и прогнозирования рисков банкротства для предприятий химической промышленности в регионе

Составлено по: (Наумов и др., 2024с).

Данный подход позволяет восполнить выявленный пробел и включает оценку финансовой устойчивости исследуемых отраслей экономики, их вероятности банкротства, построение регрессионных моделей зависимости изменения вероятности банкротства от целой системы внутренних и внешних факторов, проведение авторегрессионного моделирования динамики факторов внутренней и внешней среды с использованием скользящего среднего (*ARIMA/ARMA*). Новизной авторского подхода является применение данных первичной бухгалтерской и годовой отчетности предприятий, функционирующих в региональной системе согласно их отраслевой принадлежности, а также системное использование методов регрессионного и авторегрессионного моделирования. Разработанный авторами методический подход позволяет более корректно подойти к оценке финансовой состоятельности предприятий — учесть их размер, отраслевую специфику, дифференцированность уровней вероятности их банкротства. Его значительным преимуществом является уход от субъективного выбора пороговых

значений при оценке финансовой состоятельности предприятий и отраслей промышленности, расчет индивидуальных пороговых значений для каждой отрасли в регионе исходя из той динамики, которая наблюдалась в течение длительного периода времени. Расчет и оценка *Z*-статистик не отдельно взятых предприятий, а целой их совокупности с учетом размера позволит детально исследовать риски банкротства отраслей промышленности в регионе (Наумов и др., 2024b), помогает более точно и объективно оценить угрозы потери финансовой состоятельности для предприятий различных отраслей промышленности в разных регионах.

Результаты

В Свердловской области, по данным 2023 года, расположено всего 6 крупных предприятий химической отрасли (с выручкой более 2 млрд руб. в год): ООО «ВМП», ООО «НИКА-ПЕТРОТЭК», ООО «Полипласт-УралСиб», ПАО «УХП», ООО «УХП-ХА», АО «Хромпик», основными видами деятельности которых являются производство красок, лаков и аналогичных материалов для нанесения покрытий,

Таблица 1. Динамика индикаторов финансового положения и устойчивости предприятий химической отрасли в Свердловской области

Показатель	Размер	Год									
		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Абсолютная ликвидность (норматив: > 0,2)	Крупные	0,21	0,20	0,17	0,15	0,41	0,59	0,35	0,27	0,27	0,16
	Средние	0,61	0,64	0,80	0,23	0,64	0,58	0,74	0,51	0,25	0,26
	Малые	0,12	0,11	0,14	0,13	0,11	0,14	0,16	0,16	0,19	0,18
Срочная ликвидность (норматив: > 1)	Крупные	0,60	0,65	0,72	0,51	0,91	1,43	0,98	0,95	0,99	0,78
	Средние	1,07	1,30	1,77	1,34	1,58	1,37	1,81	1,48	2,33	1,90
	Малые	0,59	0,68	0,63	0,73	0,66	0,67	0,70	0,74	0,82	0,87
Текущая ликвидность (норматив: >1-2)	Крупные	0,97	1,02	1,17	0,92	1,37	1,97	1,34	1,49	1,56	1,55
	Средние	1,36	1,66	2,23	1,55	2,12	2,07	2,44	2,25	3,13	2,58
	Малые	0,95	1,03	1,05	1,23	1,16	1,12	1,20	1,24	1,42	1,50
Ликвидность при мобилизации средств (норматив: > 0,5)	Крупные	0,36	0,36	0,44	0,40	0,46	0,53	0,36	0,53	0,53	0,75
	Средние	0,29	0,36	0,46	0,20	0,54	0,70	0,63	0,77	0,78	0,68
	Малые	0,34	0,34	0,41	0,48	0,48	0,42	0,48	0,48	0,55	0,61
Обеспеченность оборотными средствами (норматив: > 0,1)	Крупные	-0,54	-0,55	-0,37	-0,42	-0,10	-0,14	-0,15	-0,05	-0,04	0,01
	Средние	0,15	0,33	0,44	0,35	0,39	0,40	0,46	0,44	0,56	0,52
	Малые	-0,34	-0,14	-0,15	0,01	-0,09	-0,03	0,03	0,00	0,14	0,14
Обеспеченность запасами (Фс)	Крупные	-3906	-4341	-3656	-3051	-5240	-5503	-6158	-5897	-7024	-9366
	Средние	-83	247	452	264	449	220	735	393	1496	1357
	Малые	-1433	-1420	-1456	-1031	-1769	-1797	-1918	-2237	-1935	-2271
Финансовой независимости (норматив: > 0,5)	Крупные	0,22	0,25	0,28	0,36	0,27	0,25	0,26	0,24	0,25	0,32
	Средние	0,51	0,57	0,67	0,56	0,61	0,64	0,64	0,61	0,67	0,64
	Малые	0,39	0,38	0,40	0,46	0,41	0,40	0,41	0,40	0,36	0,37
Соотношения заемных и собственных средств (норматив: < 0,7)	Крупные	3,47	3,06	2,60	1,81	2,76	2,93	2,81	3,08	2,96	2,14
	Средние	0,95	0,75	0,50	0,79	0,64	0,57	0,55	0,64	0,49	0,56
	Малые	1,58	1,66	1,48	1,16	1,42	1,47	1,42	1,49	1,78	1,68
Оборачиваемость оборотных активов	Крупные	2,30	2,55	2,53	2,79	1,88	1,64	1,39	1,23	1,73	2,07
	Средние	1,66	2,29	2,48	2,30	2,13	2,29	2,41	2,29	2,19	1,59
	Малые	1,80	1,47	1,91	1,97	1,84	1,71	1,88	1,97	1,78	1,92
Оборачиваемость запасов	Крупные	4,59	5,19	4,82	3,81	6,43	3,96	3,86	2,91	4,01	3,84
	Средние	6,99	9,55	7,33	6,12	12,22	5,38	5,89	5,81	5,42	4,44
	Малые	3,88	3,67	3,45	3,48	3,72	3,36	3,74	3,64	3,69	3,47
Оборачиваемость кредиторской задолженности	Крупные	6,25	7,00	5,29	4,08	7,25	5,00	4,07	3,24	4,68	5,56
	Средние	4,49	5,17	4,90	3,80	6,82	5,71	7,00	6,18	7,04	5,67
	Малые	2,12	2,11	2,19	2,52	2,81	2,60	3,07	3,31	3,46	3,82
Оборачиваемость дебиторской задолженности	Крупные	5,87	6,32	5,59	5,38	7,90	4,41	3,22	2,65	4,21	4,99
	Средние	6,21	7,39	5,56	3,29	5,96	5,44	6,30	5,58	4,27	2,56
	Малые	3,78	3,30	3,49	4,16	4,38	4,01	4,46	4,53	4,45	4,39
Рентабельность основной деятельности, %	Крупные	8,6	11,7	12,6	9,0	15,1	11,6	18,0	15,8	18,2	16,0
	Средние	7,1	17,4	13,1	12,9	10,0	9,3	15,9	11,5	49,4	20,8
	Малые	4,4	7,8	8,5	7,7	6,3	8,1	8,7	8,1	9,1	11,2
Рентабельность продаж, %	Крупные	7,9	10,5	11,2	8,3	13,2	10,4	15,3	13,6	15,4	13,8
	Средние	6,6	14,8	11,6	11,5	9,1	8,5	13,7	10,1	33,1	17,2
	Малые	4,2	7,4	7,8	6,9	6,0	7,3	7,9	7,5	8,4	10,1
Рентабельность внеоборотных активов, %	Крупные	-5,1	1,5	18,4	9,0	22,4	13,7	12,1	19,8	30,1	34,4
	Средние	18,8	46,1	36,6	45,7	25,0	19,6	57,1	38,9	184,9	62,0
	Малые	0,3	15,4	9,5	10,3	6,3	19,8	13,4	14,4	29,1	42,6
Рентабельность оборотных активов, %	Крупные	-5,0	1,6	16,4	10,9	11,3	7,3	6,8	7,6	11,6	15,3
	Средние	13,9	26,6	24,6	21,6	14,0	12,6	29,3	17,5	62,7	20,8
	Малые	0,4	12,8	8,9	8,6	5,4	14,5	8,8	9,6	10,2	16,1

Составлено по: данные базы «СПАРК». URL: spark-interfax.ru

полиграфических красок и мастик, прочих химических продуктов, не включенных в другие группировки, пластмасс и синтетических смол в первичных формах, прочих основных неорганических химических веществ. Крупные химические предприятия (табл. 1) обладают недостаточной срочной ликвидностью практически на всем исследуемом периоде (1999–2023 гг.), имеют низкую обеспеченность оборотными средствами (с 2006 года данный показатель отрицателен). Серьезной проблемой на протяжении всего периода для крупных предприятий отрасли выступает недостаточная обеспеченность запасами: с 2003 по 2023 год значения данного показателя отрицательны. Соотношение заемных и собственных средств у предприятий превышает нормативное значение в 2–4 раза на всем исследуемом периоде, что свидетельствует о высоком уровне закредитованности (коэффициент финансовой независимости в 2023 году составил 0,32 при нормативе больше 0,5). Рассмотренные проблемы повышают риск банкротства крупных химических предприятий в Свердловской области.

Средние по размеру выручки (0,198–2,0 млрд в год) химические предприятия имеют стабильное финансовое положение. Практически все показатели, оценивающие их финансовую устойчивость, находятся в пределах нормативных значений. Эти предприятия отличаются положительной динамикой деловой активности: высоким уровнем оборачиваемости оборотных и внеоборотных средств, производственных запасов, дебиторской и кредиторской задолженности, а также высоким уровнем эффективности использования имеющихся ресурсов (см. табл. 1).

В критическом финансовом состоянии находятся малые предприятия химической отрасли с выручкой от реализации продукции менее 0,198 млрд руб. за год. Они имеют низкий уровень абсолютной и срочной ликвидности. Невысокий показатель срочной ликвидности сигнализирует о нехватке у малых предприятий оборотных средств для погашения наиболее срочных обязательств. Ликвидность при мобилизации средств и обеспеченность оборотными средствами малых химических предприятий почти на всем исследуемом периоде находились ниже нормативного уровня и нормализовались

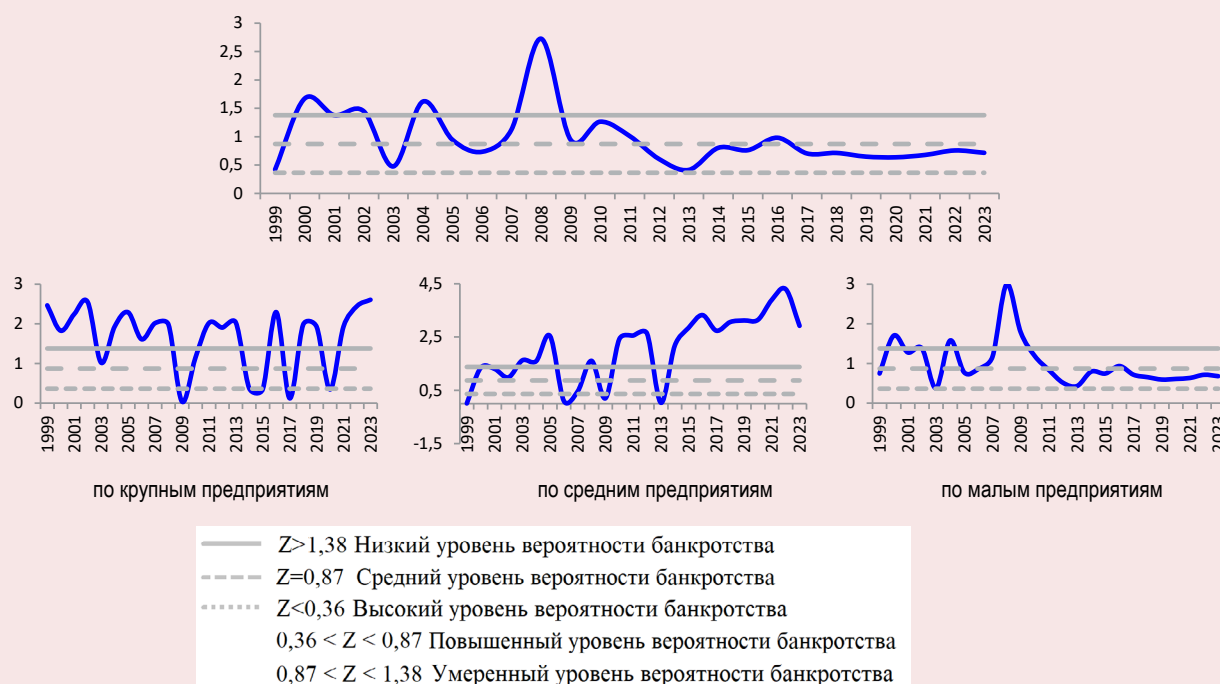
только в 2022 и 2023 гг. Дефицит в обеспеченности запасами наблюдается с 2011 по 2023 год. Кроме периода 2007–2011 гг. уровень финансовой независимости был ниже нормативного значения, а соотношение заемных и собственных средств критически превышало норматив примерно в два раза на всем остальном исследуемом периоде.

Оценка финансового положения и устойчивости химических предприятий показала, что за исследуемый период нормальной финансовой устойчивостью обладали только средние химические предприятия. Крупные и малые предприятия были финансово неустойчивыми, в основном из-за высокой закредитованности, дефицита в обеспеченности запасами и собственными оборотными средствами. Представленная на рисунке 3 динамика изменения вероятности банкротства химической отрасли в Свердловской области в целом и по видам предприятий отражает эту ситуацию.

Крупные химические предприятия в отдельные годы (2009, 2015, 2017, 2020 гг.) находились в зоне высокой вероятности банкротства (значение Z -статистики снижалось ниже критического уровня, равного 0,36). Средние химические предприятия, пережив в 2013 году финансовые трудности, с 2014 по 2023 год демонстрируют высокую финансовую устойчивость, и показатель статистики Альтмана намного выше границы, характеризующей низкую вероятность банкротства ($Z > 1,38$). В наиболее критическом финансовом положении в Свердловской области оказались малые химические предприятия. С 2012 года они находятся в зоне повышенной вероятности банкротства, что также подтверждается финансовым анализом, представленным в таблице 1.

Для определения факторов, влияющих на финансовое положение и устойчивость химических предприятий разного размера по объему реализации продукции, и проектирования прогнозных сценариев изменения вероятности их банкротства был применен регрессионный анализ по методу наименьших квадратов. Z -статистика Альтмана по каждой группе предприятий за период с 2000 по 2023 год рассматривалась как зависимая переменная. В качестве внешних факторов учитывались следующие: уровень инфляции в Свердлов-

Рис. 3. Динамика изменения вероятности банкротства крупных, средних и малых предприятий химической отрасли в Свердловской области

Источник: составлено авторами.

ской области, размер процентной ставки по банковским кредитам для предприятий в российских рублях на 1 января, котировки иностранных валют (доллара), уровень безработицы в регионе, численность экономически активного населения, объем инвестиций в основной капитал, степень износа основных производственных фондов, объем затрат на инновационную деятельность организаций в регионе, объем разработанных и использованных передовых производственных технологий, объем экспорта и импорта технологий и услуг технического характера. Внутренними факторами выступали финансовые индикаторы развития предприятий (ликвидности и оборачиваемости активов, обеспеченности оборотными средствами, запасами и функционирующим капиталом, финансовой независимости, рентабельности производственной деятельности, использования оборотных и внеоборотных активов). Оценка распределения данных и предварительный расчет описательных статистик показали, что данные распределе-

ны нелинейно, и для построения модели использовалась степенная функция. Поскольку оцениваемые факторы представлены в разных единицах измерения, абсолютные показатели были прологарифмированы.

Регрессионное моделирование, результаты которого отражены в *таблице 2*, показало, что на вероятность банкротства крупных предприятий химической отрасли влияют следующие факторы: обеспеченность собственными оборотными средствами, рентабельность внеоборотных активов, численность экономически активного населения в Свердловской области, объем затрат на инновационную деятельность организаций в Свердловской области. Как видим, это и внутренние, и внешние факторы. В данном исследовании оценивалось влияние более тридцати факторов, большинство из них были исключены из модели из-за мультиколлинеарности, часть не прошла оценку статистической значимости. В представленных моделях фигурируют только статистически значимые факторы.

Таблица 2. Результаты регрессионного моделирования зависимости вероятности банкротства (Z-статистики Альтмана) предприятий химического производства Свердловской области от внешних и внутренних факторов

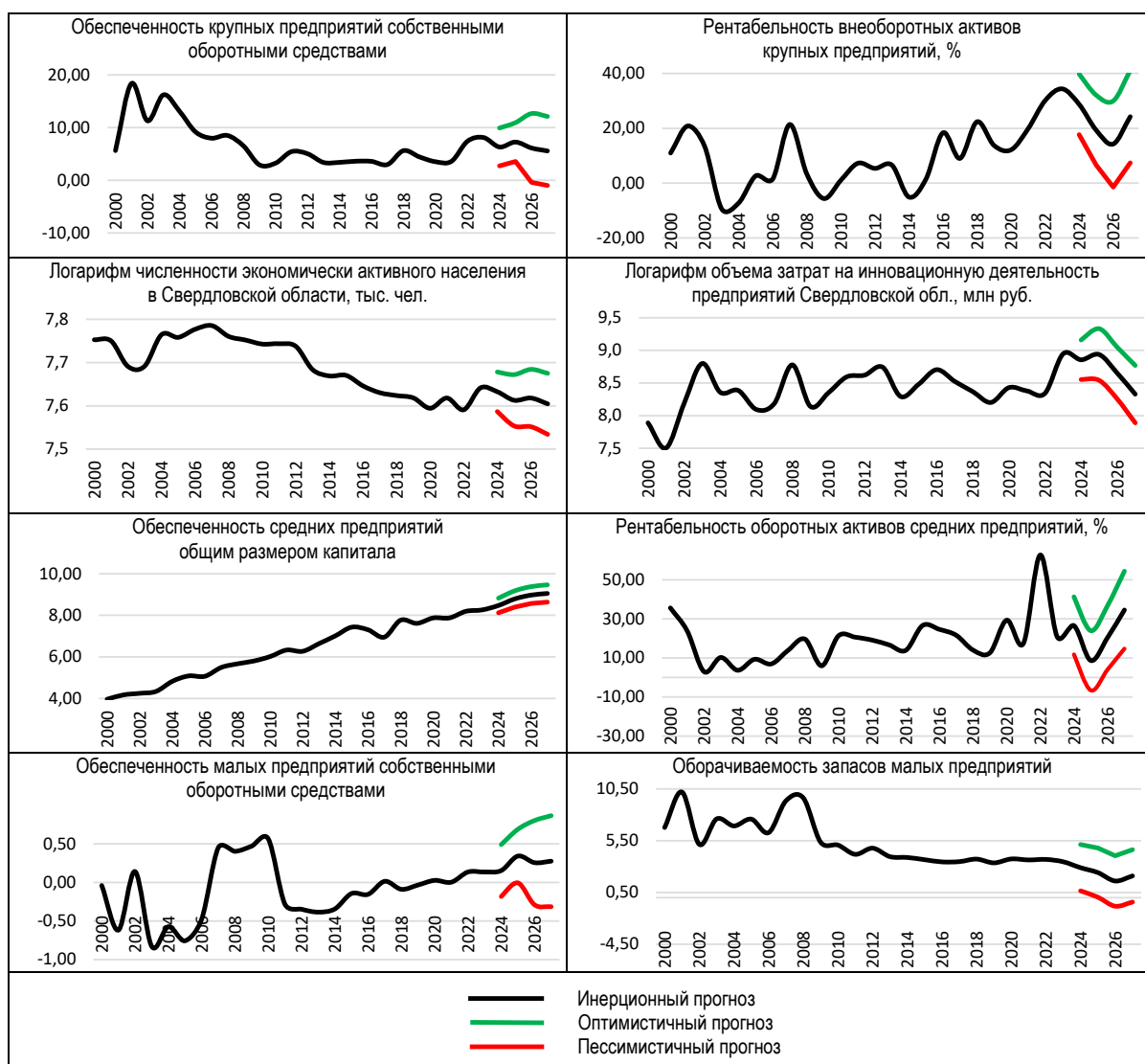
Основные переменные в модели и тесты для проверки качества модели	Крупные	Средние	Малые
	Коэффициент регрессии		
<i>Const</i>	-49,107 (18,9)**	-1,572 (0,79)*	0,146 (0,22)
Осс – обеспеченность собственными оборотными средствами, отн. ед.	0,06 (0,03)*		0,775 (0,21)***
Рва – рентабельность внеоборотных активов, %	0,055 (0,01)***		
<i>Ln(Зан)</i> – логарифм численности экономически активного населения в Свердловской области, тыс. чел.	5,703 (2,3)**		
<i>Ln(Зид)</i> – логарифм объема затрат на инновационную деятельность организаций в Свердловской области, млн руб.	0,704 (0,4)*		
<i>Ln(Фо)</i> – логарифм обеспеченности предприятий общим размером капитала		0,503 (0,13)***	
Роа – рентабельность оборотных активов, %		0,029 (0,02)*	
Оз – оборачиваемость запасов			0,175 (0,04)***
Параметры оценки качества и достоверности построенных моделей			
<i>R</i> -квадрат	0,62	0,57	0,59
<i>F</i> -значимость	7,72***	13,89***	15,19***
Сумма кв. остатков	5,76	14,11	3,15
Ст. ошибка модели	0,55	0,82	0,39
Крит. Акаике	43,84	61,37	25,40
Крит. Шварца	49,73	64,90	28,94
Стат. Дарбина – Уотсона	2,62	1,83	2,67
Тест <i>White</i> на гетероскедастичность (нулевая гипотеза – гетероскедастичность отсутствует)	<i>LM</i> = 13,37 <i>p</i> -значение = 0,49	<i>LM</i> = 4,26 <i>p</i> -значение = 0,51	<i>LM</i> = 19,91 <i>p</i> -значение = 0,06
Тест на нормальное распределение ошибок (нулевая гипотеза – ошибки распределены по нормальному закону)	Хи-кв. (2) = 3,01 <i>p</i> -значение = 0,22	Хи-кв. (2) = 5,4 <i>p</i> -значение = 0,07	Хи-кв. (2) = 6,44 <i>p</i> -значение = 0,04
Тест Чоу на наличие структурных сдвигов в точке 2011 года (нулевая гипотеза – нет структурных изменений)	<i>F</i> (5, 14) = 1,06 <i>p</i> -значение = 0,42	<i>F</i> (3, 18) = 0,62 <i>p</i> -значение = 0,61	<i>F</i> (3, 18) = 0,64 <i>p</i> -значение = 0,61
<i>LM</i> тест на наличие автокорреляции (нулевая гипотеза – автокорреляция отсутствует)	<i>LMF</i> = 2,83 <i>p</i> -значение = 0,11	<i>LMF</i> = 0,15 <i>p</i> -значение = 0,71	<i>LMF</i> = 3,14 <i>p</i> -значение = 0,09
Тест на нелинейность: наличие <i>ARCH</i> процессов первого порядка (нулевая гипотеза – <i>ARCH</i> процессы отсутствуют)	<i>LM</i> = 2,74 <i>p</i> -значение = 0,1	<i>LM</i> = 0,21 <i>p</i> -значение = 0,65	<i>LM</i> = 3,34 <i>p</i> -значение = 0,07
* Статистическая значимость на уровне 10%. ** Статистическая значимость на уровне 5%. *** Статистическая значимость на уровне 1%. В скобках указаны стандартные ошибки параметров регрессии. Источник: составлено авторами.			

Важными факторами повышения финансовой устойчивости средних химических предприятий являются обеспеченность общим размером капитала и рентабельность оборотных активов. На финансовую состоятельность малых химических предприятий оказывают влияние такие ключевые факторы, как обеспеченность собственными оборотными средствами и оборачиваемость запасов. На вероятность бан-

кротства средних и малых предприятий химической отрасли в основном влияют внутренние факторы.

Авторегрессионное моделирование с использованием скользящей средней (*ARIMA*) позволило определить прогнозные значения динамики ключевых факторов, оказывающих влияние на вероятность банкротства химических предприятий (рис. 4).

Рис. 4. Инерционный, крайне пессимистичный и оптимистичный прогнозы динамики ключевых факторов изменения вероятности банкротства у предприятий химической отрасли

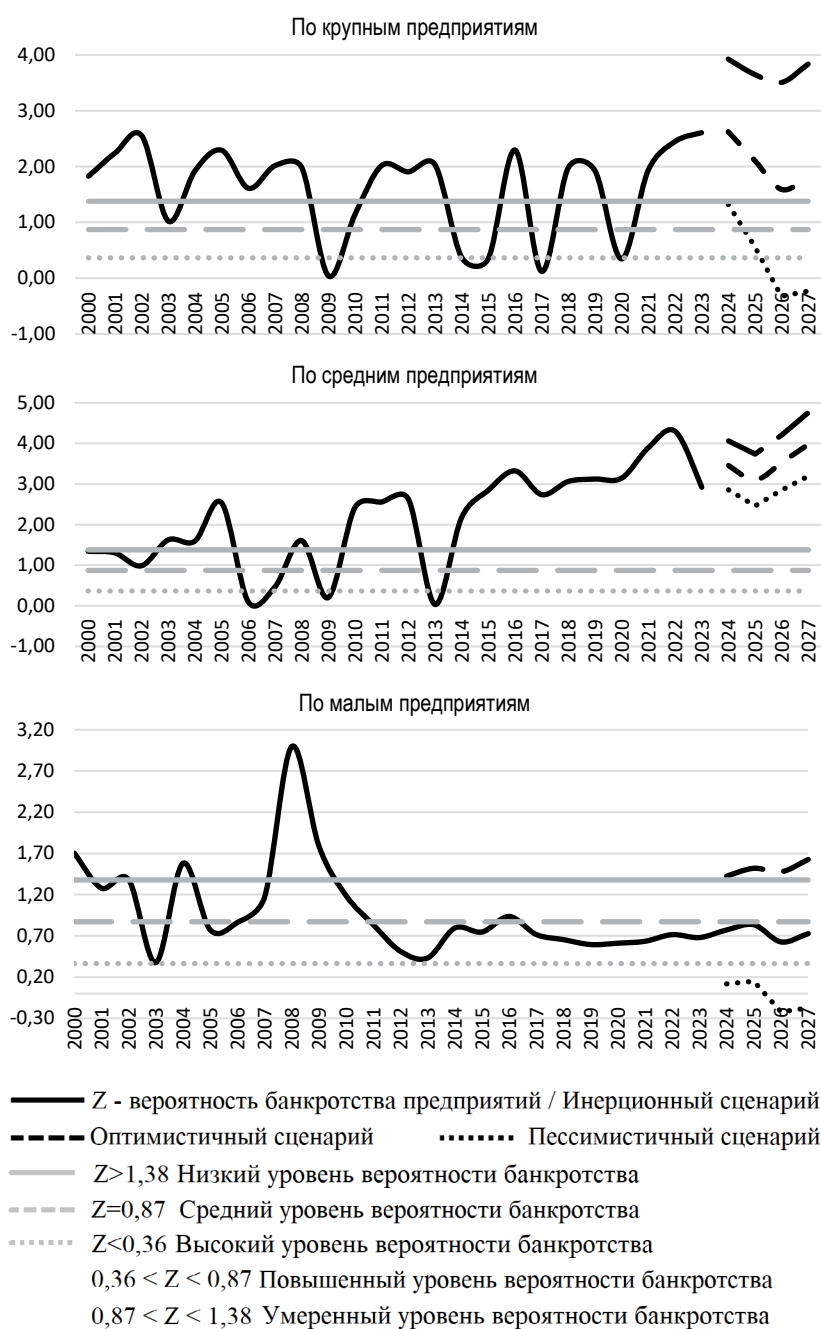

Источник: составлено авторами.

Наиболее вероятный инерционный прогноз предполагает сохранение в будущем отмеченной в прошлом динамики прогнозируемых факторов, а оптимистичный и пессимистичный прогнозы — их крайние возможные значения. Инерционный сценарий, построенный для крупных химических предприятий, показывает на рост уровня вероятности их банкротства до 2026 года (рис. 5).

В случае снижения обеспеченности крупных предприятий собственными оборотными средствами, рентабельности использования их внеоборотных активов, численности экономически активного населения в Свердловской области, а также объема затрат на инновационную деятельность организаций в регионе предполагается значительное повышение вероятности банкротства предприятий (до $Z = 1,59$),

Рис. 5. Прогнозные сценарии изменения вероятности банкротства химических предприятий в Свердловской области до 2027 года

Источник: составлено авторами.

а в 2027 году предполагается незначительное снижение вероятности их банкротства. В случае реализации негативного прогноза по отмеченным выше факторам возможна реализация крайне пессимистичного сценария в развитии крупных химических предприятий в регионе (Z -статистика может принять значение $-0,33$, что свидетельствует о недостаточной ликвидности средств у предприятий). Такой сценарий возможен при снижении обеспеченности крупных предприятий собственными оборотными средствами до уровня $-0,98$, рентабельности использования внеоборотных активов до $7,4\%$, численности экономически активного населения в Свердловской области до 1870 тыс. чел. и затрат на инновационную деятельность предприятий в регионе до 2697 млн руб. В условиях ухудшения финансового положения крупных химических предприятий, снижения их ликвидности, финансовой независимости, дефицита производственных запасов сформированный оптимистичный сценарий маловероятен.

Средние химические предприятия находятся в зоне финансовой устойчивости и отличаются самым низким уровнем вероятности банкротства. Сохранение отмеченной тенденции в динамике обеспеченности общим размером капитала и рентабельности оборотных активов приведет к еще большему снижению вероятности их банкротства. Даже в случае ухудшения отмеченной динамики факторов, влияющих на вероятность банкротства, и реализации самого пессимистичного сценария в финансовом развитии средних предприятий предполагается сохранение их динамики Z -статистики Альтмана в зоне низких рисков банкротства.

Для малых химических предприятий при реализации инерционного сценария сохранится повышенный уровень вероятности банкротства, однако необходимо отметить, что формируются предпосылки и для реализации более пессимистичного сценария, в частности возможное снижение обеспеченности предприятий собственными оборотными средствами до уровня $-0,31$ и оборачиваемости их производственных запасов до 0,42 раза в год. Согласно крайне пессимистичному сценарию, малые предприятия химической отрасли не смогут нормализовать свое финансовое положение, вероятность банкротства будет очень высокой ($Z = -0,17$ в 2027 году). Отрицательное значение Z -статистики, достигаемое при реализации пессимистичного сценария, свидетельствует о воз-

можном дефиците наиболее ликвидных средств для погашения краткосрочных обязательств, что может сформироваться в условиях снижающегося спроса на производимую малыми химическими предприятиями продукцию.

Заключение

В ходе исследования для прогнозирования вероятности и поиска основных факторов банкротства предприятий химической отрасли были использованы методы моделирования и временного анализа *ARIMA/ARMA*. Авторами рассчитан диапазон предельно возможных значений Z -статистики для проектирования крайне оптимистичного и пессимистичного прогнозных сценариев вероятности банкротства предприятий химической отрасли с учетом изменения ключевых факторов рисков банкротства. Для определения факторов, влияющих на финансовое положение и устойчивость химических предприятий разного размера по объему реализации продукции, и проектирования прогнозных сценариев изменения вероятности их банкротства был применен регрессионный анализ по методу наименьших квадратов.

Сценарные прогнозы вероятности банкротства предприятий, построенные авторами, показали, что высоким рискам вероятности банкротства подвержены крупные и малые химические предприятия, тогда как средние имеют достаточный запас финансовой прочности.

Представленный авторский подход позволит в дальнейшем разрабатывать промышленную политику и принимать меры по снижению вероятности банкротства предприятий различных отраслей.

Нами не использовалась информация ряда предприятий в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 года № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» и согласно последним Постановлениям Правительства России от 16 сентября 2022 года № 1624, № 1625 «О порядке ограничения и возобновления доступа к информации, содержащейся в государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности, и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации».

Литература

- Бережная О.В., Соловьева Н.В. (2020). Рейтинговая оценка корпоративных рисков компаний химической промышленности России // Экономические системы. Т. 13. № 3 (50). С. 118–128. DOI: 10.29030/2309-2076-2020-13-3-118-128
- Жданов В.Ю., Винничек Л.Б. (2022). Оценка риска банкротства агрохимических предприятий на основе logit-модели // Индустриальная экономика. Т. 2. № 1. С. 104–110. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_1_2_104
- Казакова Н.А., Лещинская А.Ф., Сивкова А.Е. (2018). Оценка и прогнозирование риска банкротства горно-металлургических компаний // Экономика в промышленности. Т. 11. № 3. С. 261–272. DOI: 10.17073/2072-1633-2018-3-261-272
- Наумов И.В., Бычкова А.А., Никулина Н.Л. (2024а). Теоретико-методический подход к оценке вероятности банкротства предприятий отраслей экономики // Финансовый журнал. Т. 16. № 6. С. 24–41. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-6-24-41
- Наумов И.В., Бычкова А.А., Никулина Н.Л., Седельников В.М. (2024б). Оценка перспектив банкротства отраслей промышленности Свердловской области // Финансы: теория и практика. Т. 28. № 4. С. 181–192. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-181-192
- Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. (2024с). Сценарный подход к моделированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 166–186. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.9
- Орлова Е.В. (2019). Диагностика вероятности банкротства с помощью дискриминантного анализа на примере ПАО «АЗОТ» // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Т. 3. № 11. С. 181–186.
- Саксин А.Г. (2010). Стратегия и тактика развития химического комплекса в условиях инновационной экономики: монография. Нижний Новгород: ННГАСУ. 284 с.
- Шаврина Ю.О. (2023). Оценка платежеспособности предприятий химической промышленности Оренбургской области // Управленческий учет. №6. С. 258–268.
- Шевелев А., Бузанов Г. (2022). Модель вероятности дефолта с использованием транзакционных данных российских компаний // Серия докладов об экономических исследованиях. № 97. Москва: Центральный банк Российской Федерации. 30 с.
- Altman E. (1968). Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. *Journal of Finance*, 23(4), 589–609.
- Bărbuț N., Madaleno M. (2020). Assessment of bankruptcy risk of large companies: European countries evolution analysis. *Risk Financial Manag.*, 13, 58. DOI: 10.3390/jrfm13030058
- Beaver W. (1966). Financial ratios as predictors of failure. Empirical research in accounting selected studies. *Journal of Accounting Research (Suppl.)*, 4, 71–111.
- Borlea S.N., Achim M.V. (2014). Assessing bankruptcy risk for Romanian metallurgical companies. *Metallurgija*, 53(2), 279–282.
- Chesser D. (1994). Predicting loan noncompliance. *The Journal of Commercial Bank Lending*, August, 28–38.
- Conan J., Holder M. (1979). *Explicative Variables of Performance and Management Control: Doctoral Thesis*. Paris: CERG, University Paris Dauphine.
- Djonaputra K.A., Nadira R.S. (2024). Bankruptcy risk analysis in manufacturing companies in Indonesia using the Conan & Holder Model, J-UK Model, and Taffler Model. *International Journal of Quantitative Research and Modeling*, 5(4), 388–402.
- Fulmer J., Moon J., Gavin T., Erwin M. (1984). A bankruptcy classification model for small firms. *Journal of Commercial Bank Lending*, July, 25–37.
- Ghafari H., Amiri A., Salari H., Khodadadi D. (2024). Investigating the role of management on risks and applying optimal internal controls to predict bankruptcy in economic enterprises. *Journal of Emergency Management*, 13(3), 1–25. DOI: 1001.1.23453915.1403.13.3.1.6
- Gholamipoor H., Asadi M. (2024). Risk analysis of bankruptcy in the U.S. healthcare industries based on financial ratios: A machine learning analysis. *J. Theor. Appl. Electron. Commer. Res.*, 19, 1303–1320. DOI: 10.3390/jtaer19020066

- Le H.T.P., Pham T.N., Tran T.N.D., Dang H.G., Duong K.D. (2024). Financial constraints and bankruptcy risks of listed firms in Vietnam: Does firm size matter? *SAGE Open*, 1–14. DOI: 10.1177/21582440241305156
- Legault J. (1987). C.A. — score, a warning system for small business failures. *Bilanas*, June, 29–31.
- Ohlson J.A. (1980). Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy. *Journal of Accounting Research*, 18, 109–131.
- Pilch B. (2021). An analysis of the effectiveness of bankruptcy prediction models — an industry approach. *Folia Oeconomica Stetinensia*, 21(2), 76–96. DOI: 10.2478/fofi-2021-0017
- Sungatullina L.B., Chupova Yu.I. (2020). The use of the scenario analysis to assess and prevent possible corporate bankruptcy. *International Accounting*, 23(4), 395–413. DOI: 10.24891/ia.23.4.395
- Taffler R.J., Tisshaw H.J. (1977). Going, going, gone — four factors which predict... *Accountancy*, 88, 50–54.
- Zavgren C.V. (1983). The prediction of corporate failure: The state of the art. *Journal of Accounting Literature*, 1, 1–38.
- Zmijewski M.E. (1984). Methodological issues related to the estimation of financial distress prediction models. *Journal of Accounting Research*, 11, 59–82.

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: naumov.iv@uiec.ru)

Наталья Леонидовна Никулина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Анна Андреевна Бычкова — младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: bychkova.aa@uiec.ru)

Naumov I.V., Nikulina N.L., Bychkova A.A.

Scenario Forecasting of the Probability of Chemical Industry Enterprises Bankruptcy in the Sverdlovsk Region

Abstract. The relevance of the study is due to the increasing risks of bankruptcy of chemical industry enterprises in the context of global socio-economic instability. The aim of the work is to design forecast scenarios for the dynamics of the probability of chemical industry enterprises bankruptcy, taking into account the influence of internal and external factors. The paper uses a methodological approach to forecasting the probability of enterprises bankruptcy, which combines discriminant analysis according to the modified Altman method, multiple least squares regression analysis, assessing the impact of internal and external factors on the probability of enterprises bankruptcy, as well as autoregressive modeling with a moving average (ARIMA/ARMA) to build forecast scenarios (inertial, extremely pessimistic and optimistic) for the probability of bankruptcy. The study uses data from the primary reporting of chemical industry enterprises in the Sverdlovsk Region for the period from 1999 to 2023 and statistical data from Rosstat. The study has found that large and small chemical enterprises are more susceptible to bankruptcy risks than midsize ones due to high creditworthiness, insufficient amount of stock and own working capital. We identify main factors influencing the probability of bankruptcy for each group of chemical industry enterprises: for large enterprises, it is the provision of own working capital, profitability of non-current assets, number of economically active population in the Sverdlovsk Region, amount of costs for innovative activities of organizations in the region; for midsize enterprises, it is the provision of total capital and profitability of current assets; for small enterprises, it is the provision of own working capital and inventory

turnover. The projected scenario forecasts allow us to establish a low probability of bankruptcy for midsize chemical enterprises, an increased probability for large enterprises and a significant probability for small enterprises. Our approach to scenario modeling and forecasting the probability of bankruptcy, taking into account the influence of various factors, tested on the example of chemical enterprises, can be used to develop strategic plans and measures of state support for industry enterprises aimed at reducing the risks of financial insolvency and increasing their financial stability.

Key words: probability of enterprises bankruptcy, modified Altman model, scenario modeling and forecasting, chemical industry.

Information about the Authors

Ilya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: naumov.iv@uiec.ru)

Natalia L. Nikulina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Anna A. Bychkova – Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bychkova.aa@uiec.ru)

Статья поступила 06.03.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.7

УДК 336.22:631.16, ББК 65.261.41

© Тихонова А.В., Герасимова А.Е.

Развитие налоговой поддержки сельского хозяйства в контексте повышения эффективности различных налоговых режимов

**Анна Витальевна
ТИХОНОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: AVTihonova@fa.ru
ORCID: 0000-0001-8295-8113; ResearcherID: Q-5268-2017

**Анна Евгеньевна
ГЕРАСИМОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: aekharitonova@fa.ru
ORCID: 0000-0001-8480-6279; ResearcherID: ABS-1845-2022

Аннотация. В статье разработан авторский методический подход, основанный на данных бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций, позволяющий оценивать влияние режимов налогообложения на результаты их деятельности. Предметом исследования является система статистических показателей сельскохозяйственных организаций, характеризующих уровень экономического производства. Цель работы состоит в обосновании архитектуры системы налогового стимулирования отрасли, а также в выработке дальнейших направлений развития налоговой поддержки сельского хозяйства. Методы исследования: типическая группировка, модели машинного обучения (дерево решений, случайный лес и градиентный бустинг). В результате проведена апробация методического подхода и обоснованы существенные различия в показателях деятельности сельскохозяйственных организаций в зависимости от выбора систем

Для цитирования: Тихонова А.В., Герасимова А.Е. (2025). Развитие налоговой поддержки сельского хозяйства в контексте повышения эффективности различных налоговых режимов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 123–140. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.7

For citation: Tikhonova A.V., Gerasimova A.E. (2025). Development of tax support for agriculture in the context of enhancing the effectiveness of various tax regimes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 123–140. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.7

налогообложения, для каждой из них построены модели прогнозирования чистой прибыли. Построенные модели позволяют выявить характер влияния налоговых факторов на результаты деятельности субъектов сельского хозяйства. Представлены рекомендации по совершенствованию системы налогового стимулирования отрасли. Разработанный методический подход дает возможность проводить оценку различий систем налогообложения с помощью метода группировки и методов машинного обучения, а также строить модели прогнозирования высокого качества. Научная новизна исследования состоит в разработке комплекса предложений по совершенствованию налогового стимулирования отрасли, учитывающих оптимальную архитектуру системы налоговой поддержки на макроуровне и системные проблемы применения отраслевых налоговых льгот на микроуровне. Доказательство оптимальности архитектуры системы налогового стимулирования сельского хозяйства выявлено с применением авторской методики оценки влияния режима налогообложения на показатели деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей, основанной на применении методов машинного обучения.

Ключевые слова: режим налогообложения, налоговое прогнозирование, сельское хозяйство, налоговый фактор, методы машинного обучения, дерево решений, случайный лес, градиентный бустинг.

Введение

Эксперты Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считают, что глобальному агропродовольственному сектору в ближайшей перспективе предстоит столкнуться с фундаментальными проблемами¹. Среди них отдельно выделяются проблемы с обеспечением продовольствием населения, климатические изменения, а также экономические проблемы с поставками продуктов питания. В сельскохозяйственном прогнозе ФАО предполагается, что темп прироста мирового АПК будет находиться на уровне 1,1%. Перспективы российского развития аграрного сектора выглядят более оптимистическими. Так, в Стратегии развития АПК до 2030 года запланированы среднегодовые темпы роста объемов производства продукции в агропромышленном комплексе с 2023 года на уровне не менее 3%².

Центральным звеном агропромышленного комплекса России является сельское хозяйство. На деятельность сельскохозяйственных организаций оказывает влияние множество факторов, среди которых налоговые играют существ-

венную роль (Тихонова, 2015). Неслучайно современная финансовая наука рассматривает уменьшение налогов как один из способов увеличения прибыли экономических субъектов. В частности, исследование китайских ученых показало, что реформа сельскохозяйственного налогообложения 2000-х годов в стране дала положительные результаты, в том числе за счет роста капиталовложений, повышения производительности сельского хозяйства и содействия структурным преобразованиям (Li et al., 2024). Отечественные исследования также доказывают действенность мер государственного налогового стимулирования сельхозтоваропроизводителей (Косов и др., 2023). Наиболее общим индикатором, отражающим влияние всех налоговых факторов и учитывающим все отмеченные выше характеристики, является режим налогообложения. От выбора системы налогообложения и влияния его на финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей зависит развитие АПК (Лялина и др., 2021).

В настоящее время сельскохозяйственные производители (организации) могут применять следующие налоговые режимы: общий режим налогообложения или специальные режимы налогообложения в виде единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), упрощенной системы налогообложения (УСН; табл. 1). При выборе специальных налоговых режимов товаропроизводители должны соответствовать установ-

¹ OECD-FAO Agricultural Outlook 2023–2032. OECD Publishing, Paris. DOI: <https://doi.org/10.1787/08801ab7-en>

² Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 сентября 2022 г. № 2567-р.

Таблица 1. Особенности применения систем налогообложения для сельскохозяйственных организаций

Система	Ставка	Условия
Общая система налогообложения (ОСНО)	Налог на прибыль организаций 0%	При соответствии условиям 346.2 НК РФ
	Налог на прибыль организаций 20%	Для организаций, не попадающих в соответствии со ст. 346.2 НК РФ под определение сельскохозяйственных товаропроизводителей, а также для прибыли, полученной от несельскохозяйственной деятельности
	Налог на имущество организаций не более 2,2%	За исключением земельных участков и иных объектов природопользования (водных объектов и других природных ресурсов)
	Налог на добавленную стоимость (НДС) 10%	При реализации ряда сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров по перечню, установленному Правительством Российской Федерации (постановление от 31.12.2004 № 908)
	Налог на добавленную стоимость (НДС) 20%	По остальным видам продукции (работ, услуг)
Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН)	0–6% от доходов, уменьшенных на величину расходов	Сельскохозяйственные товаропроизводители, отвечающие критериям, установленным статьей 346.2 Главы 26.1 НК РФ. Заменяет: налог на прибыль, налог на имущество организаций, НДС (освобождаются в добровольном порядке, если выручка не превышает 60 млн руб. в год)
	НДС при выручке до 60 млн руб. отсутствует (либо исчисление) НДС при выручке выше 60 млн руб. 10 или 20%	При реализации ряда сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров по перечню, установленному Правительством Российской Федерации (постановление от 31.12.2004 № 908)
	Налог на имущество организаций не более 2,2%	За исключением земельных участков и иных объектов природопользования (водных объектов и других природных ресурсов), а также объектов недвижимости, непосредственно используемых в сельскохозяйственном производстве
Упрощенная система налогообложения (УСН)	По доходам 1–6% По доходам, уменьшенным на величину расходов, 5–15%	Заменяет: налог на прибыль, налог на имущество организаций (за исключением налога, налог на добавленную стоимость (за исключением налога при ввозе товаров на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией))
	НДС при выручке до 60 млн руб. отсутствует (либо исчисление) НДС при выручке выше 60 млн руб. 10 или 20%	При реализации ряда сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров по перечню, установленному Правительством Российской Федерации (постановление от 31.12.2004 № 908)
При любом режиме	Транспортный налог ставка на: 1 л. с. (кВт); 1 т вместимости; 1 кг силы тяги; 1 ед. тр. средства	Не являются объектом налогообложения тракторы, самоходные комбайны всех марок, специальные автомашины (молоковозы, скотовозы, специальные машины для перевозки птицы, машины для перевозки и внесения минеральных удобрений, ветеринарной помощи, технического обслуживания), зарегистрированные на сельскохозяйственных товаропроизводителей и используемые при сельскохозяйственных работах для производства сельскохозяйственной продукции
	Земельный налог не более 0,3% для земель сельхозназначения	Допускается установление дифференцированных налоговых ставок в зависимости от категорий земель и (или) разрешенного использования земельного участка
Составлено по: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL: http://base.consultant.ru (дата обращения 25.08.2023).		

ленным критериям. Так, для перехода на ЕСХН доля дохода от реализации произведенной сельскохозяйственной продукции, включая продукцию ее первичной переработки, произведенную из сельскохозяйственного сырья собственного производства, от оказания сельскохозяйственным товаропроизводителям услуг, должна со-

ставлять не менее 70% в общем доходе от реализации. Для перехода на УСН по итогам девяти месяцев того года, в котором организация подает уведомление о переходе на упрощенную систему налогообложения, доходы для анализируемого периода не должны превысить с 2025 года 337,5 млн руб.

На микроуровне каждый сельскохозяйственный производитель выбирает для себя наиболее оптимальную систему налогообложения, которая максимально снижала бы налоговую нагрузку и позитивно влияла на результаты финансовой деятельности. Тем не менее, «размывающиеся» различия в общей системе налогообложения и едином сельскохозяйственном налоге, непрекращающаяся полемика об эффективности различных налоговых режимов (рассмотрена ниже) приводят к необходимости поиска ответа на вопрос об архитектуре построения системы налогового стимулирования отрасли на макроуровне. Дело в том, что зарубежная практика, как правило, представлена двумя вариантами построения такой системы: (1) дифференцированный подход, при котором налоговая система включает специальные отраслевые налоги и сборы; (2) единая система, при которой отраслевые особенности налогообложения (а) либо встроены в стандартные налоги с доходов компаний и косвенные налоги, (б) либо не представлены вообще, а государственная поддержка осуществляется в форме субсидий. Первый вариант встречается, например, в странах Европейского союза, второй — в Китае. Таким образом, сформированная цель исследования состоит в обосновании архитектуры системы налогового стимулирования сельского хозяйства на макроуровне в Российской Федерации, а также в последующей доработке конкретных мер поддержки, учитывающих данную архитектуру, исходя из практики их применения на микроуровне. Поставленная цель определила следующие задачи исследования:

1) разработать методический подход, основанный на использовании инструментов интеллектуального анализа данных и методов машинного обучения, позволяющий провести оценку влияния режимов налогообложения на показатели деятельности сельскохозяйственных организаций;

2) на основе апробации авторской методики обосновать выбор применения дифференцированного или единого подхода к налоговой поддержке отрасли на макроуровне в Российской Федерации;

3) выявить системные проблемы налогообложения отрасли, которые оказывают наи-

более существенное влияние на выбор специального налогового режима на микроуровне;

4) предложить направления совершенствования системы налогового стимулирования сельского хозяйства.

Гипотеза исследования заключается в том, что донстройка системы налогового стимулирования сельского хозяйства должна осуществляться в контексте ее оптимальной архитектуры, учитывающей эффективность налоговых льгот на макроуровне, а также учитывать системные проблемы применения таких льгот на микроуровне (конкретными предприятиями).

Научная новизна исследования состоит в разработке комплекса предложений по совершенствованию налогового стимулирования отрасли, учитывающих (1) оптимальную архитектуру системы налоговой поддержки на макроуровне и (2) системные проблемы применения отраслевых налоговых льгот на микроуровне. Доказательство оптимальности архитектуры системы налогового стимулирования сельского хозяйства выявлено с применением авторской методики оценки влияния режима налогообложения на показатели деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей, основанной на использовании методов машинного обучения.

Обзор литературы

Представленная статья дополняет три блока направлений исследований.

Первый блок — теоретический, включает в себя работы, посвященные дискуссии об архитектуре системы налогового стимулирования сельского хозяйства. Они разделены на три группы. Первая группа исследователей придерживается дифференцированного подхода к налоговому стимулированию, предполагающему наличие нескольких вариантов поддержки, включающих, как правило, ряд специальных налоговых режимов и отдельных льгот при применении общей системы налогообложения. Сторонники данного подхода отмечают, что дифференцированная поддержка позволяет успешно разрешать отличающиеся по содержанию ключевые проблемы аграрной экономики (Зарук, 2015), эффективно облагать товаропроизводителей различных по природно-экономическому потенциалу регионов (Гашенко и др., 2019). Как отмечает Н.И. Малис, общий под-

ход к налогообложению организаций сельского хозяйства сильно затрудняет его специфика, которая обуславливает «целесообразность введения не только отдельных льгот в рамках общей системы налогообложения, но и внедрения специального налогового режима — системы налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей» (Малис, 2016).

Вторая группа ученых отстаивает единый подход к налоговой поддержке, основанный либо на использовании только одного специального налогового режима (подгруппа «А»), либо на полном отсутствии отраслевых режимов при применении льгот в рамках общей системы (подгруппа «Б»). Анализ работ ученых подгруппы «А» осуществляется на различных уровнях (региона, страны, группы стран). Так, при рассмотрении влияния налоговых стимулов на региональный АПК Севастополя предоставление налоговых льгот по ЕСХН отмечается как необходимая или вынужденная мера государственной поддержки (Гребешкова и др., 2021). К аналогичному выводу о важной роли фискального стимулирования отрасли в Казахстане пришла З.О. Иманбаева (Иманбаева, 2023). В то же время при оценке влияния ЕСХН на финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей некоторые ученые делают противоположные выводы, отмечая нецелесообразность минимизации налогов в отрасли, поскольку стремление руководителей предприятий количественно сократить сумму начисленных налогов приводит к снижению финансовых результатов деятельности (Катаев, Сасина, 2011). С учетом того, что анализируемая выше работа была реализована в 2011 году, ее результаты должны подвергнуться апробации в принципиально отличающихся текущих экономических условиях. Неслучайно в более поздней работе исследователи тоже приходят к выводу о том, что, несмотря на наличие положительных эффектов, ЕСХН нуждается в кардинальной доработке и должен быть спроектирован таким образом, чтобы обеспечивать налоговые поступления в бюджет и при этом стимулировать развитие отрасли (Barashyan, 2021). Представители подгруппы «Б» делают акцент на том, что специальные режимы в зарубежной практике применяются в основном с целью упрощения налоговых отношений для учета специфики

фермерской деятельности, а не для улучшения финансового обеспечения субъектов аграрного бизнеса (Прокопчук, 2016). При этом отмечается, что сельскохозяйственный налог может потенциально препятствовать структурным преобразованиям (Grabowski, Shen, 2013), а также исказить стимулы развития других отраслей. В частности, органы власти вынуждены будут развивать промышленное производство и стимулировать расширение налоговой базы производства после отмены сельскохозяйственного налога (Tang, 2025). Как свидетельствует опыт Китая, отмена сельскохозяйственного налога не оказала существенного влияния на доходы домохозяйств от сельского хозяйства или их затраты на сельское хозяйство (Grabowski, Shen, 2013).

Таким образом, в контексте нашего исследования особое внимание необходимо уделить архитектуре построения системы налоговой поддержки сельского хозяйства на макроуровне. Сегодня в России применяется дифференцированный подход (обоснование представлено в таблице 1), однако оценка характера влияния различных налоговых режимов на результаты деятельности товаропроизводителей позволит обосновать дальнейшее развитие дифференцированного подхода или переход на единую архитектуру.

Второй блок — практический, посвящен оценке эффектов налоговых льгот на микроуровне и выбору наиболее приоритетного режима. Научные исследования в его рамках реализуются, как правило, на данных определенных компаний, ограниченной выборке сельскохозяйственных товаропроизводителей или применяются к абстрактному налогоплательщику. По данному блоку единое мнение относительно более выгодной системы для сельскохозяйственного производства в науке и практике не сложилось. Так, Л.М. Петрова (Петрова, 2019), М.В. Полинская (Полинская и др., 2023) считают, что наиболее выгодно применять единый сельскохозяйственный налог, однако в ряде исследований предпочтение отдается общей системе налогообложения (Зырянова, Загурский, 2019; Шнигирь, Мельман, 2021). В свою очередь Т.М. Ефремова и соавторы выявили, что среди специальных налоговых режимов наибольшую эффективность имеет упрощенная система налогообложения (Ефремова,

2015). Важно отметить, что на практике каждый сельхозпроизводитель выбирает режим налогообложения исходя из условий и ограничений его использования и параметров собственной хозяйственной деятельности. При этом именно ограничения использования налоговых льгот на микроуровне наиболее часто выступают в качестве решающего фактора выбора режима налогообложения, а потому нуждаются в оценке и доработке на микроуровне.

Наконец, в рамках третьего блока для разработки методики оценки влияния налогов на показатели сельскохозяйственных организаций целесообразно исследовать количественные методы, используемые при такой оценке. В научных работах влияние налогов на отрасль оценивается либо количественно, либо качественно. Качественная оценка представляется собой анализ практики применения отдельных законодательных норм (Солярик, Елисеева, 2018). Однако наибольший интерес представляет количественная оценка. Изучение эффекта и эффективности налоговых льгот в сельском хозяйстве в значительном количестве российских исследований реализуется на базе простой оценки показателей товаропроизводителей, применяющих различные налоговые режимы (Ефремова и др., 2015; Бородина и др., 2022). Подобный подход в статистической науке именуется типической группировкой. Однако он обладает рядом недостатков. Во-первых, принадлежность группируемых объектов к общей совокупности приводит к появлению у них некоторых общих особенностей, маскирующих различия между типами. Во-вторых, усложняет качественную группировку отсутствие чёткого обозначения отдельных типов и множественности признаков описания объекта. В-третьих, типическая группировка не позволяет выделить главные и наиболее значимые признаки.

Другим методом, часто применяемым в работах экономистов-агров, является корреляционно-регрессионный анализ (КРА), когда при построении регрессионных моделей используется показатель прибыли (Коротких, 2022; Комарова и др., 2024; Zhang et al., 2023). В целом прогнозирование прибыли позволяет оценивать факторы риска для бизнеса, которые появляются в непростых рыночных условиях, и выступает важным инструментом для государства, бизнеса и общества в целом (Guindani

et al., 2024). Однако использование КРА приводит к необходимости соблюдения большого количества предпосылок метода наименьших квадратов, которые трудно учесть в условиях разнокачественности выборки сельскохозяйственных товаропроизводителей (нарушение предпосылки нормальности распределения), зависимости многих показателей компаний от отрасли от их размеров (нарушение предпосылки автокорреляции и т. д.).

Также статистическим методом исследования влияния налогов на сельское хозяйство, основанным на анализе панельных данных, является «разница в различиях» (DID или DD). Его суть состоит в сравнении среднего изменения с течением времени переменной результата для исследуемой группы со средним изменением для контрольной группы (Xu et al., 2024). Главный недостаток данного метода заключается в необходимости обеспечения условия параллельного тренда, который состоит в допущении об одинаковом развитии контрольной и тестовой выборок, что практически недостижимо в условиях реальной экономики. В противном случае возникает смещение оценок. Широко используются в науке и динамические модели оценки налоговой чувствительности отдельных отраслей (Балацкий, 2023). Однако в условиях происходящих экономических и политических трансформаций, вызванных коронавирусной инфекцией, санкциями в отношении Российской Федерации, эффективность построения динамических моделей существенно снижается. «Временные ряды имеют существенные структурные сдвиги, факторы становятся неустойчивыми и в результате невозможной становится оценка налоговой чувствительности» (Герасимова, 2024).

Методы исследования и данные

Выявленные выше недостатки методов исследования влияния налоговых факторов на показатели деятельности сельскохозяйственных организаций привели к необходимости поиска новых методов. Современные инструменты прогнозирования, такие как методы машинного обучения и нейросетевого анализа, позволяют устранять проблемы применения более простых количественных методов оценки, повышать качество получаемых прогнозов, сокращать затраты времени на обработку данных и построение моделей. Для обоснования под-

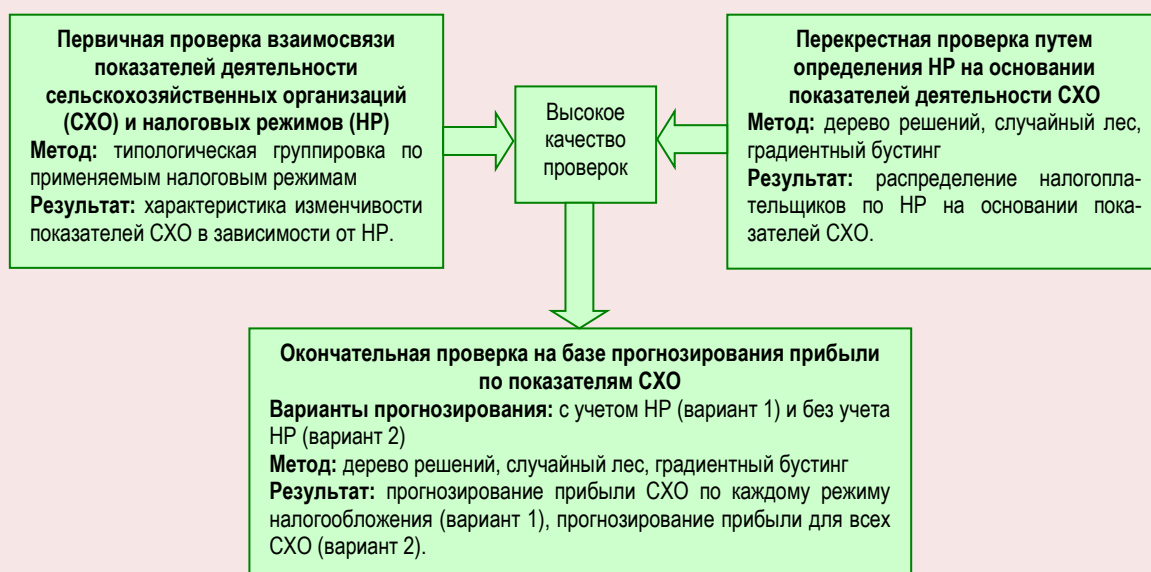
хода к архитектуре налогового стимулирования отрасли на макроуровне необходима оценка показателей деятельности большого количества разнородных субъектов сельского хозяйства. В связи с этим целесообразно использовать перекрестный подход, сопоставляющий результаты, полученные различными способами (Тихонова, 2023). Схематически авторский методический подход представлен на *рисунке*.

В рамках первичной проверки для оценки влияния режима налогообложения на деятельность сельскохозяйственных организаций были использованы данные бухгалтерской отчетности (159 показателей) по 27948 предприятиям за 2022 год из системы «Спарк». В результате очистки и первичной обработки базы размер изучаемой совокупности для проведения типологической группировки сократился до 27490 организаций по 99 показателям. В качестве группировочного признака использован режим налогообложения.

Перекрестная проверка также требует обработки исходных данных: в частности, была проведена диагностика показателей на наличие выбросов. В результате из совокупности удалены 3428 организаций и 57 показателей (для анализа методами машинного обучения осталось 42 показателя).

С целью классификации организаций по налоговым режимам использовано несколько методов: дерево решений, случайный лес и градиентный бустинг. Выбор методов обоснован тем, что они не зависят от масштаба признака и не требуют предварительной стандартизации данных. Метод «дерево решений» представляет собой структуру ветвлений, где классификационный признак разбивается на группы в зависимости от значения фактора. Метод работает достаточно эффективно при нелинейных и нетривиальных взаимосвязях (Nasteski, 2017). Алгоритм «случайный лес» основан на совокупности деревьев решений, построенных по независимым выборкам для получения более точных результатов. Окончательный прогноз делается путем усреднения прогнозов всех деревьев в лесу, поэтому названный метод устойчив к выбросам и шуму в данных, а также менее подвержен переобучению, чем одиночное дерево решений. «Градиентный бустинг» комбинирует несколько слабых моделей деревьев решений, чтобы получить более сильные модели. Алгоритм подбирает модель дерева решений к исходным данным, а затем дорабатывает дополнительные модели для исправления ошибок, допущенных на предыдущем шаге. При этом на каждом шаге новая модель подгоняется под

Методический подход к обоснованию архитектуры системы налогового стимулирования на макроуровне

Источник: составлено авторами.

отрицательный градиент функции потерь по отношению к предсказаниям модели, построенной на предыдущем шаге. Итоговая модель строится как взвешенная сумма всех построенных моделей (Nasteski, 2017).

При получении качественных моделей при первоначальной и перекрестной проверке реализуется третий этап – окончательная проверка. На данном этапе методического подхода в зависимости от результатов классификации модели прогнозирования могут быть построены как по всем сельскохозяйственным организациям в целом, без учета режима налогообложения, так и отдельно по каждому режиму. При

этом для прогнозирования использованы также модели дерева решений, случайного леса и градиентного бустинга, но как задачи регрессии. Прогнозная величина может меняться в зависимости от тех показателей, которые сохранились в результате предобработки данных. В целом методика является универсальной и подходит для практически любой выборки организаций, так как модели не зависят от количества факторов, а также от размерности признаков.

В рамках всех этапов методики обоснования подхода к построению архитектуры системы налогового стимулирования на макроуровне использованы следующие показатели (табл. 2).

Таблица 2. Обоснование показателей, используемых в методике

Группа	Название	Характеристика	Налоговый аспект влияния
Опыт работы	Средний возраст, лет	С момента регистрации	Характеризует привлекательность налогового режима для вновь созданных компаний
Показатели размера	Уставный капитал	Строка 1310 бухгалтерского баланса (ББ)	Позволяют оценить привлекательность и востребованность налоговых режимов субъектами разного размера, учитывая их инвестиционный потенциал (долгосрочные финансовые вложения), активность в инновационном процессе (нематериальные активы) и затраты на человеческий капитал (оплата труда)
	Нематериальные активы	Строка 1130 ББ	
	Основные средства	Строка 1150 ББ	
	Долгосрочные финансовые вложения	Строка 1170 ББ	
	Активы, всего	Строка 1600 ББ	
	Оплата труда	Строка 4122 Отчета о движении денежных средств	
Показатели финансового риска	Индекс должной осмотрительности (ИДО)	Многомерная средняя. Характеризует уровень «надежности» для контрагентов. Значение выше 40 может свидетельствовать о признаках «технической компании»	Характеризует уровень налогового риска при взаимодействии с СХО. Чем ниже ИДО, тем выше потенциал компаний к эффективной реализации продукции
	Индекс финансового риска (ИФР)	Многомерная средняя. Показывает наличие признаков неудовлетворительного финансового состояния. Оптимальное значение: не выше 30	Положительное влияние налогов на финансовый результат деятельности компаний будет проявляться в снижении показателя ИФР
	Доля рабочего капитала в активах компании	(Оборотные активы – Краткосрочные обязательства) / Активы всего	Характеризует источник использования оборотных средств. Положительное влияние налогов должно увеличивать долю за счет предоставления налоговых льгот
Показатели финансового состояния	Коэффициент автономии	Собственный капитал / Активы всего. Должен превышать 0,5	Положительное влияние налогов на финансовый результат деятельности компаний будет проявляться в достижении данными коэффициентами нормативных значений
	Коэффициент маневренности собственных средств	Собственные оборотные средства / Собственный капитал. Норматив от 0,2 до 0,5	
	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	(Собственный капитал – Внеоборотные активы) / Оборотные активы. Норматив от 0,1 и более. Оптимальное значение более 0,5	
Показатели изъятия прибыли	Доля изъятий в форме налога прибыли	Отношение чистой прибыли к прибыли до налогообложения	Характеризует эффективную ставку налога на финансовый результат сельскохозяйственных организаций
Источник: составлено авторами.			

Указанный методический подход реализован с помощью языка программирования Python с дистрибутивом Anaconda в среде Jupyter Lab. Для загрузки и анализа данных использованы следующие пакеты: numpy, pandas, seaborn, matplotlib и sklearn. Стоит отметить, что в связи с длительными циклическими колебаниями в аграрной сфере (Гайсин, 2019) реализация методики должна повторяться с периодичностью, которая соответствует средней длине цикла. Это обстоятельство повышает практическую ценность подхода.

На микроуровне с целью выявления системных недостатков налогового стимулирования отрасли, влияющих на выбор режима налогообложения конкретными товаропроизводителями, проведен качественный анализ правил и норм налогообложения отрасли.

Результаты исследования

Обоснование архитектуры системы налогового стимулирования сельского хозяйства на макроуровне

1. Результаты первичной проверки – типологической группировки. Исследуемая совокупность организаций представлена специальными налоговыми режимами (ОСНО, ЕСХН,

УСН и АУСН), а также группой из 187 организаций, которые уплачивают одновременно УСН и ЕСХН (то есть в анализируемый период либо перешли с УСН на ЕСХН, либо наоборот; табл. 3). Все группы, кроме АУСН, являются достаточными для интерпретации результатов.

Результаты проведенной группировки свидетельствуют, что выделить наиболее привлекательный режим для новых сельскохозяйственных организаций не представляется возможным (различия между этим показателем по группам несущественны). При этом самые «возрастные» организации применяют ЕСХН. Выделяется четкая зависимость между размерами организаций и применяемым режимом налогообложения. Наиболее крупные СХО находятся на общей системе налогообложения, в то время как специальные налоговые режимы используются компаниями меньшего размера. Особое внимание следует обратить на то, что показатели долгосрочных финансовых вложений в 2,8 раза выше при ОСНО, чем при ЕСХН, и в 88 раз выше, чем при УСН. Различия имеющихся нематериальных активов еще более существенны. Это характеризует более высокий потенциал к инновационной

Таблица 3. Сравнительная характеристика показателей сельскохозяйственных организаций, применяющих различные режимы налогообложения

Показатели в среднем на 1 организацию	Режим налогообложения					Сумма (в среднем)
	Общий режим	ЕСХН	УСН	УСН+ЕСХН	АУСН	
Количество организаций	9690	7748	9863	187	2	27490
Средний возраст, лет	12,9	16,9	13,2	14,4	12,3	14,2
ИДО	17,0	10,0	27,7	25,0	13,5	18,9
ИФР	50,6	40,4	51,5	53,4	22,0	48,0
Уставной капитал, тыс. руб.	45099	19429	1351	1667	105	21869
Нематериальные активы, тыс. руб.	113912	2723	24	29	0	40929
Основные средства, тыс. руб.	313499	171051	7028	17196	0	161355
Долгосрочные финансовые вложения, тыс. руб.	53468	18819	607	851	0	24374
Активы, всего, тыс. руб.	900595	374515	24542	43387	2359	432109
Отношение чистой прибыли к прибыли до налогообложения	0,96	0,97	0,84	0,92	0,87	0,96
Оплата труда, тыс. руб.	42067	22692	471	1515	0	21403
Доля рабочего капитала в активах компании, %	-1,2	-0,7	-9,5	-0,4	1,0	-4,0
Коэффициент автономии, %	-6,4	-0,6	-26,8	-0,4	0,5	-12,1
Коэффициент маневренности собственных средств, %	-8,8	-3,1	-3,5	-1,2	1,0	-5,2
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, %	-23,1	-6,7	-40,8	-7,4	0,5	-24,7
Составлено по: данные системы «СПАРК».						

и инвестиционной активности крупных сельскохозяйственных товаропроизводителей и необходимость расширения инвестиционных льгот при применении ЕСХН.

Сельскохозяйственные организации имеют низкий уровень коммерческого риска, то есть осуществляют реальную деятельность, не являются «техническими компаниями», а потому могут выступать надежными контрагентами в коммерческих сделках, что снижает налоговые риски бизнеса. При этом плательщики ЕСХН характеризуются самым низким индексом должной осмотрительности, подобная ситуация может быть обусловлена производственным характером деятельности сельхозорганизаций. Для отрасли в целом характерен высокий уровень финансового риска, который снижается с применением ЕСХН, положительно влияющим на финансовое состояние компаний (с 50,6 до 40,4 балла). Несмотря на то, что показатели финансового состояния существенно ниже нормативных значений и характеризуют низкую финансовую устойчивость СХО, при применении отраслевого ЕСХН и льгот на ОСН исследуемые коэффициенты выше, чем при использовании УСН. Важно отметить, что самый высокий риск неплатежеспособности выявлен у тех организаций, которые перешли с УСН на ЕСХН, и наоборот (выше среднего на 5,3%), что может быть, в том числе, причиной смены режима налогообложения. Положительно влияют налоговые режимы на собственные источники финансирования оборотных активов (доля рабочего капитала, несмотря на отрицательное значение, выше при ОСН и ЕСХН, чем при применении неотраслевого режима УСН). Особое значение в контексте эффекта налоговых режимов приобретает показатель отношения чистой прибыли к прибыли до налогообложения, который характеризует долю изъятия налогов на финансовый результат. Самое высокое налоговое изъятие характерно для УСН (16%) и АУСН (13%), в то время как при ОСНО из-

влекается всего 4% прибыли, при ЕСХН – 3%. В связи с тем, что наиболее ярко зависимости проявились при применении трех режимов (ОСН, ЕСХН и УСН), для дальнейшего анализа целесообразно рассматривать только организации, применяющие именно их.

2. Результаты перекрестной проверки – классификации СХО. С целью оценки различий деятельности организаций в зависимости от режимов налогообложения используем алгоритмы машинного обучения, позволяющие классифицировать сельхозорганизации на основании показателей и определять применяемый ими режим налогообложения. Более того, методы машинного обучения лишены недостатков, которые были выявлены при обзоре литературы и присущи другим методам и подходам. В качестве результативного (прогнозного) признака будет рассмотрен режим налогообложения. Полученные модели охарактеризованы показателями точности и F1 метрикой. Точность характеризует количество правильно классифицированных организаций в общем числе. F1 метрика является сбалансированным показателем, который учитывает как точность модели в целом, так и качество классификации отдельных классов. Модели были построены по обучающей выборке, а проверка качества проводилась по тестовой (модели с обучением). Для построения моделей первоначально был осуществлен алгоритм подбора оптимальных параметров с помощью функции GridSearchCV. Результаты работы алгоритмов представлены в *таблице 4*.

Согласно результатам, распределение СХО по предполагаемым режимам налогообложения дает наивысшую точность при использовании градиентного бустинга: эта модель правильно классифицирует по режимам налогообложения 73,6% всех сельскохозяйственных организаций. При этом для ОСН доля организаций, названных классификатором правильно (precision), составляет 77%, для ЕСХН – 72%, для УСН – 73%.

Таблица 4. Оценка качества моделей классификации

Модель классификации	Точность, % (ассурасу)	F1 метрика, %
Модель «Дерево решений»	69,2	69,1
Модель «Случайный лес»	65,8	64,8
Модель «Градиентный бустинг»	73,6	73,4
Источник: составлено авторами.		

F1 метрика данной модели также оказалась самой высокой из рассмотренных (73,4%). В то же время точность других моделей достаточно высока, поэтому для оценки вклада отдельных факторов проведена оценка метрики *feature importances* (табл. 5). С помощью функции *feature importances* получены оценки степени влияния отдельных факторов на результаты классификации для трех моделей (DT, RF, GB). Данные метрики были также суммированы по группам.

Можно сделать вывод, что наибольшее влияние на результаты классификации оказывают показатели размера (0,48–0,49). Также существенным является влияние показателей финансового риска (0,21–0,22) и финансового состояния (0,14–0,17), т. е. выбор режима налогообложения зависит от финансовой устойчивости организаций. Показатель опыта работы имеет наименьшее влияние на классификацию, что обосновано ранее полученным выводом об отсутствии приоритетности выбора режима для вновь открывающегося бизнеса.

Таким образом, можно отметить, что перекрестная проверка показала наличие зависимости между режимом налогообложения и результатами деятельности сельскохозяйственных организаций. Наличие такой зависимости обусловило целесообразность построения на третьем окончательном этапе модели для прогнозирования по каждому режиму налогообложения отдельно.

3. Результаты окончательной проверки – прогнозирование прибыли СХО. Целесообразность применения третьего этапа проверки обоснована тем, что при действительно существенном влиянии налогового режима на деятельность производителей внутри каждой типической группы (по применяемому налоговому режиму) будут проявляться устойчивые зависимости между показателями, которые могут быть проверены в процессе построения модели прогноза. В качестве прогнозной величины для сельскохозяйственных организаций был выбран показатель чистой прибыли. В качестве факторов модели выделены средний возраст

Таблица 5. Метрика *feature importances* по выделенным группам показателей

Название	Дерево решений		Случайный лес		Градиентный бустинг	
	И	С	И	С	И	С
Опыт работы						
Средний возраст, лет	0,05	0,05	0,06	0,06	0,05	0,05
Показатели размера						
Уставный капитал	0,15	0,48	0,11	0,48	0,10	0,49
Нематериальные активы	0,11		0,11		0,09	
Основные средства	0,03		0,04		0,05	
Долгосрочные финансовые вложения	0,08		0,09		0,12	
Активы, всего	0,09		0,10		0,10	
Оплата труда	0,02		0,03		0,03	
Показатели финансового риска						
Индекс должной осмотрительности (ИДО)	0,09	0,22	0,09	0,22	0,08	0,21
Индекс финансового риска (ИФР)	0,07		0,07		0,08	
Доля рабочего капитала в активах компании	0,06		0,06		0,05	
Показатели финансового состояния						
Козффициент автономии	0,03	0,17	0,01	0,14	0,03	0,17
Козффициент маневренности собственных средств	0,08		0,07		0,08	
Козффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,06		0,06		0,06	
Показатели изъятия прибыли						
Доля изъятая в форме налога прибыли	0,08	0,08	0,10	0,10	0,08	0,08
Примечание: И – индивидуальная метрика, С – суммирование метрик по группе. Источник: составлено авторами.						

организации; ИДО; ИФР; показатели баланса организаций; затраты на оплату труда; коэффициенты автономии, маневренности собственных средств, обеспеченности собственными оборотными средствами. Обоснование их использования представлено в таблице 2 выше. Оценка моделей проводилась по коэффициенту детерминации и средней ошибке. Для сравнительной характеристики была построена модель прогнозирования для всех сельскохозяйственных организаций, не учитывающая режимы налогообложения (табл. 6).

Самое высокое качество для сельскохозяйственных организаций, применяющих ЕСХН, показала модель градиентного бустинга. Так, коэффициент детерминации составил 93,9%, т. е. лишь 6,1% вариации чистой прибыли объясняется факторами, которые не были учтены в модели. Для оценки устойчивости построенной модели осуществлена оценка качества на независимых выборках (кросс-проверка): коэффициент детерминации в выборках меняется в диапазоне от 91,3 до 94,1%. Для организаций, использующих ОСН, лучшие результаты прогнозирования также показала модель градиентного бустинга. Коэффициент детерминации говорит о том, что 89,2% вариации чистой прибыли можно объяснить влиянием включенных в модель фак-

торов. Проведенная кросс-проверка показала, что коэффициент детерминации меняется от 89,1 до 91,2%. Таким образом, качество построенных моделей на ОСН и ЕСХН можно признать высоким, а модель пригодной для прогнозирования.

Качество моделей прогнозирования для организаций, применяющих УСН, значительно ниже, чем для остальных групп. Коэффициент детерминации составляет 72,7%. При этом выявлена достаточно высокая средняя ошибка по отношению к средней (81,5–131%). По результатам кросс-проверки коэффициент детерминации меняется в диапазоне от 65,6 до 74,3%, это существенный разброс. Качество модели на УСН и в целом без учета спецрежимов существенно ниже, чем для ОСН и ЕСХН. Это может быть связано с тем, что, как правило, выбор в пользу УСН осуществляют сельскохозяйственные организации, которые занимаются и прочими видами деятельности, поэтому для данной группы в большей степени характерна неоднородность входящих в нее субъектов. Таким образом, более низкое качество модели прогнозирования прибыли без учета фактора налогового режима свидетельствует о значимости последнего при формировании показателей деятельности сельскохозяйственных организаций.

Таблица 6. Оценка качества моделей регрессии по режимам налогообложения

Модель регрессии	Коэффициент детерминации, % (R^2)	Средняя ошибка (MAE)	Отношение средней ошибки к средней по совокупности, %
ОСН			
Модель «Дерево решений»	84,7	2606719,2	31,2
Модель «Случайный лес»	84,2	2853516,9	34,1
Модель «Градиентный бустинг»	89,2	1879786,4	22,5
ЕСХН			
Модель «Дерево решений»	68,8	4040237,4	47,3
Модель «Случайный лес»	86,2	2750397,8	32,2
Модель «Градиентный бустинг»	93,9	1436465,5	16,8
УСН			
Модель «Дерево решений»	37,4	2702984,7	131,0
Модель «Случайный лес»	62,9	2064956,3	100,1
Модель «Градиентный бустинг»	72,7	1682536,9	81,5
В целом по всем налоговым режимам			
Модель «Дерево решений»	54,7	4394838,9	71,2
Модель «Случайный лес»	82,9	2566435,8	41,6
Модель «Градиентный бустинг»	88,8	1741364,8	28,2
Составлено по: данные системы «СПАРК».			

Сформулируем общий вывод по итогам исследования на макроуровне. Авторами показана эффективность применяемых сельскохозяйственными товаропроизводителями ОСН и ЕСХН, характеризующая через высокую положительную степень влияния налоговых режимов на показатели деятельности СХО. Упрощенная система налогообложения, несмотря на то, что широко используется в отрасли, показала низкое влияние на финансовые результаты отрасли. Данное обстоятельство обосновывает нецелесообразность дальнейшей доработки упрощенной системы налогообложения на микроуровне в целях применения ее сельскохозяйственными товаропроизводителями. Таким образом, в современных российских реалиях представляется целесообразной дифференцированная архитектура системы налогового стимулирования сельского хозяйства, включающая отраслевые льготы на ОСН и специальный налоговый режим ЕСХН.

Выработка предложений по совершенствованию системы налогового стимулирования сельского хозяйства для повышения ее эффективности на микроуровне

Дальнейшая доработка налоговых мер должна выступать следствием результата анализа, проведенного на макроуровне.

Исследование показало, что организации, применяющие ЕСХН, имеют более низкий инновационно-инвестиционный потенциал, чем компании на ОСН. Во многом это обусловлено тем, что перечень расходов, которые можно учесть при применении специального налогового режима, закрыт. Это негативно отражается на инвестиционной привлекательности отрасли. Таким образом, первое направление должно включать расширение закрытого перечня расходов на ЕСХН, которые в текущих экономических условиях являются необходимыми для сельхозтоваропроизводителей. К ним могут быть отнесены три группы расходов:

1) на текущую деятельность: на участие в ярмарках и выставках животных, на доставку готовой продукции покупателю, услуги по договору толлинга, себестоимость продукции собственного производства, которая используется в качестве корма или семян;

2) инвестиционные: расходы на ремонт и содержание основных средств производ-

ственного назначения (не учитываются на основании письма Минфина от 09.08.2013 № 03-11-06/2/32263), расходы на благоустройство (не учитываются на основании письма Минфина от 25.01.2006 № 03-11-04/1/3, но имеется спорная судебная практика), затраты на утилизацию бытовых отходов;

3) инновационные: плата за пользование правом на селекционные достижения (не учитывается на основании письма Минфина от 07.09.2007 № 03-11-04/1/21).

Было показано, что ЕСХН оказывает более существенное влияние на улучшение показателей финансового состояния (коэффициенты автономии, маневренности собственных средств, обеспеченности собственными оборотными средствами) СХО, чем ЕСХН, в частности из-за того, что ЕСХН учитывает сезонность и длительность сельскохозяйственного производства (налог исчисляется и уплачивается один раз в полгода). В то же время при применении ОСН подобный механизм отсутствует. В связи с этим предлагается установить особый порядок учета финансовых результатов на ОСН по видам сельскохозяйственного производства с длительным циклом. Сегодня налоговое законодательство предусматривает возможность особого учета расходов по налогу на прибыль организаций и порядка уплаты НДС при производстве товаров, определенных перечнем Правительства Российской Федерации³. В частности, при формировании налогооблагаемой прибыли по договорам с длительным производственным циклом (свыше 6 месяцев) выручка распределяется либо равномерно, либо пропорционально расходам в течение срока действия таких договоров. То есть уплата налоговых обязательств происходит постепенно. В случае исчисления НДС по таким сделкам НДС с авансов не уплачивается, а налоговая база определяется на последний день каждого налогового периода, в котором фактически осуществлена реализация (письмо Минфина России от 31.03.2021 № 03-07-14/23424). Однако ни один вид сельскохозяйственной продук-

³ Перечень товаров (работ, услуг), длительность производственного цикла изготовления (выполнения, оказания) которых составляет свыше 6 месяцев // Министерство финансов. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70017236/>

ции в рассматриваемый перечень не включен, в то время как на выращивание крупного рогатого скота на мясо или отдельных видов пушных зверей необходимо несколько лет. В связи с этим целесообразно дополнить указанный перечень отдельными видами продукции сельского хозяйства с длительными (более 1 года) сроками производства.

Исследование на макроуровне обосновало низкую эффективность УСН при его применении сельскохозяйственными товаропроизводителями, в связи с чем необходимо доработать правила перехода на уплату ЕСХН с других налоговых режимов. В настоящее время компании, применяющие ЕСХН, не могут учесть расходы на производство готовой продукции, которая была произведена при применении предыдущего налогового режима, но не реализована. Они не включены в закрытый перечень по п. 2 ст. 346.5 НК РФ. Принимая во внимание, что эти расходы фактически понесены и нацелены на получение дохода, представляется целесообразным разрешить их учет в момент реализации такой продукции.

В таблице 3 показано, что ЕСХН применяют преимущественно средние и малые по размерам СХО. При этом большая часть из них не уплачивает НДС, в текущих условиях именно это освобождение становится важнейшим фактором выбора специального налогового режима. Сегодня освобождены от уплаты НДС организации на ЕСХН с определенной суммой выручки. Эта сумма составляет 60 млн руб. в год, она не менялась с 2022 года, однако, учитывая высокие темпы инфляции, уже через 5–7 лет большинство плательщиков ЕСХН будут признаваться плательщиками НДС, что при прочих сопоставимых с ОСН условиях может нивелировать положительный эффект от применения специального налогового режима. В связи с этим целесообразно установить индексацию предельного размера выручки, превышая которую плательщик ЕСХН автоматически становится плательщиком НДС. Важно также отметить, что с 2025 года существенно трансформировалась упрощенная система налогообложения, субъекты которой стали плательщиками НДС при достижении порога выручки (превышающей 60 млн руб. в год). При этом организации на УСН имеют право на выбор варианта исчисления НДС: по стандартным

ставкам налога (10 или 20%) с применением налоговых вычетов или по льготным ставкам налога (5 или 7%) без применения налоговых вычетов. С целью выравнивания условий специальных налоговых режимов целесообразно установить возможность применения льготных ставок НДС и для плательщиков ЕСХН, что позволит частично нивелировать отсутствие индексации предельного порога выручки.

Обсуждение

Полученные результаты об эффективности фискальной поддержки в целом соотносятся со значительным количеством исследований в области аграрного налогообложения, а расхождения с проанализированными выше работами (Катаев, Сасина, 2011) во многом обоснованы существенным временным разрывом в периодах исследований. За последние 5–7 лет кардинально претерпели изменения как единый сельскохозяйственный налог, так и прочие режимы налогообложения.

Дискуссии может быть подвергнут методический подход, который лег в основу доказательной базы о необходимости дальнейшего совершенствования налогообложения сельского хозяйства. Методы прогнозирования на основе искусственного интеллекта широко используются как для анализа показателей сельского хозяйства (Khudyakova et al., 2021; Демичев, 2022; Зинченко и др., 2022), так и для прогнозирования финансовых результатов деятельности организаций (Ломакин и др., 2020а; Ломакин и др., 2020b). Ограничение настоящего исследования состоит в том, что в анализируемую выборку организации были включены на основании кода ОКВЭД, тем не менее, принадлежность к соответствующему коду не означает, что компания имеет только сельскохозяйственный профиль деятельности, что может накладывать отпечаток на результаты.

Построенные модели прогнозирования чистой прибыли можно будет адаптировать под построение моделей прогнозирования налоговой нагрузки при наличии данной информации в очищенной выборке. Прогнозирование налоговой нагрузки организаций помогает выявлять факторы, влияющие на результативные показатели деятельности, а также осуществлять контроль посредством сравнения со среднеотраслевыми значениями, для выявления расхождений и проведения налоговых проверок

(Мандрошенко, 2023). От уровня налоговой нагрузки также зависят возможные пути налогового планирования в организациях (Назарова, Кожаринов, 2019). Знание предполагаемой налоговой нагрузки позволяет более точно оценивать финансовое состояние предприятия, проводить расчеты рентабельности, прогнозировать доходность и принимать обоснованные инвестиционные решения (Kelley, 2024).

Заключение

В рамках настоящей статьи разработана методика оценки влияния режима налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей, включающая три исследовательских этапа (предварительный, перекрестный и окончательный), основанная на применении моделей машинного обучения и позволяющая обосновать архитектуру системы налогового стимулирования отрасли. Апробация указанной методики показала, что финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных организаций в значительной степени зависят от применяемого режима налогообложения. При этом наибольшее влияние оказали ОСН и ЕСХН, которые легли в основу предлагаемой архитектуры.

Наличие значительных эффектов влияния налоговых факторов на макроуровне обосновало целесообразность дальнейшего совершенствования мероприятий фискальной поддерж-

ки аграрного сектора на микроуровне, среди которых предложены следующие:

- расширение закрытого перечня расходов при применении ЕСХН (с указанием детализированных предложений);
- установление особого порядка учета финансовых результатов и исчисления НДС при длительном производстве сельскохозяйственной продукции;
- изменение порядка учета расходов на производство сельскохозяйственной продукции при переходе на ЕСХН;
- изменение механизма исчисления НДС при применении льготного налогового режима ЕСХН.

В целом реализация указанных предложений по донастройке налогового стимулирования сельскохозяйственных организаций имеет большое значение для развития отрасли, а также для решения глобальных проблем, связанных с продовольственной безопасностью и устойчивым развитием. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения предлагаемого методического подхода к оценке влияния налогов на деятельность сельскохозяйственных организаций по итогам завершения каждого аграрного цикла, а также в использовании практикоориентированных предложений по совершенствованию правил налогообложения отрасли.

Литература

- Балацкий Е.В. (2023). Анализ влияния налоговой нагрузки на экономический рост с помощью производственно-институциональных функций // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 88–107.
- Бородин Т.А., Овсянко Л.А., Чепелева К.В. (2022). Оценка влияния режимов налогообложения на эффективность деятельности КФХ в регионе // Бизнес. Образование. Право. № 4 (61). С. 132–140. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.474
- Гайсин Р.С. (2019) Особенности поддержки сельского хозяйства и государственного регулирования агропродовольственного рынка по долгосрочным циклам его развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 7. С. 13–21. DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-7-13-21
- Гашенко И.В., Зима Ю.С., Оробинская И.В. (2019). Развитие налогообложения доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей в контексте налоговых реформ РФ // Учет и статистика. № 2 (54). С. 44–53.
- Герасимова А.Е. (2024). Анализ налоговой чувствительности отдельных отраслей экономики // Налоги и налогообложение. № 4. С. 64–79. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.4.71075
- Гребешкова И.А., Писарюк С.Н., Хлебникова В.В. (2021). Анализ целесообразности государственной поддержки сельскохозяйственных организаций Севастополя в контексте предоставления налоговых льгот по ЕСХН // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. № 3. С. 312–318.
- Демичев В.В. (2022). Статистический анализ эффективности сельского хозяйства с применением методов машинного обучения // Экономика сельского хозяйства России. № 9. С. 100–105. DOI: 10.32651/229-100

- Ефремова Т.М., Кольцова Т.А., Пряхина А.А. (2015). Оценка эффективности налогового регулирования специальных налоговых режимов Смоленской области // *Агропродовольственная политика России*. № 7 (43). С. 32–35.
- Зарук Н.Ф. (2015). Влияние налогообложения на аграрную политику региона // *Нива Поволжья*. № 2 (35). С. 124–131.
- Зинченко А.П., Уколова А.В., Демичев В.В. [и др.] (2022). *Цифровые технологии анализа данных в сельском хозяйстве*. Москва: Научный консультант. 260 с.
- Зырянова Т.В., Загурский А.О. (2019). К вопросу о проблемах единого сельскохозяйственного налога в государственной системе регулирования сельскохозяйственных производителей // *Аграрный вестник Урала*. № 6 (185). С. 64–70. DOI: 10.32417/article_5d47f813080fb9.02383308
- Иманбаева З.О. (2023). Налоговые стимулы и льготы для сельского хозяйства: как они помогают развитию отрасли // *Вестник Торайгыров университета. Экономическая серия*. № 4. С. 90–101.
- Катаев В.И., Сасина А.В. (2011). Экономическая целесообразность минимизации налогов в сельском хозяйстве // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. № 3 (77). С. 127–132.
- Комарова Г.П., Базарова М.У., Баниева М.А., Цыдыпова А.В. (2024). Налоговая нагрузка как фактор оценки налоговых рисков в сельском хозяйстве // *Финансовая жизнь*. № 1. С. 72–78.
- Коротких Ю.С. (2022). Налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей // *Экономика сельского хозяйства России*. № 8. С. 33–35. DOI: 10.32651/228-33
- Косов М.Е., Голубцова Е.В., Новикова Е.С. (2023). Государственное налоговое регулирование в сельском хозяйстве в условиях политики импортозамещения // *Финансы: теория и практика*. Т. 27. № 2. С. 119–130. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-119-130
- Ломакин Н.И., Дженнифер О.Ч., Езангина И.А., Шевченко С.А., Бескоровайная Н.Н. (2020а). Прогнозирование прибыли ПАО «НК «Роснефть» с помощью системы искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики // *Фундаментальные исследования*. № 5. С. 117–124. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.42757>
- Ломакин Н.И., Матвеева Т.А., Светличная В.Б. [и др.] (2020b). Нейросетевой прогноз чистой прибыли российских страховых компаний в условиях цифровизации экономики // *Экономика и предпринимательство*. № 11 (124). С. 1288–1291. DOI: 10.34925/EIP.2020.124.11.258
- Лялина Ж.И., Кедровская А.В., Гришин Д.В. (2021). Исследование актуальности использования единого сельскохозяйственного налога // *Экономика и предпринимательство*. № 4 (129). С. 201–207. DOI: 10.34925/EIP.2021.129.4.038
- Малис Н.И. (2016). Инструменты налоговой политики стимулирования сельскохозяйственных товаропроизводителей // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. № 4. С. 47–54.
- Мандрощенко О.В. (2023). Методика планирования организациями отдельных налоговых платежей // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. № 11 (266). С. 20–27. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-11266-20-27
- Назарова Н.А., Кожаринов А.В. (2019). Влияние налогового планирования на эффективность деятельности коммерческой организации // *Экономика и предпринимательство*. № 11 (112). С. 704–708.
- Петрова Л.М. (2019). Проблема выбора системы налогообложения для малого бизнеса АПК // *Научные горизонты*. № 9 (25). С. 59–67.
- Полинская М.В., Приймак П.Н., Шматков Е.А. (2023). Современные проблемы применения единого сельскохозяйственного налога в Российской Федерации // *Eropmen. Global*. № 40. С. 49–54.
- Прокопчук Е.Т. (2016). Финансовое стимулирование сельскохозяйственной деятельности с помощью налоговых механизмов: зарубежный опыт // *Управление инвестициями и инновациями*. № 4. С. 94–101. DOI: 10.14529/iimj160413
- Солярик М.А., Елисеева Н.В. (2018). Проблемы и перспективы налогообложения для сельского хозяйства // *Калужский экономический вестник*. № 3. С. 3–6.
- Тихонова А.В. (2015). Значение налоговых льгот и государственных субсидий для стимулирования агропромышленного комплекса России // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. № 7 (241). С. 52–60.
- Тихонова А.В. (2023). Экосистема налогообложения физических лиц // *Финансы*. № 8. С. 52–60.

- Шнигирь Я.А., Мельман И.В. (2021). Преимущества и недостатки применения единого налога для сельхозпроизводителей // Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. № 27. С. 194–198.
- Barashyan L. (2021). Features of taxation in agriculture in the Russian Federation and abroad: Comparative analysis. *E3S Web of Conferences*, 273, 08004. DOI:110.1051/e3sconf/202127308004.
- Grabowski R., Shen Y. (2013). Agricultural distortions and structural change. *Journal of Asian Economics*, 24, 17–25. DOI: 10.1016/j.asieco.2012.10.002
- Guindani L.G., Oliveirai G.A., Ribeiro M.H.D.M., Gonzalez G.V., Lima J.D. (2024). Exploring current trends in agricultural commodities forecasting methods through text mining: Developments in statistical and artificial intelligence methods. *Heliyon*, 10, 23, e40568. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e40568>
- Kelley S.O. (2024). Discussion of “The interaction between incentive and opportunity in corporate tax planning: Evidence from financially constrained firms”. *Advances in Accounting*, 67, 100761. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adiac.2024.100761>
- Khudyakova E., Nikanorov M., Bystrenina I., Cherevatova T., Sycheva I. (2021). Forecasting the production of gross output in agricultural sector of the Ryazan Oblast. *Estudios de Economía Aplicada*, 39, 6. DOI: 10.25115/eea.v39i6.5171
- Li R., Yang H., Zhang J. (2024). Agricultural tax reform, capital investment, and structural transformation in China. *Structural Change and Economic Dynamics*, 71, 509–522. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.08.016>
- Nasteski V. (2017). An overview of the supervised machine learning methods. *Horizons.B*, 4, 51–62. DOI: 10.20544/HORIZONS.B.04.1.17.P05
- Tang M. (2025). Industrialize with tax structure change: Agricultural tax abolition and local industrial growth in China. *China Economic Review*, 90, 102339. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2024.102339>
- Xu Y., Zhao A., Ding P. (2024). *Generalized Difference-In-Differences*. DOI: 10.2139/ssrn.4896691
- Zhang F., Wu G., Zhu L., Zhang W. (2023). The impact of fiscal squeeze on corporate tax avoidance behaviors: Evidence from the agricultural tax reform. *Economic Analysis and Policy*, 79, 890–901. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.07.002>

Сведения об авторах

Анна Витальевна Тихонова — доктор экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2; e-mail: AVTihonova@fa.ru)

Анна Евгеньевна Герасимова — кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2; e-mail: aekharitonova@fa.ru)

Tikhonova A.V., Gerasimova A.E.

Development of Tax Support for Agriculture in the Context of Enhancing the Effectiveness of Various Tax Regimes

Abstract. The paper proposes our own methodological approach based on the data of financial statements of agricultural organizations and allowing us to assess the impact of taxation regimes on the results of their activities. The subject of the study is the system of statistical indicators of agricultural organizations characterizing the level of economic production. The aim of the work is to substantiate the architecture of the tax incentive system for the industry, as well as to design further directions for the development of tax support for agriculture. Research methods include typical grouping, machine learning models (decision tree, random forest and gradient boosting). As a result, the methodological approach was tested and significant differences in the performance indicators of agricultural organizations depending on the choice of taxation systems were substantiated, and net profit forecasting models were built for each

of them. The constructed models allow us to identify the nature of the influence of tax factors on the performance of agricultural entities. Recommendations for improving the system of tax incentives for the industry are presented. The developed methodological approach helps to assess the differences in taxation systems using the grouping method and machine learning methods, as well as to build high-quality forecasting models. The scientific novelty of the study consists in developing a set of proposals for improving tax incentives for the industry, taking into account (1) the optimal architecture of the tax support system at the macro level and (2) systemic problems of applying industry tax incentives at the micro level. Proof of the optimality of the architecture of the tax incentive system for agriculture was revealed using our methodology for assessing the impact of the tax regime on the performance indicators of agricultural producers, based on the use of machine learning methods.

Key words: tax regime, tax forecasting, agriculture, tax factor, machine learning methods, decision tree, random forest, gradient boosting.

Information about the Authors

Anna V. Tikhonova – Doctor of Sciences (Economics), associate professor at the department of taxes and tax administration, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: AVTikhonova@fa.ru)

Anna E. Gerasimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: aekharitonova@fa.ru)

Статья поступила 26.01.2025.

Человеческий капитал и институты его развития в условиях технологической трансформации: опыт России и стран ЕАЭС

**Андрей Александрович
ФРОЛОВ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.a.frolov@urfu.ru
ORCID: 0009-0007-9758-7117; ResearcherID: MBH-9060-2025

**Вероника Николаевна
ХОЛИНА**

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
e-mail: kholina-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-2565-6244; ResearcherID: V-9500-2017

**Владимир Сергеевич
ГОРБУНОВ**

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
e-mail: gorbunov_vlsr@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-8798-2315; ResearcherID: O-2273-2018

Для цитирования: Фролов А.А., Холина В.Н., Горбунов В.С. (2025). Человеческий капитал и институты его развития в условиях технологической трансформации: опыт России и стран ЕАЭС // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 141–162. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.8

For citation: Frolov A.A., Kholina V.N., Gorbunov V.S. (2025). Human capital and its development institutions in the context of technological transformation: Experience of Russia and EAEU countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 141–162. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.8

Аннотация. Направление «человеческий капитал» было закреплено как одно из центральных в системе национальных проектов развития России на период 2019–2024 гг. Обновленные национальные проекты сохранили высокую актуальность фактора человеческого капитала в достижении целей развития экономики России и на период 2025–2030 гг., но сфокусировали внимание на реализации потенциала каждого человека, развитии его талантов, достижении технологического лидерства. Несмотря на наличие множества публикаций российских и зарубежных ученых по этой тематике, в которых в основном отражены генезис термина, его измерение и многосторонняя оценка, такие аспекты, как изменение содержания доминирующих факторов в условиях технологизации, цифровизации знаниевой экономики в современном обществе, а также вопросы развития человеческого капитала через призму институциональной теории (по группе институтов развития) проработаны недостаточно. Цель исследования состоит в выделении доминирующих в условиях технологизации экономики элементов в матрице факторов, воздействующих на человеческий капитал, в выявлении и систематизации наиболее востребованных экономических институтов развития, а также в изучении лучших практик на основе компаративного экспресс-анализа на примере России, Беларуси, Казахстана. На основе анализа современных концептуальных подходов к пониманию сущности человеческого капитала в условиях выявленной смены парадигмы с инновационного развития экономики страны на технологическое развитие сделан вывод о том, что при сохранении важности капитала здоровья на первый план выходит знаниево-интеллектуальная компонента образовательного капитала с преобладанием доли развития индивидуального таланта (с креативным мышлением) и его приращением на основе использования институтов развития на макро- и микроуровне. Компаративный экспресс-анализ институтов развития Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан показал, что институты развития первого типа соответствуют потребностям технологического развития стран. Среди лучших практик институтов развития второго типа выявлены такие, как центры импортирования креативных поведенческих моделей, системы подготовки кадров с их локализацией в отраслевых кластерах, включая центры компетенций, корпоративные программы переобучения сотрудников с учетом запросов цифровой экономики. Применение выявленных лучших практик ускорит движение стран по пути достижения технологического лидерства.

Ключевые слова: экономика роста, технологизация экономики, человеческий капитал, факторы формирования человеческого капитала, матрица формирования и развития человеческого капитала, институты развития, центры компетенций.

Благодарность

Публикация выполнена в рамках проекта № 060509-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Введение

Развитие человеческого капитала является безусловным приоритетом государственной политики большинства стран мира. Национальный человеческий капитал (ЧК) — это капитал, который составляет основную долю национального богатства и страны и ее регионов (Подберёзкин, Родионов, 2021). В современном мире, когда все большую роль играют инновации, а страны соревнуются в первенстве технологий и стремятся создать условия формирования высококвалифицированных команд, готовых предложить направленные на экономический

рост новые решения, человеческий капитал одновременно играет ключевую роль в генерировании инноваций, определяя рыночное конкурентное преимущество страны, а также предполагает высокие уровень и качество жизни. Актуализация вопросов исследования человеческого капитала связана с необходимостью его адаптации к новым условиям и требованиям современной экономики, а также с поиском путей для эффективного использования человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации.

Направление «человеческий капитал» (с такими национальными проектами, как «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура») со сроками реализации 01.01.2019–31.12.2024 было зафиксировано как основное в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹. Нацпроекты, утвержденные Указом Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.»² сохранили высокую значимость фактора человеческого капитала в достижении обозначенных в этих документах целей развития, но усилили его значимость в контексте выделения новых целей, среди которых доминируют технологическое лидерство, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов. Дополнительно подчеркнем, что современное понимание и выбор для исследования человеческого капитала и институтов его развития важен с позиций экономической и национальной безопасности³, особенно в контексте обеспечения технологического суверенитета.

Важная роль в процессе развития элементов национальной экономической системы, в т. ч. человеческого капитала, принадлежит институтам развития. С одной стороны, национальные правительства стран мира применяют различные инструменты для роста человеческого капитала, уделяют большое внимание институциональному обустройству среды, но, с другой стороны, ученые отмечают недостаточную связь между усилиями правительства и их ре-

зультатами, что обуславливает необходимость более подробного рассмотрения этого аспекта.

Институциональный подход значительно расширил рамки анализа феномена человеческого капитала, акцентировав внимание на нормах, правилах и нормативах, управляющих поведением людей в реальном мире в конкретной стране и в определенный период времени (Боброва и др., 2018). На примере Российской Федерации ученые доказали сильное влияние институциональной среды на человеческий капитал (Гимпельсон, 2016), в т. ч. влияние институциональных реформ на рост показателей, слагающих человеческий капитал (Авдеева, 2024). Безусловно, первым шагом в решении рассматриваемой проблемы является достоверная оценка уровня развития человеческого капитала, но методических подходов и расчетов на сегодняшний день предлагается много (Павлова, 2010; Петухов, 2017; Черненко, 2024; Шульгин, Зинькина, 2021), в т. ч. утвержденных на уровне Всемирного банка⁴ и Европейской экономической комиссии ООН⁵, а механизмов развития, особенно через призму институциональной теории, недостаточно.

Рассмотреть одномоментно все элементы человеческого капитала невозможно, поэтому цель работы состоит в выделении доминирующих в условиях технологизации экономики элементов в матрице факторов формирования и развития ЧК и исследовании институтов развития, оказывающих на них влияние. Проведение компаративного анализа институтов развития человеческого капитала по таким дружественным странам, входящим в один интеграционный блок, а также относящихся к группе стран с высоким уровнем развития ЧК, как Россия, Беларусь и Казахстан, позволит выявить лучшие практики, а их последующее тиражирование приведет к ускорению достижения целей национального развития.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 04.03.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения 04.03.2025).

³ Институты развития человеческого капитала как главный фактор формирования национальной стратегии эффективной безопасности и развития в условиях коалиционного противоборства / Директор ЦВПИ МГИМО, проректор МГИМО (У) МИД России по научной работе д.и.н., профессор А.И. Подберезкин. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=node/58657> (дата обращения 01.02.2025).

⁴ The Human Capital Index 2020 update: Human capital in the time of COVID-19. Washington, DC: World Bank, 2021. DOI: 10.1596/978-1-4648-1552-2. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/93f8fbc6-4513-58e7-82ec-af4636380319> (accessed: June 16, 2024).

⁵ Guide on measuring human capital. UN. ECE. New York; Geneva: UN, 2016. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3931023?v=pdf> (accessed: June 23, 2024).

Теоретические основы исследования человеческого капитала в условиях технологизации национальной экономики

Актуализация сущности технологизации экономики

Современный период развития стран мира характеризуется сменой технологического уклада (Глазьев, 2022). Экономика, в которой главной движущей силой производства был физический труд, сейчас превращается в интеллектуальноёмкую, когда богатства страны создаются при доминировании умственного труда, а роль и значение персонала многократно возрастает (Макаров, Е. Лю, 2023). Большинство стран уже совершили такой переход, а России необходимо его осуществить, переходя с четвертого технологического уклада на пятый и шестой. Это возможно сделать только на основе активной политики технологизации, содержание которой определяется следующим (Джуха, Мищенко, 2019):

- приоритет именно технологической политики в развитии национальной экономики;
- опережающее развитие сектора науки и научных разработок среди видов экономической деятельности;
- неразрывная связь между разработкой собственных критических технологий и их коммерциализацией;
- создание собственных технологий (на основе вовлечения всех видов ресурсов, в первую очередь интеллектуальных), а не копирование (покупка) уже существующих;
- увеличение расходов на НИОКР (для развитых стран это более чем 2,5% от ВВП);
- ядро нового уклада составляют новейшие интеллектуальные отрасли, в т. ч. геномная инженерия, биоэкономика, искусственный интеллект, освоение космического пространства и т. д., для развития которых требуются специальные квалификации людей.

В широком смысле слова термин «технологизация» означает процесс разработки и внедрения новых технологий, причем инновации касаются не только производственной сферы, но и социальной. Ученые понимают технологизацию как «объективный процесс, который ... пронизывает одновременно все уровни экономики от глобальных рынков до ... микроуровня предприятия» (Джуха, Мищенко, 2019, с. 39); как процесс «технологических изменений,

носящих характер необратимого процесса качественных преобразований» (Павлова, 2010). По мнению других ученых, суть технологизации экономики более полно раскрывается через понятие «экосистема технологического развития экономики» (ЭТР). С одной стороны, ее сущность достаточно понятно определена российским законодательством как «совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и научно-образовательной деятельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают совместно или на конкурентной основе ... инновационные продукты и сервисы, существенно влияющие на развитие экономики ..., формируя новые рынки»⁶. Но, с другой стороны, Н.А. Маслюк и Н.В. Медведева более глубоко заглядывают в суть технологизации и фокусируют внимание непосредственно на смене самой парадигмы инновационного развития на концепцию технологического развития, на трансформацию инновационной экосистемы (система обособленного существования сфер науки и производства) на ЭТР — «интегрированную систему сетевого взаимодействия науки, технологий и инноваций» (Маслюк, Медведева, 2023, с. 101).

Ключевыми объектами формирующейся экономико-технологической системы, среди прочих, являются новые институциональные и хозяйственные единицы технологического развития, в т. ч. малые технологические компании, агенты трансфера технологий, технологические холдинги и т.д. Кто будет руководить этими структурами? Кто будет генерировать инновации, причем не копировать технологии, а создавать собственные новые технологии? Это будут делать люди, обладающие высоким уровнем интеллекта, знаний, профессиональными навыками. Все это сосредоточено в понятии «человеческий капитал».

Современные концепции человеческого капитала и доминантные факторы его развития

Исследования экономической роли человека лежат, как известно, в основе классической политической экономии, часть авторов среди основоположников называют имена А. Смита

⁶ Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 № 1315-п (С.10). URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf> (дата обращения 02.02.2025).

и Д. Рикардо, другая часть — Ирвина Фишера (Макаров, Е Лю, 2023), ученые третьей группы (Боброва и др., 2018) связывают становление теории человеческого капитала с именами Теодора Шульца и Гарри Беккера, получивших за разработки в этой области Нобелевскую премию в первой половине XX века (Shultz, 1961). В это время концепция человеческого капитала получила широкое развитие «как ответ экономической науки на новые вызовы, стоящие перед постиндустриальным обществом, в котором роль интеллектуальных возможностей человека выросла колоссально» (Боброва и др., 2018). Из работ отечественных ученых обратим внимание на труды академика Станислава Густавовича Струмилина (1877–1974) в связи с развитием концепции хозяйственной ценности человека, в рамках которой производительные способности личности рассматривались как результат инвестирования в некий капитал, способный приносить доход, в т. ч. значимость инвестиций в образование (Струмин, 1982).

В современных условиях набирают обороты «незападные» теории экономического развития, особенно интересен подход азиатских стран, совершивших в последнее время стремительный рывок вперед в экономико-технологическом развитии национальной экономики. Среди них мы хотим выделить подход китайских ученых, у которых концепция человеческого капитала получила особую популярность в контексте изучения трансформации трудовых ресурсов и их качества в экономике КНР. Ее суть состоит в том, что ЧК рассматривается как «совокупность интеллектуальных и физических качеств, знаний, профессионального опыта сельского населения, которая определяет уровень его экономического благосостояния и социального благополучия» (Петров и др., 2023, с. 152), при этом перечисленные качества подразделяется на индивидуальные и коллективные, базовые и развитые. Особенностью подхода является то, что человеческий капитал рассматривается не столько как фактор повышения конкурентоспособности наемных работников на рынке труда, сколько как основа для построения «среднезажиточного общества», т. н. концепция человеческого капитала с китайской спецификой, т. е. к экономической интерпретации добавляется социоинституциональная, связанная с целями социального развития государства.

На современном этапе экономического развития понятие человеческого капитала как экономической категории продолжает расширяться вместе с развитием мирового информационного сообщества и экономики знаний. Сегодня в первую очередь важны концепции, которые учитывают следующие характеристики современных условий: научно-технологический вектор развития страны, «глобальную экономическую фрагментацию (ГЭФ), приводящую к разделению глобальной экономической деятельности на отдельные блоки или регионы» (Черненко и др., 2024); компонент социо-экономического знания, а также новое философское осмысление роли человека в современном мире.

Отдельным направлением исследований является изучение влияния цифровизации на человеческий капитал, в них выявлены определенные особенности. Например, немецкий ученый M. Schneider (Schneider, 20217) предлагает «взаимосвязанную концепцию человеческого и организационного капитала», обосновывая это тем, что инвестиции только в информационные технологии без вложений в ЧК не приводят к росту производительности труда на рабочем месте. При этом человеческий капитал, который он трактует как нематериальный актив, способен сформировать конкурентные преимущества фирмы только в совокупности с организационным капиталом, под которым подразумевается «целостная организация труда с командной работой, децентрализованным принятием решений и широкими возможностями для карьерного роста» (Schneider, 2017). Ученые из Словакии E. Ivanová, V. Žárská и J. Masárová (Ivanova et al., 2021) утверждают, что скорость развития инноваций в условиях цифровой трансформации экономики зависит от условий для развития необходимых навыков у человеческих ресурсов, в т. ч. институциональной среды, в формировании которой существенная роль принадлежит государству.

Ввиду большого многообразия концепций нет возможности привести их все, тем не менее, основные подходы отражены в *таблице 1*. При этом мы сознательно включили в таблицу точки зрения малоизвестных авторов, в т. ч. ученых из Африки, а также мнение исследователей из дружественных стран, по которым далее проводится компаративный анализ (Белоруссия, Казахстан), чтобы отойти от привычных трактовок.

Таблица 1. Основные современные подходы к формулированию сущности ЧК

Авторы	Сущность подхода и определение ЧК
А.И. Подберёзкин (Подберёзкин, Родионов, 2021) – Россия	«Интенсивный производительный фактор развития экономики, общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности, обеспечивающие эффективное функционирование ЧК как производительного фактора развития» (в широком смысле слова); «интеллект, здоровье, знания, качественный и производительный труд и качество жизни» (в узком смысле)
А.А. Хоконов (цит. по: Дорохова и др., 2022, с. 6)	«Сложный синтетический фактор, который агрегирует комплекс социально-экономических, психологических и иных параметров человеческих ресурсов»
Obiekwe Onvebuchi (Onvebuchi, 2018) – Африка	Добавленная стоимость, созданная в экономике за счет непосредственного участия в производственном процессе или за счет темпов роста благодаря инновационным возможностям («both the added value created in the economy through direct participation in the production process, or growth rate through it innovative capacity»)
Piazza-Georgi (цит. по: Onvebuchi, 2018)	Запас персональных квалификаций («stock of personal skills»), которые имеет экономический агент в своем распоряжении, равно как и физический капитал
Г.В. Митрофанова, Т.В. Скоржевская (Митрофанова, Скоржевская, 2021, с. 228)	«Совокупность знаний, умений и навыков человека и общества в целом, ... запас знаний, навыков и способностей, имеющихся у каждого человека и которые могут использоваться им в производственных или потребительских целях»
М.З. Изотов* – Казахстан	«Воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков, а также моральных мотивов и установок»; с одной стороны, совокупность производственных способностей современного работника, с другой, инвестиции государства, предприятия и самого человека в формирование и постоянное совершенствование этих способностей
В.М. Макаров, Е Лю (Макаров, Е Лю, 2023)	Сконцентрированная в персонале предприятия сумма знаний, навыков, возможностей, в т. ч. здоровья
*Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК д.ф.н., проф. Мухтар Зиядаевич Изотов в интервью Обзорно-аналитическому журналу «Exclusive» «Казахстанская социальная модель и человеческий капитал» от 25 ноября 2013 г. URL: https://exclusive.kz/expertiza/politika/11429/ (дата обращения 01.02.2025). Источник: составлено авторами.	

Таким образом, мы видим, что человеческий капитал необходимо рассматривать как сложную систему с совокупностью компонентов, главным из которых в условиях технологизации экономики является совокупность знаний, формирующих добавленную стоимость создаваемой высокотехнологичной продукции.

Безусловно, концепции, приведенные в таблице 1, не являются исчерпывающими, тем не менее, они позволяют определить современную сущность ЧК, которая отражается через такие ключевые слова, как интеллект, запас знаний и здоровья, качество жизни и другие.

Для того чтобы выявить факторы, определяющие развитие ЧК, мы выделили структурные элементы ЧК и доминанты в его матрице (табл. 2) на основе компилятивного подхода.

Обобщение приведенных в таблице 2 точек зрения позволяет сделать вывод, что основным структурным элементом матрицы человеческого капитала в условиях технологизации явля-

ется интеллектуально-нравственный капитал, усиленный креативом (талантом). Соответственно, доминирующими факторами их развития являются вложения ресурсов (организационных, управленческих, инвестиционных) в образование (на всех уровнях), систему генерации знаний, социальную составляющую. Капитал здоровья как физический компонент сохраняет свою значимость, поскольку умственный труд требует больших энергетических затрат.

Итог рассмотрения точек зрения ученых из России, Беларуси, Казахстана, Африки является достаточно информативным. Однако он будет неполным без богатой на опыт европейской практики. В связи с этим проанализируем подход Европейской экономической комиссии ООН⁷. На основе Руководства Европейской

⁷ Guide on measuring human capital. UN. ECE. New York; Geneva: UN, 2016. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3931023?v=pdf> (accessed: June 23, 2024).

Таблица 2. Элементы ЧК и влияющие на него доминирующие факторы: основные подходы

Авторы	Структурные элементы, составляющие сущность ЧК как интегрального показателя	Факторы, влияющие на эти элементы
Н.В. Дорохова, Е.С. Дашкова, Т.М. Додохан (Дорохова и др., 2022, с. 5); О.И. Моторина (Моторина, 2017) – Беларусь; Д.А. Авдеева, A. Weiss, D. Weil, M. Bils и P. Klenow (Авдеева, 2024; Weiss, 1995; Weil, 2007; Bils, Klenow, 2000) М.З. Изотов*	Капитал образования (совокупность профессиональных и квалификационных характеристик)	Состояние системы образования и доступность образовательных услуг; постоянно действующая система повышения квалификации
	Интеллектуальный капитал – это совокупность накопленный знаний, навыков и т. д.	Использование системы lifelong learning, качественные характеристики социально-экономической среды
	Культурно-нравственный капитал – это устоявшиеся в процессе социализации индивида морально-этические ценности, стереотипы поведения человека в профессиональной среде	Корпоративная культура организации, которая определяет нормы и стандарты взаимодействия в коллективе
	Капитал здоровья, совокупность психофизиологического потенциала человека, который закладывается на генетическом уровне, формируется в определенном возрасте и используется в течение всей жизни	Состояние системы здравоохранения и доступность медицинских услуг
А.И. Подберёзкин (Подберёзкин, Родионов, 2021)	Образованная часть трудовых ресурсов, знания; инструментальный интеллектуального и управленческого труда; среда обитания и трудовой деятельности, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование ЧК	Демографическая политика; политика модернизации здравоохранения, образования, развития пенсионной сферы и социальной помощи, культуры; создание комфортной и безопасной социальной среды, эффективные рынки жилья; институциональное обслуживание и улучшение предпринимательского климата
O. Onuebuchi (Onuebuchi, 2018)	Развитие ЧК – это процесс инвестирования и развития навыков, знаний и умений работников с целью повышения их производительности; цель развития человеческого капитала состоит в том, чтобы превратить сотрудников в более ценный актив (to transform employees into a more tangible asset) и привести их в соответствие со стратегическими потребностями организации	Новая парадигма обучения (new learning paradigm); «взращивание» талантов; факторы, влияющие на эффективность человеческого капитала, могут включать программы образования и профессиональной подготовки, наличие ресурсов и сетей поддержки, условия труда, уровень оплаты, гарантии занятости и доступ к возможностям карьерного роста и повышения квалификации
С.А. Назлуханян (Назлуханян, 2016)	Первичный элемент в структуре ЧК, его первооснова – это здоровье; вторичные элементы, выступающие как надстройка и соответствующие социальной природе человека – это образование, информация, социо-культурный компонент, определяющие интеллектуальные способности к труду; самоорганизация как связующий элемент, где интеллект есть основа	Помимо системы качественного образования и медицинского обслуживания это условия обращения информации и доступа к базе данных (как источник знаний)
Г.В. Митрофанова, Т. В. Скоржевская (Митрофанова, Скоржевская, 2021)	Социальная составляющая человеческого капитала; биологическая составляющая	Факторы формирования и развития социальной составляющей: формальное, неформальное и самостоятельное обучение (знания, образование, квалификация, мораль, трудовая миграция, этика, культура); факторы формирования и развития биологической компоненты: физический уровень, вложения во все элементы системы здравоохранения
В.М. Макаров, Е. Лю, (Макаров, Е. Лю, 2023, с. 103; Schneider, 2017)	«Нематериальный капитал, воплощенный в работах предприятия»	Система инвестирования (в т. ч. инвестиции и инвестиционные методы) в нематериальные активы и система стимулирования работников (труда и отдыха)
*Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК д.ф.н., проф. Мухтар Зиядаевич Изотов в интервью Обзорно-аналитическому журналу «Exclusive» «Казахстанская социальная модель и человеческий капитал» от 25 ноября 2013 г. URL: https://exclusive.kz/expertiza/politika/11429/ (дата обращения 01.02.2025). Источник: составлено авторами.		

экономической комиссии ООН нами построена логическая схема, состоящая из 4-х блоков (рис. 1). Ее особенностью является выделение характеристик ЧК и факторов его развития на всех этапах его существования, а именно формирования, накопления и реализации, в т. ч.:

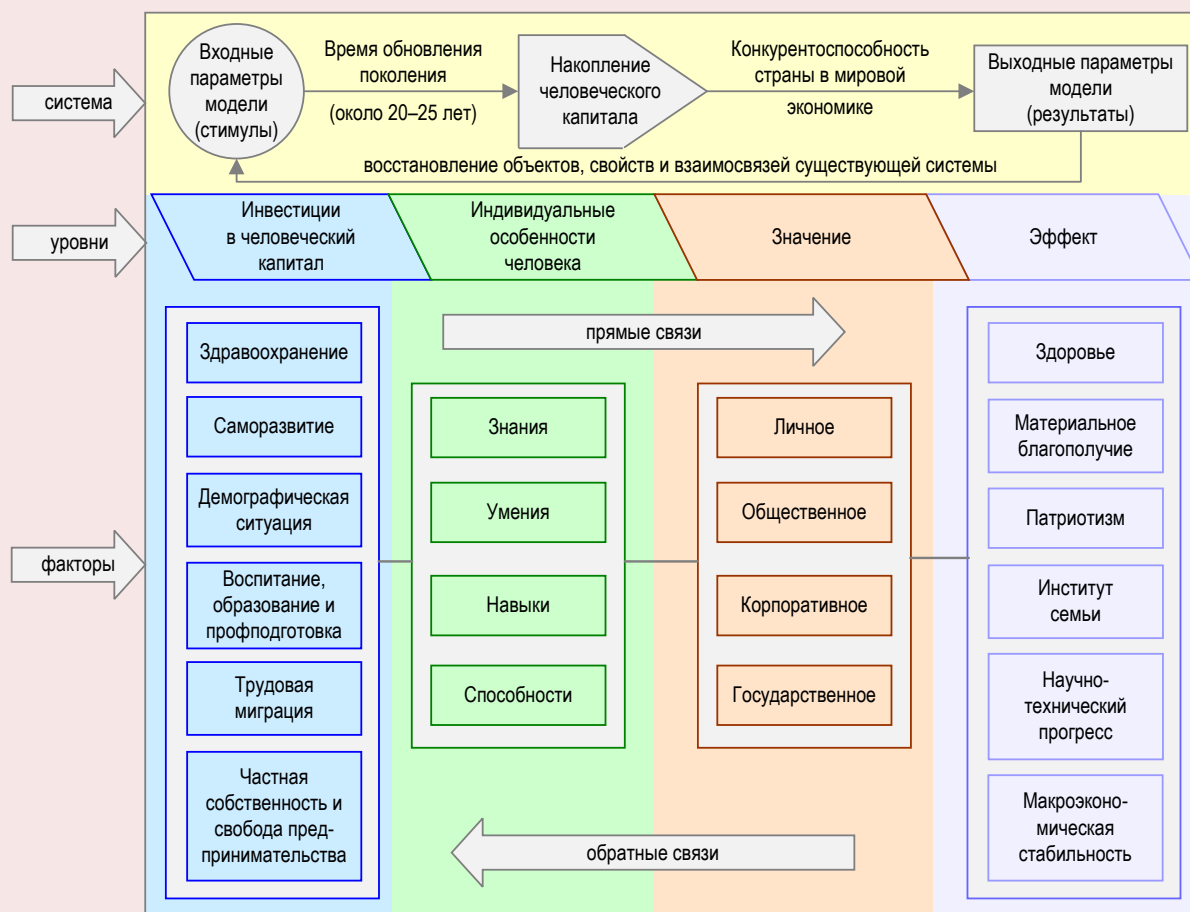
— формирование человеческого капитала начинается с момента рождения ребенка и медицинского сопровождения его матери, а далее продолжается с учетом вложений в его воспитание, образование, обучение, саморазвитие;

— определяющую роль играют индивидуальные качества личности, такие как знания, умения, навыки и способности людей;

— результат накопления человеческого капитала выражается не только в материальных факторах (здоровье населения, материальное благополучие), но и в ценностных ориентациях (в т. ч. ответственная гражданская позиция, патриотизм).

Учитывая многокомпонентность ЧК и необходимость его структурирования, воспользуемся таким способом формализации С.А. Кристиневиц (Кристиневиц, 2013), как «матрица формирования и развития человеческого капитала», причем на всех этапах жизненного цикла индивида. Доминирующими факторами, влияющими на уровень человеческого

Рис. 1. Человеческий капитал: формирование, накопление и вклад в экономику

Источник: подготовлено авторами на основе Руководства по измерению человеческого капитала Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций.

капитала, или в терминологии С.А. Кристине-вич «человекоформирующих отраслей» (Кристине-вич, 2011), в условиях технологизации национальной экономики являются система образования с новыми стандартами, формирующая интеллектуально-знаниевый компонент ЧК и развивающая человека как талант, креативную личность; система формирования ценностных ориентиров (ответственная гражданская позиция, патриотизм, образ жизни); система обеспечения здоровья надлежащего качества, т. к. она влияет на производительность труда и профессиональные умственные способности человека (Lee, 2019); не менее важны такие аспекты, как зависимость здоровья от образа жизни, качества оказываемого социального и медицинского обслуживания, экологических условий проживания. Кроме того, все большую популярность в последние годы приобретают исследования социального капитала работников, под которым понимаются устойчивые социальные взаимодействия в сети неформальных коммуникаций.

Как мы отметили выше, одним из механизмов прогресса этих составляющих человеческого капитала являются институты развития человеческого капитала. Но подчеркнем, что институциональная среда, во-первых, формируется под воздействием государственной политики, во-вторых, представляет собой «комплекс норм и правил не только экономического, но и социального, ..., культурного порядка» (Джуха, Мищенко, 2019).

Многообразие институтов развития человеческого капитала и их современное содержание

Институциональная теория, в ее широком предназначении, «предполагает определение влияния институтов на изучаемый объект, то есть рассматривает развитие экономики как результат разнонаправленной деятельности различных институтов, которые влияют на экономику в целом и на экономическое поведение людей в том числе» (Фахрутдинова, 2022). Многие исследователи устанавливали наличие взаимосвязи между качеством институциональной среды и уровнем экономического развития (Моторина, 2017; Ivanová et al., 2021).

Выделение институтов развития ЧК в институциональной среде в отдельную группу связано, по мнению ученых, в первую очередь с

возрастанием роли человеческого фактора в обществе, экономическое развитие которого достигло постиндустриальной стадии. «Человек, его способность креативно мыслить и обеспечивать приращение знаний становятся важнейшим фактором экономического роста, более важным, чем наличие природных ресурсов» (Моторина, 2017). В широком смысле слова институты развития трактуют как механизм стимулирующего государственного воздействия. В узком смысле слова:

— *институт* — это система формальных и неформальных норм, правил (ограничений), действующих в обществе и определяющих правила взаимодействия индивидов, и механизмы принуждения и мотивации к их выполнению (Моторина, 2017; Подберёзкин, Родионов, 2021; Геврасёва и др. 2024);

— *институт развития* — это тоже набор норм и правил, но в определенной области, а также специальные организации, деятельность которых способствует стимулированию экономики, поддержки субъектов предпринимательской деятельности с фокусом на решение конкретных проблем.

Подчеркнем, что если раньше обязательным критерием института развития было непосредственное участие (вмешательство) государства (включая финансирование), то сегодня развивается подход, связанный с гибридными и квазиинститутами (квазигосударственные) (Татаркин, Котлярова, 2013).

В первую очередь, формирование (накопление) человеческого капитала происходит в процессе взаимодействия ключевых общественных социальных институтов, в т. ч. института семьи, доверия, культуры (Подберёзкин, Родионов, 2021; Боброва и др., 2018), а затем в действие вступают институты развития (ИР).

Для систематизации ИР часто прибегают к их классификации, выделяя такие группы, как политические, социальные, экономические; формальные (комплекс законов и организаций, которые зафиксированы в формальном праве) и неформальные (не зафиксированный, но принятый способ действий в определенной области); финансовые (как правило, фонды) и нефинансовые. Среди финансовых инструментов ученые выделяют институт инвестирования в человеческий капитал,

который представляет собой «сложившуюся устойчивую систему социально экономических отношений между субъектами институциональной политики, проявляющуюся в форме стандартов поведения, стереотипов мышления, правил и механизмов принуждения к исполнению этих правил по поводу инвестиционной стратегии развития человеческого капитала» (Кристиневич, 2011; Кристиневич, 2013). Однако базовой классификацией мы считаем ту, которая происходит из определения, т. е. институты развития включают в себя законы и правила (тип I) и специализированные учреждения (тип II). В преломлении к доминантам матрицы человеческого капитала они прояснены нами в *таблице 3*. Подчеркнем, что мы включили не только макроуровень экономики, но и микро-

уровень поддержания и приумножения ЧК, в модели которого присутствуют такие направления, как «инвестиции в развитие внутрифирменного человеческого капитала, поощрение саморазвития работников, удержание креативных работников» (Петухов, 2017).

Методические положения и данные

Для проведения исследования применены методы компаративного, институционального, статистического и контент-анализа, а также кейс-стади (case-study) на уровне страны и компании. Основой данных для контент-анализа стали законодательные документы сравниваемых стран, сайты анализируемых институтов развития ЧК. Методика компаративного анализа предусматривает сравнение содержания ИР и показателей стран по одним и тем же параметрам.

Таблица 3. Систематизация наиболее часто используемых институтов развития человеческого капитала (ИР ЧК)

Доминантные сферы, связанные с развитием ЧК	Институты развития человеческого капитала (наиболее распространенные)	
	Тип I – как комплекс законов, правил	Тип II – как организации, структурные единицы
Система здравоохранения, обеспечивающая воспроизводство человеческих ресурсов и поддержание здоровья для сохранения его трудового потенциала	Нормативно-правовые акты в области здравоохранения, в т. ч. национальные проекты, государственные программы	Региональный фонд социальных инициатив – здоровье нации
Сфера образования	Нормативно-правовые акты в области образования, в т. ч. национальные проекты, госпрограммы, например Программа соединения всех ступеней образования в единую вертикаль подготовки профессиональных кадров для отраслей экономики	Образовательные и научные учреждения дополнительного образования, формирующие интеллектуальный потенциал общества, например организация «Развитие человеческого капитала»; механизмы в области экономической поддержки учреждений образования
Развитие личности, креативности	Институт предпринимательства (в т. ч. закон о предпринимательской деятельности)	Фонд поддержки МСБ; институциональные структуры, содействующие развитию деятельности в области науки и инноваций (научно-исследовательские центры, бизнес-ангелы, инновационные центры, технопарки и т. д.); Академия инноваторов
Поддержание и развитие профессионального уровня сотрудников в корпорациях	Корпоративная программа дистанционной занятости родителей с маленькими детьми	Институты развития в корпорациях, в т. ч.: фонд развития человеческого капитала; корпоративный фонд поддержки социо-экономических инициатив; корпоративный банк перспективных идей
Социальный капитал	Социальная оценка инвестиций (social return on investment – SROI)	Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций
Составлено по: (Кристиневич, 2011; Dias, Tebaldi, 2012; Кристиневич, 2013; Maldonado, Corbey, 2016; Черненко, 2024; Kezia et al., 2019; Bondeza et al., 2019; Azarnert, 2020; Подберёзкин, Родионов, 2021); Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций / Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru/nko/default/index (дата обращения 01.02.2025); Human Capital Index (HCI). World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/HD.HCI.OVRL ; сайтграфия.		

На первом этапе выполнено сравнение стран по совокупному ЧК. В перечень показателей включены ВВП по ППС на душу населения, место страны в известных рейтингах, а именно: Global Human Capital Report⁸, Human Capital Index⁹, The Human Capital Index by authors¹⁰, Human Development Report 2023-24¹¹, The Global Innovation Index 2024¹². Выбор показателей обоснован следующим. Несмотря на то, что показатель ВВП больше характерен для «классической» теории экономического развития, в соответствии с которой человеку отводилась роль движущей силы, тем не менее он отражает общий прогресс. Комбинированный индекс развития человеческого капитала является основным инструментом концепции ЧК, поскольку в рамках современных концепций экономического развития прогресс страны следует оценивать не только по ВВП, но и по достижениям в сферах образования, здоровья.

На втором этапе выполнены систематизация институтов развития ЧК и компаративный анализ лучших практик (best practices) их функционирования (по институтам развития перво-

го и второго типа) по выбранным доминирующим факторам. При этом систематизацию институтов развития ЧК в контексте общепринятой классификации институтов развития мы трактуем как своего рода их инвентаризацию.

Под концепцией «best practices»¹³ подразумеваются лучший вариант (инструмент, способ) достижения цели, передовой опыт и т. д. Поскольку не существует официального фильтра, какие практики можно считать лучшими, а какие нет (а успешность не всегда есть эффективность в конкретной компании), то в данном исследовании нами приняты критерии: раньше всех появился в практике, новинка, региональная инициатива (этот критерий лидирует в контексте конкурентоспособности регионов в реализации нацпроектов), наиболее тиражируемые или часто встречающиеся в информационном поле кейсы из разных отраслей, опыт лидеров рынка.

Для экспресс-анализа институтов развития, с опорой на предложения (в большей части дискуссионные) экономистов и правоведов, нами приняты следующие компилятивные положения и метрики (Татаркин, Котлярова, 2013; Курочкин, 2020; Васильева и др., 2023): наличие (число) законодательных актов, системность (периодичность обновления) законодательства, применимость (наличие механизма достижения цели), мнение экспертов (научного сообщества), наличие объекта регулирования, факт влияния нормы на отношения между субъектами, правоприменимость, социальная ценность и востребованность мер. Безусловно, для подробного анализа в будущем (по истечении определенного срока правоприменения) потребуется анализ по количественным показателям, в т. ч. соотношение достигнутых целей и поставленных целей (ступенчатых и неступенчатых), оценка эффективности мер государственной поддержки через достижение целевых количественных показателей, предусмотренных программами, включая объемы финансирования (Васильева и др., 2023).

⁸ The global human capital report 2017: Preparing people for the future of work. Samans Richard. World Economic Forum. Geneva, Switzerland, 2017. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-global-human-capital-report-2017/> (accessed: January 9, 2025).

⁹ Human Capital Index (HCI). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/HD.HCI.OVRL> (accessed: October 21, 2024).

¹⁰ Построенный авторами таксонометрическим методом рейтинг для целей данного исследования (Горбунов, Шорохов, 2023), включающий 10 переменных: распространенность недостаточного веса и задержки роста у детей до 5 лет, коэффициент рождаемости, доля родов, проводимых квалифицированным медицинским персоналом, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, пожизненный риск материнской смертности и смертность детей в возрасте до 5 лет, продолжительность обязательного образования в годах, доля лиц, пользующихся интернетом и владеющих счетом в финансовом учреждении.

¹¹ Human Development Report 2023-24: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. UNDP (United Nations Development Programme). New York. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2023-24_HDR/HDR23-24_Statistical_Annex_HDI_Table.xlsx (accessed: January 12, 2025).

¹² The Global Innovation Index 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (accessed: January 9, 2025).

¹³ Теория передового опыта. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60efef659a79478b2eac415c> (дата обращения 20.04.2025).

Для сравнения с Россией были рассмотрены Республика Беларусь и Республика Казахстан по двум критериям: они относятся к группе стран с высоким уровнем развития ЧК¹⁴, а также являются дружественными и входят в один интеграционный блок ЕАЭС (т. е. являются сопоставимыми для проведения сравнения).

Результаты и дискуссии

Результаты этапа 1, цель которого состоит в выявлении стран-лидеров по совокупности показателей, характеризующих связь между показателями технологического и социально-экономического развития, представлены в таблице 4.

Видим, что, лидируя среди анализируемых стран по показателю ВВП на душу населения, Россия лидирует и по глобальному инновационному индексу стран (наименьшие значения по этим показателям у Беларуси). Также отметим более высокое место у России по сравнению с Республикой Беларусь и по показателю E-participation. У Казахстана промежуточная позиция по ВВП на душу населения и глобальному инновационному индексу. То есть прослеживается определенное совпадение позиций стран по этим двум показателям. А вот по

показателям, отражающим ЧК и инновации, ситуация смешанная: являясь лидером по уровню развития ЧК, Республика Беларусь существенно отстает по глобальному инновационному индексу, который характеризует уровень технологического развития страны. Недостаточно высокие значения показателей можно частично объяснить наличием следующих проблем развития ЧК:

— в России — изначально недостаточно четкой, по мнению профессора МГИМО А.И. Подберезкина (Подберезкин, Родионов, 2021), первоначальной формулировкой приоритетов развития ЧК;

— в Беларуси — недостатком компетенции персонала, особенно в условиях цифровизации: в странах Европы и Центральной Азии этот фактор считается существенным на 7,4% предприятий, в Беларуси — 11,9% (Богдан, 2021);

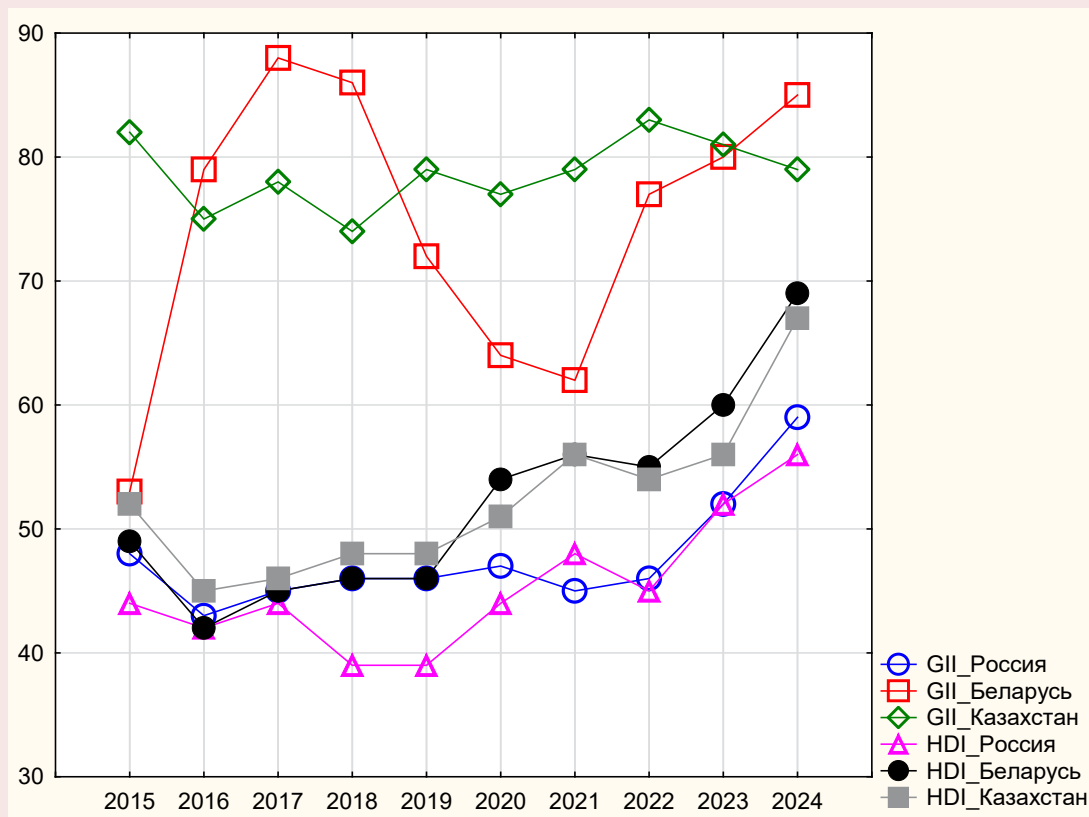
— в Казахстане — пространственной неоднородностью человеческого капитала: фактически страна делится на четыре крупных макро-региона, что снижает эффективность унифицированных политик и требует таргетированного подхода (Nyussupova, Kalimurzina, 2016; Nyussupova et al., 2024).

Таблица 4. Сравнение стран по совокупному человеческому развитию

Показатели и сферы экономики	Россия	Беларусь	Казахстан
ВВП по ППС на душу населения в долл. США, 2023, Всемирный банк, 192 страны* (для сравнения – Люксембург 143809,51)	44120,14 (54 место)	30763,02 (73 место)	38515,18 (61 место)
UN E-Participation Index (EPI), Всемирный банк, 2022, 192 страны** (для сравнения – Япония 6,0)	59 место с индексом 3,61	86 место с индексом 2,73	15 место с индексом 4,84
Human Capital Index (HCI), Всемирный банк, 174 страны (для сравнения – Сингапур 0,87913)	41 место с индексом 0,68142	36 место с индексом 0,70008	55 место с индексом 0,62851
Human Development Report 2023-24, Программа развития ООН, 193 страны (для сравнения – Швейцария 0,967)	56 место с индексом 0,821	69 место с индексом 0,801	67 место с индексом 0,802
The Global Innovation Index 2024, Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO), 133 страны (для сравнения – Швейцария 67,5)	59 место с индексом 29,7	85 место с индексом 24,2	78 место с индексом 25,7
Примечание: значения индексов приведены в диапазоне от 0 до 1 или от 0 до 100. *GDP per capita, PPP (current international \$). International Comparison Program, World Bank Group. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD (accessed: January 13, 2025). **UN E-Participation Index (EPI). World Bank Group. URL: https://prosperitydata360.worldbank.org/en/indicator/WB+GTMI+I+27 (accessed: January 13, 2025). Источник: составлено авторами.			

¹⁴ Обзор доклада о человеческом развитии за 2023–2024 гг. Выход из тупика. UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (дата обращения 19.04.2025).

Рис. 2. Динамика изменения мест стран по значениям глобального инновационного индекса (GII) и индекса человеческого развития (HDI)

Условные обозначения:

GII – Global Innovation Index (The Human Factor in Innovation),

HDI – Human Development Index (UN).

Составлено по: Индекс развития человеческого потенциала. URL: <https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/human-development-index/> (дата обращения 19.02.2025); Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития ООН, 2024 (United Nations Development Programme. Human Development Index 2024. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения 19.02.2025).

Взаимосвязь между динамикой изменения мест стран по глобальному инновационному индексу (GII) и индексу человеческого развития (HDI) представлена на *рисунке 2*.

Графическая визуализация динамики показывает следующее: тренды GII и HDI по России практически полностью совпадают; тренды HDI всех трех стран совпадают; тренды HDI Беларуси и Казахстана не совпадают с трендом GII, более того, у Беларуси кривая бо-

лее ломаная. Прояснить ситуацию позволяет анализ компонентов глобального инвестиционного рейтинга, который применительно к проводимому исследованию интересен своей репрезентативностью и актуальностью, так как в отличие от других рейтингов обновлен по состоянию на 2024 год. Глобальный индекс инноваций состоит из семи элементов, в том числе учитывается качество институтов развития и человеческого капитала (*табл. 5*).

Таблица 5. Место стран в глобальном индексе инноваций по составляющим его элементам (2024 г.)

Страна	Швейцария (справочно)	Россия	Беларусь	Казахстан
Общее место в рейтинге (индекс)	1 (67,5)	59 (29,7)	85 (24,2)	78 (25,7)
Составляющие:				
Институциональная среда	3	126	132	76
Человеческий капитал	4	39	43	65
Инфраструктура	7	76	84	68
Рыночная среда	5	57	98	86
Барьеры для бизнеса	4	53	81	66
Внедрение НИОКР	1	52	46	85
Творчество (поэзия, драматургия)	1	53	92	83
Составлено по: The Global Innovation Index 2024. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/ (accessed January 9, 2025).				

Во всех трех странах — России, Беларуси и Казахстане — наблюдаются относительно хорошие позиции в сфере человеческого капитала. Из 133 государств, участвующих в рейтинге, рассматриваемые страны находятся в первой половине рейтинга. Вместе с тем следует отметить, что в 2022 году в Беларуси расходы на образование составили 5% ВВП, в России — 4%, в Казахстане — 4,5%. Это значение выше среднемировых (3,8%), однако ниже показателей таких стран, как Киргизия (7,2%) и Таджикистан (5,7%). Для сравнения: в Индонезии расходы на образование в 2022 году составляли лишь 0,9% ВВП, в Монако — 1,2%, а в Сингапуре, находящемся на первом месте по индексу человеческого капитала, рассчитываемого Всемирным банком — 2,5%¹⁵. Позиции России и Беларуси связаны с необходимостью дополнительного финансирования по принципу сокращения разрыва в уровне развития институциональной среды по сравнению с развитыми странами, в Казахстане по большей части — с необходимостью формирования рыночных отношений.

Изменение индекса человеческого капитала совпадает с изменением уровня дохода, выражающимся величиной ВВП на душу населения. Поэтому, как правило, в странах с высоким уровнем человеческого капитала ВВП в расчете на душу населения в сопоставимых ценах выше, и наоборот — при низком ВВП на душу

населения наблюдается низкая величина человеческого капитала. Вместе с тем в некоторых странах при более высоком уровне человеческого капитала наблюдается более низкая величина ВВП, приходящаяся на одного жителя. Например, в Российской Федерации более высокий ВВП на душу населения, чем в Беларуси, однако в Беларуси более высокий индекс человеческого капитала. Это свидетельствует, что человеческий капитал еще не достиг своего потенциально возможного уровня и необходимы институциональные реформы, в первую очередь в сфере трудовых отношений, медицины и образования.

В рамках этапа 2, предусматривающего систематизацию и более детальное исследование институционального фактора, получен следующий результат (табл. 6).

Опираясь на критерии результативности правовых актов, государственных программ, изложенные в разделе «методы» (наличие пакета документов, их регулярная актуализация, четкое обозначение социальной и экономической целей, наличие механизма их достижения и т. д.), мы делаем вывод о том, что анализируемые институты развития ЧК первой группы соответствуют требованиям современной экономики, взявшей курс на технологизацию, цифровизацию при обеспечении высокого значения ЧК.

¹⁵ Government expenditure on education, total (% of GDP). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (accessed: January 9, 2025).

Таблица 6. Компаративный анализ лучших практик институтов развития человеческого капитала

Компоненты ЧК	Тип ИР	Россия	Беларусь	Казахстан
1	2	3	4	5
Институты развития человеческого капитала (выборочно, часто используемые): характерные черты				
В сфере образования	I	Среди семи масштабных национальных целей – сохранение населения, укрепление их здоровья и повышение их благополучия; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов ¹⁾ ; Национальный проект «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» ²⁾	Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З; стратегические инициативы, ориентированные на обеспечение интеллектуализации национальной экономики на основе стратегии развития цифровых коммуникаций, взаимодействия в науке и инновациях, инновационном образовании	Стратегия развития РК до 2030 г., нацеленная на повышение качества ЧК ³⁾ , и Долгосрочная стратегия развития «Казахстан – 2050» ⁴⁾ ; государственные программы повышения качества образования, соответствующего стандартам будущей инновационной экономики страны, в т. ч. Программа «Болашак», Фонд Первого Президента РК
	II	АНО «Развитие человеческого капитала» – кадры для высокотехнологичных компаний столицы; Инновационно-образовательный комплекс «Техноград» – один из крупнейших инновационных образовательных комплексов ⁵⁾	Приоритет развития РБ до 2025 года № 3: «интеллектуальная страна» – качественное и доступное образование, раскрытие личностного потенциала, создание образовательной системы нового типа ⁶⁾	Отраслевые кластеры системы подготовки кадров; Содействие государства в стимулировании повышения уровня квалификации специалистов до требований рынка труда ⁷⁾
В области здоровья	I	Нацпроект «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, рост семьи»	Закон Республики Беларусь № 2435-XII от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении»	Фонд Первого Президента Казахстана ⁸⁾ , Стратегия «Казахстан – 2050»
	II	Региональный фонд социальных инициатив «Здоровье нации» ⁹⁾	Госпрограмма «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы (в ред. постановления СМ РБ № 965 от 18.12.2024)	Госпрограмма развития здравоохранения РК на 2020–2025 годы. Постановление № 982 Правительства РК от 26.12.2019
В области предпринимательства и корпоративного сектора, акцент на креативность личности и высокий профессионализм	I	Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ	Программа социально-экономического развития РБ на 2021–2025 гг., где главная цель – наращивание социального капитала, создание условий для самореализации человека ¹⁰⁾ ; содействия стартапам, инновационному предпринимательству области ИКТ (Богдан, 2021)	Концепция развития ЧК выходит за рамки обсуждения сфер образования и здравоохранения и рассматривает влияние ценностей и неформальных институтов, которые напрямую воздействуют на формирование и качество «мягких» навыков человека ¹¹⁾
	II	Московский Фонд поддержки промышленности и предпринимательства Правительства Москвы; Корпоративный банк перспективных идей развития; Фонд развития ЧК (внутрикорпоративные)	Система внутрифирменного обучения в организациях, в состав базы вошли: собственный учебный центр, штатные работники организации, проводящие обучение, долгосрочные договоры с учреждениями образования, в т. ч. среднего специального (Маковская, 2015)	Центры для «импортирования поведенческих моделей»; Инструмент «яркие пятна», для личного роста в среде лидеров, демонстрирующих инициативность, поддержку творчества и другие качества личности

- ¹⁾ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента России № 309 от 07.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 14.11.2024).
 - ²⁾ Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/ (дата обращения 13.01.2025).
 - ³⁾ Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года «Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан / Институт законодательства и правовой информации. Министерство юстиции Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_ (дата обращения 14.11.2024).
 - ⁴⁾ Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева Народу Казахстан «Стратегия «Казахстан-2050». URL: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/strategiya-kazahstan-2050> (дата обращения 13.01.2025).
 - ⁵⁾ Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы / Правительство Москвы. URL: <https://hcdf.ru/> (дата обращения: 14.11.2024 г.).
 - ⁶⁾ Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 № 292 С. 9. URL: https://www.nbrb.by/mp/target/pser/program_ek2021-2025.pdf (дата обращения 13.01.2025).
 - ⁷⁾ Департамент развития человеческого капитала. Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен». URL: <https://atameken.kz/ru/departments/10-departament-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения 13.01.2025).
 - ⁸⁾ Фонд Первого Президента Республики Казахстан – некоммерческая организация, общественный фонд, образованный в декабре 2000 года с целью содействия укреплению казахстанской государственности, патриотизма, дальнейшей демократизации казахстанского общества, развитию международных связей Республики Казахстан в культурной, экономической и политической областях.
 - ⁹⁾ НО РФСИ «Здоровье нации». URL: <https://рфсизн.рф/> (дата обращения 13.01.2025).
 - ¹⁰⁾ Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 № 292 С. 8. URL: https://www.nbrb.by/mp/target/pser/program_ek2021-2025.pdf (дата обращения 13.01.2025).
 - ¹¹⁾ Развитие человеческого капитала Республики Казахстан – «Битва за будущее» / Репортаж шеф-редактора Информационного портала TopPress.kz С. Кузнецовой от 10.05.2020. URL: <https://toppress.kz/article/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-respubliki-kazahstan-bitva-za-budush-ee> (дата обращения 01.02.2025).
- Источник: составлено авторами.

Для усиления вывода об институтах развития второго типа дополним информацию в таблице 6 следующими российскими частными практиками в сфере институтов развития (в разрезе доминант):

— по фактору образования: созданная по инициативе департамента предпринимательства и инновационного развития города Москвы АНО «Развитие человеческого капитала», которая объединяет проекты по переподготовке кадров для высокотехнологичных компаний Москвы, предлагает большой выбор образовательных продуктов¹⁶; один из крупнейших вузовских инновационных образовательных комплексов ИОК «Техноград», кото-

рый действует как «экосистема нового типа, сочетающая в себе различные форматы подготовки кадров по востребованным профессиям для высокотехнологичного сектора экономики с привлечением компаний-лидеров»¹⁷; широкое распространение получили институты юношеского интеллектуального развития – кванториумы¹⁸;

— по фактору здоровья: региональный фонд социальных инициатив «Здоровье нации»¹⁹ и благотворительный фонд «Здоровье нации» («популяризация и пропаганда физической культуры, спорта и спортивного искусства, социальная поддержка и защита граждан, участие в работе с молодежью»)²⁰.

¹⁶ Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы / Правительство Москвы. URL: <https://hcdf.ru/> (дата обращения 14.11.2024).

¹⁷ АНО «Развитие человеческого капитала» / Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. URL: <https://www.rudn.ru/career/employment-partnerships/partners/ano-razvitie-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения 14.11.2024).

¹⁸ Фонд поддержки и развития инициатив здравоохранения «Здоровье» обеспечивает предоставление различных финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению. URL: <https://companies.rbc.ru/id/1217700527681-fond-podderzhki-i-razvitiya-initsiativ-zdravoohraneniya-stolitsa-i-oblast/> (дата обращения 13.01.2025).

¹⁹ НО РФСИ «Здоровье нации». URL: <https://рфсизн.рф/> (дата обращения 13.01.2025).

²⁰ Благотворительный фонд «Здоровье нации». URL: <https://фондзн.рф/> (дата обращения 13.01.2025).

Помимо индивидуальных механизмов технологического развития стран среди лучших общих практик мы выявили такой институт развития, как центры компетенций (в России он является подразделением Фонда национальной технологической инициативы, который оказывает поддержку компаниям из средств федерального бюджета, поэтому по вышеобозначенным критериям он относится к институтам развития второго типа). Среди его обобщенных (по анализируемым странам) характеристик наиболее значимые следующие²¹: основная цель – сформировать сеть инженерно-образовательных консорциумов на базе университетов и научных организаций для создания инновационных решений; реализация образовательных программ с целью подготовки лидеров разработки новых технологий; создаются в партнерстве с российскими и зарубежными организациями; основными показателями эффективности работы являются численность подготовленных специалистов, объем доходов от деятельности, число патентов и других объектов интеллектуальной собственности; приоритет отдается грантовой поддержке; приоритет локализации – технологические кластеры.

Об эффективности их деятельности говорят следующие цифры: инвестиции в создаваемый в Республике Башкортостан «Башкирско-белорусский индустриально-инвестиционный кластер» составят 100 млрд рублей к 2030 году²². Среди основных итогов за 2018–2023 гг. наиболее значимые следующие²³: обучение прош-

ли почти 61 тыс. специалистов, на результаты интеллектуальной собственности заключено более 3000 лицензионных соглашений, доходы составили 27 млрд рублей (в т. ч. около 3,62 млрд руб. в 2023 г.), из внебюджетных источников привлечено накопительным итогом с 2018 года почти 14,5 млрд руб. В Казахстане центр компетенций для субъектов АПК на безвозмездной основе провел 666 семинаров по 25 приоритетным направлениям АПК на базе передовых хозяйств страны с охватом около 10 тысяч субъектов АПК.

Определяющими для роста человеческого капитала, по мнению ученых, являются государственные расходы на образование и здравоохранение (Beisembina et al., 2023). Однако, как показал проведенный анализ, значительная группа институтов развития, в т. ч. знаний, формируется на корпоративном уровне без участия бюджетных средств.

Важно отметить, что общим для всех анализируемых стран в условиях активной технологизации экономики является применение «человекоцентричной» концепции общественного развития. В контексте ЧК она основана на таких принципах, как «приобретение навыков будущего, культура постоянного развития, ..., мобильность компетенций, уважение ценностей сотрудников» (Богдан, 2021, с. 43).

Несмотря на общие черты, нами выявлены лучшие национальные практики. Для их тиражирования мы рекомендуем механизм создания единого института развития в формате цифровой платформы по принципу одного окна.

Заключение

Итак, исследование показало, что в ближайшие годы акценты экономического роста в условиях технологизации национальной экономики будут все больше смещаться в сторону не количественных, а качественных характеристик трудовых ресурсов, где уже де-факто ключевым фактором является человеческий капитал с доминированием интеллектуально-знаниевых характеристик, компетенций в области цифровой экономики. На современном историческом этапе, когда происходят не просто «косметические» технологические изменения, а смена самой парадигмы развития с инновационного на технологическое, ключевыми акторами форми-

²¹ Центр компетенций. URL: <https://nti.fund/support/centers/> (дата обращения 13.04.2025); Центр компетенций как точка роста. Палата предпринимателей Республики Казахстан. URL: <https://atameken.kz/ru/pages/619-centr-agrokompetencii> (дата обращения 13.04.2025); Объем инвестиций в башкирско-белорусский кластер составит 100 млрд рублей к 2030 году. ТАСС. Новости от 20.02.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20040949> (дата обращения 13.04.2025); Центр компетенций NORGau. URL: https://by.norgau.com/competence_center/ (дата обращения 13.04.2025).

²² Объем инвестиций в башкирско-белорусский кластер составит 100 млрд рублей к 2030 году // ТАСС. Новости от 20.02.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20040949> (дата обращения 13.04.2025).

²³ Центр компетенций. URL: <https://nti.fund/support/centers/> (дата обращения 13.04.2025).

рующей экосистемы становятся новые структурные единицы (малые технологические компании, агенты трансфера технологий и т. д.). Для обеспечения технологического роста (рывка, прорыва) нужны не просто трудовые ресурсы как здоровые сильные люди, а специалисты с новыми знаниями и квалификациями, с креативным мышлением и идеями (нематериальный актив предприятия и общества). Для России обновленные национальные проекты сохранили высокую актуальность фактора человеческого капитала в достижении национальных целей развития экономики страны на период 2025–2030 гг.

Выявлено, что, с одной стороны, человеческий капитал — это по-прежнему взаимопроникающая совокупность подсистем капитала здоровья, образования и социального капитала с доминированием интеллектуального капитала. С другой стороны, наполнение этих составляющих меняется в сторону интеллектуализации, креатива, духовно-нравственной целостности, большей разумной предприимчивости, новой системы знаний, а также рассматривается в контексте непрерывного цикла «формирование — накопление — вклад в производство (с соответствующей отдачей)». Итак, человеческий капитал сегодня — это прежде всего совокупность знаний, которые определяют социально-экономическое благополучие страны. Физическая компонента не просто сохраняет свою значимость, поскольку умственный труд как процесс рождения идей энергозатратный, но только интеграционное взаимодействие всех компонент ЧК может принести результат.

В целом переход к «новому человеку» уже произошел, однако недостаточное применение институтов развития его потенциала будет тор-

мозить формирование новых качеств личности, способной на покорение новых технологических вершин.

Одним из инструментов генерации ЧК являются институты развития первого и второго типа, которые действуют одновременно. Сегодня наиболее востребованы те, которые соответствуют доминантам из матрицы факторов ЧК. На основе компаративного экспресс-анализа национальных экономик выявлено, что они соответствуют требованиям технологического вектора развития стран. Среди институтов развития второго типа выявлено и сходство (центры компетенций, фонды развития предпринимательства, фондов развития социальных инициатив), и различия. В рамках тенденции активизации институтов развития знаний и ЧК на корпоративном уровне (программы переобучения, организации работы сотрудников с маленькими детьми на удаленной основе, грантовые конкурсы и т. д.) выделены такие лучшие практики Казахстана, как формирование центров для «импортирования поведенческих моделей», программа «Яркие пятна» для личного роста в среде креативных лидеров, а также отраслевые кластеры системы подготовки кадров в Беларуси. Дружественным странам будет полезен российский опыт воспитания талантов молодежи через институт юношеских кванториумов.

Поскольку по фактору «институциональная среда» глобального инвестиционного рейтинга Россия занимает лишь 129 место, то применение выявленных лучших практик Беларуси и Казахстана позволит стране успешно реализовать национальные цели как в технологическом движении вперед, так и построении устойчивой и динамичной экономики.

Литература

- Авдеева Д.А. (2024). Вклад человеческого капитала в рост российской экономики // Экономический журнал ВШЭ. Т. 28. № 1. С. 9–43. URL: <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-1-9-43> (дата обращения 24.12.2025).
- Боброва А.Г., Щербина Н.М., Петракова Ю.Н. (2018). Институциональная среда воспроизводства и развития человеческого капитала Беларуси // Экономическая наука сегодня. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-sreda-vosproizvodstva-i-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala-belarusi> (дата обращения 01.02.2025).
- Богдан Н.И. (2021). Инновации и человеческий капитал Республики Беларусь // Социальные новации и социальные науки. № 1. С. 35–45. URL: <http://doi.org/10.31249/snsn/2021.01.04> (дата обращения 24.12.2025).

- Васильева И.Н., Розова О.И., Корнеева Н.Д., Богатова Р.С. (2023). Эффективность государственной научно-технической политики в Российской Федерации: методика оценки и результаты ее апробации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 155–173. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.9
- Геврасёва А.П., Глухова И.В., Казушич А.А. (2024). Стоимостная оценка и направления развития человеческого капитала Республики Беларусь // Экономика региона. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stoimostnaya-otsenka-i-napravleniya-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala-respubliki-belarus> (дата обращения 01.02.2025).
- Гимпельсон В.Е. (2016). Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. № 10. С. 129–143. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143> (дата обращения 04.01.2025).
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. Т. 19. № 1. С. 93–115. URL: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6> (дата обращения 04.01.2025).
- Горбунов В.С., Шорохов С.И. (2023). Как построить рейтинг? Построение рейтинга регионов России таксонометрическим методом // Региональная экономика: теория и практика. Т. 21, № 6(513). С. 1006–1019. DOI: 10.24891/re.21.6.1006. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/570245623> (дата обращения 01.02.2025).
- Джуха В.М., Мищенко К.Н. (2019). Вопросы технологизации региональной экономики // Journal of new economy. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-tehnologizatsii-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения 01.02.2025).
- Дорохова Н.В., Дашкова Е.С., Додохян Т.М. (2022). Инновационные подходы к развитию и использованию человеческого капитала в современных условиях // Human Progress. Т. 8. № 1. С. 6. DOI: 10.34709/IM.181.6. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_1/Dorokhova.pdf (дата обращения 04.01.2025).
- Кристиневич С.А. (2011). Институциональное развитие человеческого капитала в Республике Беларусь // Журнал экономической теории. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-razvitie-chelovecheskogo-kapitala-v-respublike-belarus> (дата обращения 01.02.2025).
- Кристиневич С.А. (2013). Развитие человеческого капитала Беларуси и других стран с трансформационной экономикой // Наука и инновации. № 1. С. 139–163. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/77967/1/Kristinevich_S.A._s_139_163.pdf (дата обращения 01.02.2025).
- Курочкин С.А. (2023). Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 162. № 2. С. 69–83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69–83
- Макаров В.М., Е Лю. (2023). Оценка эффективности инвестирования в человеческий капитал предприятий Китая на этапе перехода к «экономике знаний» // *W-Economy*. Т. 16. № 3. С. 92–106. URL: <https://doi.org/10.18721/JE.16306> (дата обращения 01.02.2025).
- Маковская Н.В. (2015). Инвестирование человеческого капитала через внутрифирменное обучение в организациях Беларуси // Вестник ВГТУ. Т. 2. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investirovanie-chelovecheskogo-kapitala-cherez-vnutrifirmennoe-obuchenie-v-organizatsiyah-belarusi> (дата обращения 01.02.2025).
- Маслюк Н.А., Медведева Н.В. (2023). Становление экосистемы технологического развития на национальном и региональном уровнях // Власть и управление на Востоке России. Т. 4. № 105. С. 100–110. URL: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-100-110> (дата обращения 01.02.2025).
- Митрофанова Г.В., Скоржевская Т.В. (2021). Положение человеческого капитала в Республике Беларусь // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем: сборник научных трудов. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого. С. 228–230. URL: <https://elib.gstu.by/handle/220612/25438> (дата обращения 01.02.2025).
- Моторина О. (2017). Методические основы анализа институциональной динамики Беларуси // Банковский вестник. № 6. С. 43–53. URL: <https://www.researchgate.net/publication/382917684> (дата обращения 01.02.2025).
- Назлуханян С.А. (2016). Положительный опыт формирования человеческого капитала в Казахстане // Актуальные вопросы экономики и современного менеджмента: сборник научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции, Самара, 11 апреля 2016 года. Том. 3. Самара:

- Инновационный центр развития образования и науки. С. 195–198. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-ekonomiki-i-sovremennogo-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunar> (дата обращения 01.02.2025).
- Павлова А.В. (2010). Методологические основы технологизации производства и экономики // Вестник Самарского государственного университета. Спецвыпуск «Экономика». Т. 5. № 79. С. 39–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-tehnologizatsii-proizvodstva-i-ekonomiki/viewer> (дата обращения 18.12.2024).
- Петров А.В., Чжи Цзинкай, Байнова М.С., Петрова А.А. (2023). Человеческий капитал сельских регионов современного Китая // Пространственная экономика. Т. 19. № 1. С. 147–167. URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.147-167> (дата обращения 01.02.2025).
- Петухов А.Ю. (2017). Технологии развития человеческого капитала в сфере регионального управления // Вестник экспертного совета. Т. 3. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala-v-sfere-regionalnogo-upravleniya> (дата обращения 02.02.2025).
- Подберёзкин А.И., Родионов О.Е. (2021). Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель – Observer. Т. 7. № 378. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-razvitiya-natsionalnogo-chelovecheskogo-kapitala-alternativa-silovym-sredstvam-politiki> (дата обращения 02.02.2025).
- Струмилин С.Г. (1982). Проблемы экономики труда. Москва: Наука. 471 с.
- Татаркин А.И., Котлярова С.Н. (2013). Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. № 3. С. 9–18.
- Фахрутдинова Е.В. (2022). Институциональное регулирование развития человеческого капитала // Экономические науки. Т. 12. № 217. С. 408–412. DOI: 10.14451/1.217.408. URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202212_408.pdf (дата обращения 01.02.2025).
- Черненко И.М., Колясников М.С., Земзюлина В.Ю., Семенова И.И. (2024). Человеческий капитал в эпоху геоэкономической фрагментации: тенденции, последствия, риски и перспективы развития: монография. Москва: Первое экономическое издательство. 288 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/140381/1/978-5-91292-515-3_2024.pdf (дата обращения 01.02.2025).
- Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. (2021). Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // Экономика региона. Т. 17. № 3. С. 888–901. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-12>
- Azarnert L. (2020). Health capital provision and human capital accumulation. *European University at St. Petersburg, Department of Economics, Working Paper 2020/02*. Available at: https://eusp.org/sites/default/files/econpapers/Ec-2020_02.pdf (accessed: 08.12.2024).
- Beisembina A.N., Kunyazova S.K., Nurgalieva A.A., Kunyazov E.K. (2023). Human capital of the innovative economy of Kazakhstan. *Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*. 1(50), 104. DOI: 10.52260/2304-7216.2023. Available at: <http://vestnik.kuef.kz/web/uploads/file-vestnik/20c5ecd5b80d80b77e0f104b9cf4f927.pdf> (accessed: 08.12.2024; in Kazakh).
- Bils M., Klenow P. (2000). Does schooling cause growth? *American Economic Review*. 90. 1160–1183. DOI: <http://doi.org/10.1257/aer.90.5.1160> (accessed: 21.12.2024).
- Dias J., Tebaldi E. (2012). Institutions, human capital, and growth: The institutional mechanism. *Structural Change and Economic Dynamics*, 23, 3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2012.04.003>. (accessed: 19.06.2024).
- Ivanová E., Veronika Žárská V., Jana Masárová J. (2021). Digitalization and human capital development. *Entrepreneurship and Sustainability*. 9(2), 402–415. DOI: 10.9770/jesi.2021.9.2(26)/ Available at: <https://ideas.repec.org/a/ssi/jouesi/v9y2021i2p402-415.html> (accessed: 19.04.2025).
- Lee B. (2019). Human capital and labor: The effect of entrepreneur characteristics on venture success. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour and Research*, 25(1). DOI: <https://doi.org/10.1108/IJEBr-10-2017-0384> (accessed: 19.06.2024).
- Maldonado M., Corbey M. (2016). Social Return on Investment (SROI): A review of the technique. *Maandblad Voor Accountancy en Bedrijfseconomie*. 90, 79–86. DOI: <https://doi.org/10.5117/mab.90.31266> (accessed: 08.12.2024).
- Nyussupova G., Aidarkhanova G., Kelinbayeva R., Kenespaeyeva L., Zhumagulov C. (2024). Geoportal for the goals of sustainable socio-demographic development of Western Kazakhstan. *International Journal of Geoinformatics*, 20(12), 55–64. DOI: <https://doi.org/10.52939/ijg.v20i12.3775> (accessed: 22.02.2025).

- Nyussupova G., Kalimurzina A. (2016). The dynamics of sex-age structure of the population in urban and rural areas in the Republic of Kazakhstan in the years 1991–2013. *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*, 31, 87–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2016-0007> (accessed: 22.02.2025).
- Onuebuchi O. (2018). Human capital development and organizational survival: A theoretical review. *International Journal of Management and Sustainability*, 7(4), 194–203. DOI: <https://doi.org/10.18488/journal.11.2018.74.194.203> (accessed: 08.12.2024).
- Schneider M. (2018). Digitalization of production, human capital and organization capital. In: Harteis Ch. (Ed.). *The Impact of Digitalization in the Workplace*. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-63257-5>
- Shultz T.W. (1961). Investment in human capital. *American Economic Review*, 51(1), 1–17. Available at: <https://c31.uni-oldenburg.de/cde/econ/readings/schultz.pdf> (accessed: 09.01.2025).
- Weil D. (2007). Accounting for the effect of health on economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 122, 1265–1306. DOI: <https://doi.org/10.1162/qjec.122.3.1265> (accessed: 09.01.2025).
- Weiss A. (1995). Human capital vs. signalling explanations of wages. *Journal of Economic Perspectives, American Economic Association*, 9(4), 133–154. DOI: <http://doi.org/10.1257/jep.9.4.133> (accessed: 09.01.2025).

Сведения об авторах

Андрей Александрович Фролов — кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.a.frolov@urfu.ru); Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: a.a.frolov@urfu.ru)

Вероника Николаевна Холина — кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: kholina-vn@rudn.ru)

Владимир Сергеевич Горбунов — научный сотрудник, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: gorbunov_vlsr@rudn.ru)

Frolov A.A., Kholina V.N., Gorbunov V.S.

Human Capital and Its Development Institutions in the Context of Technological Transformation: Experience of Russia and EAEU Countries

Abstract. Human capital has been established as one of the central concepts in the system of national development projects in Russia for 2019–2024. The updated national projects have maintained the high relevance of the human capital factor in achieving the goals of economic development in Russia for 2025–2030, but have focused on realizing the potential of each person, developing their talents, and achieving technological leadership. Despite the presence of many publications by Russian and foreign scientists on this topic, which mainly reflect the genesis of the term, its measurement and multilateral assessment, such aspects as changing the content of dominant factors in the context of technologization, digitalization of the knowledge economy in modern society, as well as issues of human capital development through the prism of institutional theory (according to a group of development institutions) are not sufficiently elaborated on. The aim of the study is to identify dominant elements in the context of the technologization of the economy in the matrix of factors affecting human capital, to identify and systematize the most sought-after economic development institutions, as well as to study best practices based on comparative rapid analysis using the example of Russia, Belarus, and Kazakhstan. Based on the

analysis of modern conceptual approaches to understanding the essence of human capital in the context of the revealed paradigm shift from innovative economic development to technological development, it is concluded that while maintaining the importance of health capital, the knowledge and intellectual component of educational capital comes to the fore, with a predominance of the share of individual talent development (with creative thinking) and its increment by using development institutions at the macro and micro levels. A comparative express-analysis of the development institutions of the Russian Federation, the Republic of Belarus, and the Republic of Kazakhstan has shown that the first type of development institutions meet the needs of the countries' technological development. Among the best practices of the second type of development institutions, such as centers for importing creative behavioral models, personnel training systems with their localization in industry clusters, including competence centers, and corporate employee retraining programs tailored to the demands of the digital economy have been identified. The application of the identified best practices will accelerate the movement of countries toward achieving technological leadership.

Key words: growth economics, technologization of the economy, human capital, human capital formation factors, matrix of human capital formation and development, development institutions, competence centers.

Information about the Authors

Andrei A. Frolov – Candidate of Sciences (Economics), associate professor at the department of international economics and management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.a.frolov@urfu.ru); Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation)

Veronika N. Kholina – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, head of the department of regional economics and geography, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: kholina-vn@rudn.ru)

Vladimir S. Gorbunov – Researcher, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: gorbunov_vlsr@rudn.ru)

Статья поступила 04.03.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9

УДК 314.15, ББК 60.7, 60.82

© Мехова А.А., Воробьева И.Н., Вавилова А.С.

Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников

Альбина Анатольевна

МЕХОВА

Череповецкий государственный университет

Череповец, Российская Федерация

e-mail: aamekhova@chsu.ru

ORCID: 0000-0001-6377-3404; ResearcherID: AAX-5670-2021

Ирина Николаевна

ВОРОБЬЕВА

Череповецкий государственный университет

Череповец, Российская Федерация

e-mail: invorobeva@chsu.ru

ORCID: 0000-0001-5970-051X; ResearcherID: AAX-4496-2021

Ася Сергеевна

ВАВИЛОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ

Б.Н. Ельцина

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru

ORCID: 0000-003-0079-7024; ResearcherID: KDM-7720-2024

Для цитирования: Мехова А.А., Воробьева И.Н., Вавилова А.С. (2025). Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 163–179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9

For citation: Mekhova A.A., Vorobeva I.N., Vavilova A.S. (2025). Corporate demographic business practices: Attitudes of Russian students as future employees. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 163–179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9

Аннотация. Демографические вызовы, стоящие перед страной, особенно с учетом их влияния на проблему дефицита кадров на рынке труда, формируют запрос на активное включение бизнеса в реализацию приоритетных национальных задач, направленных на поддержку семьи и укрепление семейных ценностей. Формируется институт корпоративной гражданственности в демографической сфере. Предприятия включают в диапазон социальной ответственности задачи по поддержке работников, выполняющих родительские обязанности, и их семей. Актуальным и практически значимым является исследование того, насколько важны корпоративные демографические практики для самих работников. В аспекте прогнозирования развития ситуации особый интерес вызывает мнение будущих работников — российских студентов. В статье представлен анализ информированности студентов российских вузов о корпоративных демографических практиках, отношения к ним, а также значимости этих практик при выборе работодателя. Новизна исследования состоит в выявлении взаимосвязи отношения к корпоративным демографическим практикам и выраженности у студентов установок на семью и родительство. Разработана и апробирована авторская методика сбора и анализа качественных социологических данных. Эмпирическую базу составили материалы 169 эссе студентов старших курсов из вузов трех федеральных округов РФ — Северо-Западного, Сибирского и Уральского. Выявлен низкий уровень информированности студентов о корпоративной демографической политике российского бизнеса. При этом запрос на корпоративные демографические практики сформирован и зависит от установок и ценностных ориентаций будущих работников. Студенты с выраженными установками на семью демонстрируют более высокий уровень информированности о корпоративных демографических практиках и придают им больше значимости при выборе работодателя. Исследование подтверждает важность целенаправленной работы по формированию у российского студенчества приверженности семейным ценностям и представлений о возможности эффективно совмещать профессиональную и родительскую траектории. Сделан вывод о потенциале влияния корпоративных практик поддержки семьи на репродуктивное поведение будущих работников, что в свою очередь способствует достижению стратегических национальных целей по преодолению демографических вызовов.

Ключевые слова: корпоративная гражданственность, ESG-повестка, корпоративная демографическая политика, российское студенчество, установка на семью и родительство, работодатель.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854 (<https://rscf.ru/project/24-18-00854>).

Введение

Проблема, на решение которой направлено исследование, связана с комплексом демографических вызовов, стоящих перед российским обществом. Центр стратегических разработок выделяет семь групп таких вызовов, главные из них — снижение рождаемости и высокая смертность, старение населения, внутренняя миграция и, как итог, депопуляция населения¹. Депопуляция населения регионов становится угрозой их устойчивому социально-экономическому развитию, заметно сказывается на рынке труда.

Динамика последнего десятилетия ярко демонстрирует ежегодный спад рождаемости. В 2024 году в России родилось на 721728 человек меньше, чем в 2015 году (*табл. 1*). В стране уже давно не обеспечивается даже простое воспроизводство населения — суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину) за 2024 год составил 1,40².

На снижение рождаемости существенное влияние оказывает изменение гендерного порядка социального устройства и системы ценностей, в которой традиционные семейные ценности уходят на задний план, приоритет от-

¹ Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/704/704bb820549b28a50039d37b02efccd9.pdf>

² URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/golikova-summarnyy-koefficient-rozhdaemosti-v-rf-v-2024g-predvaritelno-sostavil-1-4> (дата обращения 01.03.2025).

Таблица 1. Рождаемость и смертность в России за последние 10 лет

	Год									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Родилось, чел.	1944136	1893256	1689884	1604589	1484517	1435850	1402834	1306162	1264938	1222408
Умерло, чел.	1911413	1887913	1824340	1827827	1800683	2124479	2445509	1905778	1760172	1818635
Прирост/убыль	+32723	+5343	-134456	-223238	-316166	-688729	-1042675	-599616	-495234	-596227

Составлено по: Смертность и рождаемость в России. URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase>

дается ценностям карьеры, материального благополучия, личного комфорта. Особенно ярко это проявляется в молодых когортах населения. Анализ репродуктивных установок молодых людей в исследованиях отечественных ученых (Шабунова, Калачикова, 2012; Казенин и др., 2020; Костина, Банных, 2020; Ростовская и др., 2023; и др.) выявляет тренды отложенного родительства — рождение первенца после 27–30 лет, а зачастую и нежелания иметь детей совсем.

Для реализации приоритетных национальных целей, решения демографических проблем государством запущен поиск новых подходов и инструментов укрепления системы традиционных семейных ценностей и поддержки семей с детьми. На самом высоком уровне — в докладе о реализации национального проекта «Демография» была определена возможность и необходимость решения этих задач только в условиях тесного социального партнерства государства, бизнеса и общества³. Сегодня в России рейтингование социально ответственных компаний предлагается осуществлять по наличию собственных социальных и демографических программ. В ЭКГ-рейтинге обозначены основные критерии оценки: уровень оплаты труда, *собственные социальные и демографические программы*, благотворительные проекты, направленные на решение общественно значимых проблем⁴. Не случайно рейтинг ответственного российского бизнеса предваряют слова Президента России В.В. Путина: «Важно, когда бизнес, компании на деле, конкретными решениями демонстрируют ответственность за стра-

ну, за регион, за город, в котором они работают, за специалистов в их коллективах, реализуют проекты в социальной сфере, в области защиты окружающей среды»⁵.

В публичные отчеты ESG об устойчивом развитии крупные компании наряду с информацией об участии в решении глобальных проблем включают декларации о важности того, чтобы сотрудники чувствовали себя социально защищенными, работали в безопасных условиях, жили в комфортных городах и могли обеспечить долгосрочное благополучие своей семье⁶. РСПП ведет последовательную работу по продвижению успешных корпоративных практик, в том числе связанных с реализацией демографических приоритетов социального развития⁷. Все это свидетельствует о формировании института корпоративной гражданственности в демографической сфере.

Заинтересованность российских работодателей в устойчивом развитии регионов, в стабильности рынка труда очевидна. В ситуации кадрового голода компании ищут новые резервы в конкурентной борьбе за кадры, набирает обороты тренд на удержание персонала, в том числе с помощью расширения корпоративных практик поддержки родительства, включения в диапазон социальной поддержки семей работников. Это подчеркивает особую актуальность рассматриваемой темы: корпоративная демографическая политика — явление относительно новое и нуждается в комплексном исследовании и научной интерпретации. Не только ученым, но, в первую очередь, самим компаниям и организациям необходимо понимать,

³ Совмещение карьеры и семьи — успех демографической и кадровой политики России. URL: <https://xn--80aapremcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/semya/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F%202024.pdf> (дата обращения 14.02.2025).

⁴ О рейтинге. URL: <https://xn--etbbhpf3axw8i.xn--p1ai/#about-rating>

⁵ ЭКГ-рейтинг. URL: <https://xn--etbbhpf3axw8i.xn--p1ai> (дата обращения 01.03.2025).

⁶ Единый отчет ПАО «Северсталь». URL: <https://severstal.com/rus/ir/indicators-reporting/annual-reports> (дата обращения 01.03.2025).

⁷ Бизнес. Работники. Семья. Сборник корпоративных практик (2025) / РСПП. Москва. С. 2.

насколько включение таких практик в систему корпоративной социальной ответственности предприятия важно для самих работников, как они оценивают эффективность этих практик, что считают приоритетным. В части прогнозирования ситуации особый интерес представляет позиция студентов высших учебных заведений — будущих работников, а именно их информированность о корпоративных практиках поддержки семейных сотрудников и включение этих практик в систему критериев выбора будущего места работы. Более детально важно рассмотреть представления студентов о корпоративной демографической политике во взаимосвязи с их ценностными установками на семью и родительство. В этом состоят новизна и особый аспект практической значимости исследования. Представляется, что результаты работы помогут дифференцировать корпоративную демографическую политику относительно целевых аудиторий, сделать ее более адресной, позволят определить потенциал влияния корпоративных практик поддержки семьи и семейных ценностей на репродуктивное поведение настоящих и потенциальных работников.

Таким образом, цель исследования — выявление и анализ представлений студентов российских вузов о корпоративных демографических практиках. Особый ракурс целеполагания заключается в выявлении взаимосвязи представлений студентов о корпоративных демографических практиках бизнеса с установками на семью и родительство. Одним из аспектов новизны и научно-методологической значимости исследования стала разработка авторской методики сбора и анализа качественных социологических данных, формирования типологии приверженности участников исследования установкам на семью и рождение детей.

Теоретическая рамка исследования

Включение демографических программ в социальные программы бизнеса рассматривается в рамках концепции корпоративной гражданственности (Nagi, Robb, 2008; Tutton, Brand, 2023). Понятие «корпоративное гражданство» возникло в последние десятилетия прошлого века и стало активно использоваться наряду с понятием корпоративной социальной ответственности (КСО). В самой общей трактовке корпоративной социальной ответственностью обозначалась такая политика бизнеса, которая

была бы желательна для целей и ценностей общества (Bowen, 1953). Концепт «корпоративное гражданство» не является полным синонимом КСО. Сторонники содержательного различия терминов считают, что корпоративное гражданство не сводится к практикам КСО, акцент перемещается из социальной плоскости в плоскость общественно-политическую (Перегудов, Семененко, 2008). Ученые отмечают, что практика корпоративной гражданственности дает компаниям и экономические, и репутационные выгоды: оказывает положительное влияние на финансовые результаты, максимизацию стоимости компании, увеличение прибыли (Devine, Halpern, 2001), способствует росту лояльности персонала и клиентов (Wong et al., 2020; Mullins et al., 2021; Tang et al., 2023). При этом главным индикатором корпоративной гражданственности считается стратегический выбор бизнеса в пользу общественного блага — развития и поддержания среды обитания и человеческого капитала (Grit, 2004). Исследователи предполагают, что организации, которые можно идентифицировать как хороших «корпоративных граждан», в полной мере включают этические и социальные цели в повестку деятельности, закладывая эти ценности в основу своего корпоративного управления (Zappala, 2004; Warhurst, 2004). Корпоративная гражданственность предполагает тесное партнерство бизнеса с государством и обществом. В сфере демографии она подразумевает взаимодействие и взаимообмен основных акторов: государства, которое демонстрирует заинтересованность во включении института бизнеса в поддержку демографической повестки; общества, заинтересованного в построении справедливого и устойчивого будущего, и бизнеса, использующего корпоративную демографическую политику для достижения стратегических целей по наращиванию человеческого капитала (Багирова и др., 2024). Именно в этом заключается эвристический потенциал концепта «корпоративное гражданство».

Корпоративная демографическая политика — это система мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих помимо профессионально-трудовых еще и семейные функции, в том числе родительские, уход за престарелыми родителями и др. (Багирова, Вавилова, 2021). Она является частью социальной политики и в последнее

время расценивается предприятиями и корпорациями как важный механизм повышения лояльности и удержания кадров. Корпоративная демографическая политика — относительно новое направление в социальной деятельности российских компаний, однако ее содержание и значение уже рассматривались в работах таких отечественных ученых, как Т.К. Ростовская, А.П. Багирова, О.М. Шубат, А.С. Вавилова и др.

В современных исследованиях выявлены наиболее распространенные и популярные направления реализации такой политики:

1) здоровьесбережение сотрудников и формирование ценности здорового образа жизни (Ростовская и др., 2021);

2) достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки (Hodges, 2020; Lee et al., 2022; Wuestenenk, Begall, 2022);

3) уважение семейных обязанностей сотрудников с детьми (Mastersonet al., 2020; Wang et al., 2023).

Таким образом, ключевыми особенностями социальной политики компаний, имеющих семейноцентричную ориентацию, являются формирование концептуальной поддержки семейных ценностей на высшем уровне управления; создание безопасной корпоративной среды для сотрудников, планирующих и осуществляющих родительские обязанности, что отвечает запросам общества в части решения демографических задач.

Теоретико-методологические ориентиры обращения к мнению студентов в контексте заявленной темы обозначим двумя аспектами. Во-первых, исследования последних лет акцентируют внимание на особой роли студенчества в трансформационных процессах, идущих на рынке труда и в экономике в целом (Шиняева, Тчапе, 2015; Емелин, Шиняева, 2023; Поплавская, 2023; Великая и др., 2024). Во-вторых, именно в этой социальной группе наиболее ярко проявляются изменения в системе ценностей и репродуктивных установок: приоритет профессиональных, карьерных, а не семейных ценностей, отложенное родительство, установка на малолетность (Назарова, Зеленская, 2021; Ростовская и др., 2023).

Материалы и методы исследования

В ходе работы был использован качественный метод сбора социологических данных — развернутое эссе с фокусом на заданной теме.

При его выборе авторы опирались на позицию ученых, подчеркивающих приоритетность качественных методов в исследованиях с акцентом на ценностные аспекты, в центре внимания которых находятся новые, не имеющие массового распространения феномены, выраженные в индивидуальных суждениях (Кишинская, 2011). Выбор поисковой стратегии в качественной парадигме обусловлен тем, что и сами корпоративные демографические практики, и представления о них — весьма новое и для социальной науки, и для социальной практики явление, имеющее неоднозначную, субъективно окрашенную оценку.

Эмпирической базой исследования стали 169 эссе студентов из вузов трех федеральных округов РФ — Северо-Западного, Сибирского и Уральского. В каждом округе отобрано по два высших учебных заведения: в Северо-Западном — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) и Череповецкий государственный университет, в Сибирском — Иркутский государственный университет и Новосибирский государственный университет экономики и управления, в Уральском — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и Южно-Уральский государственный университет. Участниками исследования стали студенты третьего и четвертого курсов бакалавриата. Кроме курса обучения критериями отбора стали направление обучения и пол (*табл. 2*).

Эссе как метод качественного социологического исследования в какой-то степени схож с фокусированным интервью, когда респонденты отвечают на открытые вопросы, а дополнительные вопросы, направленные на углубление темы, предполагают конкретизацию субъективных представлений о предмете интереса исследователя. Специфика эссе состоит в том, что это цельное сочинение-рассуждение на заданную тему в свободной творческой индивидуально-авторской манере. Предложенный план/гайд эссе лишь обеспечивал фокусирование на теме, служил ориентиром, но не ограничивал авторов. Применение проективных методик в ориентирующих вопросах усиливало творческую составляющую, позволяя глубже раскрыть уникальность мнений. Такой формат дает возможность, с одной стороны, предварительно

Таблица 2. Распределение участников интервью в соответствии с критериями отбора

Направления/профили обучения	Всего	Гуманитарный, социальный, экономический		Естественный		Технический	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Северо-Западный округ	56						
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)	28	4	5	6	4	5	4
Череповецкий государственный университет	28	5	5	5	4	5	4
Уральский федеральный округ	56	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина	28	4	6	5	4	5	4
Новосибирский государственный университет экономики и управления	28	4	5	5	5	5	4
Сибирский федеральный округ	56	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Иркутский государственный университет	29	4	5	5	5	5	5
Южно-Уральский государственный университет	28	4	6	5	4	5	4
Составлено по: данные исследования.							

систематизировать необходимую для исследования информацию, не упустив наиболее значимые аспекты, а с другой стороны, получить ее в развернутом эмоционально окрашенном виде.

В современных условиях развития качественные методы опираются на информационные технологии, которые служат целям совершенствования инструментария и популяризации самих методов. Студенты письменно в Яндекс-forms оформляли свои размышления на тему корпоративной политики в сфере демографии и поддержки семьи, о балансе своих карьерных и репродуктивных установок, о работе мечты, о зависимости своих планов по созданию семьи и рождению детей от работы и карьеры.

Применение Яндекс-forms позволило сформировать электронную базу качественных социологических данных, дополнить анализ смыслов и содержания методами статистического анализа текста.

Мы работали в логике изучения специфического проблемного поля, выявления взаимосвязи представлений студентов о корпоративных демографических практиках бизнеса и приверженности установкам на семью и родительство. С этой целью была разработана авторская методика типологизации по уровню приверженности этим установкам.

Для построения типологии по уровню выраженности установок на семью и рождение детей применялись элементы кластерного и

контент-анализа, анализ частоты употребления слов и фраз-маркеров, выполненные в программах Excel и специализированной программе обработки данных SPSS. Было определено четыре типа выраженности установок на семью и родительство:

- 1) высокий уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей;
- 2) средний уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей;
- 3) отложенный характер реализации репродуктивных установок;
- 4) слабовыраженные установки на семью, выраженные установки на малодетность или нежелание иметь детей.

В целях отнесения индивида к тому или иному типу использовались ответы и размышления на вопросы: «Вы женаты/замужем? Когда (в каком возрасте) и при каких условиях Вы планируете создать семью? Будете ли регистрировать брак или нет? Сколько детей Вы бы хотели иметь? Когда, в каком возрасте Вы планируете первого ребенка? Если не планируете в ближайшие десять лет заводить детей, то почему?».

Для разделения на типы по каждому индикаторному вопросу присваивались баллы. Индикаторами выделения типов стали:

- 1) время вступления в брак (сразу после окончания вуза или во время обучения — 3 балла; в ближайшие два-три года после обучения в вузе — 2 балла; ближе к 30 годам и позже — 1 балл);

2) время рождения первенца (во время обучения в вузе и сразу после окончания вуза — 3 балла; через три-пять лет после окончания вуза — 2 балла; ближе к 30 годам и позже — 1 балл);

3) желаемое количество детей (трех и более, двух детей с возможностью третьего только при определенных условиях — 3 балла; двух детей — 2 балла; одного ребенка и не иметь детей — 1 балл);

4) эмоциональное отношение к браку и семье (положительное, ярко эмоционально окрашенное — 3 балла; нейтральное — 2 балла; негативное — 1 балл).

В соответствии с индикаторной моделью сумма баллов могла варьироваться от 4 до 12. Участники исследования, набравшие 10–12 баллов, были отнесены к группе с высоким уровнем выраженности установок на создание семьи и рождение детей; студенты с суммой 8–9 баллов — к группе среднего уровня выраженности установок на создание семьи и рождение детей; 6–7 баллов — к группе «отложенного характера реализации репродуктивных установок»; 4–5 баллов — к группе «слабовыраженных установок на семью».

Пример фраз-индикаторов для отнесения индивидов к тому или иному типу представлен в *таблице 3*.

Качественные исследования не предполагают количественных измерений, к ним не применяется требование репрезентативности выборки. При этом авторская методика была нацелена на интеграцию качественных и количественных методов анализа. Применение элементов кластерного и контент-анализа позволяет систематизировать текстовую информацию. Количественные характеристики текста, такие как частота упоминаний определенных тем, кластирование по сходным признакам в сочетании с анализом и интерпретацией глубинных смыслов высказываний, дают возможность выявить скрытые связи между различными элементами текста, классифицировать и категоризировать информацию для последующего анализа.

Для более глубокого понимания и характеристики участников исследования представляется важным показать структуру эмпирической базы в соответствии с выстроенной типологией. К первому типу — высокий уровень выраженности установок на создание семьи и рождение

Таблица 3. Характерные высказывания-маркеры для определения типов выраженности установок студентов на семью и родительство

Тип	Данные информанта	Вы женаты/замужем? Когда (в каком возрасте) и при каких условиях Вы планируете создать семью? Будете ли регистрировать брак или нет?	Сколько детей Вы бы хотели иметь? Когда, в каком возрасте Вы планируете первого ребенка? Если не планируете в ближайшие десять лет заводить детей, то почему?
1 тип. Высокий уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей	Ж, ИГУ, Иркутск	«Замуж вышла в 22 года ... перед 4 курсом бакалавриата. Брак зарегистрирован, мы сразу обозначили друг другу что хотим правильную, полноценную семью»	«По-хорошему, хотелось бы родить ровно двоих детей... — двое детей взамен двоих взрослых. При идеальных условиях существования, а не выживания — троих или четверых... Желательно в ближайшее время, пока хватает здоровья и нервов»
	М, НГУЭУ, Новосибирск	«Я не женат, хотелось бы иметь семью в 24 года примерно. Брак обязателен к регистрации»	«Хотелось бы иметь 2-3 детей, первенца родить в возрасте примерно 25 лет»
	Ж, ЮУрГУ, Челябинск	«Я не замужем, но всегда хотела выйти замуж. ... Я считаю, что брак нужно регистрировать. В любом случае это упрощает многие аспекты бюрократии, не только при наличии детей, но и когда вас только двое»	«Я бы хотела иметь много детей. В моей (родительской) семье всего два ребенка, но в моей жизни много примеров многодетных семей, и мне всегда нравилось их взаимодействие друг с другом»
	М, ЧГУ, Череповец	«Женат, год в зарегистрированном браке»	«Четверо, думаю, в ближайшем будущем»

Окончание таблицы 3

Тип	Данные информанта	Вы женаты/замужем? Когда (в каком возрасте) и при каких условиях Вы планируете создать семью? Будете ли регистрировать брак или нет?	Сколько детей Вы бы хотели иметь? Когда, в каком возрасте Вы планируете первого ребенка? Если не планируете в ближайшие десять лет заводить детей, то почему?
2 тип. Средний уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей	М, ИГУ, Иркутск	«Я не замужем, семью планирую после 25 лет, когда будет возможность и финансовая стабильность. Брак, конечно, буду регистрировать»	«Я хотела бы двоих детей, первого ребенка планирую в 25–27 лет, при условии собственной финансовой стабильности и независимости, наличии постоянного заработка, в идеальной ситуации собственного жилья или средств для покупки в ближайшем будущем»
	Ж, УрФУ, Екатеринбург	«Я не замужем. Если брать учет всех факторов, то я хотела бы выйти замуж в 19–21 год. ... Да, я бы хотела узаконить отношения с моим молодым человеком»	«Я бы хотела 1–2 ребенка, для меня это оптимальное количество детей в семье. Первого малыша я бы хотела после 24 лет, но не нужно забывать о том, как будут обстоять дела с деньгами и другое. Второго ребенка я бы хотела после 27 лет»
	Ж, ЮУрГУ, Челябинск	«... я не замужем. Но очень хотелось бы завести семью примерно в 25–27 лет. Для этого конечно нужна работа с постоянным достаточным заработком и хорошими условиями труда. Я бы хотела зарегистрировать брак»	«Я бы хотела иметь двоих детей. Первого ребенка хотелось бы завести до 30 лет. В самом идеальном варианте примерно в 25–27 лет. Так как я считаю, что к этому возрасту можно уже добиться каких-то успехов в карьере и достойного уровня жизни»
3 тип. Отложенный характер реализации репродуктивных установок	Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург	«Я планирую создать семью примерно через 10 лет, когда мне будет около 30–35 лет. К этому времени у меня будет высшее образование, хорошая работа и финансовая стабильность. Это позволит мне чувствовать себя готовой к ответственности и заботе о семье»	«Мне сложно сказать, сколько именно детей я бы хотела иметь. ... Сначала важно родить и воспитать хотя бы одного ребенка, чтобы понять, как это – быть родителем. ... Я планирую завести первого ребенка, ... когда мне и потенциальному отцу будет около 30 лет»
	М, ЮУрГУ, Челябинск	«Не женат. Пока не задумывался над этим вопросом. Ориентировочно планирую завести семью, как только буду уверен в том, что смогу обеспечить все нужды, необходимые для поддержания семейного очага»	«Не планирую заводить детей в ближайшие десять лет, так как считаю, что в ближайшее время не смогу их обеспечить материально и дать должное воспитание»
4 тип. Слабовыраженные установки на семью, установки на малодетность или нежелание иметь детей	Ж, УрФУ, Екатеринбург	«Не замужем. Пока не задумывалась о создании семьи»	«Планирую одного ребенка. ...не раньше 30 лет»
	Ж, ЮУрГУ, Челябинск	«Не замужем и не планирую создавать семью»	«Я бы не хотела иметь детей»
	М, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург	«Я не женат. Планирую вступить в брак и официально его оформить после окончания обучения, в возрасте около 25–26 лет»	«Лучшим вариантом будет 1 ребенок. В таком случае я смогу ему уделять максимальное внимание. Ребенка можно завести уже в браке»
	Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург	«Не замужем, к счастью. ... во время учебы семья будет мешать мне, после 25 лет, когда буду стоять на ногах, иметь хорошую стабильную высокооплачиваемую работу, рядом будет надежный мужчина, который понимает свои обязательства. Смысла в браке не вижу»	«Пока нисколько не хотела бы. Не люблю детей, я большая эгоистка»
Составлено по: данные исследования.			

детей — были отнесены 29 авторов эссе (17%); ко второму типу — средний уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей — 79 студентов (47%); к третьему типу — отложенный характер реализации репродуктивных установок — 44 студента (26%); к четвертому типу — слабовыраженные установки на семью, выраженные установки на малолетность или нежелание иметь детей — 17 студентов (10%).

Анализ представлений и ожиданий студентов от будущей работы и выявление зависимости этих ожиданий от ценностных ориентиров позволяет наметить некие сценарные линии возможного развития ситуации, определить механизмы влияния на установки и ожидания.

Результаты и обсуждение

Для анализа информированности студентов о практиках корпоративных демографических политик на основе предложенной ранее классификации нами были выделены следующие направления корпоративной демографической политики:

1) забота о здоровье членов семьи работника (корпоративное семейное добровольное медицинское страхование (ДМС), возможность ведения беременности по ДМС, семейные курортные и санаторные путевки и т. п.);

2) материальные выплаты (дополнительные выплаты в отпуске по уходу за ребенком, подъемные выплаты молодым семьям, пособия многодетным семьям, льготы семьям с детьми и т. п.);

3) помощь в воспитании, развитии, обучении, организации досуга детей работников (помощь в устройстве детей в детский сад и школу, детские оздоровительные лагеря, каникулярные программы, праздничные утренники, экскурсии для детей сотрудников и т. п.);

4) создание условий для совмещения должностных и родительских обязанностей (гибкий график, удаленная работа, детские зоны в офисе, корпоративные няни-волонтеры и т. п.).

Анализ данных показал, что студенты значительно больше знают о мерах материальной поддержки семей: выплаты и подарки на рождение первого и последующих детей, разовые выплаты и дополнения к пособиям многодетным семьям и т. п. Меньше информации о помощи работодателя в воспитании, развитии и организации досуга детей сотрудников. Примеры, как правило, приводят, опираясь на личный опыт — воспоминания из детства о «елке на папиной работе», поездках в летний лагерь «от маминой работы», экскурсии на работу к родителям и т. п. Примерно на таком же уровне информированность о создании условий для совмещения должностных и родительских обязанностей. Упоминаются возможность работать удаленно, оплачиваемые свободные дни на 1 сентября для родителей первоклассников, на прощание с близкими и т. п. Низка информированность о практиках корпоративной заботы о здоровье членов семьи работников (табл. 4).

Следует отметить, что в своих размышлениях о корпоративных практиках поддержки семей работников авторы эссе чаще употребляли обобщенные термины: «соцпакет», «разные социальные бонусы» и т. п., а не упоминали конкретные меры, что свидетельствует о весьма общем и поверхностном представлении студентов как потенциальных работников о корпоративных практиках поддержки семьи.

При этом исследование показало, что запрос студентов на наличие корпоративных демографических практик в арсенале будущего работодателя высок и сформирован вполне от-

Таблица 4. Информированность студентов о корпоративных практиках поддержки сотрудников, выполняющих родительские обязанности, и их семей (количество упоминаний в соответствии с кластерами основных направлений)

Основные направления поддержки семей сотрудников	Кол-во упоминаний
Материальные выплаты	104
Помощь в воспитании, развитии, организации досуга детей	87
Создание условий для совмещения должностных и родительских обязанностей	80
Здоровьесбережение членов семьи сотрудников	59
Составлено по: данные исследования.	

Таблица 5. Приоритеты важности направлений корпоративных практик поддержки семей работников при оценке и выборе работодателя

Основные направления поддержки семей сотрудников	Кол-во упоминаний
Создание условий для совмещения должностных и родительских обязанностей	132
Материальные выплаты	104
Помощь в воспитании, развитии, организации досуга детей	37
Здоровьесбережение членов семьи сотрудников	35
Составлено по: кластерный и контент-анализ данных исследования.	

четливо. В системе критериев оценки и выбора работодателя приоритет отдается двум направлениям — создание условий для совмещения должностных и родительских обязанностей и материальные выплаты с явным преимуществом первого (табл. 5).

Студенты — потенциальные работники отмечают особую важность баланса работы и свободного времени: гибкий график работы, возможность работать удаленно, практики создания условий на предприятии для временного содержания детей, помощи работнику в экстренных случаях, когда не с кем оставить ребенка — детские комнаты, социальные няни, волонтерские практики заботы о детях.

«... важными практиками поддержки семьи на предприятии должны быть те, которые помогают сотрудникам эффективно сочетать работу и личную жизнь, обеспечивают поддержку в воспитании детей и создают благоприятные условия для сохранения здоровья и благополучия всей семьи. Для меня лично наиболее важными являются гибкий график работы, программа поддержки образования детей, семейные мероприятия и праздники» (Ж, НГУЭУ, Новосибирск).

«...я бы хотела, чтоб на моей работе лояльно относились к тому, что мне придется иногда брать больничный из-за болезни ребенка, чтобы могли дать отгул или отпустить раньше с работы, чтоб я смогла поучаствовать в важных мероприятиях, связанных с ребенком» (Ж, ИГУ, Иркутск).

«Гибкий график работы: возможность сочетать работу и семейную жизнь. Например, гибкое начало и конец рабочего дня, возможность работать из дома несколько дней в неделю, или частично удаленная работа. ... Дополнительный отпуск, например, для посещения школьных мероприятий, соревнований детей или других семейных событий» (Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург).

Безусловно, важна и материальная поддержка родительства, включая выплаты, связанные с рождением первого и последующего детей, надбавками к заработной плате, и другие льготы многодетным семьям, обеспечение бесплатного летнего оздоровительного отдыха детей, компенсации затрат на сбор ребенка в школу и т. п. Такие меры часто переплетаются с направлением помощи предприятия, предоставляемой работникам-родителям в организации воспитания, развития и досуга детей.

«Я бы хотела помощь (работодателя) с приобретением жилья» (Ж, ИГУ, Иркутск).

«Я бы хотела видеть следующие меры поддержки: выплаты при рождении детей, предоставление дополнительного отпуска для родителей с детьми, новогодние праздники и бесплатные подарки для детей» (Ж, УрФУ, Екатеринбург).

Сравнительно нечастое упоминание корпоративных практик заботы о здоровье членов семей работников обусловлено не тем, что студенты не считают их важными, а слабой информированностью о них. В рамках нашего исследования выявлено, что студенты мечтают о возможности получать помощь работодателя в части медицинского обслуживания, в том числе обеспечение здоровой беременности, регулярная диспансеризация, компенсация расходов на посещение спортивных учреждений, корпоративные семейные программы дополнительного медицинского страхования. Звучала и потребность заботы о ментальном здоровье — введение в штат психологов, включение услуг психологов/психотерапевтов в пакет ДМС; проведение тренингов, семинаров, направленных на восстановление психологического баланса, и т. д.

«Обязательно расширенное медицинское обеспечение (ведение беременности и т. п.)» (Ж, НГУЭУ, Новосибирск).

«Компенсация за медицину, за расходы на важные операции и обследования» (М, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург).

«Хотелось бы видеть корпоративную медицинскую страховку на всю семью. В приоритете — медицинское обслуживание» (Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург).

«Я бы хотел видеть хорошую медицинскую страховку на семью и детей» (М, ЧГУ, Череповец).

Также была выявлена взаимосвязь между оценкой важности корпоративных демографических практик при выборе работодателя и типом выраженности установок на семью и рождение детей у авторов эссе. В таблице 6 приведены результаты кластерного и контент-анализа — частотности упоминаний ключевых категорий в сопряжении с построенной типологией. Ключевой категорией анализа являлось упоминание корпоративной практики, отнесенной к тому или иному направлению корпоративной демографической политики. Сумма процентов по каждому столбцу больше 100, так как участники исследования в своих репликах-размышлениях упоминали сразу несколько практик.

Авторы эссе первого и второго типа чаще других хотели бы видеть меры, связанные с условиями труда, которые позволили бы им чаще бывать с детьми, участвовать в их жизни.

В числе приоритетных они называют практики создания условий для совмещения должностных и родительских обязанностей: дополнительные выходные и отпуска по семейным обстоятельствам, гибкий график, чтобы провожать/встречать детей из школы, быть с ними в значимые даты, возможность удаленной работы. Авторы эссе с высоким уровнем выраженности установок на семью и родительство чаще проявляют заинтересованность в корпоративной заботе о здоровье членов семьи.

«Представила свою будущую семью, тогда очень важным становится свободный график, поскольку дети — это иногда непредсказуемая история, сложно совмещать четкий график с семьей» (Ж, НГУЭУ, Новосибирск, 1 тип).

«... корпоративный календарь семейных мероприятий, дополнительные дни отпуска в день отца и матери, просто, чтобы не нужно было выходить работать в праздники, помощь в устройстве ребенка в сад/школу при необходимости, скидка на посещения ребенком секций и школ дополнительного образования» (Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, 1 тип).

«Если мечтать, то ни в чем себе не отказывать — может быть, работодатель будет давать семейные путевки в санатории, хотя бы раз в 2 года. Может быть, сертификат на полное мед. обследование, это было бы просто здорово!» (Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, 2 тип).

Таблица 6. Частота упоминаний практик поддержки семьи работников в размышлениях о важности таких практик при выборе и оценке работодателя в зависимости от типа выраженности установок на создание семьи и рождение детей, % от общего количества информантов в каждой группе

	Весь массив	Высокий уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей (1 тип)	Средний уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей (2 тип)	Отложенный характер реализации репродуктивных установок (3 тип)	Слабовыраженные установки на семью, установки на малолетность или нежелание иметь детей (4 тип)
Создание условий для совмещения должностных и родительских обязанностей	78	76	73	61	35
Материальные выплаты	62	72	70	48	100
Помощь в воспитании, развитии, организации досуга детей	22	28	42	23	35
Здоровьесбережение членов семьи сотрудников	21	18	20	7	12

Составлено по: кластерный и контент-анализ данных исследования.

Студенты с низким уровнем выраженности установок на семью, установкой на отложенное родительство и малодетность заметно чаще остальных отдают предпочтение материальным выплатам, в целом проявляют слабую информированность и меньшую заинтересованность в практиках поддержки семьи работников. Авторы эссе третьего и четвертого типа, рассуждая о потребности/важности гибкого гибридного графика и «удаленки», иногда упоминают, что это необходимо для семьи. Однако стилистика высказываний показывает, что больше они заботятся о собственном комфорте. В этом контексте они представляют собой типичных «Зумеров» (Зарубина, 2012; Volkova, Chiker, 2016): любят комфорт, вознаграждения и бонусы, интересные тренинги и обучение, готовы менять работу, если не разделяются их ценности, баланс «личное время – работа» распределяется в пользу личного времени.

«Я мечтаю об удаленной работе или работе с гибким графиком. Важные критерии при выборе места работы: зарплата, начальство, график, коллектив. Важно, чтобы работа была интересна для меня, не было рутинных задач, начальник входил в положение при возникающих обстоятельствах. Если будут какие-то материальные бонусы – супер» (Ж, НГУЭУ, Новосибирск, 4 тип).

«Характерные черты работы моей мечты: высокая зарплата; карьерный рост; легкость выполняемой работы; адекватный и дружелюбный

коллектив. Что это будет за работа или работодатель, не имеет значения. Главное – моя личная удовлетворенность» (М, ИГУ, Иркутск, 3 тип).

«Если про мечту, то самое лучшее – чтобы просто так платили...» (М, УрФУ, Екатеринбург, 4 тип).

«Я мечтаю работать из дома либо работа по возможности (хочу – иду, не хочу – не иду). Важна почасовая ставка от 500 руб./час.» (Ж, ЧГУ, Череповец, 3 тип).

Еще один важный аспект исследования – оценка влияния корпоративных демографических практик на репродуктивное поведение работников. Студенты с высоким и средним уровнем выраженности установок на создание семьи чаще отмечают влияние данных мер на изменение репродуктивного поведения, как своего, так и других (табл. 7).

Продуктивность и важность корпоративной демографической политики, по их мнению, заключается в снижении барьеров для реализации репродуктивных планов работников, комфортного достижения баланса работы и семьи, эффект для работодателя при этом состоит в повышении лояльности и закреплении работников на предприятии.

«Я считаю, что корпоративные меры поддержки семьи влияют на создание семьи и рождение детей. Если человек уверен, что компания поможет обеспечить баланс между семьей и работой, ... то сотрудник захочет оставаться в такой компании как можно дольше. При отсут-

Таблица 7. Оценка влияния корпоративных демографических практик на репродуктивное поведение работников, в процентах от числа студентов в каждой типологической группе

	Весь массив	Высокий уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей	Средний уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей	Отложенный характер реализации репродуктивных установок	Слабовыраженные установки на семью, установки на малодетность или нежелание иметь детей
Безусловно, влияют	52	54	60	50	14
Влияют на репродуктивные планы других сотрудников, но не на мои планы	13	14	13	10	21
Это не более чем приятный бонус, слабо влияют на репродуктивные планы	19	18	14	19	50
Не влияют	16	14	13	21	14
Составлено по: кластерный и контент-анализ данных исследования.					

ствии таких мер в компании ... на увеличение семьи он вряд ли решится» (Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, 1 тип).

«... корпоративные меры поддержки семьи не могут «заставить» сотрудников создавать семьи и рожать детей, но могут создать благоприятные условия, устранить барьеры и сделать это решение более доступным и комфортным» (М, НГУЭУ, Новосибирск, 2 тип).

«Да, мне кажется, это влияет в положительную сторону. Меня бы это сподвигло к созданию семьи» (Ж, ЮУрГУ, Челябинск, 2 тип).

«Меры поддержки сотрудников определенно могут повлиять на их семейные планы, так как одна из причин, сдерживающих людей от рождения детей и вступления в брак — неуверенность в своем материальном положении, это проблема, которая решается такими мерами» (М, ЧГУ, Череповец, 1 тип).

Студенты со слабо выраженными репродуктивными установками чаще придерживаются мнения о том, что корпоративные демографические практики — не более чем приятный бонус. Они с осторожностью могут признать влияние таких мер на поведение «других работников», влияние на изменение собственных репродуктивных планов отрицают.

«Для кого-то, возможно, это (корпоративные демографические практики) будет важно, а для меня может стать лишь дополнительным бонусом и никак не повлияет на мои планы по созданию семьи» (Ж, ИГУ, Иркутск, 4 тип).

«Будет приятным бонусом, но никак не повлияет, потому что рождение детей — это более серьезно, чем просто иметь дополнительные привилегии за это» (М, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, 3 тип).

«На моих планах не скажется никак. Я не стану любить детей, потому что мой работодатель будет оплачивать их отдых, обеды и т. п.» (Ж, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, 4 тип).

«Я считаю, что корпоративные меры поддержки от работодателя могут быть полезны сотрудникам, которые уже имеют семьи. Но мои планы такие меры никак не изменят. Появление ребенка в семье — это ответственное и финансово-затратное событие. ... Я не готова» (Ж, НГУЭУ, Новосибирск, 3 тип).

Таким образом, исследование доказывает взаимосвязь выраженности установок на создание семьи и рождение детей с оценкой влияния корпоративных демографических практик на репродуктивное поведение.

Заключение

Активное формирование института корпоративной гражданственности в демографической сфере определяет особую актуальность исследований в рамках этой проблематики. Одной из основных предпосылок такого процесса является заинтересованность государства во включении корпоративного сектора в реализацию приоритетных национальных целей в сфере демографии (развитие инструментов независимой оценки компаний с учетом их вклада в решение общественно значимых задач, конкурсы РСПП, ЭКГ-рейтинг и поддержка его лидеров, информационная поддержка корпоративных демографических практик и пр.). Очевидна и заинтересованность бизнес-сообщества: реализация корпоративных демографических политик рассматривается как инструмент наращивания человеческого капитала, условие успешной конкуренции за кадры и поддержание на этой основе большей устойчивости бизнеса. Создание условий для совмещения профессиональной и родительской траекторий благодаря корпоративной демографической политике становится фактором позитивного изменения семейного и репродуктивного поведения работников.

В прогнозном аспекте развития ситуации особый интерес представляет мнение потенциальных работников — студентов российских вузов, а именно определение уровня их информированности о практиках корпоративной демографической политики и заинтересованности в них.

Исследование показало, что студенты российских регионов имеют низкий уровень информированности о корпоративных практиках поддержки семей работников на предприятиях. По мнению участников, работодатели редко транслируют информацию о мерах социальной поддержки семей сотрудников во внешней среде, целенаправленно рассказывают о них студентам как будущим работникам. Один из практически значимых выводов исследования

заключается в необходимости выстраивания в российском обществе системы информирования молодежи, в частности студентов, о корпоративных демографических политиках, реализуемых предприятиями страны.

При выборе и оценке будущей работы наиболее важными из корпоративных демографических практик бизнеса студенты называют создание условий для совмещения профессиональных и родительских обязанностей (гибкий график работы, возможность работать удаленно) и меры, относящиеся к материальной поддержке семейных работников (единовременные и разовые выплаты, льготы, бесплатные услуги).

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о взаимовлиянии заинтересованности в корпоративных демографических практиках и выраженности у студентов установок на семью и родительство.

На основе разработанной авторской методики была выстроена типологизация студентов по уровню выраженности установок на создание семьи и рождение детей. Определены четыре типа: высокий уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей, средний уровень выраженности установок на создание семьи и рождение детей, отложенный характер реализации репродуктивных установок, слабовыраженные установки на семью. По данным исследования, студенты с высоким уровнем выраженности установок на создание семьи демонстрируют более высокий уровень информированности о корпоративных демографических практиках и мерах поддержки семьи и более высокую оценку важности таких практик при выборе и оценке работодателя. С одной стороны, это свидетельствует о более высокой заинтересованности в такой информации. Но возможна и обратная связь, что немаловажно для прогнозирования развития ситуации: более информированные студенты реже проявляют склонность откладывать свои репродуктивные и брачные планы, предполагая в будущем поддержку работодателя.

Выявленная сопряженность запроса на практики корпоративной демографической политики и уровня выраженности установок на семью и рождение детей у будущих работников позволяет сделать вывод о важности целенаправленной деятельности по формированию и повышению значимости семейных ценностей и в раннем возрасте, и среди студенчества. Кроме того, результаты исследования в этой части имеют большую практическую значимость и будут полезны работодателям для корректировки социальной политики, дают понимание, как сделать корпоративную помощь семьям работников более адресной, выделить особые категории среди сотрудников: многодетные семьи, молодежны, родители первенца и т. п. — и предложить им специфические меры поддержки.

Следует особо отметить, что выбранная авторами поисковая стратегия в качественной парадигме подтвердила свой эвристический потенциал. В этом заключается еще один аспект научной новизны исследования. Авторская методика, основанная на интеграции методов анализа и понимания смыслов и статистических методов анализа качественных социологических данных, позволила выявить скрытые связи, выстроить типологии, классифицировать и категоризировать информацию, сделать более глубокие заключения.

Таким образом, результаты исследования приводят к выводу о необходимости формирования у российского студенчества представлений о возможности эффективного совмещения профессиональной и родительской траекторий благодаря не только поддержке со стороны государства, но и более адресной демографической политике работодателя. Корпоративные демографические практики бизнеса имеют потенциал для влияния на репродуктивное поведение молодых людей, тем самым способствуют достижению стратегических национальных целей по наращиванию человеческого капитала и преодолению демографических вызовов. Эти процессы нуждаются в постоянном исследовательском мониторинге и научном сопровождении.

Литература

- Багирова А.П., Вавилова А.С. (2021). Корпоративная демографическая политика: оценки и возможности // *Human Progress*. Т. 7. Вып. 2. DOI: 10.34709/IM.172
- Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. (2024). Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 3. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8
- Великая Н.М., Ирсетская Е.А., Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. (2024). Образовательные стратегии студенчества в условиях цифровизации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 6. С. 260–278. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.14
- Емелин Д.В., Шиняева О.В. (2023). Студенты высших учебных заведений как основа формирования интеллектуального класса в России. С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.1>
- Зарубина Н.Н. (2012). Этика ответственности современной российской молодежи // *Вестник МГИМО-Университета*. № 6 (27). С. 250–257. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-6-27-250-257>
- Казенин К.И., Козлов В.А., Митрофанова Е.С. (2020). Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 342–365. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1615>
- Кишинская В.С. (2021). Качественные данные и методы социологического исследования // *Петербургская социология сегодня*. Т. 1. С. 366–373.
- Костина С.Н., Банных Г.А. (2020). Мотивация рождаемости: перспективы развития теории // *XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 351–355. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/82360> (дата обращения 07.03.2025).
- Назарова И.Б., Зеленская М.П. (2021). Ценностные приоритеты и репродуктивные установки студенческой молодежи // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 9. № 2. С. 177–189. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8110
- Перегудов С.П., Семененко И.С. (2008). Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. Москва: Прогресс-Традиция. 226 с.
- Поплавская А.А. (2023). Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе // *Мир России*. Т. 32. № 1. С. 61–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86>
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 5. С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2023). Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 31–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2012). Особенности репродуктивного поведения населения // *Социологические исследования*. № 8. С. 78. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_8/Shabunova.pdf (дата обращения 07.03.2025).
- Шиняева О.В., Тчапе А.К. (2015). Теоретико-методологические подходы к исследованию профессиональной идентификации молодежи // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. № 4 (36). С. 134–145. URL: <https://rucont.ru/efd/552444> (дата обращения 15.03.2025).
- Шубат О.М., Багирова А.П., Янь Д. (2022). Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // *Экономика региона*. № 18 (4). С. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg
- Bowen H.R. (1953). *Social Responsibilities of the Businessman*. New York: Harper and Row.
- Devine I., Halpern P. (2001). Implicit claims: The role of corporate reputation in value creation. *Corporate Reputation Review*, 4(1), 42–49. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.crr.1540131>

- Grit K. (2004). Corporate citizenship: How to strengthen the social responsibility of managers. *Journal of Business Ethics*, 53, 97–106.
- Hodges L. (2020). Do female occupations pay less but offer more benefits? *Gender and Society*, 34(3), 381–412. DOI: 10.1177/0891243220913527
- Lee L.K., Miller K.A., Chuersanga Ch. et al. (2022). Childbearing and family leave policies for physicians at US children's hospitals. *The Journal of Pediatrics*. DOI: 10.1016/j.jpeds.2022.12.008
- Masterson C., Sugiyama K., Ladge J. (2020). The value of 21st century work-family supports: Review and cross-level path forward. *Journal of Organizational Behavior*, 42(2), 118–138. DOI: 10.1002/job.2442
- Mullins L., Chabonneay E., Riccucci N. (2021). The effects of family responsibilities discrimination on public employees' satisfaction and turnover intentions: Can flexible work arrangements help? *Review of Public Personnel Administration*, 41(2), 384–410. DOI: 10.1177/0734371X19894035
- Nagi J., Robb A. (2008). Can universities be good corporate citizens? *Critical Perspectives on Accounting*, 19(8), 1414–1430. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2007.10.001>
- Tang A.D., Luu T.T. Chen W.K., Liu S.C. (2023). Internal corporate social responsibility and customer-oriented organizational citizenship behavior: The mediating roles of job satisfaction, work-family facilitation, life satisfaction, and the moderating role of organizational tenure. *Journal of Sustainable Tourism*, 32(5), 986–1007. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2023.2195134>
- Tutton J., Brand V. (2023). Should business have 'a sense of morality'? Company director views on corporate engagement with socio-political issues. *Public Relations*, 49(1), 102278. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2022.102278>
- Volkova N.V., Chiker V.A. (2016). Features of career choices through the generation theory: The results of empirical research. *Vestnik of Saint Petersburg University Management*, 15(4), 79–105. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2016.404
- Wang J., Zhao Y., Sun S., Zhu J. (2023). Female-friendly boards in family firms. *Journal of Business Research*, 157. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.113552
- Warhurst A. (2004). Future roles of business in society: The expanding boundaries of corporate responsibility and a compelling case for partnership. *Futures*, 37(2-3), 151–168. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2004.03.033>
- Wong K., Chan A.H.S., Teh P.-L. (2020). How is work-life balance arrangement associated with organizational performance? A meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(12), 1–19. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17124446>
- Wuestenenk N., Begall K. (2022). The motherhood wage gap and trade-offs between family and work: A test of compensating wage differentials. *Social Science Research*, 106. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2022.102726
- Zappala G. (2004). Corporate citizenship and human resource management: A new tool or a missed opportunity? *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 42(2), 185–201. DOI: <https://doi.org/10.1177/1038411104045362>

Сведения об авторах

Альбина Анатольевна Мехова — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, г. Череповец, Советский пр-т, д. 8; e-mail: aamekhova@chsu.ru)

Ирина Николаевна Воробьева — кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, г. Череповец, Советский пр-т, д. 8; e-mail: invorobeva@chsu.ru)

Ася Сергеевна Вавилова — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru), Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56)

Mekhova A.A., Vorobeva I.N., Vavilova A.S.

Corporate Demographic Business Practices: Attitudes of Russian Students as Future Employees

Abstract. The demographic challenges facing the country, especially given their impact on the problem of personnel shortage in the labor market, are creating a demand for the active involvement of business in the implementation of priority national tasks aimed at supporting families and strengthening family values. An institution of corporate citizenship in the demographic sphere is being formed. Enterprises include in the range of social responsibility tasks to support employees fulfilling parental responsibilities and their families. Corporate demographic policy becomes a factor in successful competition for personnel, contributes to the formation of a reputation as a responsible employer. It is relevant and practically significant to study how important corporate demographic practices are for the employees themselves. In terms of forecasting the development of the situation, the opinion of future employees – Russian students – is of particular interest. The article presents an analysis of the ideas of students of Russian universities about corporate demographic practices, about the importance of these practices when choosing an employer. A special perspective and novelty of the study is to identify the relationship between the attitude of students to corporate demographic practices and the expression of their attitudes towards family and parenthood. The author's methodology for collecting and analyzing qualitative sociological data has been developed and tested. The empirical base consisted of materials from 169 essays by senior students of universities in three federal districts of the Russian Federation – Northwestern, Siberian and Ural. The study revealed a low level of awareness among students about the corporate demographic policy of Russian business. At the same time, the demand for corporate demographic practices depends on the attitudes and value orientations of future employees. Students with high levels of family-oriented attitudes demonstrate higher levels of awareness of corporate demographic practices and give higher ratings to the importance of such practices when choosing an employer. The study confirms the importance of targeted work to develop Russian students' commitment to family values and ideas about the possibility of effectively combining professional and parental trajectories. A conclusion is made about the potential influence of corporate family support practices on the reproductive behavior of future employees, which in turn contributes to the achievement of strategic national goals to overcome demographic challenges.

Key words: corporate citizenship, ESG agenda, corporate demographic policy, Russian students, attitudes toward family and parenthood, employer.

Information about the Authors

Albina A. Mekhova – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, head of department, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: aamekhova@chsu.ru)

Irina N. Vorobeva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: invorobeva@chsu.ru)

Asya S. Vavilova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru), Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM) (56, Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation)

Статья поступила 17.03.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.10

УДК 614.2, ББК 51.1:51.9

© Калашников К.Н.

Доступность и качество медицинской помощи для пожилого населения как особой социально-демографической группы

Константин Николаевич**КАЛАШНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: konstantino-84@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9558-3584; ResearcherID: I-9519-2016

Аннотация. В статье обсуждается проблема качества и доступности медицинской помощи для пожилого населения современной России. На основе литературных источников и данных социологических исследований обосновываются высокий уровень и особый характер потребностей лиц старшего возраста в медицинском обслуживании. Цель исследования — оценка качества и доступности медицинской помощи для пожилого населения Вологодской области в сравнении с другими возрастными группами, а также в разрезе частного и государственного секторов здравоохранения. Информационной базой послужили данные социологических опросов населения Вологодской области, собранные в течение 2018–2024 гг., что обеспечило возможность проследить динамику мнений респондентов, в том числе в условиях пандемии COVID-19. Качество и доступность медицинской помощи оцениваются через соответствующие индексы, что позволяет осуществлять интерпретацию данных с помощью графической визуализации результатов в двумерном поле оценок. На основе проведённого анализа выявлены варианты сопряжения и дихотомии между параметрами доступности и качества медицинской помощи, отражающие как общие для разных возрастных групп черты, так и значимые различия. Практическую ценность и особую актуальность полученным результатам придаёт их соотнесённость с практиками коммерциализации здравоохранения, разделение оценок респондентов между государственными и частными медицинскими организациями. Новизна проведённого исследования состоит в апробации альтернативного методического подхода к оценке качества и доступности медицинской

Для цитирования: Калашников К.Н. (2025). Доступность и качество медицинской помощи для пожилого населения как особой социально-демографической группы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 180–193. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.10

For citation: Kalashnikov K.N. (2025). Healthcare access and quality for older adults as a special socio-demographic group. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 180–193. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.10

помощи с выявлением возрастных различий и особого характера реагирования пожилых пациентов на изменения в здравоохранении в контексте пандемии COVID-19.

Ключевые слова: пожилое население, доступность медицинской помощи, качество медицинской помощи, здравоохранение, государственный сектор, частный сектор, Вологодская область.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Введение

В первой четверти XXI века не только подтвердилась обоснованность многих высказанных ранее и связанных с динамикой народонаселения планеты опасений, но и появились новые большие эпидемиологические вызовы, на которые человечеству придётся реагировать в ближайшие десятилетия (Fulmer et al., 2021). Так спрогнозированная тенденция старения населения может привести к ещё большим, чем ожидалось, негативным последствиям для общества и экономики, если будет сопровождаться возникновением таких серьёзных угроз, как пандемия COVID-19 (Григорьева, Богданова, 2020).

Особую актуальность в этом контексте приобретают проблемы старшего поколения. И хотя права пожилого населения на достойные условия жизни не отличаются от таковых для других социально-демографических групп, люди старших возрастов по причине физиологических, психологических и других особенностей требуют внимательного и деликатного отношения к себе (Федин и др., 2020). Особенно это касается сферы охраны здоровья. В одной из недавно опубликованных работ, посвящённых данной проблеме, были выявлены барьеры доступности медицинской помощи, которые можно разделить на общие для всех возрастных категорий (отсутствие нужных специалистов, неудобный график работы учреждений, необходимость оплачивать отдельные процедуры) и специфические, создающие трудности в посещении медицинских учреждений именно для пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями (отсутствие в поликлинике условий для лиц с ходунками, на колясках) (Чукавина и др., 2024).

Старший возраст характеризуется повышенным риском развития заболеваний сердечно-

сосудистой системы, новообразований, снижением резистентности организма к инфекциям, прочими сопутствующими ограничениями. Физическая и психологическая уязвимость составляют специфическую характеристику этой возрастной группы, а организация для её представителей широкого доступа к медицинской помощи должного качества выступает важнейшим пунктом в системе достижения здоровой или благополучной старости (Землянова, 2024; Белехова и др., 2024). В связи с этим и медицинская помощь как социальный ресурс, и материальные объекты, которые являются источником её получения (например, здания поликлиник), с позиций материальной геронтологии рассматриваются в качестве важных атрибутов повседневности и среды (Галкин, 2021). Перед всеми странами мира сегодня стоят серьёзные задачи по обеспечению своевременного и пропорционального ответа на растущие потребности пожилого населения в медицинской помощи и долговременном уходе. Базовыми индикаторами эффективности систем здравоохранения должны стать два: доступность медицинской помощи, отражающая саму возможность её получить, и качество, характеризующее квалификацию медицинского персонала и результативность оказанной помощи, её соответствие передовым достижениям медицинской науки.

Вместе с тем мониторинг качества и доступности медицинской помощи на уровне организаций и территорий встречается с рядом сложно разрешимых методологических и инструментальных проблем. Важнейшая из них касается неоднозначности содержания и понимания обсуждаемых категорий. Часто эти термины принимаются как синонимичные, но нередко случаи, когда их рассматривают в качестве эле-

ментов друг друга. Вместе с тем есть основания предполагать, что наибольшей аналитической ценностью будет обладать подход к интерпретации качества и доступности медицинской помощи, опирающийся на их оппозицию. Именно он был применён в данной статье. Для этого разработан и апробирован инструментарий оценки доступности и качества медицинской помощи в региональном измерении. Цель исследования — анализ субъективных оценок качества и доступности медицинской помощи со стороны пожилых жителей региона как социальной группы, характеризующейся высокой потребностью в этих благах и особой чувствительностью к их дефициту.

Теоретические аспекты

В настоящем исследовании внимание уделяется двум важным теоретическим предпосылкам. Во-первых, методологическим и инструментальным возможностям и ограничениям оценки доступности и качества медицинской помощи на уровне популяции и территории. Во-вторых, специфике потребностей, ценностных установок и, вероятно, особого восприятия медицинской помощи представителями пожилого населения как социально-демографической группы. С возрастом вероятность приобрести хроническую патологию или какую-то форму функциональных ограничений, как недостаток подвижности и силы, утрата зрения или слуха, потеря способности к общению или снижение когнитивных функций, инвалидность, возрастает. Нарушение координации движений повышает риски получения других травм и увечий, например, при падениях или в дорожно-транспортных происшествиях, при этом становясь препятствием для выздоровления. Это показывает специфичность пожилого населения как социально-демографической категории, требующей дополнительного внимания со стороны общества, государства и медицинских служб. Неслучайно в современной практике управления всё больше распространяются концепции, связанные с отзывчивостью систем здравоохранения к проблемам и особым потребностям пожилых людей¹ (Lehning, De Biasi, 2018).

¹ Amanda J. Lehning and Anne De Biasi. Creating an Age-Friendly Public Health System: Challenges, Opportunities, and Next Steps. 2018. 18 p.

Эта специфика выражается в необходимости комплексного подхода к ведению пожилых людей, особенно в случаях присутствия дисфункциональных нарушений, при оказании помощи в условиях медицинских учреждений (Мелконян и др., 2021; Исаев и др., 2022). В издании, опубликованном Статистическим комитетом при совете министров стран Северной Европы (NOMESCO), предложены и апробированы в рамках сравнительного анализа стран Северной Европы показатели качества медицинской помощи, учитывающие специфику пожилых как особой категории пациентов². Однако авторы отчёта сосредоточивают внимание на узкой категории диагнозов и видов медицинских услуг, оказываемых в условиях стационара, что придаёт оценке конкретность, но ограничивает её информативность применительно ко всему пожилому населению, которое обладает заведомо различными характеристиками здоровья и потребностями в медицинском обслуживании.

Особого внимания требует проблема трактовки понятий «доступность» и «качество». Она становится очевидной уже на уровне обзора российского федерального законодательства в сфере охраны здоровья населения. Так, в тексте N 323-ФЗ РФ составляющие доступности медицинской помощи строго не отделены от критериев её качества (Статья 10. «Доступность и качество медицинской помощи»)³. При анализе нормативного регулирования деятельности по оценке качества и доступности медицинской помощи также обнаруживается ряд заложенных в них противоречий и ограничений, что затрудняет разработку и эффективную реализацию мер по обеспечению этих важнейших критериев (Коломийченко, 2020). Возможности и ограничения количественной оценки качества и доступности медицинской помощи имеют некоторые отличия. Так, принято считать, что доступность более, чем качество, поддаётся измерению, особенно если речь идёт о социологических опросах населения, предполагающих субъективизм восприятия и, следовательно, оценки. Доступность же медицинских служб

² Health and health care of the elderly in the Nordic Countries — from a statistical perspective. Nordic Medico-Statistical Committee. Copenhagen, 2017. 170 p.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011.

достаточно успешно формализуется в ряде составляющих, выделенных Д. Питерсом (Peters et al., 2008). Например, географическая доступность медицинской помощи может оцениваться на основе расстояния, разделяющего потребителя и поставщика, а также качества работы транспорта и ряда контекстуальных нюансов, финансовая доступность — на основе желаний и возможностей пользователей оплачивать предоставляемые услуги, наличием страховых инструментов защиты от экономических последствий расходов на здравоохранение (Локосов и др., 2024). Финансовая доступность приобретает особую актуальность вследствие широкой коммерциализации отрасли, а также с учётом установленной российскими исследователями связи между материальным благополучием и медицинской активностью (Кислицина, Чубарова, 2023). Пожилые люди в этом отношении попадают в категорию повышенного риска (Мухарьмова, Савельева, 2019). С развитием информационных технологий доступность получила и «цифровое» измерение. Так, наличие телемедицинских технологий и опции дистанционного консультирования уже дополняют перечень аспектов доступности медицинской помощи для населения (Медведева и др., 2022). Однако проработанность структуры доступности медицинской помощи не отменяет сложности установления границ при проведении соответствующих оценок.

Качество медицинской помощи или услуг как объект измерений обладает рядом принципиальных ограничений. В большинстве случаев они обусловлены асимметричной информацией, описанной как экономический феномен К. Эрроу и Дж. Акерлофом (Arrow, 1963; Akerlof, 1970). В случае смешанных систем здравоохранения, которые характерны для большинства стран мира, ситуация усугубляется несепарированностью рынков медицинских услуг, что затрудняет поиск и анализ информации о разных альтернативах лечения для пациентов. В результате оценка качества выходит за рамки когнитивных возможностей потребителя. В целях нивелирования информационной асимметрии применяются меры административного характера, прежде всего стандартизация и лицензирование. Оценка качества осуществляется в контексте анализа адекватности

маршрутизации и следования протоколам лечения. Могут включаться и неформальные составляющие контроля — моральные установки и ориентиры. Вместе с тем субъективные оценки, если оговариваются упомянутые выше ограничения интерпретации, также могут иметь место при соответствующих методологических и методических оговорках. Так, опрос об удовлетворённости качеством помощи применяется не только на уровне популяции, но и на микроуровне. Например, Л.В. Мамедова описывает практику оценки качества медицинской помощи после проведения оперативных вмешательств в отделениях стационаров отохирургии. Оценка проводится как со стороны персонала, так и со стороны пациентов через динамику показателей их качества жизни и психоэмоционального состояния пациентов (Мамедова, 2012). Заметим, что доступность в этом случае было бы разумно оценить через ответы на вопрос о длительности ожидания плановой операции, транспортной удалённости больницы и пр.

Однако особенно важным представляется то, каким образом категории «доступность» и «качество» могут и должны соотноситься друг с другом в контексте анализа политики и качества управления в здравоохранении. Анализ источников позволил выявить три альтернативных подхода к трактовке связей между доступностью и качеством медицинской помощи.

1. Доступность и качество принимаются если и не как синонимичные понятия, то, во всяком случае, смежные и взаимно сообщающиеся (Царик и др., 2017).

2. Доступность рассматривается как элемент и критерий качества (Шарабчиев, Дудина, 2013).

3. Категории «качество» и «доступность» разделяются, но при этом анализируются параллельно, ведётся поиск вариантов их сопряжения или дихотомии, что особенно важно в условиях сосуществования государственного и частного секторов в здравоохранении. Именно данный подход обладает наибольшей аналитической ценностью. Одним из ярких примеров его успешной апробации видится исследование субъективных оценок доступности и качества медицинской помощи гражданами трёх англоязычных стран — США, Канады и Вели-

кобритании, выявившее нюансы системной дихотомии⁴. Явные налёты на преимущества этого подхода можно встретить, хотя и нечасто, в работах российских и зарубежных учёных. Так, канадские исследователи S. Haddad и P. Fournier говорят об опасности абсолютизации принципа всеобщего доступа к медицинской помощи в развивающихся странах в ущерб соблюдению требований к её качеству (Haddad, Fournier, 1995). В работах ряда исследователей (Кочкина и др., 2014; Шишкин и др., 2019) дихотомия между качеством и доступностью читается «между строк» в описании результатов социологического опроса, согласно которым значительная часть респондентов высказывается в пользу качества медицинской помощи даже при ограниченной её доступности. Однако нельзя не отметить присущий подобным опросам разрыв между мотивами и установками с одной стороны и реальными действиями — с другой (эффект Ла-Пьера). Иными словами, вербализируемые установки не обязательно имплементируются, и ответы респондентов, не фиксирующие объективный опыт, могут не отражать их поведение в реальной жизни. Одной из задач нашего исследования стало преодоление данного упущения путём апелляции к актуальному опыту респондентов.

Проводимое в статье сопоставление критериев доступности и качества медицинской помощи, оказываемой в организациях коммерческого и государственного секторов, обусловлено всё более широким распространением среди жителей страны практик оплаты медицинских услуг из собственных средств и уже встречающимися в периодической печати интересными результатами такого подхода к исследованию (Иванов и др., 2023). Доступность и качество как характеристики медицинской помощи следует рассматривать как универсальные категории, а выбор критерия для выделения групп в рамках сравнительного анализа должен быть продиктован конкретной задачей исследования. Например, может вызывать интерес сопоставление оценок доступности и качества медицинской помощи в свете гендерных, территориальных, имущественных и прочих различий.

⁴ Blizzard R. Healthcare System Ratings: U.S., Great Britain, Canada. GALLUP. Available at: <http://www.gallup.com/poll/8056/healthcare-system-ratings-us-great-britain-canada.aspx>

В контексте обозначенных выше актуальных проблем, прежде всего устойчивой тенденции старения и противоречивости развития современного российского здравоохранения, заслуживает особого внимания анализ соотношения параметров «доступность» и «качество» в оппозиции возрастных категорий респондентов.

Материалы и методы

Информационную базу работы составляют итоги социологических опросов, репрезентирующих мнения и оценки взрослого населения Вологодской области. Полевые социологические исследования проведены на территории региона в 2018, 2020, 2022 и 2024 гг., что позволяет оценивать ситуацию в динамике и с учётом изменяющихся эпидемиологических условий, например в контексте развития пандемии COVID-19. Опрос проводился путём раздаточного анкетирования и охватил крупные города региона Вологду и Череповец, а также 8 муниципальных районов, включая малые города. Объём выборки — 1500 человек. Выборка — пропорциональная квотная, её ошибка составляла 4%. В анкете вопросы по доступности и качеству медицинской помощи расположены в разделе, посвящённом медицинской активности. В первую очередь респондентам предлагалось оценить доступность медицинской помощи («Оцените, пожалуйста, уровень доступности для Вас помощи, оказываемой в государственных и частных медицинских учреждениях»), выбрав вариант ответа из предложенных: 1) «высокий», 2) «средний», 3) «низкий» и 4) «медицинские услуги совершенно недоступны». Вопрос о качестве сформулирован следующим образом: «Как Вы в целом оцениваете уровень качества медицинской помощи, оказываемой в государственных учреждениях (поликлиниках, больницах и т. д.) и частных медицинских организациях?» Предлагалось выбрать один ответ из ряда: «высокий», «средний», «низкий», «качество никуда не годится». Соответствующие оценки по двум типам организаций — «государственные поликлиники и больницы» и «частные медицинские организации» — изначально разделялись.

В основу исследования легли ответы респондентов, обладающих фактическим опытом обращения в медицинские организации в течение 12 месяцев, предшествовавших опросу. Поскольку исследование было ориентирова-

но на выявление мнений пожилого населения региона, в анализе сделан акцент на результатах касающихся именно данной категории респондентов. Для определения особенностей анализируемой категории населения приводятся данные и по другим возрастным группам (выборка делится на три возрастные группы: 1) молодые жители области в возрасте от 18 до 30 лет; 2) средневозрастные, от 30 до 60 (55) лет; 3) пожилые старше 60 (55) лет), а также в целом по всем респондентам вне зависимости от возраста. По итогам опроса рассчитаны индексы доступности (ИД) и качества (ИК) медицинской помощи. Способ калькуляции в обоих случаях предполагает вычисление разности между суммами удельных весов положительных и отрицательных оценок в общем пуле ответов респондентов. Для исключения отрицательных значений индексов полученная разность суммируется со слагаемым 100. Сопоставление индексов в контексте выявления возрастной специфики происходит с помощью оценки глубины различий — через отношение минимального по ряду значений индекса к максимальному и через отношение индекса, рассчитанного для группы пожилых, к среднему по всей выборке значению. Параллельный анализ параметров качества и доступности осуществляется как расчётным путём, через соотношение соответствующих им коэффициентов, так и графическим способом. Размещение возрастных групп в виде точек в системе координат «доступность — качество» благодаря наглядности обеспечивает аналитическую ценность.

С учетом стремительного развития в регионе частного сектора здравоохранения анализ доступности и качества медицинской помощи проводился в разрезе государственного и частного секторов. Поскольку в современных условиях граница между ними размывается (так, в государственных учреждениях существуют платные отделы медицинской помощи, а в частных — редкая практика оплаты медицинских услуг через систему ОМС), требуется определить критерий их разделения для решения задач исследования. В качестве базового выбран критерий «форма собственности». В соответствии с ним секторы здравоохранения представлены учреждениями соответствующего перечня организационно-правовых форм.

Результаты

Пожилые люди в регионе демонстрируют наибольшую среди всех возрастных групп потребность в медицинской помощи. Хотя для представителей трёх анализируемых категорий населения здоровье выступает наивысшей ценностью, пожилые чаще прочих склонны ставить его на высшую ступень иерархической структуры личностных ценностей. Так, если среди молодёжи и лиц среднего возраста соответственно 70 и 67% отмечают, что здоровье является для них главной ценностью, то среди пожилых удельный вес таких ответов достигает 84%. Эти различия между возрастными группами обеспечиваются снижением субъективной важности для пожилых материального достатка, работы и общественного признания. Высокая потребность лиц старших возрастов в медицинской помощи обусловлена не только динамикой ценностных стереотипов, но также и объективными требованиями (повышение рисков возникновения заболеваний и, следовательно, необходимость регулярного прохождения диспансеризации) и ухудшением физического здоровья: 39% представителей старшей группы признаются, что страдают длительно протекающими хроническими заболеваниями (среди молодёжи и средневозрастной категории этот показатель составляет 5 и 10% соответственно).

Абсолютное большинство представителей всех трёх выделяемых возрастных групп, а именно 82% молодых, 86% средневозрастных и 90% пожилых респондентов, признают личную ответственность за своё здоровье. Роли государства и семьи отдаётся 3-я и 4-я ступени рейтинга, а возрастные различия здесь практически отсутствуют. Вместе с тем с возрастом происходит незначительная, но всё-таки фиксируемая трансформация радиуса ответственности за здоровье. Представители старшего возраста возлагают большую, чем молодые, ответственность за собственное здоровье на медицинских работников (такой вариант ответа выбрали 58% пожилых, тогда как среди молодёжи его удельный вес составил 39%, среди респондентов среднего возраста — 49%). Это во многом обусловлено повышением их медицинской активности. Пожилые жители региона чаще, чем прочие, становятся потребителями медицинских услуг. Если в категории молодёжи в

возрасте от 18 до 30 лет 57% обращались в течение последних двенадцати месяцев в медицинские организации, то среди респондентов среднего возраста удельный вес обращающихся составил уже 69%, а для группы пожилого населения достиг 84% (табл. 1).

Пожилые люди чаще, чем представители молодой и средневозрастной категорий респондентов, обращаются в государственные медицинские учреждения (в 2024 году 55% пожилых посещали исключительно их, тогда как среди молодёжи эта доля составила 34%, среди представителей среднего возраста – 39%). Вместе с тем пожилое население незначительно, но всё-таки чаще, чем молодые люди и лица среднего возраста, проявляют смешанную медицинскую активность, чередуя или сочетая обращения в организации обоих секторов здравоохранения.

Представляет интерес анализ динамики индексов доступности и качества медицинской помощи в контексте развития пандемии COVID-19. В доковидный период (мы располагаем данными за 2018 год) фиксировался высокий уровень удовлетворённости пожилых жителей региона, посещавших государственные медицинские учреждения, её доступностью (ИД=153,6) и особенно – качеством (ИК=164,1). В 2020 году, когда пандемия достигла пика, оценки удовлетворённости обсуждаемой категории респондентов качеством и доступностью медицинской помощи достигли самого высокого за анализируемый период уровня (ИК=181,4; ИД=165,8). В последующие годы уровень удовлетворённости респондентов качеством и доступностью существенно снизился. Особенно негативная ситуация отмечена в 2022 году (ИК = 104,4; ИД = 111,6). При

этом, в отличие от ситуации 2018 и 2020 гг., в постковидный период оценки доступности начали преобладать над оценками уровня качества медицинской помощи.

Оценки пожилыми жителями региона качества и доступности медицинских услуг, оказываемых в частных медицинских организациях, за все годы измерений существенно превышали таковые в государственном секторе и менялись сходным образом. В постковидные годы фиксировалось снижение индексов, но эти изменения были умеренными. В течение всего периода индексы качества медицинских услуг в частных организациях превышали индексы доступности.

Представители различных возрастных групп (здесь пожилые респонденты не демонстрируют заметных различий с молодыми и средневозрастными группами), как правило, склонны выше оценивать качество, нежели доступность медицинской помощи, причём независимо от сектора здравоохранения. Об этих различиях можно судить по соотношению коэффициентов (ИК/ИД; табл. 2). Зафиксировано несколько случаев, когда ИД всё-таки превышал ИК. Наиболее значимым исключением стал 2024 год: оценки доступности медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями, тогда значительно уступали параметрам качества (ИК/ИД = 0,882). В оценках пожилых индексы качества выше индексов доступности, что соответствует замерам, проведённым среди представителей молодой и средневозрастной категорий населения. Единственное исключение из этого правила составили оценки молодыми респондентами качества услуг в частных организациях, которые в 2020 году несуще-

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Обращались ли Вы в течение последних 12 месяцев в медицинские учреждения?» (Вологодская область, 2024 год), %

Вариант ответа	От 18 до 30 лет	От 30 до 60 (55) лет	От 60 (55) и >	В среднем по всем группам
Обращались в медицинские учреждения, в том числе:	57,4	68,7	83,5	72,5
в государственные	46,4	56,7	76,5	62,4
в частные	23,4	29,4	28,1	28,1
Только в государственные	34,0	39,3	55,4	44,3
Только в частные	11,0	12,0	7,0	10,1
<u>И</u> в государственные, <u>и</u> в частные	12,4	17,4	21,1	18,1
Нет, не обращались	42,6	31,3	16,5	27,5
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области.				

ственно, но уступали параметрам доступности (ИК/ИД = 0,881). Отличия оценок пожилого населения региона от оценок представителей прочих возрастных групп касаются не принципиального соотношения параметров качества и доступности, а величины разрыва между ними в пользу первого. В 2024 году преобладание оце-

нок качества медицинской помощи, полученной респондентами в частных организациях региона, над её доступностью, зафиксированное в группе пожилого населения, достигло максимального за весь период измерений по всем возрастным группам значения (ИК/ИД составил 1,275).

Таблица 2. Индексы доступности и качества медицинской помощи для пожилого населения в сравнении с другими возрастными группами

Индекс	Возрастная группа			В среднем по группам	Глубина различий (min / max)	Отклонение значений старшей категории от среднего
	От 18 до 30 лет	От 30 до 60 (55) лет	От 60 (55) и >			
2018 год						
Государственные поликлиники и больницы						
ИК*	166,6	165,1	164,1	164,8	0,985	0,996
ИД**	152,4	146,0	153,6	150,1	0,951	1,023
ИК/ИД	1,093	1,131	1,068	1,098	0,966	0,973
Частные медицинские учреждения						
ИК	200,0	193,6	196,0	195,6	0,968	1,002
ИД	178,9	163,2	164,8	166,6	0,912	0,989
ИК/ИД	1,118	1,186	1,189	0,989	0,940	1,202
2020 год						
Государственные поликлиники и больницы						
ИК	178,3	177,9	181,4	179,6	0,981	1,010
ИД	164,4	160,8	165,8	163,4	0,970	1,015
ИК/ИД	1,085	1,106	1,094	1,099	0,981	0,995
Частные медицинские учреждения						
ИК	169,4	187,6	193,6	187,2	0,875	1,034
ИД	192,3	177,8	177,4	179,6	0,923	0,988
ИК/ИД	0,881	1,055	1,091	1,042	0,808	1,047
2022 год						
Государственные поликлиники и больницы						
ИК	109,2	106,8	104,4	106,2	0,956	0,983
ИД	111,6	113,1	111,6	112,3	0,987	0,994
ИК/ИД	0,978	0,944	0,935	0,946	0,956	0,988
Частные медицинские учреждения						
ИК	176,2	170,6	177,0	173,8	0,964	1,018
ИД	152,6	162,9	151,4	157,4	0,929	0,962
ИК/ИД	1,155	1,047	1,169	1,104	0,896	1,059
2024 год						
Государственные поликлиники и больницы						
ИК	130,4	133,1	115,0	124,9	0,864	0,921
ИД	153,6	147,8	132,5	141,6	0,863	0,936
ИК/ИД	0,849	0,901	0,868	0,882	0,942	0,984
Частные медицинские организации						
ИК	175,5	182,8	182,9	182,0	0,960	1,005
ИД	167,2	168,3	143,5	156,9	0,853	0,915
ИК/ИД	1,050	1,086	1,275	1,160	0,824	1,099

*ИК – индекс качества; **ИД – индекс доступности.

Источник: рассчитано по данным социологического опроса населения Вологодской области.

*ИК – индекс качества; **ИД – индекс доступности.

Источник: рассчитано по данным социологического опроса населения Вологодской области.

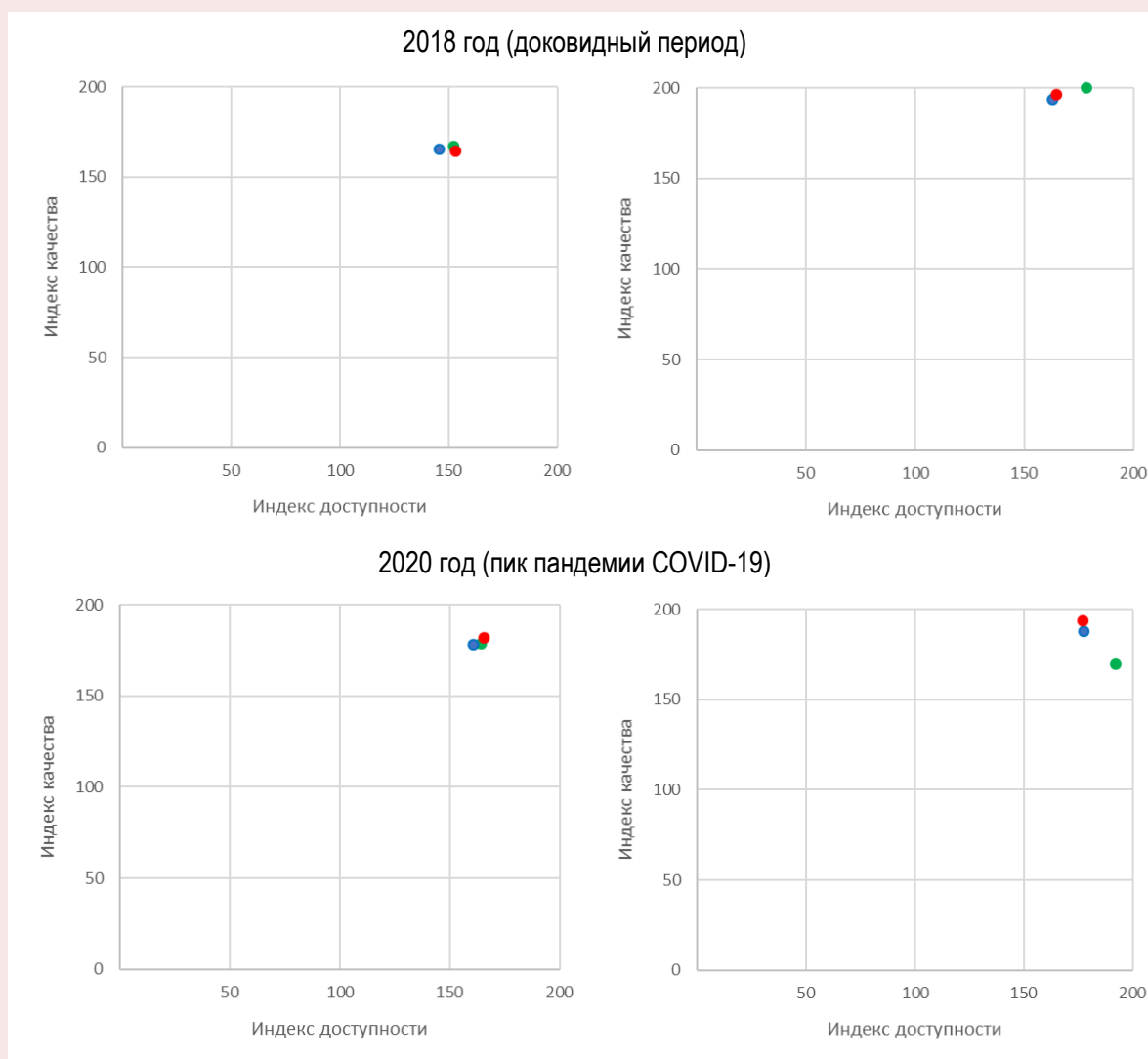
Соотношение параметров качества и доступности медицинской помощи, оказываемой учреждениями государственного сектора, по возрастным группам складывается таким образом, что соответствующие им точки на графике располагаются максимально близко друг к другу, а диапазон значений по обоим индексам минимален (рис. 1).

Исключение составили оценки медицинской помощи в государственном секторе в 2024 году: старшая возрастная группа располагалась на графике в отрыве от компактно расположив-

шихся рядом точек молодой и средней групп населения, причём по обоим оцениваемым критериям (рис. 2).

В случае, когда речь идёт об оценках качества и доступности услуг в рамках частного сектора, диапазоны значений индексов существенно расширяются, причём это происходит за счёт разрыва различных возрастных групп. В оценках 2018 и 2020 гг. отмечается заметный отрыв пожилой и средневозрастной групп от младшей, тогда как в 2022 году оппозицию друг другу уже составляют, с одной стороны, близко

Рис. 1. Дихотомические шкалы индексов доступности и качества медицинской помощи в государственном (слева) и частном (справа) секторах здравоохранения для возрастных групп: 1) от 18 до 30 лет (●), 2) от 30 до 60 (55) лет (●), 3) старше 60 (55 лет) (●)

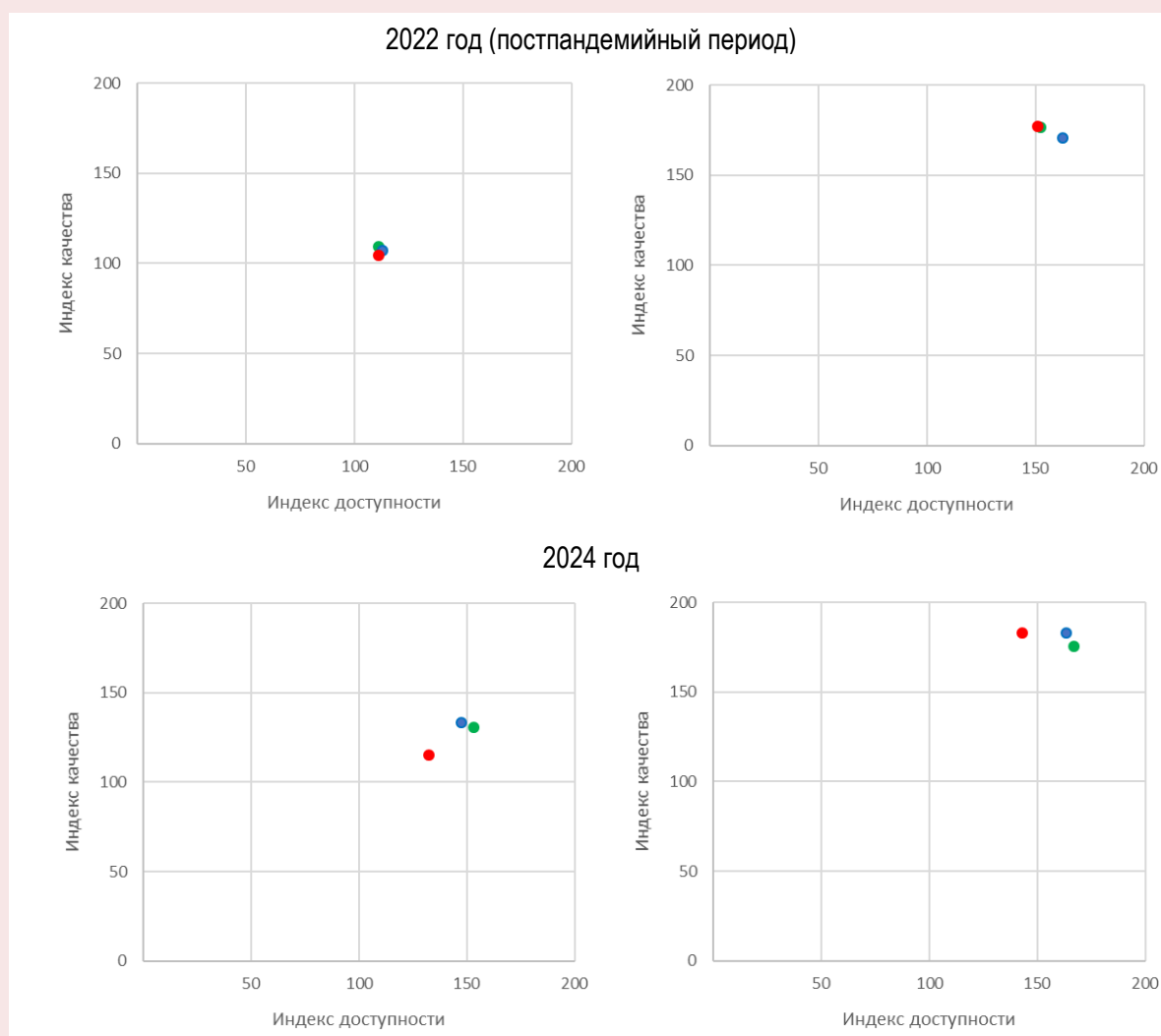
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области.

расположившаяся в поле оценок пара «молодёжь и пожилые» и, с другой стороны, категория средневозрастных жителей региона.

В 2024 году фиксируется максимальный за весь период измерений разброс в значениях индексов качества и доступности медицинской помощи между пожилыми и прочими возрастными группами в отношении государственных учреждений здравоохранения. Категория пожилых жителей региона существенно отстояла от молодой и средневозрастной групп населения по шкале доступности помощи в частном секторе (за счёт низких оценок представителей старшего поко-

ления: ИД для пожилых составил 115,0, для молодых — 130,4 и для средневозрастной группы — 133,1), тогда как по параметру «качество» существенного разброса в значениях индексов не фиксировалось. Заметим, что в 2022 году индекс доступности для категории пожилых принимал ещё меньшее значение — 104,4 (минимальное значение параметра за весь период измерений), но отрыв от других групп в итоге оказался несущественным, поскольку значения индексов и для двух других возрастных групп были крайне низкими (в группе молодёжи до 30 лет — 109,2, в группе средневозрастных — 106,8; *рис. 2*).

Рис. 2. Дихотомические шкалы индексов доступности и качества медицинской помощи в государственном (слева) и частном (справа) секторах здравоохранения для возрастных групп: 1) от 18 до 30 лет (●), 2) от 30 до 60 (55) лет (●), 3) старше 60 (55 лет) (●)

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области.

Обсуждение

Бóльшая удовлетворённость респондентов качеством, чем доступностью, медицинской помощи является свидетельством того, что главной проблемой для респондентов выступает сложность получения медицинской помощи и услуг. Между тем можно предположить, что обратное соотношение индексов, преобладание индекса доступности над индексом качества, характеризовало бы ситуацию как особенно неблагоприятную — открытый доступ к услугам не слишком высокого качества.

Результаты исследований за 2024 год свидетельствуют о негативных изменениях в доступности и качестве медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями, в целом по всем трём возрастным категориям респондентов. Особенно симптоматичным выглядит появившийся впервые за историю проведённых измерений отрыв старшей группы от двух других в оценках медицинской помощи, предоставляемой в государственном секторе, по обеим шкалам. Поскольку оценки основываются на мнениях респондентов, в качестве причин выявленных негативных изменений могут быть рассмотрены как объективное снижение доступности и качества медицинской помощи в государственном секторе, так и повышенный уровень ожиданий и притязаний пожилых людей, а также то, что исходно более низкие, чем у прочих групп, характеристики здоровья заставляют пожилых воспринимать все существующие изъяны в работе медицинских служб более остро и болезненно. Вместе с тем факт, что в более ранние периоды, в том числе и в пандемийный год, разброс между возрастными группами в оценках качества и доступности был минимальным, даёт основания искать объективные причины выявленных различий. В последние годы, особенно в 2024 году, наблюдался значительный рост стоимости жизни в России. Поскольку индексация пенсий отнюдь не покрывает рост цен на товары первой необходимости (продукты питания и лекарства), инфляция наносит удар по социально уязвимым категориям населения, в том числе пожилым людям. Соответственно, им все сложнее выкраивать средства для приобретения платных услуг, а доступность бесплатных не увеличивается.

Минимальное соотношение индексов доступности и качества медицинских услуг, предоставляемых частными организациями, в группе молодых респондентов до 30 лет следует интерпретировать через фиксацию высоких оценок уровня доступности и скромных — качества, что свидетельствует о высоких ожиданиях и запросах данной категории респондентов и имеющихся у них возможностях, прежде всего информационных и финансовых. Анализ пропорций удельных весов конкретных ответов респондентов позволяет отметить лишь одну деталь, которая нивелируется при калькуляции индексов: вклад положительных оценок в общий пул оценок в отношении государственных учреждений формируется с заметным преимуществом ответа «удовлетворительно», тогда как положительные оценки коммерческих организаций суммируются с превалированием высоких оценок, что особенно заметно во мнениях относительно качества помощи. Следовательно, респонденты воспринимают медицинскую помощь, предоставляемую общественным сектором, как некий гарантируемый государством минимум, тогда как частные поставщики медицинских услуг стремятся выйти за эти границы, претендуя на достижение высоких стандартов качества.

Сравнивая показатели доступности медицинских услуг в государственных и частных медицинских учреждениях, требуется сделать оговорку о том, что доступность помощи в частном и государственном секторах имеет принципиально разную природу. В государственном секторе доступность в первую очередь имеет отношение к самой возможности бесплатно попасть на прием к интересующему специалисту, которая определяется рядом условий пространственного (территориальная удалённость учреждения, наличие транспорта и пр.) и организационного (укомплектованность штатных должностей, наличие специалистов и сроки ожидания приёма) характера, или пройти необходимое обследование в разумные сроки. В частной клинике, несмотря на ряд ограничений аналогичного характера (например, необходимость ожидания приёма, территориальная удалённость организаций, которая может быть особенно актуальна для жителей сельских тер-

риторий, и пр.), основным фактором ограничения доступности выступает платность услуг.

Предложенный индексный подход к трактовке субъективных оценок доступности и качества медицинской помощи / услуг имеет как важные инструментальные преимущества, так и ограничения. С одной стороны, он характеризуется простотой расчёта и функциональностью (благодаря этим качествам он применим в сравнительном анализе территориальных и социально-демографических единиц). С другой стороны, он скрывает ряд нюансов в оценках. Положительные ответы респондентов, включённые в структуру индексов, латентно объединяют как высокие, так и удовлетворительные оценки, а именно в этих ответах проявляется разница в оценках государственного и частного секторов, происходит нивелирование различий между ними, в частности повышение общих оценок государственных поликлиник и больниц. Наиболее сложной проблемой интерпретации результатов выступает заложенный в методику субъективизм понимания респондентами категорий «доступность» и «качество». И если доступность как характеристика медицинской помощи обладает известным правом на интуитивный характер её восприятия и трактовки, то качество чаще всего принимается как атрибут, оценка которого должна опираться на высокий уровень экспертизы оценивающего субъекта.

Заключение

Таким образом, пожилые люди демонстрируют более высокий, чем представители других возрастных групп, уровень потребности в медицинской помощи в силу естественного ухудшения состояния здоровья. В постпандемийный период отмечаются важные и преимущественно негативные изменения в оценках параметров качества и доступности медицинской помощи пожилыми жителями Вологодской области. Это выражается как в существенном снижении оценок качества медицинской помощи, предоставляемой в государственных учреждениях здраво-

охранения (в 2022 году ИК составил 104,4, это минимальное значение индекса за весь период измерений, в 2024 году — 115,0), так и увеличения в 2024 году разрыва значений индексов по обоим параметрам медицинской помощи, предоставляемой государственным сектором, по сравнению с более молодыми возрастными группами. В 2024 году снизились оценки представителей старшей возрастной группы относительно доступности медицинских услуг, оказываемых частными медицинскими организациями, что сформировало разрыв по этому параметру с более молодыми возрастными категориями населения региона. Оценки пожилого населения, касающиеся параметров качества, демонстрировали стабильность. В итоге индекс различий в параметрах качества и доступности для обсуждаемой группы достиг максимального значения (1,275) за весь период исследования.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что пожилые люди оказываются в особой группе риска: имея более осязаемую, чем прочие категории населения, потребность в качественной медицинской помощи, они вынуждены преодолевать значительное количество барьеров для её получения, что осложняется естественными ограничениями — состоянием здоровья, проблемами с передвижением и пр. Необходимость оплаты ряда диагностических и лечебных процедур, а также обращение к альтернативному, коммерческому, каналу получения медицинских услуг осложняется низким уровнем платёжеспособного спроса. Это выражается в значительном отрыве представителей старшего поколения от других возрастных групп в оценках доступности медицинской помощи, оказываемой на базе частных организаций.

В целом используемый нами индексный подход к параллельной оценке доступности и качества медицинской помощи имеет перспективы практического применения, отличаясь простотой инструментария сбора и анализа данных, наглядностью результатов.

Литература

- Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12
- Галкин К. (2021). Сборки старения в различных средах: применение материальной оптики // Социологическое обозрение. Т. 20. № 2. С. 244–260. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-244-260

- Григорьева И., Богданова Е. (2020). Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/207819382020122187211
- Землянова Е.В. (2024). Благополучие пожилых россиян с позиций здоровья // *Ремедиум*. Т. 28. № 3. С. 286–292. DOI: 10.32687/1561-5936-2024-28-3-286-292
- Иванов Д.О., Орел В.И., Криволесова Т.А., Бородкина О.И. (2023). Оценка пациентками доступности медицинской помощи при подготовке к экстракорпоральному оплодотворению // *Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии*. № 22(4). С. 66–71. DOI: 10.20953/1726-1678-2023-4-66-71
- Исаев Р.И., Ткачева О.Н., Рунихина Н.К. [и др.] (2022). Ведение пациентов пожилого и старческого возраста с высоким риском развития делирия при оказании медицинской помощи в стационарных условиях. Клинический протокол // *Российский журнал гериатрической медицины*. Т. 1. № 17-23. DOI: doi.org/10.37586/2686-8636-1-2022-17-23
- Кислицина О.А., Чубарова Т.В. (2023). Факторы, влияющие на обращаемость россиян за медицинской помощью: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 94–108.
- Коломийченко М.Е. (2020). Критерии доступности и качества медицинской помощи: нормативное регулирование // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*. № 3. С. 46–51. DOI: 10.25742/NRIPH.2020.03.006
- Кочкина Н.Н., Красильникова М.Д., Шишкин С.В. (2015). Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 56 с.
- Локосов В.В., Ярашева А.В., Александрова О.А. (2024). Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения // *Народонаселение*. Т. 27. № 1. С. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205
- Мамедова Л.В. (2012). Оценка качества медицинской помощи в оториноларингологии. Т. 77. № 4. С. 61–64.
- Медведева Е.И., Александрова О.А., Крошилин С.В. (2022). Телемедицина в современных условиях: отношение социума и вектор развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 3. С. 200–222. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.11
- Мелконян Г.Г., Проценко Д.Н., Рунихина Н.К. [и др.] (2024). Консенсус по актуальным вопросам мультидисциплинарного ведения пожилых пациентов со старческой астенией при оказании плановой хирургической помощи // *Российский журнал гериатрической медицины*. № 3. С. 162–173. DOI: https://doi.org/10.37586/2686-8636-3-2024-162-173
- Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В. (2019). Доступность и справедливость здравоохранения для пожилых (в оценках населения и экспертов) // *Социологические исследования*. № 9. С. 136–145. DOI: 10.31857/S013216250006663-2
- Федин М.А., Изюмов А.Д., Ерусланова К.А., Котовская Ю.В., Ткачева О.Н. (2020). Доменный подход в ведении пожилых пациентов с сердечной недостаточностью. Настоящее и будущее // *Российский журнал гериатрической медицины*. Т. 2. № 4. С. 313–326. DOI: https://doi.org/10.37586/2686-8636-4-2020-313-326
- Царик Г.Н., Корбанова Т.Н., Абросова О.Е., Тен С.Б. (2017). Оценка доступности и качества медицинской реабилитации в Кемеровской области // *ПОЛИТРАВМА / POLYTRAUMA*. № 23. С. 55–63.
- Чукавина А.В., Выходчиков В.С., Тюфилин Д.С. [и др.] (2024). Барьеры доступности и организационные барьеры при получении медицинской помощи пожилыми людьми // *Российский журнал гериатрической медицины*. № 4. С. 296–304. DOI: https://doi.org/10.37586/2686-8636-4-2024-296-304
- Шарабичев Ю.Т., Дудина Т.В. (2013). Доступность и качество медицинской помощи: слагаемые успеха // *Международные обзоры: клиническая практика и здоровье*. № 4. С. 16–34.
- Шишкин С.В., Понкратова О.Ф., Потапчик Е.Г., Сажина С.В. (2019). Рейтинг доступности и качества медицинской помощи в субъектах Российской Федерации: препринт. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 96 с.
- Akerlof G.A. (1970). The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, 84(3), 488–500.
- Arrow K.J. (1963). Uncertainty and the welfare economics of medical care. *American Economic Review*, 53(5), 941–973.

- Fulmer T., Reuben D.B., Auerbach J. (2021). Actualizing better health and health care for older adults. *Health Affairs*, 40(2). DOI: <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2020.01470>
- Haddad S., Fournier P. (1995). Quality, cost and utilisation of health services in developing countries: A longitudinal study in Zaire. *Social Science & Medicine*, 40, 743–753. DOI: 10.1016/0277-9536(94)00134-F
- Lehning A.J., De Biasi A. (2018). *Creating an Age-Friendly Public Health System: Challenges, Opportunities, and Next Steps*.
- Peters D.H., Garg A., Bloom G., Walker D.G., Brieger W.A., Rahman M.H. (2008). Poverty and access to health care in developing countries. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1136, 161–171. DOI: <https://doi.org/10.1196/annals.1425.011>
- Von Heimburg D., Prilleltensky I., Ness O., Ytterhus B. (2022). From public health to public good: Toward universal wellbeing. *Scand J Public Health*, 50(7), 1062–1070. DOI: 10.1177/14034948221124670

Сведения об авторе

Константин Николаевич Калашников — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

Healthcare Access and Quality for Older Adults as a Special Socio-Demographic Group

Abstract. The article considers healthcare access and quality for older adults in modern Russia. Based on literature sources and sociological research data, we substantiate the high level and special nature of the needs of older people in medical care. The aim of the work is to assess healthcare access and quality for older adults in the Vologda Region in comparison with other age groups, as well as in the context of the private and public health sectors. The information base includes data from sociological surveys of Vologda Region population collected during 2018–2024, which provided an opportunity to track the dynamics of respondents' opinions, including in the context of the COVID-19 pandemic. Healthcare access and quality are assessed by appropriate indices, which helps to interpret the data using graphical visualization of results in a two-dimensional assessment field. Based on the analysis, we identify the conjugation and dichotomy between the parameters of healthcare access and quality, reflecting common features, as well as significant differences, for various age groups. The practical value and special relevance of the results obtained is due to their correlation with the practices of healthcare commercialization, the division of respondents' assessments between public and private medical organizations. The novelty of the study consists in testing an alternative methodological approach to assessing healthcare access and quality, identifying age differences and the specifics of elderly patients' response to changes in healthcare in the context of the COVID-19 pandemic.

Key words: older adults, healthcare access, healthcare quality, healthcare, public sector, private sector, Vologda Region.

Information about the Author

Konstantin N. Kalashnikov — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

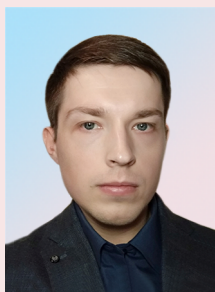
Статья поступила 09.01.2025.

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.11

УДК 314.3(470.1/2+571), ББК 60.7

© Смирнов А.В., Лыткина У.В., Чупрова Е.А.

Рождаемость на Севере России: пространственные и этнические закономерности

**Андрей Владимирович
СМИРНОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6952-6834; ResearcherID: N-8102-2017

**Ульяна Владимировна
ЛЫТКИНА**

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: ulytkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4875-6929; ResearcherID: MGA-2073-2025

**Екатерина Анатольевна
ЧУПРОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: eaklintsova@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-6640-7101; ResearcherID: MGA-2213-2025

Для цитирования: Смирнов А.В., Лыткина У.В., Чупрова Е.А. (2025). Рождаемость на Севере России: пространственные и этнические закономерности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 194–211. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.11

For citation: Smirnov A.V., Lytkina U.V., Chuprova E.A. (2025). Fertility in the North of Russia: Spatial and ethnic patterns. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 194–211. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.11

Аннотация. Север России объединяет города и районы, различающиеся по уровню рождаемости и моделям репродуктивного поведения, что делает его интересным объектом демографических исследований. В статье показатели рождаемости населения Севера России рассматриваются как на региональном, так и на муниципальном уровне, одновременно в условных и в реальных поколениях. Такая исследовательская оптика позволяет выявить пространственные и этнические закономерности. Анализ рождаемости в разрезе регионов и национальностей продемонстрировал быстрое снижение различий между субъектами РФ, что свидетельствует об ускоренном завершении демографического перехода на территориях с высокой рождаемостью. В то же время модели репродуктивного поведения внутри регионов становятся более разнообразными, что является признаком уже второго демографического перехода. Показатели выше уровня простого воспроизводства сохраняются только у тувинцев и ряда коренных малочисленных народов Севера. На муниципальном уровне рождаемость в условных поколениях оценена по данным переписей населения 2010 и 2021 гг., а в реальных поколениях — путем расчета коэффициента суммарной рождаемости методом косвенной стандартизации за 2015–2023 гг. Выявлены группы территорий Севера России с высокими и низкими показателями рождаемости. Показано, что за последние годы существенно снизился медианный уровень рождаемости населения северных территорий. Корреляционный анализ показателей рождаемости и этнического состава населения выявил, что уровень рождаемости в муниципальном образовании определяется прежде всего долей титульных национальностей и коренных малочисленных народов Севера, а среди молодых когорт — только долей малочисленных народов. Полученные результаты представляют интерес для разработки мероприятий демографической политики и построения прогнозов на региональном и муниципальном уровнях. В дальнейших исследованиях рекомендуется обратить внимание на зависимость рождаемости от развития социальной инфраструктуры Севера России.

Ключевые слова: рождаемость, реальные и условные поколения, пространственный анализ, этнические закономерности, муниципальные образования, Север России.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10061, <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>.

Введение

За 2015–2023 гг. коэффициент суммарной рождаемости в России снизился с 1,76 до 1,41, что делает актуальным изучение Севера России, в некоторых регионах которого показатели рождаемости существенно превышают среднероссийские. Из-за высокой этнической мозаичности Севера анализировать показатели рождаемости предпочтительно на муниципальном уровне — с учетом различий в национальном составе и пространственном расположении территорий. Важно понять, какие северные города и районы обладают более высоким репродуктивным потенциалом и почему.

В данном исследовании рождаемость в муниципальных образованиях Севера России за 2010–2023 гг. анализируется как в условных поколениях (по календарным годам рождения детей), так и в реальных (по годам рождения матерей). Одновременное рассмотрение с обоих

ракурсов является наиболее методологически корректным подходом для изучения процессов эволюции рождаемости (Захаров, 2023, с. 7). Условные поколения рассматриваются с помощью коэффициента суммарной рождаемости, полученного методом косвенной стандартизации. Эти данные позволяют объяснить краткосрочные изменения, обусловленные текущей социально-экономической ситуацией. Однако использование только коэффициентов суммарной рождаемости может приводить к неверным интерпретациям и давать дезориентирующие сигналы (Соботка, Лутц, 2011). Сведения в реальных поколениях получены из итогов переписей населения 2010 и 2021 гг. Они позволяют понять долгосрочные исторические тенденции в рождаемости.

В начале статьи рассматриваются существующие исследования рождаемости в северных регионах России и мира. Затем представлены

методика исследования и обзор источников данных. Результаты исследования разбиты на два раздела. Первый описывает закономерности рождаемости на региональном уровне. В нем рассмотрена рождаемость русских, титульных этносов национальных республик (карелы, коми, тувинцы и якуты) и коренных малочисленных народов Севера. Второй раздел посвящен анализу рождаемости на муниципальном уровне в условных и реальных поколениях. С помощью корреляционного анализа выявлены этнические факторы рождаемости. В заключении обобщены результаты исследования.

Рождаемость на Севере в оптике условных и реальных поколений

Рождаемость в России изучалась на всех уровнях — от федерального до муниципального и поселенческого. Наиболее полные временные ряды итоговой рождаемости XX—XXI вв. в масштабах всей страны в реальных и условных поколениях рассмотрены в работе (Захаров, 2023). П.А. Кишенин рассчитал итоговую рождаемость в реальных поколениях для 83 регионов России за 1935—2000 гг., причем данные с 1973 года являются прогнозными, поскольку женщины, родившиеся позднее, еще не вышли из репродуктивных возрастов (Кишенин, 2023). А.Н. Петросян рассмотрел рождаемость в России на муниципальном уровне в условных поколениях 2011—2019 гг. путем расчета коэффициента суммарной рождаемости. Он использовал метод косвенной стандартизации, чтобы оценить рождаемость по 2304 муниципальным образованиям первого уровня (Петросян, 2021).

На региональном уровне динамика уровней рождаемости исследовалась как на Севере (Фаузер и др., 2024), так и в Арктике (Смирнов, 2023), в т. ч. в реальных поколениях (Синица, 2017). В последние годы среди северных регионов лишь Магаданская область характеризуется уровнем рождаемости ниже среднероссийского, но во второй половине 2010-х гг. по всему Северу наметилась тенденция к сокращению суммарной рождаемости (Фаузер и др., 2024, с. 138). На муниципальном уровне по переписям населения рассматривалась рождаемость в Ямало-Ненецком автономном округе (Arkhangelsky, 2021) и Республике Коми (Фаузер, 2023). На примере Республики Саха (Якутия) выявлены различия в уровне рождае-

мости муниципальных образований по их экономической специализации (Лебедева и др., 2022, с. 411). Наивысшие показатели продемонстрировали сельскохозяйственные территории. Выборочные обследования показывают, что у молодых северян, как и у жителей России в целом, снижается желаемое и ожидаемое число детей (Попова, 2022, с. 102), причем показатели у женщин ниже, чем у мужчин (Архангельский, Калачикова, 2021, с. 168—169). В научных работах рассмотрена периодизация мер демографической политики на Севере (Зырянова, Попова, 2021) и сравнительный анализ программ материнского капитала (Vakulenko et al., 2024).

В международных исследованиях изучены проблемы рождаемости в северных странах Европы (Heleniak, 2024) и мировой Арктике (Heleniak, Bogoyavlenskiy, 2014), в том числе с привлечением муниципальных данных (Jungsberg et al., 2019). Долгое время Северная Европа отличалась высокой относительно большинства развитых стран мира рождаемостью (Comolli et al., 2021). Это объяснялось щедрой системой социального обеспечения, длительным отпуском по уходу за детьми, высоким равенством между полами как на рынке труда, так и в домашнем хозяйстве. В 2010 году суммарная рождаемость составила 1,87 детей на одну женщину в Финляндии, 1,98 — в Швеции и 2,22 — в Исландии. После 2010 года показатели неуклонно снижались и к 2024 году уже почти не отличались от среднеевропейских значений: 1,26, 1,43 и 1,56 соответственно¹.

Исследования скандинавских демографов показывают, что нисходящая динамика общей рождаемости объясняется в первую очередь снижением рождаемости первенцев (Ohlsson-Wijk, Andersson, 2022), т. е. ростом доли населения, склонного к бездетности (Jónsson, 2024). Особенно это заметно среди женщин моложе 30 лет (Hellstrand et al., 2021). Рождаемость снижается и откладывается в том числе у живущих совместно пар (Hellstrand et al., 2022). Ученые объясняют изменения неопределенностью и мрачными представлениями о будущем у новых поколений жителей Севера (Neyer et al., 2022).

¹ Fertility rate in 2024 lower than ever before. Statistics Iceland. URL: <https://www.statice.is/publications/news-archive/inhabitants/births-2024>

Иммиграция не влияет на ситуацию существенно, поскольку различия между коренными жителями и мигрантами по уровню рождаемости сокращаются в течение одного-двух поколений (Nöhn et al., 2022).

В ряде северных стран рождаемость зависит от этнического состава населения, удельного веса коренных народов Севера (Bogoyavlenskiy, Siggner, 2004, р. 33). Например, в Канаде рождаемость среди инуитов северных территорий вдвое выше, чем среди некоренного населения (Morency, 2018, р. 45). В США среди коренного населения Аляски и американских индейцев в 1,4 раза чаще встречается бесплодие, чем у белого населения (Craig et al., 2019). В России этническая дифференциация рождаемости на основе итогов переписи 2021 года в реальных поколениях изучалась на данных г. Москвы (Архангельский, 2024). Этнические и пространственные закономерности рождаемости в масштабах Севера России на муниципальном уровне еще не рассматривались.

Методы и данные

Объект исследования — население районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей² в 2010–2021 гг. Рассматривается первый уровень муниципального устройства — городские округа, муниципальные округа и муниципальные районы. Всего Север включает 294 территории с совокупным населением 9,35 млн человек на 2021 год (6,4% населения России). Эти территории охватывают около 69% площади страны и имеют огромное экономическое значение. Только 13 регионов, входящих в состав Крайнего Севера полностью, приносят 32,3% налоговых платежей в федеральный бюджет³.

Показатели рождаемости на Севере России важно рассматривать с учетом национального состава населения. В 20 муниципальных образованиях (МО) с совокупным населением 134,3 тыс. человек доля коренных малочисленных народов Севера (КМНС) превышает половину от общей численности населения. Крупнейшими национальностями в них являются долганы, коряки, ненцы, сойоты, тувинцы-тоджинцы, ханты, чукчи, эвенки и эвены. Еще в 41 муниципальном образовании более половины жителей являются представителями титульных этносов национальных республик (алтайцы, буряты, коми, тувинцы и якуты). Население этих территорий на начало 2024 года составило 1114,2 тыс. человек. В 117 муниципальных образованиях совокупная доля КМНС и титульных этносов превышает 10% (рис. 1).

На региональном уровне будем рассматривать только 13 субъектов РФ, территории которых полностью входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Это республики Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Тыва; Камчатский край; Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Данные о рождаемости в регионах в условных поколениях получены из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Данные в реальных поколениях взяты из приложения к статье (Кишинин, 2023). Это наиболее полный по временному охвату общедоступный набор данных о рождаемости в региональном разрезе. Значение по всему Северу рассчитывалось как среднее взвешенное по показателю численности женщин в 13 северных регионах.

Для оценки коэффициента суммарной рождаемости (КСР) муниципальных образований применялся метод косвенной стандартизации (Петросян, 2021, с. 50). Он выбран по двум причинам. Во-первых, Росстатом не публикуются возрастные коэффициенты рождаемости на муниципальном уровне, необходимые для применения других методов. Во-вторых, даже если бы данные были доступны, из-за малой людности некоторых муниципальных образований Севера использование прямых методов для расчета уровня рождаемости давало бы большую погрешность. Применялась следующая формула:

$$TFR_i = TFR_{Russia} \times \frac{B_i}{\sum_{j=15}^{49} ASFR_{Russia} \times \frac{P_i}{1000}}, \quad (1)$$

где:

TFR_i — коэффициент суммарной рождаемости муниципального образования i ;

B — фактическое число родившихся;

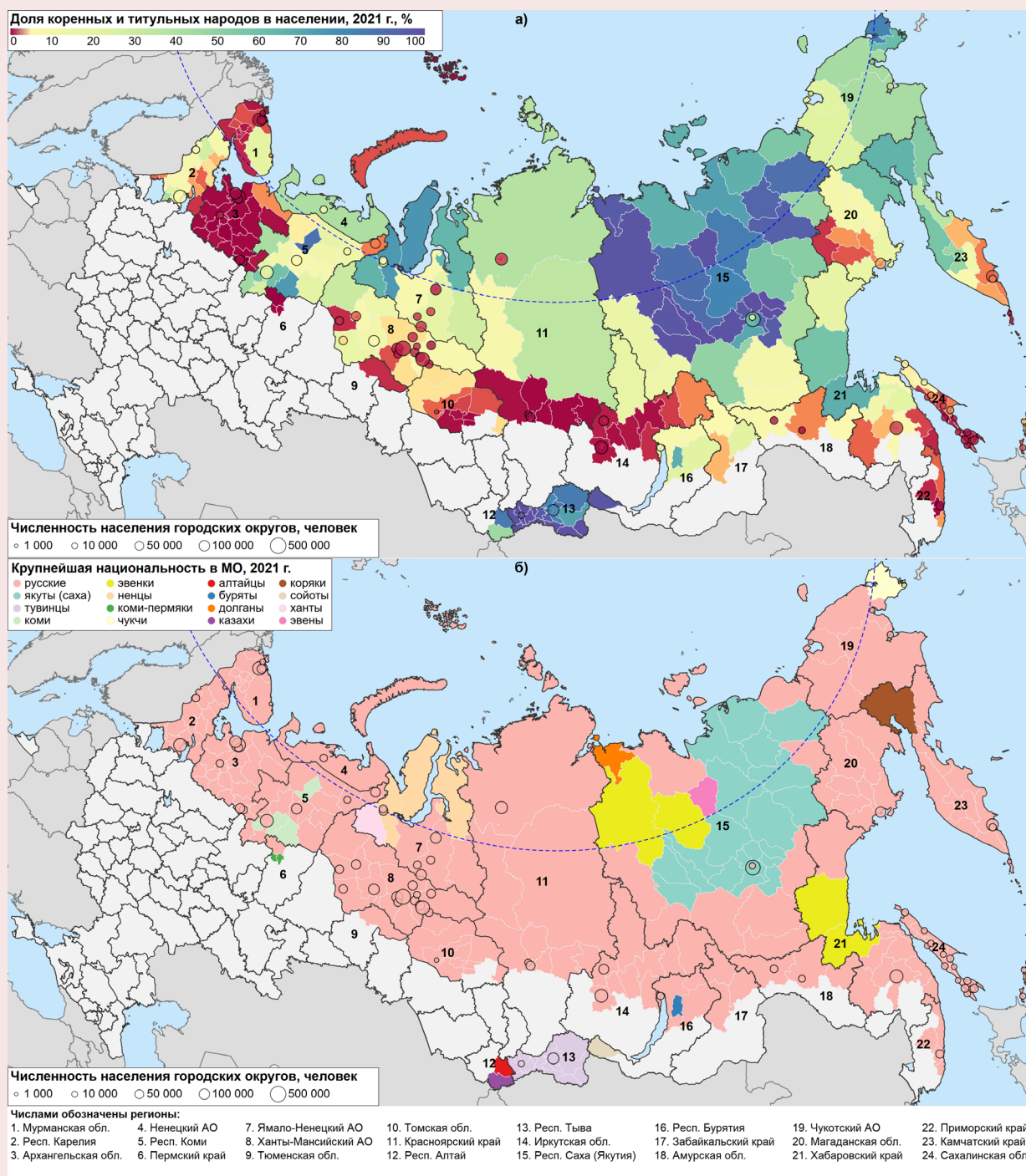
$ASFR$ — возрастные коэффициенты рождаемости по пятилетним группам;

P — численность женщин.

² Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера...: Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 1946. URL: <http://government.ru/docs/all/137437>

³ Финансы России — 2024 (2024): стат. сб. Москва: Росстат. 458 с. Приложение. Табл. 2.5.

Рис. 1. Доля титульных и коренных малочисленных народов в населении (сверху, %) и крупнейшая национальность (снизу) по муниципальным образованиям Севера России, 2021 год

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Территориальные органы Росстата.

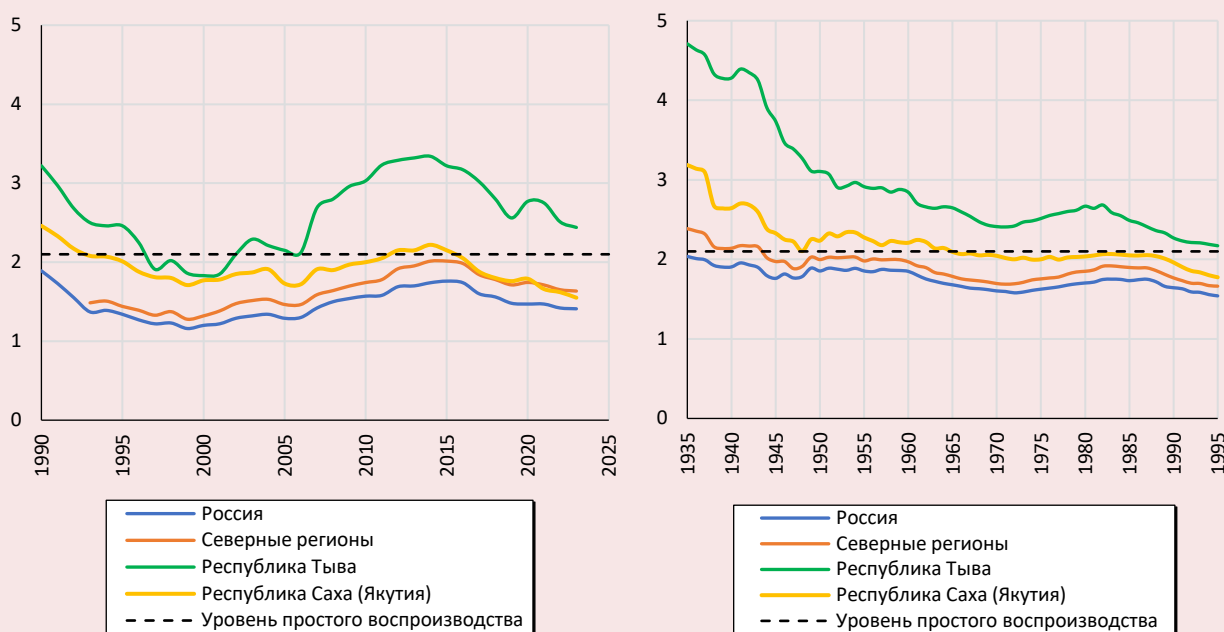
За стандарт принята рождаемость в России соответствующих лет. Чтобы снизить влияние статистических выбросов, показатель рассчитывался для трехлетнего временного периода путем усреднения значений. Данные для расчетов получены из Базы данных показателей муниципальных образований⁴ (БДПМО) и ЕМИСС⁵.

Для оценки рождаемости на муниципальном уровне в реальных поколениях использовались данные переписей населения 2010 и 2021 гг. в разрезе муниципальных образований и пятилетних возрастных групп, полученные от территориальных органов Росстата. По тем регионам, для которых на сайте Росстата отсутствовали необходимые таблицы, они были предоставлены по запросу. Карты-схемы рождаемости на Севере построены с применением пакета VegaLite.jl на языке программирования Julia.

Результаты исследования: региональный уровень

Уровень рождаемости по 13 северным регионам (рис. 2а) превышает среднероссийский, причем отрыв по сравнению с 1990-ми гг. увеличился. Особенно интересны республики Тыва и Саха (Якутия). Если в первой КСР был существенно выше среднего по Северу уровня и в отдельные годы превосходил 3 рождения на одну женщину, то Якутия, отличавшаяся до 2015 года высокой рождаемостью, сравнялась со средним по Северу уровнем. Российский Север не достигал уровня простого воспроизводства даже в наиболее благополучные 2014–2015 гг., когда уровень рождаемости составил 2,01. В реальных поколениях (рис. 2б) уровень простого воспроизводства последний раз был достигнут для поколения 1943 года рождения. Все последующие поколения не обеспечивали расши-

Рис. 2. Итоговая рождаемость условных и реальных поколений в России и северных регионах: календарные годы 1990–2023, поколения 1935–1995 г. р., число рождений на одну женщину

Составлено по: ЕМИСС. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (Кишенин, 2023).

Данные по реальным поколениям 1973–1995 г. р. являются прогнозными. Значение по северным регионам рассчитано как среднее взвешенное по общей численности женщин.

⁴ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

⁵ ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30973>

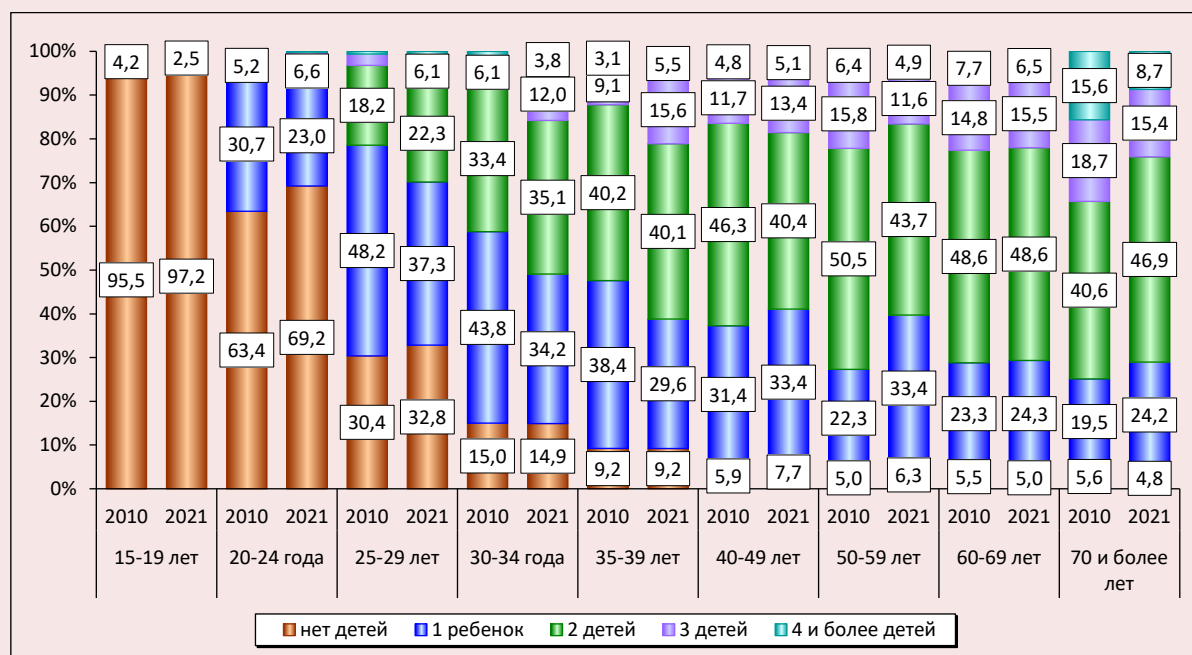
ренного воспроизводства, хотя и превосходили среднероссийский уровень. При анализе реальных поколений тоже выделяются Республики Тыва и Саха (Якутия). Из всех северных регионов только в Тыве приходится более двух детей на одну женщину даже для поколений, родившихся в 1990-е гг., хотя в этом регионе итоговая рождаемость сократилась более чем вдвое с 1935 года (с 4,7 до 2,2) и прогнозируется дальнейшее сокращение. Вероятно, у женщин, рожденных в Тыве в начале XXI века, итоговая рождаемость будет ниже двух.

За межпереписной период 2010–2021 гг. на Севере в молодых возрастах (15–29 лет) значительно выросло число бездетных женщин (рис. 3), что является признаком уже второго демографического перехода, пересмотра индивидуальных взглядов на брак и семью. Одновременно с этим увеличилась доля женщин с двумя детьми в возрасте от 20 до 34 лет. Доля женщин, родивших троих детей, выросла во всех возрастах до 49 лет включительно. При этом в возрастах до 39 лет снизилась доля женщин с одним ребенком. Можно констатировать, что увеличилась вариативность репродуктивного поведения. По

числу многодетных женщин выделяются когорты, рожденные до 1940 года. По данным переписи 2010 года, более трети из них родили троих или более детей. В 2021 году среди женщин тех же возрастов, родившихся до 1951 года, уже менее четверти родили троих или более детей. Во всех возрастных группах старше 50 лет уровень окончательной бездетности был довольно низким и не превышал 6,3%.

Рождаемость различается по этническим группам и территориям. Русские составляют 74,6% населения Севера России. По данным переписи 2021 года рождаемость у русских женщин была ниже уровня простого воспроизводства во всех регионах и возрастных группах (табл. 1). Единственное исключение – женщины Ненецкого АО, родившиеся ранее 1961 года. Тем не менее в большинстве северных регионов рождаемость русских превосходит средний по стране уровень. Например, в возрастной группе 30–34 лет (1987–1991 г. р.) значения ниже среднероссийского уровня (1,30) зафиксированы только в Чукотском АО (1,28), Магаданской (1,27) и Сахалинской областях (1,26). Самые высокие значения – в Ненецком АО и

Рис. 3. Распределение женщин северных регионов по возрастным группам и числу рожденных детей, 2010 и 2021 гг., %

Составлено по: Итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693>

Таблица 1. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях русских женщин по северным регионам России, перепись населения 2021 года

Регион	Возраст, лет							
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60–69	70 и более
Ненецкий АО	0,46	1,09	1,64	1,88	1,86	1,91	2,15	2,36
Респ. Тыва	0,45	1,23	1,63	1,82	1,72	1,75	1,91	1,97
Респ. Саха (Якутия)	0,46	1,04	1,53	1,75	1,77	1,78	2,00	2,09
Ханты-Мансийский АО	0,31	0,93	1,46	1,74	1,73	1,68	1,91	2,05
Архангельская обл. (без АО)	0,31	0,94	1,49	1,73	1,68	1,74	2,02	2,06
Ямало-Ненецкий АО	0,33	0,88	1,44	1,71	1,70	1,67	1,85	1,96
Респ. Коми	0,38	1,03	1,49	1,70	1,64	1,67	1,91	2,02
Респ. Карелия	0,27	0,89	1,43	1,67	1,62	1,61	1,85	1,86
Чукотский АО	0,42	0,89	1,28	1,57	1,58	1,60	1,73	1,85
Камчатский край	0,39	0,89	1,34	1,56	1,56	1,55	1,77	1,80
Мурманская обл.	0,31	0,87	1,34	1,60	1,54	1,51	1,73	1,74
<i>Россия</i>	<i>0,28</i>	<i>0,83</i>	<i>1,30</i>	<i>1,53</i>	<i>1,55</i>	<i>1,56</i>	<i>1,72</i>	<i>1,75</i>
Магаданская обл.	0,35	0,86	1,27	1,51	1,55	1,54	1,76	1,83
Сахалинская обл.	0,33	0,84	1,26	1,47	1,49	1,52	1,74	1,80

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Т. 5. Табл. 14 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpr/2020>

Тыве (1,64 и 1,63). В возрастной группе от 25 до 29 лет все северные регионы превосходят средний по стране уровень. Можно предположить, что на репродуктивные установки русских влияет окружение, общая рождаемость на территории проживания, а также ее степень урбанизации. Разница между минимальным и максимальным значением по северным регионам в большинстве возрастных групп составляет около 0,4 рождения на одну женщину.

Среди титульных этносов национальных республик наивысшие показатели рождаемости у тувинцев (табл. 2). Уже в возрасте 30–34 лет на одну женщину приходится более двух детей, а к концу репродуктивного возраста величина приближается к 2,5. Рождаемость тувинцев выше, чем за ее пределами. Особенно выделяется относящийся к малочисленным-субэтнос тувинцев-тоджинцев. Уже к возрасту 30–34 лет среднее число детей составляет 2,5,

Таблица 2. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин титульных национальностей республик Севера России по регионам и возрастным группам, перепись населения 2021 года

Национальность	Регион	Возраст, лет							
		20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60–69	70 и более
Тувинцы-тоджинцы	Респ. Тыва	0,63	1,78	2,50	2,76	2,70	2,64	3,19	4,25
Тувинцы	Респ. Тыва	0,59	1,47	2,09	2,42	2,47	2,40	2,90	3,76
	Россия	0,55	1,45	2,08	2,42	2,46	2,39	2,88	3,74
Якуты	Респ. Саха (Якутия)	0,40	1,17	1,91	2,34	2,40	2,36	2,52	3,00
	Россия	0,40	1,17	1,90	2,32	2,40	2,35	2,51	2,98
Коми-ижемцы	Респ. Коми	0,72	1,46	1,85	2,10	2,10	2,11	2,46	3,32
Коми	Ненецкий АО	0,42	1,55	2,24	2,14	2,25	2,23	2,59	3,48
	Ямало-Ненецкий АО	0,49	0,99	2,05	2,00	2,29	2,15	2,45	3,22
	Мурманская обл.	0,60	1,19	1,89	1,96	1,83	1,88	1,96	2,35
	Россия	0,42	1,21	1,72	1,92	1,86	1,90	2,16	2,44
	Респ. Коми	0,45	1,27	1,73	1,93	1,85	1,89	2,16	2,44
Карелы	Респ. Карелия	0,25	0,83	1,49	1,74	1,68	1,76	1,98	2,13
	Россия	0,24	0,77	1,38	1,70	1,67	1,75	1,97	2,07

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Т. 5. Табл. 14 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpr/2020>

к 40–49 годам – 2,7. Якуты – второй титульный этнос, воспроизводящий себя, но показатели несколько ниже, чем у тувинцев. Число рожденных детей на одну женщину выше двух достигается к возрасту 35–39 лет. У молодых поколений якутов рождаемость заметно ниже, чем у тувинцев, о чем свидетельствуют и рассмотренная ранее динамика рождаемости по республикам (рис. 26). У коми самая низкая рождаемость наблюдается в Республике Коми, где проживают 88,5% представителей национальности. В репродуктивных возрастах число детей на одну женщину составляет не более 1,93 (35–39-летние), а свыше 2 – только у женщин, родившихся до 1961 года. Более высокая рождаемость у коми женщин фиксируется в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, где значение 2 достигается уже в возрастной группе от 30 до 34 лет. Высокие по-

казатели рождаемости также демонстрирует субэтнос коми-ижемцев – 2,1 рождений на одну женщину в возрасте 35–39 лет. Карелы характеризуются самой низкой рождаемостью среди титульных этносов северных республик. Уровень простого воспроизводства достигается только для женщин, родившихся до 1951 года. Показатели немногим выше, чем у русских по России.

Рождаемость титульных этносов неоднородна. Если европейские (коми и карелы) почти не отличаются по уровню рождаемости от русских, то у азиатских (якуты и особенно тувинцы) показатели рождаемости более высокие. Если не рассматривать самые малочисленные этносы, где число женщин составляет менее 100 человек на регион, то итоги переписи 2021 года дают сведения о числе рождений у 16 коренных малочисленных народов Севера в разрезе регионов и возрастных групп (табл. 3).

Таблица 3. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин коренных малочисленных народов Севера России по регионам и возрастным группам, перепись населения 2021 года

Национальность*	Регион	Возраст, лет							
		20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60–69	70 и более
Ненцы	Ямало-Ненецкий АО	0,91	1,85	2,59	2,99	3,43	3,51	3,86	4,42
	Ненецкий АО	0,81	1,58	2,29	2,59	2,50	2,58	3,15	3,75
Долганы	Респ. Саха (Якутия)	0,39	1,44	2,33	3,07	3,07	2,95	3,68	3,90
Ханты	Ямало-Ненецкий АО	0,60	1,62	2,40	2,75	2,85	2,98	3,19	4,32
	Ханты-Мансийский АО	0,71	1,50	2,04	2,36	2,27	2,28	2,58	2,78
Коряки	Магаданская обл.	1,33	1,79	2,03	1,72	3,43	2,16	2,47	1,75
	Камчатский край	0,79	1,38	1,87	2,19	2,24	2,24	2,42	3,20
Эвены	Респ. Саха (Якутия)	0,65	1,47	2,20	2,54	2,65	2,72	3,13	3,61
	Чукотский АО	1,06	1,26	2,15	2,39	2,21	2,77	2,56	3,82
	Камчатский край	0,98	1,02	2,00	2,40	2,44	2,30	2,45	2,95
	Магаданская обл.	0,75	1,23	1,60	2,08	2,05	1,98	2,28	3,29
Чукчи	Чукотский АО	0,77	1,51	1,90	2,23	2,47	2,63	2,77	3,19
	Камчатский край	1,12	1,33	1,75	2,31	2,19	2,29	2,90	2,93
Эвенки	Респ. Саха (Якутия)	0,57	1,44	2,06	2,49	2,55	2,57	2,88	3,34
Селькупы	Ямало-Ненецкий АО	0,80	1,47	2,11	2,34	2,42	2,38	2,80	3,13
Нивхи	Сахалинская обл.	0,63	1,22	2,04	2,24	2,29	2,31	2,51	2,39
Манси	Ханты-Мансийский АО	0,56	1,37	2,03	2,17	2,21	2,23	2,43	2,69
Чуванцы	Чукотский АО	0,79	1,06	1,82	2,40	2,08	2,39	2,17	2,96
Эскимосы	Чукотский АО	0,78	1,48	1,49	2,12	2,13	2,28	2,70	3,27
Ительмены	Камчатский край	0,63	1,28	1,79	1,98	1,96	1,93	2,08	2,38
	Магаданская обл.	0,73	0,83	1,30	1,41	1,83	2,09	2,20	2,21
Камчадалы	Камчатский край	0,60	1,14	1,65	1,98	1,88	1,86	2,17	2,24
Саамы	Мурманская обл.	0,54	1,16	1,63	1,92	1,89	1,94	2,09	2,29
Вепсы	Респ. Карелия	0,08	0,64	1,10	1,53	1,53	1,58	1,91	1,88

* Указаны национальности, составляющие не менее 0,2% от указавших национальную принадлежность в регионе, и с числом женщин в возрасте 15+ лет не менее 100 человек.
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Т. 5. Табл. 14 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpr/2020>

Большинство коренных малочисленных народов по-прежнему находится в режиме расширенного воспроизводства: долганы, коряки, манси, ненцы, нивхи, селькупы, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены. Демографический переход к малодетности в районах компактного проживания этих народов еще не завершен. У женщин некоторых национальностей среднее число детей в поздних репродуктивных возрастах превышает трех: ненцы в Ямало-Ненецком АО, долганы в Якутии, коряки в Магаданской области. При этом рождаемость тех же ненцев, в Ненецком АО, существенно ниже и достигает только 2,6 рождения. Ханты в Ханты-Мансийском АО характеризуются более низкой рождаемостью, чем в Ямало-Ненецком АО. Среди старших поколений женщин в возрасте старше 70 лет самый высокий показатель у ненцев Ямало-Ненецкого АО (4,4).

У некоторых коренных малочисленных народов по данным 2021 года уже не достигается уровень простого воспроизводства. Это ительмены, камчадалы, саамы и вепсы. Последние две национальности проживают на Европейском Севере вблизи крупных городов, что способствует их ассимиляции и трансформации репродуктивных установок. У вепсов в Карелии на одну женщину в возрасте 35–39 лет приходится всего 1,53 ребенка, что почти соответствует уровню русских. Интересно, что у вепсов даже женщины старших возрастов (70 лет и более) родили за свою жизнь менее двух детей. Промежуточное положение между двумя группами этносов занимают эскимосы, находящиеся примерно на уровне простого воспроизводства — 2,12 детей у женщин в возрасте 35–39 лет.

Таким образом, тувинцы и большинство коренных малочисленных народов по-прежнему характеризуются более высоким, чем в среднем по России уровнем рождаемости. Ряд других народов, в том числе коми и карелы, демонстрируют признаки второго демографического перехода. Увеличивается возраст материнства, двухдетная семья перестает быть социальной нормой, наблюдается большая вариативность показателей рождаемости. Для более полного понимания процессов рождаемости на Севере перейдем на муниципальный уровень анализа.

Рождаемость в муниципальных образованиях Севера России

Изменения рождаемости в реальных поколениях за 2010–2021 гг. на муниципальном уровне неодинаковы у разных возрастных групп (табл. 4). Медианное значение рождаемости увеличилось только среди 25–44-летних. Календарный сдвиг из-за материнского капитала и благоприятная социально-экономическая ситуация повысили рождаемость у этих поколений в межпереписной период. Если в 2010 году среди 30–34-летних только в 20 муниципальных образованиях было более двух рожденных детей на одну женщину, то в 2021 году — уже в 54. Одновременно с этим снизилось число муниципальных образований, в которых на женщину приходится менее одного ребенка — со 139 до 59. Значительное увеличение рождаемости также наблюдалось в возрасте от 35 до 39 лет.

В то же время среди младших и старших возрастов ситуация обратная, показатели рождаемости уменьшились. Снижение числа детей в старших возрастах явно свидетельствует о влиянии демографического перехода. Если в 2010 году наблюдалось довольно много муниципальных образований, в которых на одну женщину приходилось более четырех детей, то теперь такие остались только среди возрастов старше 70 лет. Единственное исключение — Монгун-Тайгинский район Тывы, где в 2021 году было выше четырех детей на женщину в возрасте 65–69 лет. Среди женщин репродуктивных возрастов наивысшее значение в Анабарском районе (3,2 у женщин в возрасте 40–44 лет). Практически исчезли территории, где среднее число детей у 18–19-летних женщин было выше 0,5. По возрастной категории 20–24-летних женщин число территорий с низкой рождаемостью (менее 0,5) почти удвоилось. Снизилась и подростковая рождаемость — медианное значение среднего числа детей среди 15–17-летних уменьшилось с 0,015 до 0,009.

Пространственную дифференциацию рождаемости рассмотрим на примере 30–34-летних женщин (рис. 4). Это примерно середина репродуктивного периода. Нетрудно заметить, что территории высокой рождаемости имеют пространственную локализацию в местах проживания коренных народов. Это практически вся

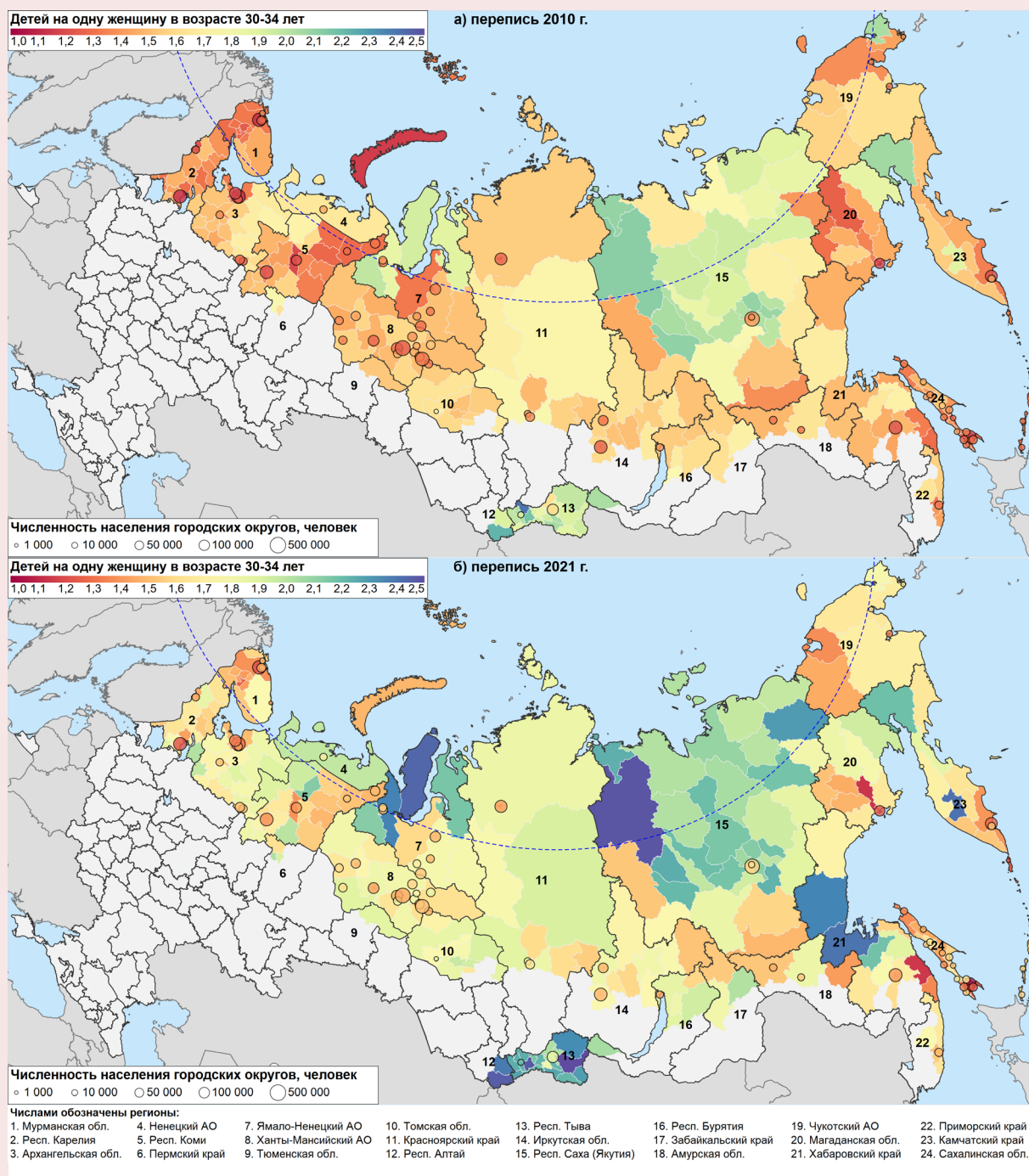
Таблица 4. Распределение муниципальных образований Севера России по среднему числу детей на одну женщину по возрастным группам, 2010 и 2021 гг.

Год и среднее число детей	Все, 15 и более лет	В том числе по возрасту, лет:												
		15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и более
2010 год, всего МО, из них:	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294
0,00–0,49	–	294	287	80	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
0,50–0,99	–	–	7	213	76	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1,00–1,49	59	–	–	1	209	139	36	6	–	–	–	–	2*	–
1,50–1,99	171	–	–	–	9	135	198	184	138	99	68	77	57	21
2,00–2,49	62	–	–	–	–	20	54	70	117	142	163	147	138	91
2,50–2,99	2	–	–	–	–	–	6	34	33	35	37	38	42	91
3,00–3,49	–	–	–	–	–	–	–	–	6	14	15	16	23	33
3,50–3,99	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	5	6	16	15
4,00 и более	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	10	16	43
медиана	1,76	0,02	0,20	0,60	1,12	1,51	1,75	1,87	2,03	2,14	2,18	2,18	2,29	2,68
2021 год, всего МО, из них:	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294	294
0,00–0,49	–	294	292	142	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1**
0,50–0,99	–	–	1	144	51	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1,00–1,49	22	–	1**	8	212	59	9	4	18	15	3	2	1	–
1,50–1,99	192	–	–	–	31	180	178	183	189	181	154	115	86	69
2,00–2,49	77	–	–	–	–	54	74	68	57	68	101	126	143	139
2,50–2,99	3	–	–	–	–	1	31	37	30	28	32	38	42	32
3,00–3,49	–	–	–	–	–	–	2	2	–	2	4	12	16	32
3,50–3,99	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	5	7
4 и более	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	14
медиана	1,82	0,01	0,09	0,50	1,21	1,69	1,89	1,91	1,84	1,84	1,98	2,09	2,15	2,24
* ГО Новая Земля и Островной.														
** ГО Новая Земля.														
Составлено по: Итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. Территориальные органы Росстата.														

Республика Тыва (тувинцы), восток Республики Алтай (алтайцы, казахи), север Якутии (якуты, долганы, эвенки, эвены), полуостров Ямал (ненцы, ханты), отдаленные районы Хабаровского края (эвенки), некоторые территории Камчатки (коряки, эвены). В Республике Коми выделяется Ижемский район, где проживают преимущественно коми-ижемцы. Низкая рождаемость сконцентрирована в крупных городах, в регионах с низкой долей сельского населения (Мурманская и Сахалинская области), на добывающем северо-востоке Республики Коми, на большей части Республики Карелия. По большинству возрастных групп наименьшая рождаемость зафиксирована в городском округе Новая Земля, что неудивительно, учитывая его оборонную функцию. Для подавляющего большинства других городских округов тоже характерны невысокие показатели рождаемости.

Если данные реальных поколений демонстрируют рост рождаемости в некоторых когортах, обусловленный высокими показателями в начале 2010-х гг., то динамика КСР указывает на существенное снижение числа рождений на одну женщину за 2015–2023 гг. (табл. 5). С 42 до 130 выросло число муниципальных образований с суммарной рождаемостью менее 1,75. В то же время число муниципальных образований с КСР выше 3 уменьшилось с 67 до 16. Медианная рождаемость снизилась с 2,25 до 1,80, в административных центрах регионов — с 1,54 до 1,50. Среди 36 муниципальных образований, где рождаемость в 2021–2023 гг. достигала уровня свыше 2,5 детей на одну женщину, в 13 крупнейшей национальностью являются тувинцы; в восьми — русские; в трех — ненцы; якуты, эвенки — по два муниципальных образования; алтайцы, долганы, казахи, коми (ижем-

Рис. 4. Число детей на одну женщину в возрасте от 30 до 34 лет по муниципальным образованиям Севера России, 2010 и 2021 гг.

Составлено по: Итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. Территориальные органы Росстата.

Таблица 5. Распределение муниципальных образований Севера России по величине коэффициента суммарной рождаемости и крупнейшей национальности, усредненные значения 2015–2017 и 2021–2023 гг.

КСР (косв.)	Все, 2015– 2017 гг.	По крупнейшей национальности				Все, 2021– 2023 гг.	По крупнейшей национальности			
		русские	тувинцы	якуты	другие		русские	тувинцы	якуты	другие
Всего МО	287	223	19	22	23	287	223	19	22	23
0,00–0,99	1	1	–	–	–	5	5	–	–	–
1,00–1,49	12	12	–	–	–	60	59	–	1	–
1,50–1,74	29	26	–	3	–	65	61	1	2	1
1,75–1,99	60	58	–	2	–	54	50	–	3	1
2,00–2,24	42	39	1	1	1	44	31	1	9	3
2,25–2,49	28	24	–	3	1	23	9	4	5	5
2,50–2,99	48	33	1	11	3	20	5	5	1	9
3,00–3,49	32	17	3	2	10	14	3	7	–	4
3,50–3,99	15	11	1	–	3	1	–	–	1	–
4 и более	20	2	13	–	5	1	–	1	–	–
Медиана	2,25	2,11	4,36	2,54	3,44	1,80	1,69	2,78	2,08	2,54
Составлено по: БДПМО Росстата, ЕМИСС.										

цы), коряки, сойоты, ханты, эвены – по одному муниципальному образованию. Самое высокое значение наблюдается в Дзун-Хемчикском районе Республики Тыва (4,00) и в Аллаиховском районе Якутии (3,54).

Значение КСР, рассчитанного методом косвенной стандартизации, снизилось за период в 256 из 287 муниципальных образований Севера, по которым имеются данные (рис. 5). Наибольшие изменения произошли в Республике Тыва (в среднем на 1,32 рождения), Пермском крае (1,27), Республике Коми (0,94) и Чукотском АО (0,92). Отметим, что косвенная стандартизация не очень хорошо подходит для изучения показателя в динамике, поскольку сильно зависит от изменений рождаемости на террито-

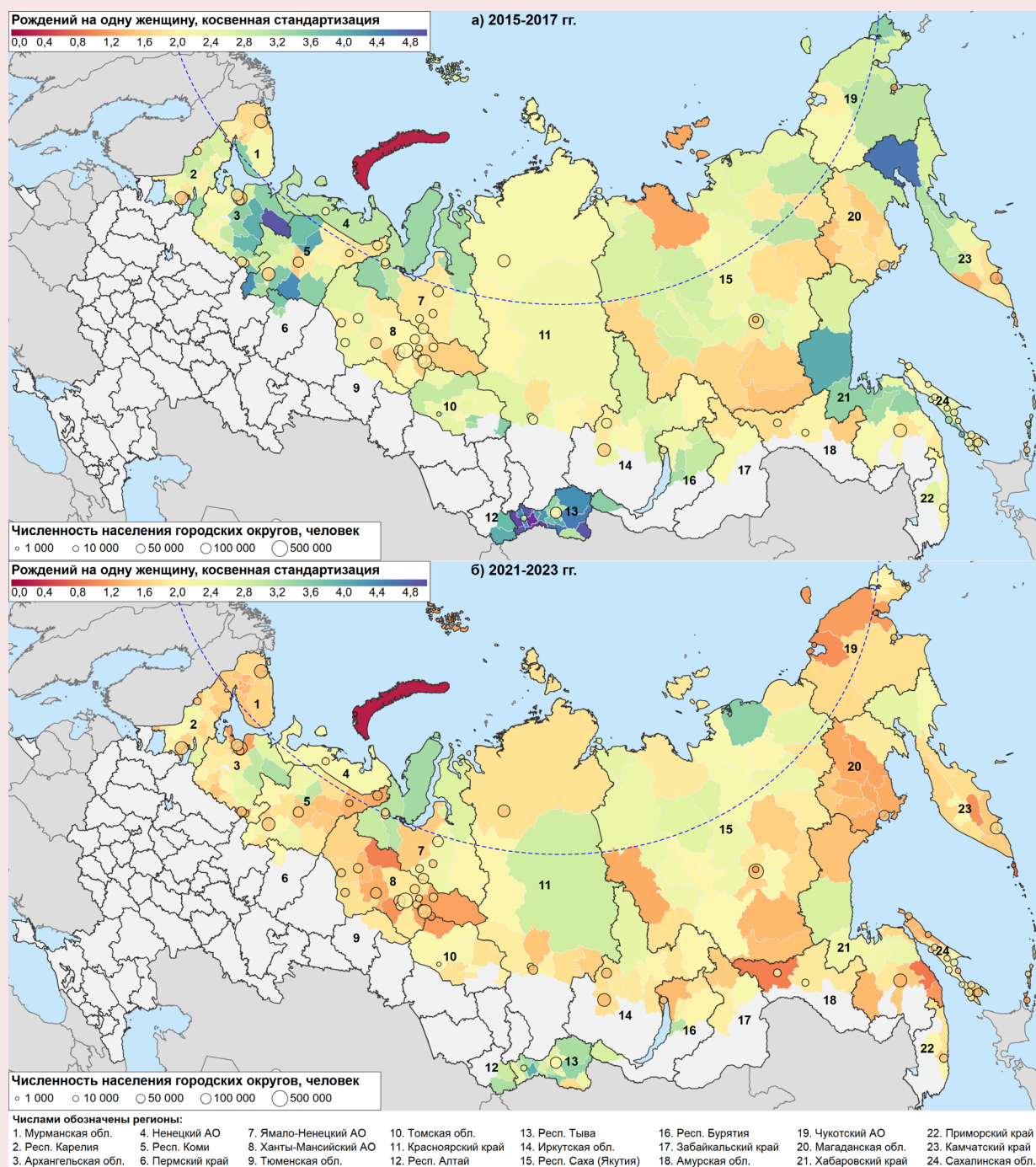
рии, принятой за стандарт. Районы с высокой рождаемостью локализованы примерно в тех же местах, что и по данным реальных поколений. Можно также отметить относительно высокую рождаемость в Эвенкийском районе Красноярского края и на востоке Архангельской области. На Новой Земле значения КСР составили 0,25 и 0,21 в 2015–2017 и 2021–2023 гг. соответственно.

Корреляционный анализ показателей рождаемости и этнического состава на муниципальном уровне подтвердил высокую зависимость уровня рождаемости от национального состава населения (табл. 6). Наивысшую корреляцию для большинства возрастов в реальных поколениях, а также для коэффициента

Таблица 6. Корреляционная матрица показателей рождаемости и этнического состава муниципальных образований Севера России (n = 294)

Показатель (2021 год)	Среднее число рожденных детей по возрасту, 2021 г								КСР, 2021–2023 гг.
	15–17 лет	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	35–39 лет	40–44 лет	45–49 лет	
Число национальностей	-0,03	-0,23	-0,40	-0,55	-0,58	-0,55	-0,53	-0,55	-0,52
Доля русских, %	-0,06	-0,09	-0,30	-0,57	-0,74	-0,82	-0,84	-0,82	-0,57
Доля титульных, %	-0,05	0,01	0,09	0,42	0,60	0,68	0,69	0,69	0,50
Доля КМНС, %	0,22	0,23	0,48	0,44	0,41	0,44	0,43	0,42	0,28
Доля титульных и КМНС, %	0,07	0,13	0,33	0,60	0,75	0,83	0,84	0,83	0,59
Доля остальных, %	-0,06	-0,17	-0,20	-0,22	-0,20	-0,19	-0,20	-0,22	-0,20
Индекс мозаичности	0,09	-0,01	0,23	0,17	0,17	0,16	0,17	0,13	0,05
Примечание. Полужирным выделены значения, значимые на уровне 0,999.									
Составлено по: Итоги переписи населения – 2021; БДПМО Росстата, ЕМИСС.									

Рис. 5. Коэффициент суммарной рождаемости муниципальных образований Севера России, рассчитанный методом косвенной стандартизации, усредненные значения за 2015–2017 и 2021–2023 гг.

Составлено по: БД ПМО Росстата, ЕМИСС.

суммарной рождаемости продемонстрировал показатель «доля титульных и коренных малочисленных народов в населении». У возрастов от 35 до 49 лет величина коэффициента линейной корреляции достигает 0,83–0,84, у коэффициента суммарной рождаемости — 0,59. По отдельности доля титульных национальностей и КМНС не демонстрируют такой высокой статистической взаимосвязи с рождаемостью. Однако для младших возрастов (от 15 до 19 лет) значимая корреляция рождаемости зафиксирована только с долей коренных малочисленных народов, поскольку титульные народы не склонны к ранним рождениям. Доля русских тоже наглядно описывает уровень рождаемости в старших возрастах и в условных поколениях, но знак связи с ней отрицательный. Чем выше доля русских, тем ниже рождаемость в муниципальном образовании.

Общее число национальностей, проживающих в муниципальном образовании, имеет значимую отрицательную связь с рождаемостью, поскольку высокое многообразие национальностей обычно характерно для крупных городов, где рождаемость ниже, чем в сельской местности. Наконец, индекс этнической мозаичности Эккеля (Манаков, 2019) не демонстрирует высокой корреляции с рождаемостью, поскольку этническая гомогенность может быть следствием как высокой доли одного из малочисленных народов, так и высокой доли русских.

Заключение

В исследовании рождаемость на Севере России впервые изучена одновременно в реальных и условных поколениях, на региональном и муниципальном уровнях. Региональный анализ показал, что происходит сближение итоговой рождаемости между северными регионами. Даже Республика Тыва быстро приближается к среднему по Северу и стране уровню. Вероятно, женщины, родившиеся в Тыве в начале XXI века, уже не достигнут уровня простого воспроизводства населения. Республика Саха (Якутия), за исключением отдельных районов, уже почти не отличается от среднего по Северу уровня. Одновременно с этим на Севере России наблюдаются признаки второго демографического перехода. Увеличивается возраст материнства, возрастает вариативность репро-

дуктивного поведения — одновременно с ростом доли бездетных увеличивается доля двух- и трехдетных матерей. Растет окончательная бездетность.

Анализ среднего числа детей по региону и национальности выявил высокую вариативность показателей. Даже у русских женщин число рожденных детей в зависимости от региона отличается на десятки процентов. Титульные национальности Севера условно можно разделить на две группы. Если коми и карелы уже давно демонстрируют рождаемость, близкую к среднероссийскому уровню, то у якутов и особенно тувинцев на одну женщину приходится большее число детей. Высокой рождаемостью по-прежнему выделяются субэтносы тувинцев-тоджинцев и коми-ижемцев. Высокие показатели характерны и для большинства коренных малочисленных народов. Особенно выделяются ненцы, долганы, ханты и эвены. В то же время у ительменов, камчадалов, саамов и вепсов рождаемость ниже уровня простого воспроизводства населения.

Анализ населения муниципальных образований в реальных поколениях продемонстрировал, что за 2010–2021 гг. повысилось среднее число детей у женщин в возрасте от 20 до 39 лет. Однако эти показатели во многом обусловлены календарным сдвигом, связанным с реализацией программ стимулирования рождаемости и в целом благоприятной социально-экономической ситуацией в начале 2010-х гг. Данные условных поколений, полученные методом косвенной стандартизации КСР, показывают, что с 2015–2017 по 2021–2023 гг. рождаемость сократилась в 89,2% муниципальных образований Севера России. Медианное значение коэффициента суммарной рождаемости по всем муниципальным образованиям снизилось с 2,25 до 1,80. Муниципальный анализ подтвердил быстрое сближение репродуктивных установок коренных малочисленных народов с остальным населением. Хотя районы компактного проживания КМНС все еще демонстрируют более высокие результаты, разрыв сокращается.

Корреляционный анализ показал, что доля титульных и коренных малочисленных народов в населении лучше других показателей этнического состава описывает уровень рождаемости. Для женщин в возрасте от 15 до 24 лет рожда-

емость сильнее всего коррелирует с долей коренных малочисленных народов Севера в населении. Выявленные закономерности могут использоваться в построении демографических прогнозов на региональном и муниципальном уровнях, а также в разработке мероприятий демографической политики.

Можно сделать вывод, что еще некоторое время коренные малочисленные народы Севера будут находиться в режиме расширенного воспроизводства. При этом региональная демографическая и социальная политика долж-

ны быть готовы к сближению репродуктивных планов и потребностей коренных народов с остальным населением России. Одновременно со снижением итоговой рождаемости будут трансформироваться уклад, образ жизни и экономическое поведение малочисленных народов Севера. В дальнейших исследованиях следует обратить внимание на вопросы зависимости рождаемости в муниципальных образованиях Севера России от размещения объектов социальной инфраструктуры в условиях высокого миграционного оттока населения.

Литература

- Архангельский В.Н. (2024). Этническая и образовательная дифференциация рождаемости в столичном мегаполисе // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 3. С. 24–36. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.2
- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. (2021). Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10
- Захаров С.В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. Т. 10. № 1. С. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259
- Зырянова М.А., Попова Л.А. (2021). Периодизация развития семейной и демографической политики в постсоветской России // Вопросы управления. № 6 (73). С. 38–52. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-6-38-52
- Кишенин П.А. (2023). Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений // Демографическое обозрение. Т. 10. № 4. С. 86–120. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18810
- Лебедева У.М., Мингазова Э.Н., Лебедева А.М., Садыкова Р.Н. (2022). Рождаемость и смертность населения в различных социально-экономических районах Крайнего Севера // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 30. № 3. С. 407–414. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-3-407-414
- Манакон А.Г. (2019). Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. С. 117–128. DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128
- Петросян А.Н. (2021). Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 42–73. DOI: 10.17323/demreview.v8i3.13266
- Попова Л.А. (2022). Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 2. С. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7
- Синица А.Л. (2017). Рождаемость на Европейском Севере России в 1990–2015 гг. // Арктика и Север. № 27. С. 5–29. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.5
- Смирнов А.В. (2023). Демография российской Арктики в цифровую эпоху / отв. ред. В.В. Фаузер. Москва: Экон-Информ. 239 с.
- Соботка Т., Лутц В. (2011). Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя // Экономический журнал ВШЭ. № 4. С. 444–471.
- Фаузер В.В. (2023). Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. Ижевск: Принт. 308 с.
- Фаузер В.В., Попова Л.А., Лыткина Т.С. [и др.] (2024). Человеческие ресурсы северных регионов России: демография, труд и образование / отв. ред. В.В. Фаузер. Саратов: Амирит. 320 с.

- Arkhangelsky V.N. (2021). Fertility in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. *Population and Economics*, 5(1), 72–89. DOI: 10.3897/popecon.5.e65207
- Bogoyavlenskiy D., Signer A. (2004). Arctic demography. In: *Arctic Human Development Report*. Akureyri: Stefansson Arctic Institute.
- Comolli C.L., Neyer G., Andersson G. et al. (2021). Beyond the economic gaze: Childbearing during and after recessions in the Nordic Countries. *European Journal of Population*, 37, 473–520. DOI: 10.1007/s10680-020-09570-0
- Craig L.B., Peck J.D., Janitz A.E. (2019). The prevalence of infertility in American Indian / Alaska Natives and other racial/ethnic groups: National survey of family growth. *Paediatric and Perinatal Epidemiology*, 33(2), 119–125. DOI: 10.1111/ppe.12538
- Heleniak T. (2024). Fertility decline in the Nordic region. In: *State of the Nordic Region 2024*. Stockholm: Nordregio. DOI: 10.6027/R2024.13.1403-2503
- Heleniak T., Bogoyavlenskiy D. (2014). Arctic populations and migration. In: *Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages*. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. DOI: 10.6027/TN2014-567
- Hellstrand J., Nisén J., Miranda V. et al. (2021). Not just later, but fewer: Novel trends in cohort fertility in the Nordic countries. *Demography*, 58(4), 1373–1399. DOI: 10.1215/00703370-9373618
- Hellstrand J., Nisén J., Myrskylä M. (2022). Less partnering, less children, or both? Analysis of the drivers of first birth decline in Finland Since 2010. *European Journal of Population*, 38, 191–221. DOI: 10.1007/s10680-022-09605-8
- Höhn A., Andersson G., Kulu H., Campbell B. (2022). Generations and gender in the fertility of immigrants and their descendants: A register-based study of Sweden. *Stockholm Research Reports in Demography*, 11. DOI: 10.17045/sthlmuni.19960979.v1
- Jónsson A. (2024). Fertility decline in Iceland, 2013–2022: Trends and structures. *Comparative Population Studies*, 49, 169–180. DOI: <https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-07>
- Jungsberg L., Turunen E., Heleniak T. et al. (2019). *Atlas of Population, Society and Economy in the Arctic*. Stockholm: Nordregio. DOI: 10.30689/WP2019.3.1403-2511
- Morency J.-D., Caron-Malenfant É., Daignault D. (2018). Fertility of aboriginal people in Canada: An overview of trends at the turn of the 21st century. *Aboriginal Policy Studies*, 7(1), 34–61. DOI: 10.5663/aps.v7i1.29326
- Neyer G., Andersson G., Dahlberg J. et al. (2022). Fertility decline, fertility reversal and changing childbearing considerations in Sweden: A turn to subjective imaginations? *Stockholm Research Reports in Demography*, 8. DOI: 10.17045/sthlmuni.19698442.v2
- Ohlsson-Wijk S., Andersson G. (2022). Disentangling the Swedish fertility decline of the 2010s. *Demographic Research*, 47(12), 345–358. DOI: 10.4054/DemRes.2022.47.3
- Vakulenko E.S., Vasileva U.A., Fadina E.M. (2024). Review of regional maternity capital programmes in Russia 2011–2023. *Population and Economics*, 8(2), 114–132. DOI: 10.3897/popecon.8.e115173

Сведения об авторах

Андрей Владимирович Смирнов — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Ульяна Владимировна Лыткина — младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru)

Екатерина Анатольевна Чупрова — аспирант, старший инженер, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: eaklintsova@yandex.ru)

Smirnov A.V., Lytkina U.V., Chuprova E.A.

Fertility in the North of Russia: Spatial and Ethnic Patterns

Abstract. The North of Russia comprises cities and districts that differ in fertility and reproductive behavior; this fact makes the territory an interesting object for demographic research. The paper considers fertility in the North of Russia at the regional and municipal levels, both in conditional and in real generations. Such an approach helps to identify spatial and ethnic patterns. Fertility analysis by region and ethnicity has shown a rapid decrease in differences between Russia's constituent entities, which indicates the accelerated completion of the demographic transition in territories with high fertility. At the same time, reproductive behavior patterns within regions are becoming more diverse, which is a sign of the second demographic transition. Indicators above the level of simple reproduction are preserved only among Tuvans and some small-numbered indigenous peoples of the North. At the municipal level, fertility in conditional generations was estimated using data from the population censuses of 2010 and 2021, and in real generations by calculating the total fertility rate using the indirect standardization method for 2015–2023. We identified groups of territories in the North of Russia with high and low fertility rates. It is shown that the median fertility rate in the northern territories has decreased significantly in recent years. A correlation analysis of fertility rates and the ethnic composition of the population revealed that fertility in a municipality is determined primarily by the proportion of titular ethnic groups and small-numbered indigenous peoples of the North, and among young cohorts – only by the proportion of small-numbered peoples. The results obtained are of interest for developing demographic policy measures and making forecasts at the regional and municipal levels. In further research, it is recommended to pay attention to the dependence of fertility on the development of the social infrastructure in the North of Russia.

Key words: fertility, real and conditional generations, spatial analysis, ethnic patterns, municipalities, North of Russia.

Information about the Authors

Andrey V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), head of laboratory, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Uliana V. Lytkina – Junior Researcher, Institute for Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ulytkina@yandex.ru)

Ekaterina A. Chuprova – postgraduate student, Senior Engineer, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: eaklintsova@yandex.ru)

Статья поступила 17.02.2025.

Влияние электронной коммерции на экспортную торговлю: модели пространственных панельных данных регионов Китая

Елена Глебовна

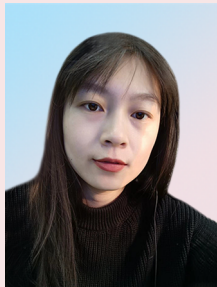
ЕФИМОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: e.efimova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1948-6728; ResearcherID: M-9341-2015

Ши ЮЙЧЖУ

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: shi.yuzhu@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-8657-4563; ResearcherID: JEP-5613-2023

Джамиля Фатыховна

СКРИПНЮК

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: skripnyuk.d@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-3773-9098; ResearcherID: A-4838-2016

Для цитирования: Ефимова Е.Г., Ши Юйчжу, Скрипнюк Д.Ф. (2025). Влияние электронной коммерции на экспортную торговлю: модели пространственных панельных данных регионов Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 212–229. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.12

For citation: Efimova E.G., Shi Yuzhu, Skripnyuk D.F. (2025). Effects of e-commerce on export trade: Spatial panel data models for regions of China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 212–229. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.12

Аннотация. Основные цели работы — изучить влияние электронной коммерции на экспорт и определить, существуют ли пространственные внешние эффекты, эффекты перетока, а также пороговые эффекты, характеризующие уровень развития электронной коммерции, влияющие на экспорт. Данные цели определили методологию исследования. В рамках статьи построены модель пространственного лага и пороговая модель на основе панельных данных 31 провинции Китая за период с 2009 по 2022 год. Эмпирические результаты показывают сильную пространственную автокорреляцию и робастное влияние пространственного лага на экспорт в Китае. Развитие электронной коммерции в регионе может непосредственно способствовать расширению местного экспорта и имеет значительный положительный внешний эффект, т. е. развитие местной электронной коммерции может привести к наращиванию экспорта в соседних регионах; эффект перетока между провинциями отсутствует. По результатам проверки удалось обнаружить одно пороговое значение, от которого зависит влияние электронной коммерции на экспорт, и при переходе через данный порог оно растет. Значимость исследования заключается в специфическом применении пространственного регрессионного моделирования, используемого в эмпирических исследованиях, а полученные результаты дают представление о том, как способствовать синергетическому развитию электронной коммерции и экспорта.

Ключевые слова: экспорт, электронная коммерция, модель пространственной регрессии, пространственный внешний эффект, пороговый эффект, эффект перетока.

Введение

Электронная коммерция играет важную роль в стимулировании потребления, обеспечении занятости, содействии внешней торговле и развитии цифровой экономики. Электронная коммерция — новая форма экономической деятельности, которая лишена географических ограничений традиционной торговли и образует глобальный рынок, где информационная сеть служит связующим звеном; создаваемые платформы электронной коммерции снижают транзакционные издержки и диверсифицируют каналы сбыта. Последовательное совершенствование модели электронной коммерции и ее глубокая интеграция в реальную экономику привели к изменению цепочек производства и формирования добавленной стоимости, что способствует преобразованию и модернизации традиционных отраслей промышленности.

Согласно Отчету об электронной коммерции в Китае (2022 год), наблюдается значительное развитие в этой сфере. Объем сделок в рамках электронной коммерции в 2022 году достиг 43,83 трлн юаней, увеличившись на 3,5% в годовом исчислении после роста на 19,6% в 2021 году. Объем импорта и экспорта в рамках международной электронной коммерции ежегодно растет, и в 2022 году объем операций достиг 15,7 трлн юаней, а объем импорта и экспорта впервые превысил 2 трлн юаней. Развитие

электронной коммерции значительно оптимизировало структуру внешней торговли Китая и повысило международную конкурентоспособность предприятий, ориентированных на внешнюю торговлю.

По мере того как экономические и торговые связи между регионами становятся все теснее, а теоретические положения новой экономической географии продолжают уточняться, важным становится исследование динамического пространственного развития торговых, миграционных потоков и движения капитала путем глубокого анализа пространственной корреляции этих процессов. Задачи данной работы состоят в том, чтобы изучить влияние электронной коммерции на экспорт и определить, имеет ли уровень ее развития пространственные внешние эффекты, эффекты перетока, а также пороговые эффекты, определяющие ее влияние на экспорт.

В условиях развивающейся электронной коммерции и упрощения внешнеторговых операций, беря во внимание теорию новой экономической географии, мы задаем следующие вопросы: каким образом электронная коммерция способствует быстрому росту показателей экспорта региона? Влияет ли уровень развития электронной коммерции в одном регионе на экспорт соседних регионов? Существует ли пространственный внешний эффект разви-

тия электронной коммерции, связанный с экспортом? Является ли он положительным или отрицательным? Есть ли разница во влиянии различных уровней развития электронной коммерции на экспорт? Поскольку развитие электронной коммерции является важным шагом по преобразованию цифровой экономики Китая в сторону ее открытости внешнему миру, выяснение ее влияния на экспорт поможет регионам в будущем активизировать потребление, стабилизировать внешнюю торговлю, развивать цифровую экономику и стимулировать экономическую активность.

Обзор литературы

Влияние электронной коммерции на экспорт

В связи с глобализацией и стремительным развитием информационных технологий, электронная коммерция постепенно стала неотъемлемой частью международной торговли. Во время пандемии COVID-19 она играла ключевую роль. Исследователи в целом сходятся во мнении, что ее развитие открывает новые возможности для ведения бизнеса. Исследование (Onjewu et al., 2022), основанное на данных опроса предприятий, проведенного Всемирным банком и охватившего 249 малых производственных предприятий в Италии, показало, что электронная коммерция положительно влияет на прямой экспорт, значительно повышая устойчивость компаний, и тем самым ускоряет развитие прямого экспорта. В работе (Kastratović, Vjelić, 2022) использовались панельные данные по 32 европейским странам за период с 2009 по 2022 год. Было обнаружено, что рост масштабов электронной коммерции положительно повлиял на экспорт, особенно в сфере услуг и обрабатывающей промышленности. Этот вывод свидетельствует о том, что развитие электронной коммерции может быть использовано в качестве политического инструмента стимулирования экспорта. Были проведены углубленные исследования влияния электронной коммерции на международную торговлю. В работе (Peng, 2021) проводится анализ развития международной электронной коммерции в Китае, используется векторная авторегрессионная модель для проведения эмпирического исследования и делается вывод о том, что международная электронная коммерция имеет значительное положительное влияние на международную торговлю в целом.

Чтобы более точно оценить влияние электронной коммерции на международную торговлю, исследователи использовали различные методы эмпирического исследования. В работе (Hayakawa et al., 2021) оцениваются гравитационные уравнения торговых потоков в период с 2019 года по январь – август 2020 года для 34 стран, предоставивших отчеты, и 145 стран-партнеров. Делается вывод о том, что развитие электронной коммерции может помочь смягчить негативное влияние COVID-19 на международную торговлю. В исследовании (Shanmugalingam et al., 2023) используются различные методики оценки, такие как описательная статистика, матрица коэффициентов корреляции, статические тесты (тест Левина-Лина-Чу (LLC), тест Брейтунга, расширенный тест Дики-Фуллера (ADF), тест Харриса-Цавалиса и тест Има-Песарана-Шина (IPS)), тест Као на коинтеграцию, тесты на автокорреляцию и гетероскедастичность. Динамические панельные данные были проанализированы с использованием двухэтапного оценивания обобщенным методом моментов (GMM). Результаты эмпирического анализа показывают, что электронная коммерция оказывает значительное влияние на внешнюю торговлю стран Азии. Местным органам власти следует принять политику, направленную на развитие телекоммуникационных технологий, для более массового использования онлайн-коммерции и получения потенциальных выгод от внешней торговли.

Модели пространственной регрессии

С момента своего появления в 1970-х гг. пространственная эконометрика развивалась более 40 лет, привлекала большое внимание исследователей, применялась на практике и принесла осязаемые результаты. Американским географом (Tobler, 1970), изучавшим пространственную корреляцию, был предложен первый закон географии, и он гласит, что все связано со всем остальным, но близкое связано больше, чем отдаленное. Данный закон заложил основу пространственного количественного анализа. В работе (Cliff, Ord, 1973) введена пространственная корреляция в экономический анализ, что позволило преодолеть смещение оценок традиционного эконометрического анализа, вызванное игнорированием корреляции. Официальное рождение пространственной эконо-

метрики связывается с публикацией книги «Пространственная эконометрика» (Klaassen, Hendric, 1979). В статье (Anselin, 2010) отмечается, что данные имеют пространственную корреляцию и зависимость; следует учитывать пространственную структуру экономических переменных и пространственные факторы при построении эконометрических моделей. Согласно (Goodchild, 1992), пространственная эконометрика, основанная на корреляции пространственных данных, в основном используется для анализа пространственной зависимости и пространственной неоднородности между регионами. Впоследствии к работе в этой области подключились многие ученые, в том числе (Cressie, 1993; LeSage, Pace, 2009; Elhorst, 2014; Kozhevnikov, Voroshilov, 2024; Uskova et al., 2024).

Проблемой, стоящей перед научным сообществом, был выбор модели пространственной регрессии. Критерий пространственной ошибки множителя Лагранжа (LM-Error) для модели пространственной ошибки (SEM) был предложен для решения проблемы выбора между моделями пространственной ошибки и непустыми пространственными моделями. В работе (Yandell, Anselin, 1990) предполагается, что критерий пространственного лага множителя Лагранжа (LM-lag) определяет необходимость использования модели пространственного лага. Множитель Лагранжа (LM) — это один из тестов, обычно используемых для распознавания моделей пространственной регрессии путем оценки модели без эффектов пространственного взаимодействия методом наименьших квадратов (МНК). Остатки МНК-регрессии проверяются по критерию множителя Лагранжа (ошибки или лага) и робастному критерию множителя Лагранжа (ошибки или лага) для получения соответствующей статистики, ее проверки на значимость и выбора пространственной эконометрической модели. В частности, если ни критерий ошибки, ни критерий лага не являются значимыми, выбирается МНК-регрессия без эффектов пространственного взаимодействия; если значим только один из двух критериев, то выбирается модель пространственной ошибки (SEM), если значим критерий ошибки, и модель пространственного лага (SLM), если значим критерий лага. Если значимы оба критерия, то выбирается робастная модель пространственного лага. Затем при помощи

робастного критерия множителя Лагранжа выбирается модель SEM, если значим робастный критерий ошибки, или модель SLM, если значим робастный критерий лага. В исследовании (Anselin, 1990) модели SEM и SLM объединяются в пространственную модель Дарбина (SDM) для учета пространственных эффектов не только зависимых переменных, но и независимых. Если критерий множителя Лагранжа показывает, что пространственные эффекты должны быть включены в традиционную эконометрическую модель, то может использоваться непосредственно модель SDM в соответствии с (Elhorst, 2012).

Обзор литературы за последние пять лет выявил широкий спектр работ, в которых электронная коммерция и экспорт изучаются с применением модели пространственной регрессии. Исследование (Amidi, Fagheh Majidi, 2020) показало, что влияние пространственных внешних эффектов, или пространственной зависимости, является одним из факторов, определяющих экономический рост, и эти внешние эффекты, связанные с географическим положением и торговыми партнерами, оказывают значительное влияние на экономическое развитие. Работа (Wang et al., 2020) была посвящена влиянию пространственных эффектов внешней торговли и прямых иностранных инвестиций на модернизацию структуры промышленности в регионах Китая. В результате удалось подтвердить, что внешняя торговля и прямые иностранные инвестиции являются важными факторами модернизации промышленной структуры Китая, при этом внешняя торговля оказывает значительный пространственный эффект. Данный вывод позволяет лучше понять, как эффект пространственного взаимодействия, достигаемый при содействии развитию торговли, влияет на экспорт промышленных товаров. В статье (Yamaka et al., 2023) были проанализированы пространственные внешние эффекты развития интернета на внешнюю торговлю на основе панельных данных 31 провинции Китая за период с 2003 по 2016 год. Было обнаружено, что развитие интернета имеет положительную межрегиональную корреляцию, при этом модель SDM подтверждает пространственный эффект. Развитие интернета способствует росту местной внешней торговли и оказывает положитель-

ный пространственный внешний эффект на соседние провинции. Таким образом, укрепление интернет-инфраструктуры и расширение сферы ее использования, особенно в секторе услуг, имеет решающее значение для наращивания преимуществ Китая на международном рынке.

Обобщив соответствующую литературу, можно сделать вывод, что, хотя существуют различия в выборе каждого из выделенных факторов влияния и методов исследования, в целом исследователи утверждают, что развитие электронной коммерции оказывает значительное положительное влияние на экспорт. Однако только в некоторых исследованиях используется модель пространственной регрессии для анализа пространственного эффекта между электронной коммерцией и экспортом, и этот эффект нуждается в дальнейшем изучении. В данной статье анализируется пространственная корреляция между уровнем развития электронной коммерции и экспорта в 31 провинции Китая (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня).

Гипотеза исследования

Электронная коммерция не ограничена географически, что позволяет экспортерам находить потенциальных клиентов по всему миру и значительно расширяет спектр экспортных направлений. Благодаря онлайн-платформам экспортеры могут обходиться без некоторых промежуточных звеньев традиционной торговли, например экспедиторов или агентов по продаже, тем самым снижая торговые издержки. Кроме того, ведение бизнеса онлайн уменьшает затраты на товарно-материальные запасы, логистику и маркетинг, при этом конкурентоспособность предприятий растет. Более прозрачная информация на онлайн-платформах позволяет экспортерам лучше удовлетворять спрос и предложение друг друга. Это приводит к снижению асимметрии информации и транзакционных рисков, а также повышению безопасности торговли. Электронная коммерция облегчает обмен информацией; онлайн-платформы предоставляют подробную информацию о состоянии рынка, которая может помочь предприятиям точнее оценить текущий спрос и конкурентную ситуацию, а также способствует обмену информацией между регионами. Благодаря онлайн-торговле предприятия могут более

точно улавливать тенденции рынка и разрабатывать более разумные экспортные стратегии. Например, онлайн-платформы предоставляют информацию об операциях в режиме реального времени, а также о функциях, связанных с обработкой заказов, что делает процесс совершения операции более быстрым и удобным. Таким образом, ускоряется оборот капитала экспортеров и повышается эффективность сделок. Электронная коммерция упрощает торговлю благодаря системе электронного обмена данными (EDI) и онлайн-платежам.

Кроме того, благодаря онлайн-платформам экспортеры и другие заинтересованные лица легче усваивают торговую политику и установленные правила стран — участниц торговли и принимают соответствующие стратегии для устранения торговых барьеров. Онлайн-торговля предоставляет экспортерам больше возможностей для ведения бизнеса и конкурентных преимуществ за счет преодоления географических ограничений, снижения транзакционных издержек, повышения эффективности операций и информационной прозрачности, диверсификации каналов сбыта, упрощения торговых процессов и устранения торговых барьеров. Исходя из этого, гипотеза H1: электронная коммерция способствует развитию экспорта региона.

В условиях растущих экономических и торговых связей между регионами, а также постоянного совершенствования теории новой экономической географии, когда существует определенная область перемещений товаров и услуг, кадров, капитала и других факторов, электронная коммерция оказывает влияние не только на экспорт региона, но и на развитие экспорта соседних регионов. Предположим, что чрезмерная концентрация промышленных предприятий в регионе приводит к излишней конкуренции за ресурсы. Это вызовет межрегиональное перераспределение ресурсов, в том числе распространение технологий, миграцию населения и усиление потоков капитала, что в конечном итоге будет способствовать развитию соседних регионов (Wei et al., 2022).

Развитие онлайн-торговли будет способствовать модернизации местной отраслевой структуры. Данный регион будет воздействовать на окружающие территории посредством межрегионального сотрудничества, включаю-

щего изменение транспортной инфраструктуры, спроса, обмен технологиями и опытом, а также другими ресурсами между регионами-соседями, входящими в зону диффузии, для передачи таких положительных пространственных внешних эффектов, которые будут способствовать развитию экспорта соседних регионов, формированию плодотворного межрегионального взаимодействия и синергетическому развитию (Lu, Hu, 2024). Однако электронная коммерция в большей степени концентрируется в одном регионе, что также может привести к «эффекту перетока», т. е. регион за счет развития онлайн-торговли повышает свою межрегиональную экономическую конкурентоспособность, основанную на естественных преимуществах и привлекательности, что, напротив, может вызвать приток всевозможных качественных ресурсов, факторов производства, а также капитала из соседних регионов и нанести ущерб их экономическому развитию (Sun, 2023). В рамках эффекта перетока онлайн-торговля региона может оказывать отрицательный внешний эффект на развитие экспорта соседних регионов. Таким образом, предлагается гипотеза:

H2: влияние электронной коммерции на экспорт имеет пространственные внешние эффекты;

H2a: электронная коммерция оказывает положительный внешний эффект на развитие экспорта соседних регионов;

H2b: электронная коммерция оказывает отрицательный внешний эффект на развитие экспорта соседних регионов.

Согласно предельной теории закона убывающей предельной полезности (Ormazabal, 1995), когда развитие электронной коммерции находится на определенном этапе, влияние на экспорт будет иметь эффект предельного убывания, поэтому две переменные могут не находиться в единой линейной зависимости. Эффект чрезмерной концентрации факторов (Broersma, van Dijk, 2007) возникает тогда, когда торговля, капитал и кадры концентрируются настолько, что создается «эффект перегрузки», который влечет за собой избыток ресурсов, снижение потребительского спроса. В целях эффективного использования средств сокращается рабочая сила и другие издержки производства, что приводит к уменьшению предельной

полезности, снижению эффективности производства, возникновению эффекта масштаба, который не способствует развитию электронной коммерции, при этом воздействие на экспорт будет выражаться в убывающей предельной полезности. Эффект масштаба не способствует качественному развитию экспорта. Чрезмерная концентрация онлайн-торговли приведет к использованию всевозможных ресурсов в рамках слепой и беспорядочной конкуренции, что приведет к «формализму» слепых инноваций, к растрате ресурсов, но не к качественному развитию экспорта (Shen, Pan, 2023). Несколько других факторов также ограничивают положительные пространственные внешние эффекты электронной коммерции: в рамках онлайн-торговли обе стороны торгуют через электронные платформы, а затрудненность обмена данными между ними и недостаток взаимопонимания повышают торговые риски. Онлайн-платформы в некоторых развитых регионах обладают существенными финансовыми и технологическими преимуществами; они могут подавлять торговые площадки других регионов за счет снижения цен и предоставления более качественного гарантийного обслуживания, что приводит к несовершенной конкуренции. В результате малому и среднему бизнесу трудно оставаться на рынке экспортной торговли, что еще более усугубляет неравенство на внешнем рынке. Логистика играет решающую роль в электронной коммерции, но колебания издержек и нестабильный уровень логистического обслуживания могут негативно сказаться на экспорте. Чрезмерно высокие затраты на логистику увеличат себестоимость продукции электронной коммерции и снизят ее конкурентоспособность.

Кроме того, низкий уровень логистического обслуживания может привести к таким проблемам, как повреждение товаров и задержке в доставке, что негативно скажется на удовлетворенности клиентов и степени их лояльности. Особенности внешнеторговых операций, характерных для электронной коммерции, усложняют налоговые и правовые вопросы. Различия в налоговой политике и нормативных стандартах в разных регионах могут привести к разногласиям и спорам в процессе торговли. Выгоды от продвижения не всегда линейно реагируют на повышение уровня развития элек-

тронной коммерции. Только когда степень концентрации онлайн-торговли поддерживается в определенных пределах, она может оказывать влияние на развитие экспорта. Исходя из этого предлагается гипотеза Н3: существует пороговый эффект влияния электронной коммерции на экспорт, т. е. разные уровни развития электронной коммерции будут по-разному влиять на экспорт.

Описание переменных

Зависимая переменная — экспорт. Зависимая переменная измеряется как объем экспорта каждой провинции Китая с 2009 по 2022 год, от которого берется натуральный логарифм и обозначается $\ln Export_{it}$. Рассчитан по данным Статистического ежегодника Китая и Главного таможенного управления.

Основная независимая переменная — уровень развития электронной коммерции. В данном исследовании для оценки данной переменной в регионе используется индекс развития электронной коммерции за период с 2009 по 2022 год, обозначаемый как $Ecommerce_{it}$. Индекс рассчитан на больших данных платформы Alibaba Исследовательского института Ali Research Institute, охватывающих как индекс деловой активности в интернете, так и индекс онлайн-покупок, что позволяет всесторонне и интуитивно отразить уровень развития онлайн-торговли в каждой провинции. Индекс рассчитывается методом значения энтропии; показатели для расчета индекса развития электронной коммерции приведены в таблице 1.

Контрольные переменные: целью данного исследования является изучение влияния электронной коммерции на экспорт и необходимости контроля влияния других факторов на экспорт. Уровень экономического развития, степень открытости внешнему миру, налоговая нагрузка, уровень инновационной активности, транспортная доступность и структура промышленности также будут воздействовать на развитие экспортной торговли, поэтому мы включили вышеупомянутые шесть факторов в качестве контрольных переменных для учета влияния электронной коммерции на экспорт. Конкретные переменные приведены далее:

1) уровень экономического развития, измеряемый средним значением показателя ВВП на душу населения (в текущих ценах), обозначается $InperGDP_{it}$;

2) степень открытости внешнему миру = общий объем импорта и экспорта товаров / ВВП (в текущих ценах), обозначается $Open_{it}$;

3) налоговая нагрузка = налоговые поступления в бюджет каждой провинции / ВВП; обозначается $InTax_{it}$; местные власти помогают предприятиям оптимизировать структуру экспорта путем корректировки политики его налогообложения для повышения качества и добавленной стоимости экспортируемых товаров, а также способствуют устойчивому развитию экспортной торговли; эта переменная может измерять степень вмешательства местных властей в экономику или степень развития институционального регулирования в каждой провинции;

Таблица 1. Показатели для расчета индекса развития электронной коммерции в провинциях Китая

Показатель первого уровня	Показатель второго уровня	Метод расчета
Индекс деловой активности в интернете (0,5)	Относительная плотность деловой активности в интернете (0,3)	Относительная плотность онлайн-предпринимателей в корпоративном сегменте = число онлайн-предпринимателей в корпоративном сегменте / население. Относительная плотность онлайн-предпринимателей в секторе розничной торговли = число онлайн-предпринимателей в секторе розничной торговли / население
	Индекс уровня операций онлайн-предпринимателей (0,2)	Процент суммарных стоимостей операций, превысивших заданную границу (для онлайн-предпринимателей) = количество предпринимателей в секторе розничной торговли с годовым оборотом более \$240,000 / число онлайн-предпринимателей в секторе розничной торговли
Индекс онлайн-покупок (0,5)	Относительная плотность онлайн-покупок (0,3)	Относительная плотность онлайн-покупок = число онлайн-потребителей / население
	Индекс уровня затрат на онлайн-покупки (0,2)	Процент онлайн-покупателей, превысивших заданную границу = количество потребителей, совершивших онлайн-покупки на сумму более \$10,000 в год / число онлайн-покупателей
Источник: данные по индексу электронной коммерции в провинциях. URL: idata.world (дата обращения 07.05.2024).		

4) транспортная доступность измеряется с помощью коэффициента взаимодействия, представляющего собой прологарифмированное произведение протяженности дорог в милях на грузооборот в каждой провинции, обозначается $Intransport_{it}$;

5) уровень инновационной активности измеряется количеством заявок на получение национальных патентов в каждой провинции; обозначается $Innovation_{it}$; чем выше уровень развития науки, технологий и инноваций, тем больше товаров с независимыми правами интеллектуальной собственности и базовыми технологиями может быть произведено, что повышает качество и добавленную стоимость экспортных товаров;

6) соотношение добавленной стоимости обрабатывающей промышленности к добавленной стоимости сферы услуг отражает отраслевую структуру промышленности каждой провинции, а также ее способность поставлять экспортные товары, обозначается $Industry_{it}$.

Построение модели

Чтобы лучше раскрыть влияние электронной коммерции на экспорт регионов и выявить различные пространственные внешние эффекты, в данной работе построены три следующие модели пространственной регрессии:

$$SEM: \ln Export_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 Ecommerce_{it} + \beta_1 Control_{it} + \lambda W \varepsilon_{it} + \mu_{it}; \quad (1)$$

$$SLM: \ln_{it} Export = \alpha_0 + \rho W Ecommerce_{it} + \alpha_1 Ecommerce_{it} + \beta_1 Control_{it} + \lambda W \varepsilon_{it} + \mu_{it}; \quad (2)$$

$$SDM: \ln Export_{it} = \alpha_0 + \rho W \ln Export_{it} + \alpha_1 Ecommerce_{it} + \alpha_2 W Ecommerce_{it} + \beta_1 Control_{it} + \beta_2 W Control_{it} + \lambda W \varepsilon_{it} + \mu_{it} \quad (3)$$

Матрица пространственных весов

В данной работе матрица смежности выбрана для отражения пространственных отношений между провинциями; если провинции соседствуют, то существует зависимость близости и вес равен 1; в противном случае вес равен 0. Следующая формула рассчитывает пространственные веса:

$$W_{ij}^s = \begin{cases} 1, & \text{if } i \text{ and } j \text{ are not neighborly relations} \\ 0, & \text{if } i \text{ and } j \text{ are not neighborly relations} \end{cases}$$

Тест на пространственную автокорреляцию

Пространственная автокорреляция определяется одним измерением размера и одним измерением пространственной смежности, в то время как пространственная кросс-корреляция оценивается двумя измерениями размера и одним измерением пространственной смежности (Cliff, Ord, 1973). Значение индекса Морана обычно находится в диапазоне [-1; 1]. Если значение больше 0, то переменные имеют положительную пространственную корреляцию. В случае экспортной торговли высокие значения находятся рядом с высокими, а низкие значения — рядом с низкими. Если значение индекса Морана близко к 0, то переменные распределены случайным образом и пространственная корреляция отсутствует.

Существует ли пространственный внешний эффект от развития электронной коммерции, действующий на экспорт, т. е. влияет ли уровень развития электронной коммерции в соседних регионах на экспорт данной провинции? В настоящей работе используется глобальный индекс Морана для измерения пространственной корреляции экспортной торговли при построении матрицы смежности (табл. 2). Результаты подтверждают, что глобальный индекс Морана для объемов экспортной торговли в 2009–2022 гг. превышает 0 и является значимым на уровне 1%, что указывает на значимую пространственную корреляцию экспорта каждой провинции. Для ответа на поставленный выше вопрос проводится пространственный регрессионный анализ.

Диаграмма рассеяния Морана используется для изучения локальных пространственных особенностей путем описания корреляции между переменной Z и ее пространственным лагом. Горизонтальная ось диаграммы рассеяния соответствует описываемой переменной, а вертикальная ось — вектору пространственного лага. Его можно разделить на четыре квадранта, соответствующие четырем типам пространственной близости между регионами и их соседями (кластеры High-High, Low-High, Low-Low, High-Low). Для дальнейшего изучения пространственной корреляции экспорта строится диаграмма рассеяния Морана с соответствующими данными матрицы пространственных весов $W1$ соседних показателей, как показано

Таблица 2. Индекс Морана для экспорта, 2009–2022 гг.

Год	I	E(I)	sd(I)	z	p-value*
2009	0,369	-0,033	0,119	3,391	0,001
2010	0,386	-0,033	0,119	3,535	0,000
2011	0,365	-0,033	0,119	3,360	0,001
2012	0,359	-0,033	0,119	3,301	0,001
2013	0,351	-0,033	0,118	3,246	0,001
2014	0,351	-0,033	0,118	3,257	0,001
2015	0,413	-0,033	0,118	3,779	0,000
2016	0,396	-0,033	0,118	3,629	0,000
2017	0,386	-0,033	0,118	3,565	0,000
2018	0,380	-0,033	0,118	3,508	0,000
2019	0,371	-0,033	0,117	3,439	0,001
2020	0,386	-0,033	0,117	3,575	0,000
2021	0,384	-0,033	0,118	3,549	0,000
2022	0,387	-0,033	0,117	3,590	0,000

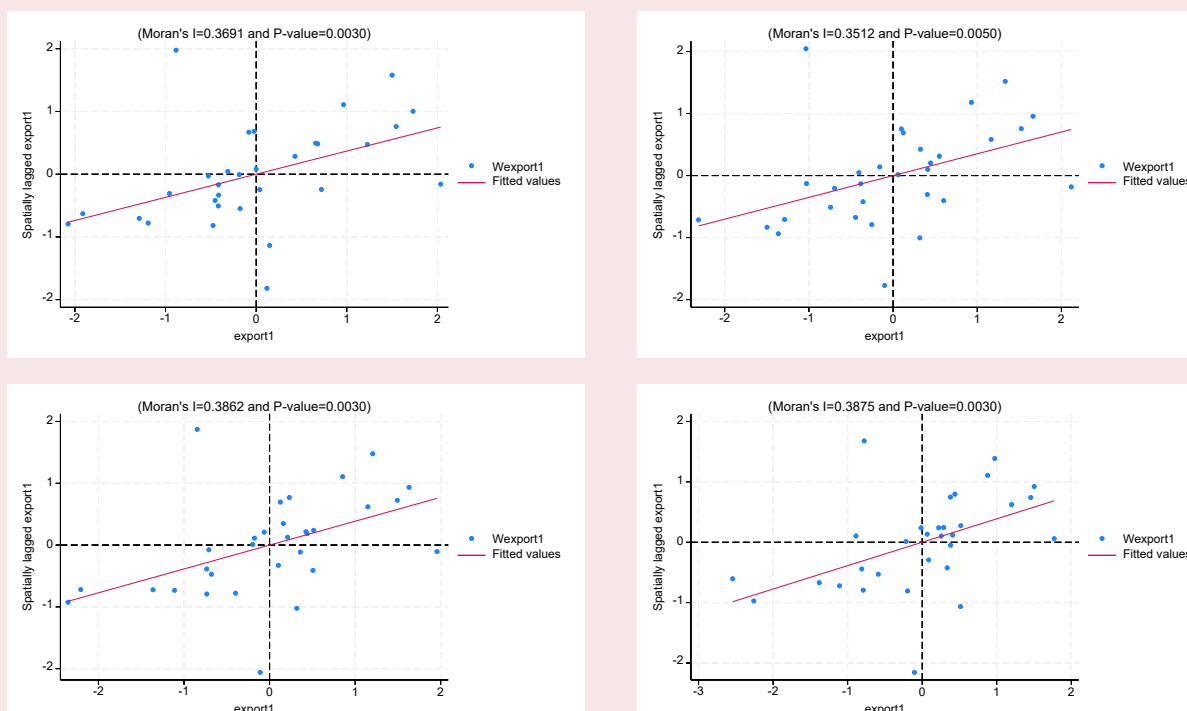
Источник: рассчитано авторами.

на *рисунке 1* (из-за длительного временного периода соответствующие вычисленные значения близки, поэтому для демонстрации выбраны наиболее репрезентативные годы).

Как видно на *рисунке 1*, большинство регионов находятся в первом и третьем квадрантах.

В целом, экспортная торговля Китая демонстрирует положительную пространственную корреляцию. Индекс Морана показывает тенденцию к росту, что указывает на эффект пространственной кластеризации в региональной экспортной торговле Китая в период с 2009 по 2022 год.

Рис. 1. Диаграмма рассеяния Морана для изучения пространственной корреляции экспорта за выбранные годы

Источник: рассчитано авторами.

Что касается выбора модели пространственной регрессии, то в данной работе используются критерии автокорреляции, чтобы определить, какая из моделей SLM, SEM и SDM наиболее подходящая. Во-первых, для выбора модели используются критерий множителей Лагранжа, результаты которого представлены в *таблице 3*. Оба множителя Лагранжа, проверяющие автокорреляцию пространственной ошибки, не прошли проверку на значимость, а множители, проверяющие автокорреляцию пространственного лага, значимы на уровне 1%, поэтому модель SLM больше подходит для нашего исследования.

Если множители Лагранжа показывают, что пространственные эффекты присутствуют в традиционной эконометрической модели, то более обобщенная модель SDM может быть использована непосредственно для их оценки. Однако полученные результаты по критерию множителей Лагранжа показывают, что модель SEM не будет обладать пространственными эффектами, поэтому модель SLM выбрана из-за ее робастности и точности результатов регрессии.

Результаты теста Хаусмана в *таблице 4* показывают $\text{Prob} > \chi^2 = 0,0000$, что отклоняет нулевую гипотезу, поэтому для регрессионного анализа выбрана модель с фиксированными эффектами. Результаты теста отношения правдоподобия показывают, что для нашего исследования больше подходит модель с индивидуальными и временными фиксированными эффектами. В этом исследовании выбрана мо-

дель пространственного лага (SLM) с индивидуальными и временными фиксированными эффектами. Результаты теста множителей Лагранжа, теста Хаусмана и теста отношения правдоподобия (LR) приведены в *таблицах 3, 4*.

Тест на робастность

Пропуск переменных — проблема, с которой сталкивается большинство исследователей. Для проверки робастности модели добавлена контрольная переменная, которая может оказывать влияние на экспорт, — развитие человеческого капитала, который измеряется долей числа студентов, обучающихся в университетах каждой провинции в общей численности населения и обозначается $InHC_{it}$. Чем выше уровень развития человеческого капитала, тем выше уровень науки и техники, больше возможностей для инноваций, больше товаров с независимыми правами интеллектуальной собственности и базовыми технологиями может быть экспортировано, что повышает качество и добавленную стоимость экспорта. Используя модель пространственной регрессии, ученые собрали данные для эмпирического исследования и обнаружили, что улучшение структуры и запасов человеческого капитала может способствовать развитию экспорта (Dai et al., 2021). Результаты регрессии модели 1 представлены в *таблице 6*. После добавления контрольных переменных коэффициент регрессии электронной коммерции в отношении экспорта и коэффициенты пространственного эффекта по-прежнему остаются значимо положительными, что подтверждает робастность модели.

Таблица 3. Результаты по критерию множителей Лагранжа

Критерий	Значение тестовой статистики	df	p-value
Пространственная ошибка			
Множитель Лагранжа	0,879	1,000	0,349
Робастный множитель Лагранжа	1,722	1,000	0,189
Пространственный лаг			
Множитель Лагранжа	13,893	1,000	0,000
Робастный множитель Лагранжа	14,736	1,000	0,000
Источник: рассчитано авторами.			

Таблица 4. Результаты тестов Хаусмана и отношения правдоподобия

Критерий	$\chi^2(7)$	$\text{Prob} > \chi^2$
Хаусман	73,60	0,0000
LR (индивидуальные эффекты)	38,62	0,0000
LR (временные эффекты)	932,41	0,0000
Источник: рассчитано авторами.		

Замена матрицы пространственных весов

Мы проводим проверку робастности, преобразуя матрицу пространственных весов и матрицу смежности в матрицу расстояний, используя формулы, соответственно:

$$W_3 = \begin{cases} \frac{1}{pergdp_{ij}^2} & i \neq j \\ 0 & i = j \end{cases},$$

где $pergdp_{ij}$ — разница в ВВП на душу населения между регионами i и j .

Чтобы минимизировать ошибку, в качестве пространственного веса используются обратные квадратичные расстояния, а вес диагонали матрицы равен нулю.

Матрица расстояний зависит от дистанции между регионами, рассчитанной по географическим координатам: широте и долготе. Обычно используются матрицы обратных расстояний и

обратных квадратичных расстояний, которые слабеют медленнее, поскольку пространственный эффект усиливается с увеличением расстояния. Поэтому в данной статье используется матрица обратных квадратичных расстояний. Формула выглядит следующим образом:

$$W_2 = \begin{cases} \frac{1}{d_{ij}^2} & i \neq j \\ 0 & i = j \end{cases},$$

где d_{ij} — географическое расстояние, рассчитанное по широте и долготе регионов i и j .

Согласно результатам моделей 2 и 3, приведенным в таблице 5, уровни значимости коэффициентов независимой переменной и коэффициентов регрессии (ρ) после замены матриц пространственных весов остаются одинаковыми, поэтому эмпирические результаты являются робастными.

Таблица 5. Результаты теста на робастность

Переменная	(1)	(2)	(3)	(4)
Есcommrce _{it}	0,182*** (0,0364)	0,176*** (0,0358)	0,170*** (0,0355)	0,118*** (0,0368)
InperGDP _{it}	1,290*** (0,123)	1,474*** (0,122)	1,326*** (0,130)	1,391*** (0,126)
Open _{it}	1,896*** (0,172)	2,404*** (0,158)	2,320*** (0,158)	2,262*** (0,159)
Intransport _{it}	-0,0887** (0,0359)	-0,0947** (0,0373)	-0,117*** (0,0370)	
Inhighway				-0,585*** (0,169)
Industry _{it}	0,229*** (0,0627)	0,157** (0,0663)	0,207*** (0,0643)	-0,0693* (0,0382)
Ininnovation _{it}	-0,0867*** (0,0297)	-0,109*** (0,0305)	-0,116*** (0,0300)	0,245*** (0,0636)
InTax _{it}	2,886** (1,300)	2,329* (1,335)	2,227* (1,321)	-0,0978*** (0,0299)
InHC _{it}	35,60*** (8,102)			
Incargo				1,994 (1,298)
rho	0,261*** (0,0569)	-0,127*** (0,0407)	0,306*** (0,0760)	0,273*** (0,0570)
sigma2_e	0,0388*** (0,00265)	0,0422*** (0,00287)	0,0412*** (0,00282)	0,0397*** (0,00271)
Log-likelihood	85,9949	70,1272	72,5357	80,6896
Число наблюдений	434	434	434	434
R-squared	0,334	0,318	0,314	0,219
Number of code	31	31	31	31
Источник: рассчитано авторами.				

Измерение заменяющей переменной

Коэффициент взаимодействия между про-
тяженностью дорог в милях и грузооборотом в
каждой провинции введен в модель SLM из-за
потенциального положительного синергетиче-
ского эффекта при измерении степени транс-
портной доступности. Чтобы проверить робаст-
ность модели, коэффициент взаимодействия
был заменен двумя отдельными переменными
для регрессии, и, согласно результатам модели
4, знак коэффициентов переменных не изме-
нился после замены показателей переменных,
а уровни значимости остались прежними, по-
этому эмпирические результаты являются ро-
бастными.

Анализ пространственных эффектов

В таблице 6 представлены результаты ре-
грессии с использованием модели SLM с ин-
дивидуальными и временными фиксированны-
ми эффектами. Результаты сопоставления
четырех моделей показывают, что развитие
электронной коммерции положительно кор-
релирует с экспортом. В модели пространствен-

ного лага, за исключением переменной уровня
налоговой нагрузки, полученные коэффици-
енты переменных проходят проверку на зна-
чимость на уровне 1%, что позволяет предпо-
ложить, что развитие электронной коммерции
способствует росту экспорта без учета условий
региональной гетерогенности. Таким образом,
развитие цифровой экономики, электронной
коммерции, интеллектуальных услуг и дру-
гих отраслей влечет за собой трансформацию
и совершенствование традиционной торгов-
ли, способствует совершенствованию факторов
производства, изменению структуры торговли
и повышению качества продукции и объема
экспорта. Исходя из этого, мы можем сделать
вывод, что гипотеза 1 верна. Коэффициенты
пространственной автокорреляции в модели
SLM значимы, что указывает на то, что экс-
порт имеет значимую пространственную авто-
корреляцию, которая совпадает с результатами
вышеупомянутого теста на пространственную
автокорреляцию, поэтому использование мо-
дели SLM имеет определенную степень раци-

Таблица 6. Результаты регрессии модели SLM с индивидуальными
и временными фиксированными эффектами

Переменная	Main	Прямой эффект	Косвенный эффект	Суммарный эффект
Ecommerce _{it}	0,144*** (0,0360)	0,147*** (0,0366)	0,0513*** (0,0174)	0,198*** (0,0489)
InperGDP _{it}	1,328*** (0,125)	1,342*** (0,105)	0,473*** (0,115)	1,815*** (0,150)
Open _{it}	2,214*** (0,160)	2,266*** (0,178)	0,802*** (0,207)	3,068*** (0,285)
Intransport _{it}	-0,105*** (0,0365)	-0,104** (0,0403)	-0,0372** (0,0189)	-0,141** (0,0569)
Industry _{it}	0,230*** (0,0640)	0,223*** (0,0738)	0,0806** (0,0365)	0,304*** (0,106)
Ininnovation _{it}	-0,113*** (0,0297)	-0,115*** (0,0291)	-0,0407*** (0,0143)	-0,156*** (0,0400)
InTax _{it}	2,005 (1,310)	1,952 (1,331)	0,679 (0,496)	2,632 (1,790)
rho	0,283*** (0,0570)			
sigma2_e	0,0404*** (0,00277)			
Log-likelihood	76,4663			
Число наблюдений	434	434	434	434
R-squared	0,298	0,298	0,298	0,298
Number of code	31	31	31	31
Источник: рассчитано авторами.				

ональности. С точки зрения дополнительных контрольных переменных, экономическое развитие и экспорт демонстрируют значимую положительную корреляцию. Это соответствует реальному экономическому росту регионов Китая; повышение экономически предельного уровня качества включает в себя изменение уровня спроса на внутреннем рынке, уровня развития обрабатывающей промышленности и оптимизацию структуры производства, что может создать большой спрос на внутреннем рынке. При этом трудоемкое производство экспортируемых товаров постепенно становится высокотехнологичным и обеспечивает высокую добавленную стоимость, что повышает качество экспорта и эффективность торговли.

Открытость внешнему миру и экспорт демонстрируют значимую положительную корреляцию: с повышением уровня открытости местные и иностранные предприятия торгуют активнее, обмениваясь передовым управленческим опытом, также это способствует международному обмену промышленными товарами, развитию экспортной торговли в регионе.

Оценка влияния транспортной доступности отрицательна и соответствует критерию значимости на уровне 1%. Транспортная доступность оказывает существенное влияние на экспорт, что может быть объяснено следующим: строительство и поддержание транспортной инфраструктуры требует значительных капиталовложений. В условиях ограниченных ресурсов высокие затраты на инфраструктуру могут вытеснить финансирование других важных видов экономической деятельности; строительство транспортных объектов, особенно крупномасштабных, таких как автомобильные и железные дороги и аэропорты, может нанести ущерб окружающей среде, например, привести к эрозии земель, загрязнению водных ресурсов и сокращению биоразнообразия. Эти проблемы затрагивают местные экосистемы и могут негативно повлиять на международную репутацию и рынок экспорта. Кроме того, выбросы углекислого газа и потребление энергии будут расти с увеличением интенсивности дорожного движения, что негативно скажется на глобальном изменении климата, может увеличить нагрузку на окружающую среду и затраты предприятий с высоким уровнем выбросов углерода; транспортное сообщение может при-

вести к концентрации ресурсов, кадров и капитала в определенных регионах, что усугубит неравномерность развития регионов, а заторы на дорогах могут усиливаться с увеличением интенсивности движения. Это не только увеличит стоимость транспортировки и время, но также может снизить эффективность перевозок и нанести ущерб экспортной торговле.

Существует значимая положительная корреляция между отраслевой структурой промышленности и экспортом; модернизация отраслевой структуры положительно влияет на экспорт за счет оптимизации его структуры, повышения конкурентоспособности предприятий-экспортеров, специализации труда и внедрения производственных цепочек, повышения конкурентоспособности на международных рынках, упрощенных процедур торговли и обеспечения широкого спектра возможностей на рынке.

Уровень инноваций демонстрирует значимую отрицательную корреляцию. Технологические риски и неопределенность часто сопровождают инновации. Новые технологии или продукты могут сталкиваться с такими проблемами, как низкая популярность на рынке и недостаточная технологическая отработанность, что может привести к трудностям в продвижении продукции и повлиять на экспорт. Инновации требуют значительных капиталовложений, особенно на этапе исследований и разработок (НИОКР). Высокие затраты на НИОКР могут усилить финансовое давление на предприятия и снизить их прибыльность, что напрямую влияет на их экспортный потенциал. Вопросы защиты интеллектуальной собственности влияют на стабильность и устойчивое развитие экспорта; на международном рынке некоторые страны могут устанавливать технические торговые барьеры для ограничения импорта высокотехнологичной продукции из других стран. Эти барьеры могут включать процессуальные нормы, требования к сертификации и патентную охрану, что затрудняет экспорт инновационной продукции.

Оценка налоговой нагрузки в модели SLM не проходит проверку на значимость, хотя она сильно коррелирует с экспортом. Органы власти предпринимают шаги по оптимизации структуры экспорта предприятий путем корректировки налогообложения экспортных товаров.

Это также негативно скажется на экспортной торговле. Так, более высокий уровень налоговой нагрузки напрямую приведет к увеличению стоимости экспортируемой продукции, что снизит конкурентоспособность. Учитывая пространственный эффект экспорта, трудно оценить, может ли уровень налоговой нагрузки положительно повлиять на развитие экспорта региона в целом.

Коэффициент пространственной автокорреляции положительный. Он проходит проверку на значимость на уровне 1%, что свидетельствует о явном агломерационном эффекте в процессе развития экспорта Китая и о том, что экспорт провинции зависит от уровня развития электронной коммерции в соседних регионах. Пространственный внешний эффект в основном проявляется в следующих аспектах:

1) промышленная агломерация и диффузия: регионы с хорошо развитой электронной коммерцией, как правило, привлекают больше предприятий, ориентированных на экспорт, что создает эффект промышленной агломерации; такая агломерация способствует совершенствованию местной инфраструктуры электронной коммерции и логистики и способствует росту рынка; когда электронная коммерция достигает определенной стадии развития, может возникнуть необходимость в расширении сферы деятельности из-за нехватки ресурсов и роста издержек; в этот момент соседние регионы, как правило, становятся основной зоной диффузии, что положительно сказывается на развитии электронной коммерции;

2) информационные и технологические внешние эффекты: регионы с развитой электронной коммерцией обладают более передовыми технологиями и более богатой информацией о состоянии рынка; эти технологии и информация могут перетекать в соседние регионы благодаря мобильности кадров и сотрудничеству предприятий; предприятия соседних регионов получают возможность перенять опыт и повысить уровень своей электронной коммерции, усилив таким образом свою экспортную конкурентоспособность;

3) расширение рынка и взаимодополняемость: развитие электронной коммерции позволяет предприятиям осваивать новые рынки и расширять масштабы экспорта; когда уровень электронной коммерции в соседних регионах

повышается, местные предприятия могут использовать свое влияние на рынке для дальнейшего продвижения на международном рынке, в то же время спрос соседних регионов также может стать новой точкой роста для местных предприятий, создавая эффект взаимодополняемости;

4) взаимодействие стратегий развития и синергия: взаимодействие стратегий развития и синергия электронной коммерции соседних регионов могут усилить их позиции на межрегиональном рынке электронной коммерции; это преимущество способствует развитию местного экспорта и повышает международную конкурентоспособность всего региона.

Для дальнейшего измерения пространственных характеристик влияния электронной коммерции на экспорт в данной работе пространственный эффект разделен на следующие три части. Прямой эффект включает в себя два аспекта: первый относится к влиянию уровня развития электронной коммерции на экспорт провинции, второй — к влиянию уровня развития электронной коммерции на экспорт соседних провинций, что, в свою очередь, способствует развитию экспорта в данной провинции. Под косвенным эффектом понимается пространственный внешний эффект, т. е. влияние уровня развития электронной коммерции в соседних провинциях на экспорт данной провинции. Под суммарным эффектом подразумевается средняя степень влияния развития электронной коммерции в провинции на экспорт Китая. Результаты регрессии для каждого эффекта приведены в таблице 6. Прямой эффект развития электронной коммерции в значительной степени положительный, что указывает на то, что электронная коммерция в провинции способствует развитию экспорта данной провинции, что еще раз подтверждает справедливость гипотезы 1. Среди других контрольных переменных, имеющих прямые эффекты, можно выделить экономическое развитие, открытость внешнему миру и структуру промышленности, которые в значительной степени способствуют развитию экспорта данной провинции. С другой стороны, транспорт и инновации оказывают негативное влияние, а налоговая нагрузка не вносит существенного вклада в развитие экспорта данной провинции.

Что касается косвенных эффектов, то электронная коммерция прошла тест на значимость в 1% и имеет положительные внешние эффекты, влияющие на экспорт соседних провинций; таким образом, гипотеза 2 верна. Говоря о суммарном эффекте, электронная коммерция в целом способствует развитию экспортной торговли Китая, и результаты регрессии значимы. Кроме того, коэффициент регрессии ρ положительный и значимый, т. е. развитие экспорта данной провинции будет положительно влиять на экспорт соседних провинций, значит, отсутствует эффект «перетока» экспорта между провинциями.

Проверка порогового эффекта

Регрессионный анализ исходных данных и пространственного эффекта показывает, что развитие электронной коммерции способствует росту экспорта, но имеет ли этот эффект нелинейные характеристики? В данном исследовании основные независимые переменные используются в качестве пороговых для измерения нелинейного влияния электронной коммерции на экспорт. Необходимо определить, существует ли пороговый эффект. Если существует, то необходимо в дальнейшем определить количество пороговых значений. Как показано в табл. 7, эффект с одним порогом прошел проверку на значимость на уровне 5%, а эффект с двумя порогами и эффект с тремя порогами не прошли проверку на значимость. Пороговое значение равно 12,3446, а доверительный интервал равен [12,0192; 12,6271] (на уровне 95%). Коэффициент влияния равен 0,05, когда он ниже порогового значения, и 0,11, когда он выше порогового значения, т. е. положительное влияние различных уровней развития электронной коммерции на экспорт имеет тенденцию к росту; следовательно, гипотеза Н3 верна (рис. 2).

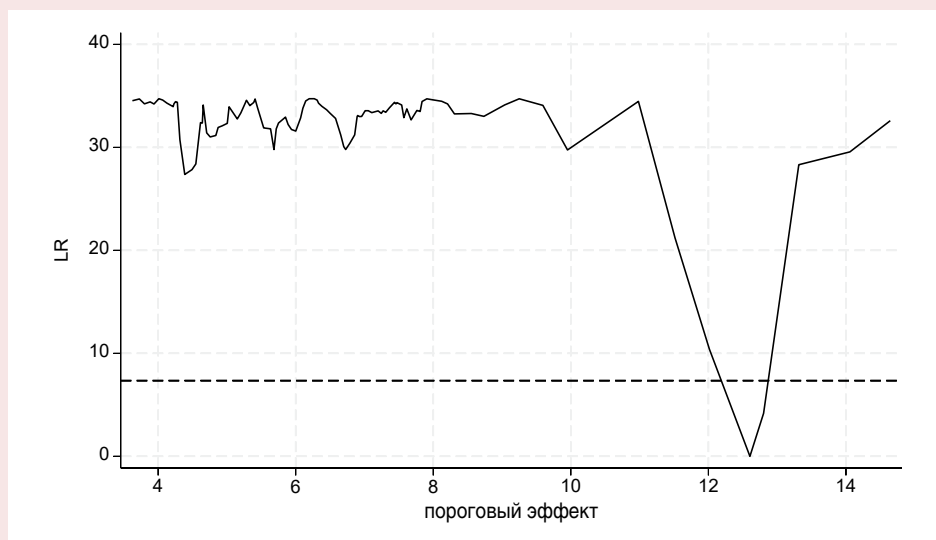
довании основные независимые переменные используются в качестве пороговых для измерения нелинейного влияния электронной коммерции на экспорт. Необходимо определить, существует ли пороговый эффект. Если существует, то необходимо в дальнейшем определить количество пороговых значений. Как показано в табл. 7, эффект с одним порогом прошел проверку на значимость на уровне 5%, а эффект с двумя порогами и эффект с тремя порогами не прошли проверку на значимость. Пороговое значение равно 12,3446, а доверительный интервал равен [12,0192; 12,6271] (на уровне 95%). Коэффициент влияния равен 0,05, когда он ниже порогового значения, и 0,11, когда он выше порогового значения, т. е. положительное влияние различных уровней развития электронной коммерции на экспорт имеет тенденцию к росту; следовательно, гипотеза Н3 верна (рис. 2).

Таблица 7. Результаты проверки порогового эффекта

Пороговая переменная	Порог	F-value	P-value	10%	5%	1%
Уровень развития электронной коммерции	один порог	49,77	0,0140	31,4987	36,3850	54,1600
	два порога	11,22	0,5480	24,7579	31,3395	44,2781
	три порога	8,18	0,6020	19,0847	24,0540	33,0369

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 2. График зависимости линейной регрессии и порогового эффекта

Источник: рассчитано авторами.

Обсуждение

Авторы не претендуют на создание принципиально нового подхода к изучению влияния электронной коммерции на экспортную торговлю. В статье последовательно используются проверенные методы для определения влияния электронной коммерции на развитие 31 региона Китая. Тем не менее, авторы не ставили цель изучить закономерности территориальной организации производства. Вопросы размещения предприятий, доступности ресурсов, форм организации производства, структуры региональных экономик и принципов региональной политики, которые являются элементами мезоэкономики, помещены в «черный ящик». В случае с регионами Китая, большое количество переменных и очень большой объем данных значительно усложнили исследование. Они обязательно будут рассмотрены в последующих модификациях подхода. Универсальность используемых инструментов позволяет предположить, что данный подход может быть применен и к другим национальным исследованиям. Исследуемая страна может быть унитарным (как Китай) или федеративным государством. Важным условием является наличие административных территорий, на которых публикуются статистические отчеты. Тем не менее, национальные особенности могут повлиять на архитектуру модели. В некоторых случаях будет обнаружен побочный эффект, в других — эффект перетока. Последовательное изучение национальных экономик, безусловно, поможет понять значение электронной коммерции в различных бизнес-средах и выявить факторы, влияющие на ее применение. Это отдельная тема для будущих исследований.

Выводы

В данной статье авторы исследуют методологические и практические вопросы влияния

электронной коммерции на региональную экспортную торговлю. Основываясь на панельных данных по 31 провинции Китая за период с 2009 по 2022 год, мы доказали влияние электронной коммерции на экспорт с помощью модели пространственной регрессии и модели порогового эффекта. С пространственной точки зрения в данной работе эмпирически исследуется пространственная корреляция между уровнем развития электронной коммерции и экспортом с использованием модели пространственной регрессии. Результаты показывают, что развитие электронной коммерции оказывает значительное положительное пространственное воздействие на экспорт. Экономический рост, открытость внешнему миру, отраслевая структура промышленности и инновации в значительной степени способствуют развитию экспортной торговли. В то же время было выявлено, что налоговая нагрузка со стороны государства не оказывает существенного влияния на экспортную торговлю. Транспортная доступность при определенных ограниченных обстоятельствах оказывает негативное воздействие. Поэтому при стимулировании строительства объектов транспортной инфраструктуры необходимо в полной мере учитывать связанные с этим вероятные затраты и экологические, социальные и политические последствия, а также принимать адекватные меры для нивелирования этих негативных эффектов. Электронная коммерция способствует развитию экспорта Китая, и между провинциями не возникает эффекта «перетока». Согласно анализу порогового эффекта, существует один порог влияния электронной коммерции на экспорт, и положительное влияние развития электронной коммерции на экспорт усиливается с переходом через этот порог.

Литература

- Amidi S., Fagheh Majidi A. (2020). Geographic proximity, trade and economic growth: A spatial econometrics approach. *Annals of GIS*, 26(1), 49–63. Available at: <https://doi.org/10.1080/19475683.2020.1714727>
- Anselin L. (1990). Spatial dependence and spatial structural instability in applied regression analysis. *Journal of Regional Science*, 30 (2), 185–207. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1990.tb00092.x>
- Anselin L. (2010). *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Springer Netherlands.
- Broersma L., van Dijk J. (2007). The effect of congestion and agglomeration on multifactor productivity growth in Dutch regions. *Journal of Economic Geography*, 8 (2), 181–209. Available at: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbm041>
- Cliff A.D., Ord J.K. (1973). *Spatial Autocorrelation*.

- Cressie N.A.C. (1993). *Statistics for Spatial Data Cressie/Statistics*. Hoboken, Nj, Usa John Wiley & Sons, Inc.
- Dai X., Yan L., Jianping L., Wu J. (2021). A research on the threshold effect of human capital structure upgrading and industrial structure upgrading – based on the perspective of path dependence. *Quality & Quantity*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01230-7>
- Elhorst J.P. (2012). Matlab software for spatial panels. *International Regional Science Review*, 37 (3), 389–405. Available at: <https://doi.org/10.1177/0160017612452429>
- Elhorst J.P. (2014). *Spatial Econometrics: From Cross-Sectional Data to Spatial Panels*. Springer.
- Goodchild M.F. (1992). Geographical information science. *International Journal of Geographical Information Systems*, 6 (1), 31–45. Available at: <https://doi.org/10.1080/02693799208901893>
- Hayakawa K., Mukunoki H., Urata S. (2021). Can e-commerce mitigate the negative impact of COVID-19 on international trade? *The Japanese Economic Review*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42973-021-00099-3>
- Kastratović R., Bjelić P. (2022). E-commerce and exports in Europe: A dynamic panel data approach. *The International Trade Journal*, 36 (6), 502–526. Available at: <https://doi.org/10.1080/08853908.2022.2125460>
- Klaassen J., Hendrik L. (1979). *Spatial Econometrics*.
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. (2024). Agglomeration processes in Russian regions: Specifics and challenges related to the intensification of positive effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (1), 91–109. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.5>
- Le Sage J., Pace R.K. (2009). *Introduction to Spatial Econometrics*. CRC Press.
- Lu Y., Hu J. (2024). Spatial impact of digital economy on the upgrading of industrial structure: Evidence from Chinese cities. *SAGE Open*, 14 (1). Available at: <https://doi.org/10.1177/21582440241233940>
- Onjewu A.-K.E., Hussain S., Haddoud M.Y. (2022). The Interplay of e-commerce, resilience and exports in the context of COVID-19. *Information Systems Frontiers*, 24 (4), 1209–1221. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10796-022-10342-w>
- Ormazabal K.M. (1995). The law of diminishing marginal utility in Alfred Marshall's Principles of Economics. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 2 (1), 91–126. Available at: <https://doi.org/10.1080/10427719500000096>
- Peng Q. (2021). A study on the influence of internet cross-border e-commerce on China's import and export trade and development strategy. *2021 2nd International Conference on E-Commerce and Internet Technology (ECIT)*. Available at: <https://doi.org/10.1109/ecit52743.2021.00062>
- Shanmugalingam P., Shanmuganeshan A., Manorajan A., Kugathasan M., Pathirana G.Y. (2023). Does e-commerce really matter on international trade of Asian countries: Evidence from panel data. *PLoS ONE*, 18 (4), e0284503–e0284503. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0284503>
- Shen Q., Pan Y. (2023). Explaining and modeling the impact of industrial co-agglomeration on regional economic growth in China: Integrated a quality concern of night-time light perspective. *Environmental Science and Pollution Research International*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11356-023-28709-0>
- Sun J. (2023). How e-commerce support economic growth amid COVID-19: Evidence from Chinese economy. *Environmental Science and Pollution Research*, 30 (38), 88842–88860. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11356-023-28628-0>
- Tobler W.R. (1970). A computer movie simulating urban growth in the Detroit Region. *Economic Geography*, 46, 234. Available at: <https://doi.org/10.2307/143141>
- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2024). Trends in the spatial development of regions in the Northwest of Russia in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (5), 266–293. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.15>
- Wang S.-L., Chen F.-W., Liao B., Zhang C. (2020). Foreign trade, FDI and the upgrading of regional industrial structure in China: Based on spatial econometric model. *Sustainability*, 12 (3), 815. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12030815>
- Wei W., Zhao L., Liu Z. (2022). How does industrial agglomeration affect firms' energy consumption? Empirical evidence from China. *Indoor and Built Environment*, 1420326X2210806. Available at: <https://doi.org/10.1177/1420326x221080671>
- Yamaka W., Shi R., Maneejuk P., Chi C. (2023). Spatial spillover effects of internet development on foreign trade in China. *Sustainability*, 15 (5), 4213. Available at: <https://doi.org/10.3390/su15054213>
- Yandell B.S., Anselin L. (1990). Spatial econometrics: Methods and models. *Journal of the American Statistical Association*, 85 (411), 905. Available at: <https://doi.org/10.2307/2290042>

Сведения об авторах

Елена Глебовна Ефимова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; e-mail: e.efimova@spbu.ru)

Ши Юйчжу — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; e-mail: shi.yuzhu@yandex.ru)

Джамиля Фатыховна Скрипнюк — доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы бизнес-инжиниринга, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: skripnyuk.d@spbstu.ru)

Efimova E.G., Shi Yuzhu, Skripnuk D.F.

Effects of E-Commerce on Export Trade: Spatial Panel Data Models for Regions of China

Abstract. The primary goals of the paper are to examine the impact of e-commerce on export trade and to determine whether the level of e-commerce development has spatial spillover, siphoning, and threshold effects on export trade. The goals predetermined the choice of research methodology. This paper constructs the spatial lag model and threshold model based on the panel data of 31 China's regions (provinces and other districts) from 2009 to 2022. The empirical results show a strong spatial autocorrelation and a robust spatial lag effect on the export trade in China. The improvement of the regional e-commerce level can directly promote the development of local export trade and has a significant positive spatial spillover effect, i.e., the improvement of the local e-commerce level can lead to the development of export trade in neighboring regions; there is no siphoning effect between provinces. According to the result of the threshold effect, there is a single-threshold effect of e-commerce on the impact of export trade, and the positive effect of different levels of e-commerce development on export trade is on an upward trend. The value of the research is a specific application of spatial regression modeling in empirical studies, and the findings provide insights for promoting the synergistic development of e-commerce and export trade.

Key words: export trade, e-commerce, spatial regression model, spatial spillover effect, threshold effect, siphon effect.

Information about the Authors

Elena G. Efimova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at the Department of World Economics, St Petersburg University (7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: e.efimova@spbu.ru)

Shi Yuzhu — Postgraduate Student, St Petersburg University (7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: shi.yuzhu@yandex.ru)

Djamilia F. Skripnuk — Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor at the Graduate School of Business Engineering, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politechnicheskaya Street, Saint Petersburg, 195251, Russian Federation; e-mail: skripnyuk.d@spbstu.ru)

Статья поступила 16.07.2024.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.13

УДК 332.1, ББК 65.040

© Короленко А.В., Белехова Г.В., Косыгина К.Е.

Экосистемы устойчивого развития локальных территорий: обзор теоретических подходов

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: coretra@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: belek-galina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

**Ксения Евгеньевна
КОСЫГИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sene4ka.87@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018

Для цитирования: Короленко А.В., Белехова Г.В., Косыгина К.Е. (2025). Экосистемы устойчивого развития локальных территорий: обзор теоретических подходов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 230–246. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.13

For citation: Korolenko A.V., Belekova G.V., Kosygina K.E. (2025). Ecosystems for the sustainable development of local territories: A review of theoretical approaches. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(2), 230–246. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.13

Аннотация. Диспропорции пространственного развития России (сжатие освоенного пространства, поляризация системы расселения, деформация опорного каркаса) являются вызовами для устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности. В этих условиях наиболее уязвимы локальные территории, которые в случае удаленного расположения от центров притяжения ресурсов имеют ограниченные возможности для ответа на актуальные вызовы. В свою очередь именно на местном уровне осуществляется практическая реализация целей и задач устойчивого развития, что в конечном счете определяет ситуацию на вышестоящих уровнях. Перспективным для исследования устойчивого развития локальных территорий представляется экосистемный подход, отводящий значительную роль в этом процессе участникам территориальной экосистемы и их взаимодействию друг с другом и с внешней средой. Целью обзора выступил анализ научного дискурса об устойчивом развитии локальных территорий в контексте экосистемного подхода. Работа построена на применении общенаучных методов критического анализа, сравнения, обобщения, группировки и классификации. Информационная база исследования представлена отечественной и зарубежной научной литературой по вопросам устойчивого развития отдельных территориальных единиц и экосистемного подхода, а также международными и российскими нормативно-правовыми документами в области устойчивого развития. В статье рассмотрены терминологические особенности категорий «устойчивое развитие», «экосистемный подход» и «локальные территории устойчивого развития»; выявлены пересечения концепции устойчивого развития и экосистемного подхода; раскрыта возможность их логического сочетания в единую концептуальную рамку применительно к локальным территориям; на основании обобщения и систематизации научной литературы сформулированы определения понятий «устойчивое развитие локальных территорий» и «экосистема устойчивого развития локальных территорий», выделены ключевые структурно-функциональные элементы экосистемы устойчивого развития локальных территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, локальные территории, экосистемный подход, экосистема устойчивого развития.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10168, <https://rscf.ru/project/24-78-10168/>.

Введение

Развитие локальных территорий становится все более актуальной темой научных исследований и управленческой деятельности в условиях нарастающего воздействия глобальных и региональных вызовов на социально-экономическое развитие. Изменение климата и дефицит некоторых природных ресурсов, рост численности населения и тенденция демографического старения, расширение потоков миграции, депопуляция сельских поселений и проблемы урбанизации городских территорий, проявления цифрового неравенства, бедность и растущая коммерциализация социальных услуг — эти и другие вызовы современности оказывают существенное давление не только на глобальное развитие и отдельные государства, но и на локальные территории, требуя разработки и внедре-

ния стратегий устойчивого развития, которые позволят сохранить природные ресурсы, улучшить качество жизни населения и обеспечить долгосрочный экономический рост отдельных территориальных образований. Развитие локальных территорий имеет весомое значение для достижения глобальных целей устойчивого развития, установленных Организацией Объединенных Наций (ЦУР ООН), поскольку эти территории обладают уникальной возможностью адаптировать глобальные стратегии к своим специфическим условиям, учитывая географическое положение, социально-экономические характеристики, местные ресурсы, культурные, экологические особенности.

Достижение устойчивого развития локальных территорий невозможно без разработки и внедрения эффективных управленческих стра-

тегий, учитывающих особенности каждой территории, местные и национальные цели развития, обозначенные в программных и стратегических документах государств. Кроме того, построение сбалансированной и эффективной системы устойчивого развития локальных территорий необходимо для сотрудничества между различными уровнями власти и вовлечения местных сообществ в процесс принятия решений, что может быть практически реализовано через принципы экосистемного подхода.

Целью обзорной статьи выступил анализ научного дискурса об устойчивом развитии локальных территорий в контексте экосистемного подхода. В первой части работы проведен краткий обзор концепции устойчивого развития, раскрыто ее значение, эволюция и ключевые принципы. Во второй части внимание уделено подходам к построению дефиниции устойчивого развития локальных территорий. В третьей части изложена сущность экосистемного подхода, отражена его роль в практике местного управления, проанализированы исследования экосистем устойчивого развития локальных территорий, выделены структурно-функциональные элементы экосистемы устойчивого развития локальной территории.

Для реализации задач исследования были привлечены методы критического анализа, сравнения, обобщения, группировки и классификации. Информационную базу составила отечественная и зарубежная научная литература по проблематике исследования, а также международные и российские концептуально-стратегические и нормативно-правовые документы в области устойчивого развития. Отбор научных работ по вопросам устойчивого развития отдельных территориальных единиц и экосистемного подхода проводился в научных поисковых системах eLibrary, Taylor & Francis Online, Google Scholar по ключевым словам (на русском и английском языках)¹. На основании анализа аннотаций отбирались работы, которые непосредственно затрагивают проблематику

устойчивого развития, экосистемного подхода и экосистем устойчивого развития, в том числе применительно к локальным территориям. При отборе источников учитывалась релевантность материалов с точки зрения их вклада в продолжающийся дискурс по заявленным тематикам. Оставшиеся публикации систематизировались в несколько групп в соответствии с аналитическими рамками настоящего исследования.

Устойчивое развитие территорий: краткий дискурс

Концепция устойчивого развития возникла как реакция на растущую обеспокоенность социально-экономическими (высокий уровень нищеты, неравенство между богатыми и бедными странами, использование ресурсоемких технологий, неадекватное ценообразование на природные ресурсы, рост потребительских настроений и др.) и экологическими (техногенное нарушение целостности ландшафтов, загрязнение, уменьшение видового разнообразия, доступность питьевой воды и др.) проблемами (Фаузер и др., 2018). Достаточно быстро концепция устойчивого развития стала своеобразной платформой для трансформации междunarодного сотрудничества и активизации многостороннего поиска ответов на глобальные вызовы. Ее объединяющей идеей послужила конвергенция трех концептуальных столпов — экономического развития, социальной справедливости и защиты окружающей среды.

Эволюция концепции устойчивого развития отражает изменения в понимании взаимосвязей между экономикой, обществом и природой. На ранних этапах (1960–70-е гг.) основное внимание фокусировалось на охране окружающей среды и негативных экологических последствиях промышленного развития. Центральными событиями стали публикация доклада Римского клуба «Пределы роста» и Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде (1972 г.). Сформировалось понимание необходимости согласования экономического роста с экологическим потенциалом планеты. Оформление

¹ При поиске использовались ключевые слова «устойчивость» (sustainability), «устойчивое развитие» (sustainable development), «устойчивое развитие городов» (sustainable urban development, sustainable development of cities), «устойчивое развитие сельских территорий» (sustainable rural development, sustainable development of rural areas), «локальные территории» (local territories), «малые территории» (small territories), «городские территории» (urban areas), «сельские территории» (rural areas), «муниципальные образования» (municipality, municipal entity), «экосистемный подход» (ecosystem approach), «экосистема устойчивого развития» (ecosystem of sustainable development).

концепции связывается с деятельностью Комиссии Брундтланд и ее докладом «Наше общее будущее» (1987 г.). Термин «устойчивое развитие» приобретает родовые черты — триединство экономических, социальных и экологических аспектов развития; учет долгосрочных последствий и интересов будущих поколений. Мировое признание концепция устойчивого развития получила после Саммита Земли в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и принятия Повестки дня на XXI век, которая закрепила ее как основу международной политики и важную составляющую национальных политик стран мира. Многие европейские страны стали развивать экологическое законодательство и проводить экономическую политику с экологической ориентацией (Андрианов, 2005). В начале XXI века акцент сместился на создание интегрированных моделей устойчивого развития (зеленая, циркулярная, низкоуглеродная экономика), основанных на применении в производстве инновационных подходов и экологичных технологий. Новый импульс данная концепция получила после принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году Целей устойчивого развития, ставших глобальной повесткой на ближайшие десятилетия и охвативших широкий спектр вопросов — от ликвидации нищеты и голода, обеспечения качественного образования до сохранения морских экосистем и борьбы с изменением климата. В итоге концепция устойчивого развития прошла путь от первоначального экологического фокуса к комплексному подходу, учитывающему баланс экономики, общества и природы, а также межпоколенческую справедливость.

В настоящее время *устойчивое развитие* представляет собой не неизменное состояние гармонии, а процесс постоянных изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями человечества². На данный момент не выработано единого подхода к пониманию сущности категории «устойчивое развитие», что

обусловлено как многовариантностью перевода этого термина с английского языка, так и его использованием в отношении разнородных экономических систем (Шукина, 2015). Все используемые понятия объединяет следующее: сохранение равновесия системы; забота о будущих поколениях; качественные и количественные изменения в трех взаимосвязанных компонентах — экономическом, социальном и экологическом; рост уровня и качества жизни населения; рациональное использование природно-ресурсного потенциала; сохранение окружающей среды (Гутман, Басова, 2017; Фаузер и др., 2018).

Основная критика устойчивого развития заключается в том, что оно не подвергает сомнению идеологию экономического роста и не предоставляет рабочей альтернативы философии потребления. Кроме того, ни в одном документе или программе не были сформулированы конкретные критерии устойчивости развития. Также часто отмечается превалирование антропоцентрических взглядов над экоцентрическими (Du Pisani, 2006). В целом устойчивое развитие является сложно достижимой задачей, поскольку оно, в сущности, ограничено регенеративными способностями экосистем, поддерживающих жизнь планеты (Mensah, 2019).

Таким образом, устойчивое развитие связано с принципом достижения целей человеческого развития и в то же время поддержания способности природных систем предоставлять ресурсы и экосистемные услуги, от которых зависят экономика и общество (Mensah, 2019). Проблема устойчивого развития сосредоточена вокруг меж- и внутрипоколенческого равенства, закреплённого на трехмерных отдельных, но взаимосвязанных столпах, а именно окружающей среде, экономике и обществе. Устойчивое развитие не может быть достигнуто посредством изолированных инициатив, для этого требуются комплексные усилия на различных уровнях. Лица, принимающие решения, должны постоянно помнить о взаимоотношениях, взаимодополняемости и компромиссах между всеми сферами устойчивого развития и обеспечивать ответственное поведение людей на международном, национальном, общественном и индивидуальном уровнях, чтобы поддерживать и продвигать принципы этой парадигмы в интересах человеческого развития (Mensah, 2019).

² Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения 15.01.2025).

Локальные территории в контексте устойчивого развития

Достижение целей устойчивого развития на локальном (местном) уровне в отличие от вышестоящих уровней (глобального и странового) подразумевает не декларативные и рамочные заявления, а конкретные действия, практическую реализацию принципов устойчивого развития (Schwab, Brower, 1997; Ильина, Миренкова, 2014; Oosterhof, 2018; Красноштанова, 2022). Деятельность местных управляющих структур в этом направлении вносит вклад в решение не только локальных, но и национальных и глобальных проблем устойчивого развития (Schwab, Brower, 1997). Тем не менее, в практике исследований устойчивости территориальных систем в большинстве случаев рассматриваются факторы и параметры устойчивости глобального и регионального масштаба, реже — районного пространственного уровня и совсем незначительное внимание уделяется локальным территориальным системам (Гогоберидзе и др., 2022).

В отечественных и зарубежных исследованиях устойчивого развития на местном уровне к определению локальных территорий чаще всего применяется *административно-территориальный подход*, в соответствии с которым под ними понимаются территории, ограниченные рамками муниципальных образований (Ковалева, Кучеренко, 2019). К ним относят как сами муниципальные образования, так и их объединения или часть территории в границах муниципальных образований (Ускова и др., 2013). Так, отдельные исследования посвящены устойчивому развитию муниципальных районов (Севастьянова, Яценко, 2020), внутрирайонных муниципальных образований (Хворостухин, 2014), городов (Zhang et al., 2025), городских районов (Alipour, Galal, 2021), сельских территорий (поселений) (Закшевский и др., 2023) или групп муниципальных образований, выделенных по какому-либо признаку, например географическому — локальные береговые территориальные системы (Гогоберидзе и др., 2022). В исследованиях устойчивого развития на местном уровне также встречаются другие синонимичные локальным территориям термины, в частности локальные пространственные образования (Меньшикова и др., 2014), локальные территориальные системы (Гогоберидзе и др., 2022), территориальные системы местных

сообществ (Управление сбалансированным развитием..., 2016), однако на практике их суть также сводится к территориям в границах муниципальных образований. Поэтому административно-территориальный подход видится актуальным в контексте исследования устойчивого развития локальных территорий.

Устойчивое развитие в исследовательской и управленческой плоскостях в основном рассматривается отдельно для городов и сельской местности. Международное сообщество обратило внимание на проблематику устойчивого развития локальных территорий в конце XX века. С тех пор был принят ряд профильных концепций, деклараций, хартий и программ. Все они содержат принципы и цели устойчивого развития, практические рекомендации по их реализации на местном уровне, а также обозначают обязательства местных властей и сообществ по соблюдению этих принципов. В *таблице 1* представлены основные вехи развития международной, европейской и российской политики в области устойчивого развития городов и сельских территорий, в том числе ее ключевые документы. Таким образом, к настоящему времени сформировалась база международных, европейских и отечественных документов, регламентирующих вопросы устойчивого развития как всех типов локальных территорий, так и отдельно городских и сельских населенных пунктов.

Теоретические подходы к исследованию устойчивого развития локальных территорий

Несмотря на наличие исследований, посвященных проблематике устойчивого развития локальных территорий (районов, городов, сельских поселений), в большинстве из них отсутствует определение данного понятия. В тех немногочисленных научных работах и нормативных документах, которые содержат его дефиницию, в основном используются категории «устойчивое развитие муниципальных образований», «устойчивое развитие сельских территорий» и «устойчивое развитие городов». О.В. Шумакова и М.А. Рабканова выделили два подхода к определению устойчивого развития локальных, в частности сельских, территорий — процессный и системный. В рамках первого устойчивое развитие сельских территорий рассматривается как процесс изменения различных сфер жизнедеятельности сельского сооб-

Таблица 1. Ключевые этапы развития и документы международной, европейской и российской политики в области устойчивого развития локальных территорий

В области устойчивого развития городов	В области устойчивого развития сельских территорий
Международные	
1976–1978 гг. Программа ООН по населенным пунктам, принята по итогам конференции ООН по населенным пунктам и устойчивому городскому развитию Хабитат I (Ванкувер, Канада)	
1996 г. Всемирный План действий по устойчивому развитию населенных пунктов «Повестка дня Хабитат» и «Стамбульская декларация по населенным пунктам», приняты по итогам конференции Хабитат II (Стамбул, Турция)	
2001 г. Декларация по городам и другим населенным пунктам в новом тысячелетии, принята на 25-й специальной сессии Генассамблеи ООН «Стамбул + 5» (Нью-Йорк, США)	
2015 г. 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР), в т. ч. ЦУР 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов»	
1996 г. Программа «Устойчивые города», принята ООН совместно с ЮНЕП	1992 г. «Повестка дня на XXI век», глава 14 «Содействие устойчивому ведению сельского хозяйства и развитию сельских районов», принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, Бразилия)
2016 г. Программа развития городов, принята на Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию Хабитат III (Кито, Эквадор)	1996 г. Положения по устойчивому развитию сельского хозяйства и сельской местности, приняты на сессии Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Рим, Италия)
Европейские	
1985 г. Европейская хартия местного самоуправления (Конгресс местных и региональных властей Совета Европы)*	
1994 г. Ольборгская хартия (Ольборг, Дания)	1991 г. Программа ЕС «LEADER», направленная на поддержку устойчивого роста и развития сельских сообществ, бизнеса и сельской среды
2007 г. Лейпцигская хартия устойчивого европейского города (Лейпциг, Германия)	2000 г. Программа ЕС «LEADER+», направленная на развитие конкурентоспособности сельских регионов
2008 г. Соглашение мэров ЕС	
Российские	
2003 г. ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»	
2025 г. ФЗ № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»	
2002 г. «Московская декларация», принята на Всероссийском совещании «Обеспечение устойчивого развития городов России» (Москва, Россия)	2006 г. ФЗ «О развитии сельского хозяйства»
2006 г. Приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов»	2010 г. Концепция устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года
2023 г. Хартия устойчивых городов России (ESG Хартия)	2013 г. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»
	2015 г. Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года
*В соответствии с Федеральным законом от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» с 16 марта 2022 года действие Европейской хартии местного самоуправления не распространяется на Россию. Однако положения Хартии представляют интерес с точки зрения отражения глобальной политики устойчивого развития территорий и ее эволюции. Составлено по: (Устойчивое развитие сельских территорий..., 2013; Фаузер, Смирнов, 2023); нормативно-правовые документы; Долгих Е.И., Антонов Е.В. (2015). Рейтинг устойчивого развития российских городов // Демоскоп Weekly. № 631–632. URL: http://demoscope.ru/weekly/2015/0631/tema01.php (дата обращения 16.01.2025).	

щества (социальных, экономических и экологических), направленный на увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель и др. Его недостатком авторы называют то, что он не учитывает особенности сельских территорий и не отражает механизмы воздействия на процесс их развития (Шумакова, Рыбканов, 2014). Системный подход, наряду с процессным, рассматривает устойчивое развитие как процесс изменения различных сфер жизнедеятельности сельского сообщества (социальных, экономических и экологических), но дополнительно указывает механизмы воздействия на развитие сельских территорий, т. е. отражает управление устойчивым развитием. Преимуществом данного подхода служит описание совокупности взаимодействующих и взаимосвязанных компонентов устойчивого развития (Шумакова, Рыбканов, 2014).

Анализ приведенных в *таблице 2* понятий позволяет сделать вывод о том, что в нормативно-правовых документах и исследовательских работах превалирует процессный подход к определению устойчивого развития локальных территорий. В основном под устойчивым развитием понимается непрерывный процесс, предполагающий как стабильность (сохранение, поддержание) отдельных социально-экономических параметров, так и количественные и качественные изменения (увеличение объема производства, повышение эффективности деятельности). Кроме того, ряд определений приравнивает устойчивое развитие к сбалансированному развитию, что предполагает учет интересов всех субъектов. При этом важной целью устойчивого развития служит удовлетворение потребностей населения, выражающееся в повышении уровня и качества его жизни. Как отмечает Т.В. Ускова, устойчивое развитие есть гармония противоположностей: устойчивости и изменчивости, сохранения и обновления, единства и разнообразия (Ускова, 2009).

Некоторые исследователи в определение устойчивого развития локальных территорий, в частности сельских, включают не только сбалансированное социально-экономическое и

экологическое, но и пространственное развитие (Закшевский и др., 2023). Согласимся с такой точкой зрения, поскольку пространственный фактор играет ключевую роль в доступе к ресурсам: удаленные от центров притяжения ресурсов территории имеют ограниченные возможности для ответа на актуальные вызовы и угрозы (депопуляция, бедность, безработица, старение населения, цифровой разрыв и т. д.), что несет значительные риски для их устойчивого развития. Кроме того, в большинстве дефиниций подчеркивается важность устойчивого развития для решения местных, свойственных данной территории проблем.

На основе проведенного анализа научного дискурса под *устойчивым развитием локальных территорий* может пониматься *процесс сбалансированного социально-экономического, экологического и пространственного развития локальных территорий разного уровня (районов, городских и сельских населенных пунктов) с целью рационального использования имеющихся ресурсов, сохранения окружающей среды и обеспечения высокого качества жизни населения в интересах настоящего и будущих поколений, позволяющий решать местные проблемы*. При этом сбалансированность развития применительно к экономическому пространству предполагает опору на несколько принципов: наличие пропорциональности развития и отсутствие значительных диспропорций в социальных, экономических, инфраструктурных и иных системах территорий; достижение связности локальных территорий, основанной на устойчивых, интенсивных и паритетных связях между ними; согласованность целей развития со стороны всех заинтересованных сторон — населения, бизнеса, органов власти (Ускова, Патракова, 2024).

Представленное определение устойчивого развития локальных территорий, с одной стороны, хорошо согласуется с имеющимися трактовками устойчивого развития в международных и российских нормативно-правовых документах, с другой стороны, углубляет и дополняет их, поскольку помимо экономического, социального и экологического аспектов учитывает пространственный. Кроме того, предложенная дефиниция облегчает процесс операционализации понятия, строго очерчивая его теоретические рамки.

Таблица 2. Определения устойчивого развития локальных территорий

Термин	Определение	Авторы/документы
Устойчивое развитие муниципальных образований	Режим функционирования и развития самоорганизующейся местной системы, ориентированный на гармонизацию жизнедеятельности сообщества и окружающей среды, обеспечиваемую экономическим воспроизводством с целью повышения уровня и качества жизни населения	Е.А. Пастухова
Устойчивое развитие сельских территорий	Стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, рациональное использование и охрана земель, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, обеспечиваемые в том числе в результате осуществления видов деятельности, не связанных с сельскохозяйственным производством, включая деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма	ФЗ РФ от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»; Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г.
	Контролируемый и отслеживаемый государством с помощью системы мониторинга комплексный динамический процесс позитивных изменений показателей, характеризующих социальное, экономическое и экологическое состояние сельских территорий, ориентированный на расширенное воспроизводство у сельскохозяйственных товаропроизводителей, диверсификацию их агропроизводства, привлечение инвестиций, использование инноваций посредством эффективных действий органов государственной власти, местных инициатив и элементов самоорганизации хозяйствующих субъектов, учитывающих ресурсный потенциал и историко-культурные особенности сельских поселений	О.В. Шумакова, М.А. Рыбканов
	Целенаправленный процесс перехода на новый уровень пространственного и сбалансированного развития взаимосвязанных социально-экономических подсистем, локализованных в границах сельской местности, который позволяет обеспечить повышение эффективности сельской экономики, сохранение природных основ жизнедеятельности и высокий уровень качества жизни сельского населения	В.Г. Закшевский и др.
	Поддержание количественных и качественных характеристик сельского сообщества на уровне, позволяющем решать ключевые проблемы внутреннего развития сельской территории, а также обеспечить наиболее полное выполнение ею основных функций и, следовательно, конкурентоспособность территории в условиях изменяющейся внешней среды	А.Я. Троцкий и др.
Устойчивое развитие города (устойчивость городского развития)	Комплексный процесс, который ведет к решению городских проблем, улучшению условий и качества жизни горожан путем достижения сбалансированности социально-экономического и экологического развития за счет рационального использования ресурсного потенциала (включая географические, градостроительные особенности городской территории, потенциальные возможности населения, экономики, промышленности, инфраструктуры) и не превышающего предельно допустимых нагрузок на окружающую среду	Д.А. Деневизюк
	Многомерная способность города успешно функционировать в экономической, социальной и экологических размерностях одновременно	И.А. Шмелева, С.Э. Шмелев
	Процесс, который ведет к сбалансированному решению социальных, экономических и экологических проблем городских населенных пунктов, улучшению комфортности жизни граждан за счет рационального использования городских ресурсов, эффективного градостроительного планирования и не-превышения ассимиляционного потенциала городских экосистем, в интересах настоящего и будущего поколений людей	А.П. Анисимов, Г.Ш. Узакова
Составлено по: (Пастухова, 2007; Деневизюк, 2012; Устойчивое развитие сельских территорий..., 2013; Шумакова, Рыбканов, 2014; Шмелева, Шмелев, 2019; Закшевский и др., 2023; Анисимов, Узакова, 2023); нормативно-правовые документы.		

Исследования устойчивого развития локальных территорий стали одним из закономерных этапов эволюции глобальной концепции устойчивого развития. В зарубежной науке изучение устойчивого развития на локальном уровне оформилось в *концепцию местного устойчивого развития (the concept of sustainable local development, SLD)*, которая появилась относительно недавно (в конце XX — начале XXI века) и была призвана решать локализованные социально-экономические и экологические проблемы таким образом, чтобы обеспечить устойчивость для будущих поколений (Batar et al., 2024). В ее основу легла *концепция местного развития (the concept of local development)*, подразумевающая под ним процесс улучшения экономической, социальной и экологической ситуации данной территории на основе использования эндогенных ресурсов с целью повышения благосостояния и качества жизни ее населения (Dawkins, 2003). При этом эндогенные ресурсы являются наиболее характерным элементом концепции, поскольку используют преимущества экономической и социальной динамики определенной территории (Milán-García et al., 2019).

В отечественной науке вопросы устойчивого развития локальных территорий часто освещаются с позиции *теории центрального порядка Л. Гейзенберга и энтропийного подхода* (Татаркин, Гершанок, 2006; Tolstykh et al., 2020; Гамидуллаева и др., 2022), суть которого состоит в том, что оптимальность вектора развития общества определяется деятельностью человека, соответствующей требованиям нравственных отношений, направленных на развитие и улучшение благосостояния людей и сохранение природных ресурсов. При этом развитие общества не должно вести к росту энтропии экосистем (Гамидуллаева и др., 2022).

При изучении устойчивого развития локальных территорий все большее внимание уделяется пространственному аспекту, что связывается с процессами урбанизации, сжатия и фрагментации освоенного пространства (особенно сельских территорий), депопуляции и обезлюдения сельской местности. Данный вопрос в основном рассматривается в контексте пространственной локализации (Закшевский и др., 2023) и центр-периферийных различий (Устойчивое развитие сельских территорий..., 2013).

Экосистемный подход к устойчивому развитию: сущность, принципы, роль в управлении

Устойчивое развитие территорий является приоритетным направлением современного планирования и управления, отражая необходимость сбалансированного подхода к решению экономических, социальных и экологических проблем жизни населения, предполагает изменения в хозяйственной системе территорий в направлении повышения социально-экономической эффективности ее функционирования (Косыгина, 2020). Складывающаяся ситуация актуализирует необходимость мобилизации дополнительных ресурсов и привлечения заинтересованных субъектов экономических отношений для решения задач развития территорий, что возможно реализовать в рамках экосистемного подхода.

При рассмотрении понятия «экосистема» в научном дискурсе проводится аналогия с природными (биологическими) экосистемами (Ritala, Almpantopoulou, 2017). Природные экосистемы представляют собой совокупность совместно функционирующих организмов, взаимодействующих с физической средой на определенной территории (Раменская, 2020).

Однако в современных российских и зарубежных исследованиях эта дефиниция охватывает социально-экономические (Vigren, Eriksson, 2025), технологические, платформенные (Куимов и др., 2023) и другие экосистемы, которые функционируют в рамках определенной внешней среды, в том числе территории, отрасли, кластера, и образуют комплекс взаимодействующих элементов (акторов, стейкхолдеров). В отличие от природных экосистем все то, что касается социально-экономического развития, является искусственным образованием. Главная цель экосистемы — поддержание или обеспечение ее устойчивого развития, в том числе путем получения наибольших результатов за счет интеграции несхожих ресурсов различных акторов. При этом взаимосвязи между составными элементами служат основой структуры экосистемы (Соловьева, 2019). В обобщающей трактовке экосистема представляет собой совокупность акторов, которые взаимодействуют для достижения общей цели или создания ценности. Взаимодействие осуществляется на различных уровнях, с разной долей зависимости друг от друга. В экосистемах участ-

ники обладают свободой действий и правом на самостоятельные решения, однако при этом они неизбежно должны быть готовы к сотрудничеству и слаженной работе в рамках единой системы (Jacobides et al., 2018). Успешная экосистема — это, в которой все субъекты удовлетворены своими позициями. При этом структуру экосистемы составляют акторы, позиции, связи и действия (Adner, 2016).

В ракурсе исследования устойчивого развития территорий авторами особое внимание уделяется социально-экономическим экосистемам. В трактовке Г.Б. Клейнера под социально-экономической экосистемой понимается «локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем» (Клейнер, 2019). В свою очередь экосистема территорий представляет собой систему взаимодействий между всеми элементами хозяйственной деятельности, включающую территориальные органы власти, предприятия производственной отрасли, население, социальные учреждения, средства массовой информации, институты гражданского общества (Попов, Скворцов, 2023). При этом в определениях исследователей также подчеркивается добровольный характер взаимодействия между участниками экосистемы (Tolstykh et al., 2021).

Теоретическое обоснование и изучение функционирования экосистем в научном дискурсе объединяет экосистемный подход, который требует от исследователей выработки новых стратегий и инструментов управления экосистемами, прежде всего социально-экономического типа. Его применение к устойчивому развитию территорий находит отражение в практико-ориентированных управленческих концепциях «общественно-государственного управления», «муниципальной публичной политики» и «межсекторного партнерства/взаимодействия». В этом отношении речь идет о формировании междисциплинарного подхода, синтезе положений экономической, социологической теорий и теории управления. В основе отмеченных концепций также лежит совместная ответственность органов управления, общественных институтов и хозяйствующих субъектов за решение проблем территорий (Смотрицкая, 2024).

Применение концепции общественно-государственного управления открывает возможности для создания социально-управленческих горизонтальных связей, позволяющих более гибко и оперативно реагировать на вызовы, с которыми сталкиваются территориальные сообщества (Nisar, 2012; Сморгунов, 2022). Современные подходы к муниципальной публичной политике аналогично нацелены на создание условий для достижения общественных интересов через партнерство на принципах выстраивания конструктивного взаимодействия. Л.И. Никовская и В.Н. Якимец определяют муниципальную публичную политику как «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей» (Никовская, Якимец, 2019).

Важность межсекторного партнерства как инструмента решения социальных проблем подчеркивает необходимость создания синергетического эффекта от объединения ресурсов различных организаций. Это не только способствует улучшению качества жизни на территориях, но и вовлекает всех стейкхолдеров в процесс принятия решений, что, в свою очередь, усиливает ответственность и взаимодействие между ними. Принципами межсекторного партнерства являются развитие сетевой коммуникации, непрерывное повышение продуктивности системы, конструктивный учет интересов партнеров, диверсификация механизмов партнерства, ресурсный синергизм, осознанная взаимозависимость, равный доступ к участию во взаимодействии (Якимец, Никовская, 2018). Расширенная интерпретация принципов организации экосистем, а также экосистемного подхода в целом приведена в работах Л.А. Гамидуллаевой и соавторов. Научный коллектив выделяет ряд ключевых принципов, среди которых самоорганизация и саморазвитие; доверие и партнерство; корпоративная культура; клиентоориентированность; проектная ориентация; инновации и открытость изменениям. Они акцентируют внимание на важности сотрудничества, основанного на обмене информацией и ресурсами. Не менее значимыми являются трансграничность и междисциплинар-

ность, которые подчеркивают необходимость интеграции различных знаний для достижения устойчивого развития экосистем. Каждый из перечисленных принципов служит основой для создания гармоничного и продуктивного взаимодействия между всеми участниками экосистемы, что, в свою очередь, способствует ее динамическому росту и эволюции в условиях быстро меняющегося мира (Gamidullaeva, Grosheva, 2024). Изложенные авторами принципы соотносятся с выстраиванием и функционированием экосистемы устойчивого развития территорий. Так, пересмотр традиционных моделей управления в сторону горизонтальных взаимодействий становится залогом успешного устойчивого развития, что подтверждается задачами ЦУР. 17-я ЦУР предполагает укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития³.

Несмотря на то, что элементы экосистемного подхода к развитию территорий находят отражение в различных теориях и концепциях, он остается рамочным и обобщающим в силу своей сложной структуры. Эта конструкция включает не только множественность участников, но и целостную систему взаимоотношений, которые невозможно свести к простой совокупности двусторонних взаимодействий в достижении результата. Ключевую роль в функционировании и развитии экосистем играют взаимосвязи, хотя внешняя среда также имеет важное значение, определяя условия и факторы этих процессов. Изменения во внешней среде могут значительно повлиять на баланс экосистемы, что приводит к изменению ее структуры и функций. Экосистемный подход требует учета всех этих факторов и взаимодействий для устойчивого развития.

Таким образом, экосистемный подход позволяет перейти на новый качественный уровень развития социоэкономического пространства (Аликаева и др., 2020). Устойчивое развитие территорий требует комплексного и многоуровневого подхода, который не может быть реализован только усилиями государственных структур. Эффективная мобилиза-

ция ресурсов и активное вовлечение заинтересованных акторов в процесс планирования и реализации мероприятий становятся ключевыми факторами развития. Экосистемный подход позволяет объединить усилия различных участников, способствуя созданию синергии между экономическими, социальными и экологическими интересами. Это сотрудничество не только повышает устойчивость стратегий развития, но и помогает адаптироваться к меняющейся внешней среде, обеспечивая гибкость и инновационность в решении задач.

Экосистемы устойчивого развития локальных территорий

Экосистемный подход к пространственному развитию локальных территорий в настоящее время признается крайне перспективным, поскольку акцент на экосистемы, а не на отрасль, предприятие или регион, позволяет максимально задействовать имеющийся потенциал (природный, человеческий, научно-технический и т. д.) территорий. Экосистемы, формируя особую среду развития, связывают между собой города, центры промышленного производства с удаленными районами (местными сообществами). Таким образом, устойчивые территориальные экосистемы способствуют развитию местных сообществ и влияют на пространственное развитие всей страны (Гамидуллаева и др., 2022). Тем не менее исследований экосистем устойчивого развития немного. Их современное состояние в целом характеризуется фрагментарностью, что выражается в изучении отдельных аспектов устойчивого развития, и недостатком комплексных эмпирических измерений.

Один из примеров исследований, комплексно рассматривающих экосистемы устойчивого развития, — работа Т. Толстых, Л. Гамидуллаевой и соавторов (Tolstykh et al., 2020), в которой на основании энтропийного подхода предлагается осуществлять оценку устойчивости территориальной экосистемы, а именно через уровень использования различных видов территориального капитала (человеческого, производственного, природного). По мнению авторов, устойчивость территориальной экосистемы зависит от устойчивости составляющих ее экосистем и определяется такими факторами, как потенциал акторов (уникальность тех-

³ Sustainable Development Goals 2015 // United Nations. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org> (дата обращения 23.01.2025).

нологий, ресурсов, компетенций), включенных во внутренние экосистемы территории, степень связей между внутренними экосистемами, степень связей акторов с другими акторами внутри экосистем и степень согласованности между различными типами капитала территории (Tolstykh et al., 2020; Гамидуллаева и др., 2022).

В другой работе Л. Гамидуллаевой с соавторами экосистемный подход применяется к развитию сельских территорий, в частности предложено его практическое применение с точки зрения организации процесса отбора участников сельской экосистемы для обеспечения ее сбалансированного развития (Gamidullaeva, Grosheva, 2024). Сельская экосистема рассматривается исследователями как объединение нескольких административных районов с общим ресурсным, институциональным и социально-экономическим потенциалом в пределах обширного региона. При этом акторами сельской экосистемы могут быть агропромышленные, промышленные и инжиниринговые предприятия, IT-стартапы, исследовательские и наукоемкие организации, поставщики ресурсов, отраслевые регуляторы и территориальные органы власти. Авторы отмечают, что на практике сельская экосистема должна создаваться вокруг промышленного кластера в таких отраслях, как сельское хозяйство, промышленность, жилищное строительство и общественное питание. Ее созданию должна способствовать грамотная и выверенная политика, направленная на повышение качества жизни на данной территории и противодействие тенденции миграционного оттока населения (Gamidullaeva, Grosheva, 2024).

Несмотря на обозначенный задел в области исследований территориальных экосистем устойчивого развития, в отношении локальных территорий все еще не сформированы концептуальные рамки, в частности отсутствует определение экосистем устойчивого развития локальных территорий, не выделены их структурные элементы. С целью восполнения имеющихся пробелов предложена дефиниция понятия «*экосистема устойчивого развития локальных территорий*». Это сложная динамическая институциональная среда, побуждающая различных акторов к взаимовыгодному сотрудничеству по вопросам сбалансированного социально-экономического, экологического и пространственного

развития локальных территорий разного уровня (районов, городских и сельских населенных пунктов) на основе принципов добровольности, взаимовыгодности, самоорганизации и саморазвития в целях сохранения окружающей среды и обеспечения высокого качества жизни населения в интересах настоящего и будущих поколений.

В экосистеме устойчивого развития можно выделить такие структурно-функциональные элементы, как внутренняя среда, микроэкосистемы, акторы, функции, возможности влияния, взаимодействия (табл. 3). Акторы, активно взаимодействуя с помощью специальных технологий, методов и инструментов, реализуют свои функции и влияют на ключевые микроэкосистемы (Котомина, 2024). Они объединяются по функционально-целевым интересам, образуя многочисленные отраслевые, предпринимательские, инновационные, деловые и иные экосистемы. Функциональные экосистемы образуют единую экосистему территории, пересекаясь и взаимодополняя друг друга (Tolstykh et al., 2020). Помимо взаимосвязей друг с другом и с внутренними экосистемами, акторы взаимодействуют с внешней средой. В ходе их коммуникации происходит обмен знаниями, информацией, ресурсами и технологиями. Качество выполнения функций акторами, их воздействие на микроэкосистемы определяют достигнутый уровень устойчивого социо-эколого-экономического развития территории (Котомина, 2024). При этом функционирование акторов и возможности их влияния на микроэкосистемы обеспечивает внутренняя среда.

Внешней средой для экосистемы локальной территории являются общество, территории, отрасли, которые взаимодействуют с ней. Она так же, как и внутренняя среда, формируется формальными и неформальными институтами, но функционирующими вне локальной территории. Это институты более высоких уровней — регионального, национального, глобального. При этом внешняя среда может как обеспечивать устойчивое развитие, так и создавать барьеры на его пути.

Таким образом, поведение экосистемы зависит и от внешней среды, и от поведения акторов, и от их взаимодействия между собой (Гамидуллаева и др., 2022).

Таблица 3. Структурно-функциональные элементы экосистемы устойчивого развития локальной территории

Структурно-функциональный элемент	Характеристика
Внутренняя среда	Формируется формальными (нормативно-правовые акты, государственные организации поддержки и т.д.) и неформальными институтами (привычки, правила, стереотипы, модели поведения и взаимодействия индивидов в обществе)
Внутренние экосистемы (микроэкосистемы)	Экосистемы, функционирующие и взаимодействующие в пределах локальной территории. Это производственные, инновационные, социальные, экологические, культурные, коммуникационные экосистемы, бизнес-экосистемы и др.
Акторы (стейкхолдеры)	Субъекты (участники), осуществляющие деятельность и взаимодействия. Акторы могут быть участниками нескольких экосистем одновременно. Это территориальные органы власти, предприятия производственной отрасли, население, социальные учреждения, средства массовой информации, институты гражданского общества и др.
Функции	Виды деятельности, определяющиеся отдельными действиями акторов
Возможности влияния	Способность акторов оказывать воздействие на внутренние и внешние условия функционирования экосистемы (например, инициативы местных властей, инвестиционные проекты местных предприятий и пр.)
Взаимодействия	Установление и поддержание связей между различными акторами и элементами экосистемы (например, партнерские соглашения, совместные проекты, обмен информацией и пр.)
Составлено по: (Adner, 2016; Tolstykh et al., 2020; Гамидуллаева и др., 2022; Котомина, 2024).	

Заключение

Территориальный аспект устойчивого развития приобретает особую важность в условиях возрастающей урбанизации, увеличивающегося давления на природные ресурсы и усиления антропогенной нагрузки на экосистемы. Устойчивое развитие территорий подразумевает комплексное управление ресурсами, минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, повышение качества жизни населения и обеспечение справедливых условий для всех граждан. При этом реализация ЦУР на территориальном уровне требует учета специфики каждой отдельной местности, включая ее географическое положение, социально-экономические характеристики, культурные особенности и экологические условия.

Общим трендом как для международной политики устойчивого развития, так и для профильных научных исследований становится изменение фокуса внимания с глобального и национального уровней на региональный и муниципальный. Об этом свидетельствует 11-я ЦУР «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов»⁴. Кроме того,

набирает популярность экосистемный подход к исследованию устойчивого развития территорий, который позволяет по-новому взглянуть на устройство социально-экономических систем разного уровня, переосмыслить их структуру и связи, оптимизировать способы и формы осуществления хозяйственной деятельности для усиления получаемых преимуществ синергии от симбиотического взаимодействия различных экономических агентов в виде повышения общей результативности и эффективности благодаря согласованию их интересов, достижению общих целей и развитию общих ценностей (Третьякова, Фрейман, 2022). Экосистемный подход благодаря объединению усилий различных участников создает синергию между экономическими, социальными и экологическими интересами и обеспечивает устойчивое развитие локальных территорий, помогая им адаптироваться к вызовам и шокам внешней среды.

Проведенный обзор показал, что в настоящее время тематика экосистем устойчивого развития локальных территорий находится на этапе концептуального осмысления и редко встречается в отечественной научной литературе. Несмотря на довольно широкое распространение исследований устойчивого развития муниципальных образований, городов, сельских территорий, до сих пор не сформиро-

⁴ Sustainable Development Goals 2015 // United Nations. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org> (дата обращения: 27.01.2025).

валась общепризнанная дефиниция понятия «устойчивое развитие локальных территорий». На основании систематизации и обобщения научной литературы были концептуализированы рамки исследования экосистем устойчивого развития локальных территорий, в том числе даны операциональные определения понятий «устойчивое развитие локальных территорий» и «экосистема устойчивого развития локальных территорий». Выделены ключевые структурно-функциональные элементы экосистем устойчивого развития локальных тер-

риторий: внутренняя среда, микроэкосистемы, акторы, виды деятельности, возможности влияния, взаимодействия.

В рамках исследовательского проекта в дальнейшем планируется обосновать концептуальную схему функционирования экосистемы устойчивого развития локальной территории, разработать и апробировать комплексный инструментарий, включающий количественные и качественные методы исследования, для оценки состояния экосистем устойчивого развития локальных территорий.

Литература

- Аликаева М.В., Асланова Л.О., Шинахов А.А. (2020). Теории социально-экономических экосистем: закономерности и тенденции развития // Вестник ВГУИТ. Т. 82. № 3. С. 284–288. DOI: 10.20914/2310-1202-2020-3-284-288.
- Андрианов В.Д. (2005). Эволюция основных концепций регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) // Общество и экономика. № 4. С. 3–47.
- Анисимов А.П., Узаква Г.Ш. (2023). О понятии и правовых средствах обеспечения устойчивого развития городов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 23, вып. 3. С. 307–315. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315.
- Гамидуллаева Л.А., Толстых Т.О., Шмелева Н.В. (2022). Промышленные и территориальные экосистемы в контексте устойчивого развития: монография. Пенза: Изд-во ПГУ. 160 с.
- Гогоберидзе Г.Г., Румянцев Е.А., Косьян Р.Д. (2022). Критериально-статистическая оценка устойчивости локальных береговых эко-социально-экономических систем черноморского побережья Краснодарского края // Экологическая безопасность прибрежной и шельфовой зон моря. № 1. С. 113–131. DOI: 10.22449/2413-5577-2022-1-113-131.
- Гутман С.С., Басова А.А. (2017). Индикаторы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы выбора и измерения // Арктика: экология и экономика. № 4. С. 32–48. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-32-48.
- Деневизюк Д.А. (2012). Устойчивое развитие города: вопросы теории и методика оценки // Региональные проблемы преобразования экономики. № 2 (32). С. 103–112.
- Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Новикова И.И. [и др.] (2023). Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации // Экономика региона. Т. 19. № 3. С. 683–696. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-6.
- Ильина З.М., Миренкова Г.В. (2014). Стратегия устойчивого развития локальных сельских территорий: методологические аспекты // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. № 1. С. 21–30.
- Клейнер Г.Б. (2019). Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. № 1 (59). С. 40–45.
- Ковалева И.В., Кучеренко Т.В. (2019). Условия развития локальных территорий: теоретический аспект // Социально-экономический и гуманитарный журнал. № 2. С. 30–36.
- Косыгина К.Е. (2020). Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе // Проблемы развития территории. № 6 (110). С. 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.4.
- Котомина О.В. (2024). Механизм взаимодействия и управления вузами в экосистеме устойчивого развития региона // Ars Administrandi (Искусство управления). Т. 16. № 4. С. 736–752. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-4-736-752.

- Красноштанова Н.Е. (2022). Особенности административного управления в районах нового промышленного освоения Севера: проблемы и преимущества социально-экономического развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 82–96. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2022.76.007.
- Куимов В.В., Щербенко Е.В., Юшкова Л.В. (2023). Переход к экосистемным платформенным взаимодействиям бизнесов региона — основа инновационного развития в новом технологическом укладе // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Т. 16. № 10. С. 1820–1827.
- Меньшикова В.И., Лысов П.В., Лоскутова М.В. (2014). Устойчивое развитие локальных пространственных образований сельского типа в регионе: состояние, проблемы, инструментарий управления. Тамбов: Бизнес-наука-общество. 184 с.
- Никовская Л.И., Якимец В.Н. (2019). Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования) // Социально-политические исследования. № 3. С. 25–35. DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10509.
- Пастухова Е.А. (2007). Сущность и особенности устойчивого развития территории // Успехи современного естествознания. № 5. С. 91–93.
- Попов Е.В., Сковцов М.М. (2023). Публичное управление развитием экосистемы территории // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 10–27. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.2.
- Раменская Л.А. (2020). Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. Т. 11. № 4. С. 18–27. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-2.
- Севастьянова А.Е., Яценко В.А. (2020). Барьеры устойчивого развития муниципальных образований с ресурсной специализацией экономики // Journal of new economy. Т. 21. № 4. С. 174–191. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-9.
- Сморгунов Л.В. (2022). Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. № 3. С. 100–121. DOI: 10.31249/poln/2022.03.05.
- Смотрицкая И. (2024). Современные тенденции в развитии концепции государственного управления // Общество и экономика. № 10. С. 5–16. DOI: 10.31857/S0207367624100019.
- Соловьева Т.С. (2019). Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. № 3 (94). С. 84–93.
- Татаркин А.И., Гершанок Г.А. (2006). Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения их социально-экономической и экологической емкости // Вестник НГУ. Серия: социально-экономические науки. Т. 6, вып. 1. С. 40–48.
- Третьякова Е.А., Фрейман Е.Н. (2022). Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. № 1 (74). С. 6–20. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-1-6-20.
- Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики (2016) / ред. кол.: А.И. Татаркин [и др.]. Челябинск: ЧелГУ. 295 с.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В., Гутникова Е.А. [и др.] (2013). Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 196 с.
- Ускова Т.В., Патракова С.С. (2024). Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город — село» // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207.
- Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография (2013). / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 330 с.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2023). Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 85–102. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.5.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Юрков Д.В. [и др.] (2018). Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России. М.: Изд-во «Экон-Информ». 215 с.

- Хворостухин Д.П. (2014). Оценка индекса устойчивого развития Федоровского муниципального района Саратовской области с использованием ГИС-технологий // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: науки о земле*. Т. 14. № 2. С. 33–37.
- Шмелева И.А., Шмелев С.Э. (2019). Глобальные города: многокритериальная оценка устойчивого развития // *Биосфера*. Т. 11. № 1. С. 1–18. DOI: 10.24855/biosfera.v11i1.470.
- Шумакова О.В., Рыбканов М.А. (2014). Устойчивое развитие сельских территорий: понятие и сущность // *Фундаментальные исследования*. № 8. С. 1643–1646.
- Шукина Л.В. (2015). Теоретические аспекты устойчивого развития региональных социально-экономических систем // *Псковский регионологический журнал*. № 21. С. 38–50.
- Якимец В.Н., Никовская Л.И. (2018). Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // *Власть*. Т. 26. № 4. С. 15–25. DOI: 10.31171/vlast.v26i4.5757.
- Adner R. (2016). Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy. *Journal of Management*, 43(1). Available at: <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>
- Alipour S.M.H., Galal A.K. (2021). Assessing the effect of urban form on social sustainability: a proposed 'Integrated Measuring Tools Method' for urban neighborhoods in Dubai. *City, Territory and Architecture*, 8, 1–21. DOI: 10.1186/s40410-020-00129-4.
- Batar A.K., Singh B.V.R., Singh M. et al. (2024). Sustainable local development: a pathway to social and environmental sustainability. In: Singh B.V.R., Batar A.K. (Eds). *Sustainable Local Development for Environmental and Social Sustainability. Human-Environment Interactions*. Vol. 11. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-67303-0_1
- Dawkins C.J. (2003). Regional development theory: Conceptual foundations, classic works, and recent developments. *Journal of Planning Literature*, 18(2), 131–172. DOI: 10.1177/0885412203254706.
- Du Pisani J.A. (2006). Sustainable development – historical roots of the concept. *Environmental Sciences*, 3(2), 83–96. DOI: 10.1080/15693430600688831.
- Gamidullaeva L.A., Grosheva E.S. (2024). An ecosystem approach to balanced territorial development. *Administrative Consulting*, 1, 144–162. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-1-144-162
- Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. (2018). Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*, 39(8), 2255–2276. DOI: 10.1002/smj.2904
- Mensah J. (2019). Sustainable development: Meaning, history, principles, pillars, and implications for human action: literature review. *Cogent Social Sciences*, 5(1), DOI: 10.1080/23311886.2019.1653531
- Milán-García J., Uribe-Toril J., Ruiz-Real J.L. et al. (2019). Sustainable local development: An overview of the state of knowledge. *Resources*, 8(1), Available at: <https://doi.org/10.3390/resources8010031>
- Nisar R. (2012). Governance: With pro-people approach. *The Indian Journal of Political Science*, 73(4), 657–664.
- Oosterhof P.D. (2018). Localizing the sustainable development goals to accelerate implementation of the 2030 Agenda for sustainable development. *The Governance Brief*, 33, 1–14. DOI: 10.22617/BRF189612
- Ritala P., Almpantopoulou A. (2017). In defense of 'eco' in innovation ecosystem. *Technovation*, 60–61, 39–42. DOI: 10.1016/j.technovation.2017.01.004
- Schwab A.K., Brower D.J. (1997). Sustainable development: Implementation at the local level. *Land Use Law & Zoning Digest*, 49(4), 3–7. DOI: 10.1080/00947598.1997.103
- Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N. (2021). Universities as knowledge integrators and crossindustry ecosystems: Self-organizational perspective. *SAGE Open*, 11(1). DOI: 10.1177/2158244020988704
- Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N. et al. (2020). Regional development in Russia: An ecosystem approach to territorial sustainability assessment. *Sustainability*, 12(16). Available at: <https://doi.org/10.3390/su12166424>
- Vigren O., Eriksson K. (2025). A multilayer network model for studying business ecosystems: Insights from enterprise architectures in the real estate sector. *Journal of European Real Estate Research*, 18(1). DOI: 10.1108/JERER-04-2024-0027
- Zhang C., Yu S., Zhang J. (2025). Research on urban sustainability based on neural network models and GIS methods. *Sustainability*, 17(2), 1–35. DOI: 10.3390/su17020397

Сведения об авторах

Александра Владимировна Короленко — старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Галина Вадимовна Белехова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Ксения Евгеньевна Косыгина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Korolenko A.V., Belekova G.V., Kosygina K.E.

Ecosystems for the Sustainable Development of Local Territories: A Review of Theoretical Approaches

Abstract. The disproportions of Russia's spatial development (shrinkage of the developed space, polarization of the settlement system, distortion of the support frame) are challenges for sustainable development and for ensuring national security. In such conditions, local territories are most vulnerable, which, if located far from the centers of resource attraction, have limited opportunities to respond to current challenges. In turn, it is at the local level that the practical implementation of the goals and objectives of sustainable development is carried out, which ultimately determines the situation at higher levels. The ecosystem approach, which assigns a significant role in this process to the participants of the territorial ecosystem and their interaction with each other and with the external environment, seems promising for the study of the sustainable development of local territories. The aim of the review is to analyze scientific discourse on the sustainable development of local territories in the context of an ecosystem approach. The work uses general scientific methods of critical analysis, comparison, generalization, grouping and classification. The information base includes Russian and foreign scientific literature on the sustainable development of individual territorial units and the ecosystem approach, as well as international and Russian regulatory documents in the field of sustainable development. The article discusses terminological features of the concepts "sustainable development", "ecosystem approach" and "local sustainable development territories". We reveal the intersections of the concept of sustainable development and the ecosystem approach, and the possibility of their logical combination into a single conceptual framework in relation to local territories. On the basis of generalization and systematization of scientific literature, we define the terms "sustainable development of local territories" and "ecosystem for the sustainable development of local territories", and identify key structural and functional elements of the ecosystem for the sustainable development of local territories.

Key words: sustainable development, local territories, ecosystem approach, ecosystem for the sustainable development.

Information about the Authors

Aleksandra V. Korolenko — Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Galina V. Belekova — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Kseniya E. Kosygina — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Статья поступила 27.02.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (апрель 2025 г.), а также за период с апреля 2024 по апрель 2025 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) и 2018 (первый год IV президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2000–2024 гг.²

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

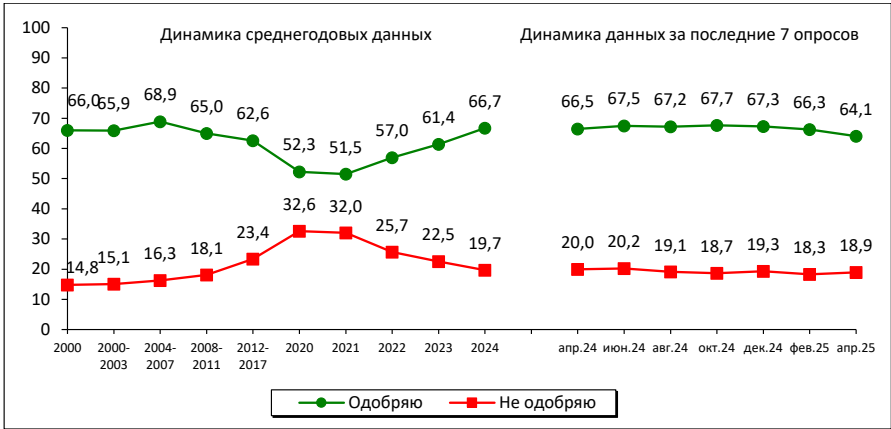
За период с февраля по апрель 2025 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ не претерпел изменений и составил 64%. Удельный вес негативных суждений также остается стабильным (18–19%)³.

За последние 12 месяцев (с апреля 2024 по апрель 2025 г.) доля как позитивных, так и негативных оценок деятельности главы государства не изменилась⁴.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2025 к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	апр. 2024	фев. 2025
Президент РФ																		
Одобряю	66,0	75,3	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	66,7	66,5	67,5	67,2	67,7	67,3	66,3	64,1	-2	-2
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	19,7	20,0	20,2	19,1	18,7	19,3	18,3	18,9	-1	+1
Председатель Правительства РФ																		
Одобряю	-	-	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	54,1	53,7	53,5	55,3	53,7	55,6	54,7	53,9	0	-1
Не одобряю	-	-	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	24,8	24,3	23,4	24,1	25,5	25,3	23,8	22,3	-2	-2
Губернатор области																		
Одобряю	56,1	55,8	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	51,7	51,7	51,6	53,4	51,9	50,8	46,8	42,9	-9	-4
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	28,4	30,1	28,0	26,7	28,0	29,8	31,4	34,6	+5	+3
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»																		

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Одобряю	-2	-2
Не одобряю	-1	+1

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются **позитивные изменения**, **красной заливкой** — **негативные**, **синей** — **отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

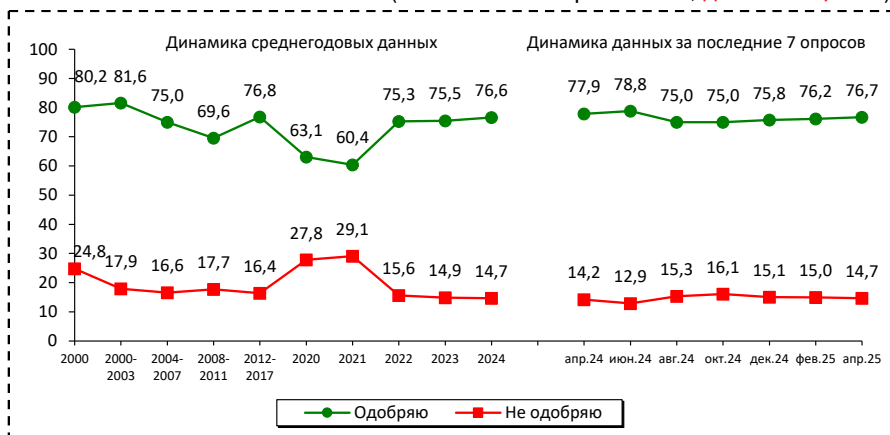
⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в апреле 2025 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в апреле 2024 г.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за февраль – апрель 2025 г. составил 77%. Удельный вес негативных отзывов 15%.

Уровень поддержки деятельности Президента РФ в период с апреля 2024 г. по апрель 2025 г. составил 77–78%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

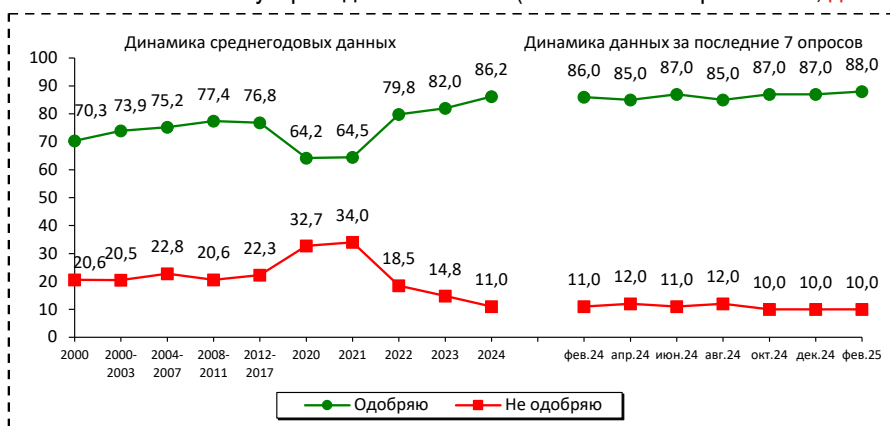
Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Одобрять	-1	+1
Не одобрять	+1	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Данные за апрель 2025 г. – среднее за два опроса: от 06.04.2025 и 13.04.2025.
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным общероссийских опросов Левада-Центра*, за последние три месяца (декабрь 2024 г. – февраль 2025 г.) доля позитивных оценок деятельности Президента РФ составляет 86–88%, негативных – 10–11%.

Уровень одобрения деятельности главы государства в период с февраля 2024 г. по февраль 2025 г. незначительно увеличился (на 2 п. п., с 86 до 88%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?
(в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2025 г. к	
	фев. 2024	дек. 2024
Одобрять	+2	+1
Не одобрять	-1	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

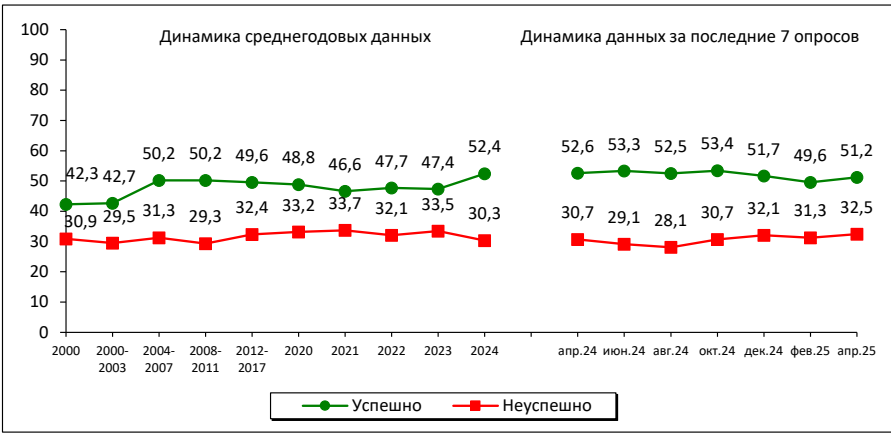
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Доля жителей области, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России, за последние два месяца осталась на прежнем уровне и составила 51%. Удельный вес людей, которые придерживаются противоположной точки зрения, также не изменился (33%).

Доля положительных оценок деятельности главы РФ по укреплению международных позиций страны в апреле 2025 г. сохранилась на уровне апреля 2024 г. (52–53%).

Укрепление международных позиций России

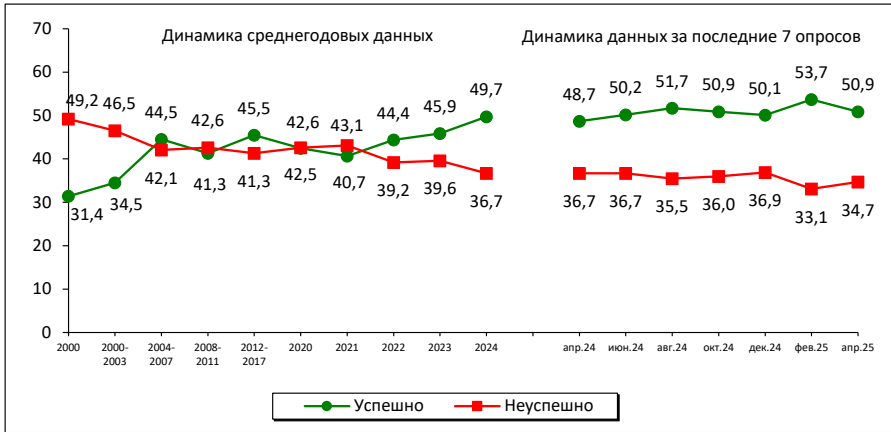

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Успешно	-1	+2
Неуспешно	+2	+1

С февраля по апрель 2025 г. доля положительных суждений населения региона о действиях Президента РФ по наведению порядка в стране незначительно уменьшилась (на 3 п. п.) и составила 51%. Доля негативных суждений осталась на прежнем уровне (35%).

По сравнению с апрелем 2024 г. наблюдается незначительное изменение оценок деятельности Президента РФ по наведению порядка в стране: удельный вес положительных оценок увеличился (на 2 п. п., с 49 до 51%), негативных — уменьшился (на 2 п. п., с 37 до 35%).

Наведение порядка в стране

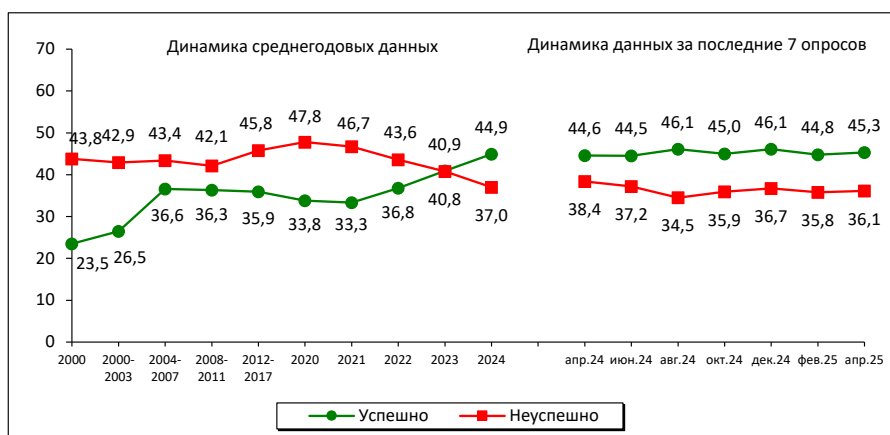

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Успешно	+2	-3
Неуспешно	-2	+2

Доля населения, считающего успешными действия главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан, в период с февраля по апрель 2025 г. составила 45%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, остается неизменным и составляет 36%.

За последний год измерений доля как позитивных, так и негативных оценок населения относительно деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан сохранилась на прежнем уровне (45 и 36% соответственно).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

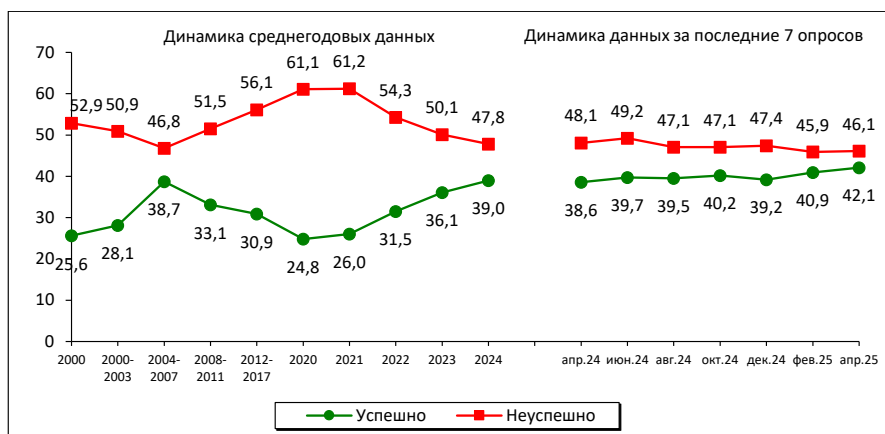

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Успешно	+1	+1
Неуспешно	-2	0

В феврале – апреле 2025 г. оценка успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан осталась на прежнем уровне: доля положительных суждений составляет 42%, негативных – 46%.

В период с апреля 2024 г. по апрель 2025 г. наблюдается положительная динамика общественного мнения в оценках работы Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан. Доля позитивных суждений повысилась на 4 п. п. (с 38 до 42%). Незначительно уменьшился удельный вес негативных оценок (с 48 до 46%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Успешно	+4	+1
Неуспешно	-2	0

Партийно-политические предпочтения жителей области в период с февраля по апрель 2025 г. не изменились. Большая часть населения отмечает, что ее интересы выражает партия «Единая Россия» (41%). Доля населения, поддерживающего остальные партии, также осталась на прежнем уровне: КПРФ – 9–8%, ЛДПР – 7%, «Справедливая Россия» – 3%, «Новые люди» – 2–3%.

За прошедший год (с апреля 2024 г. по апрель 2025 г.) удельный вес тех, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», уменьшился на 4 п. п. (с 45 до 41%). Доля тех, кто не является сторонником ни одной из партий, увеличилась на 4 п. п. (с 24 до 28%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

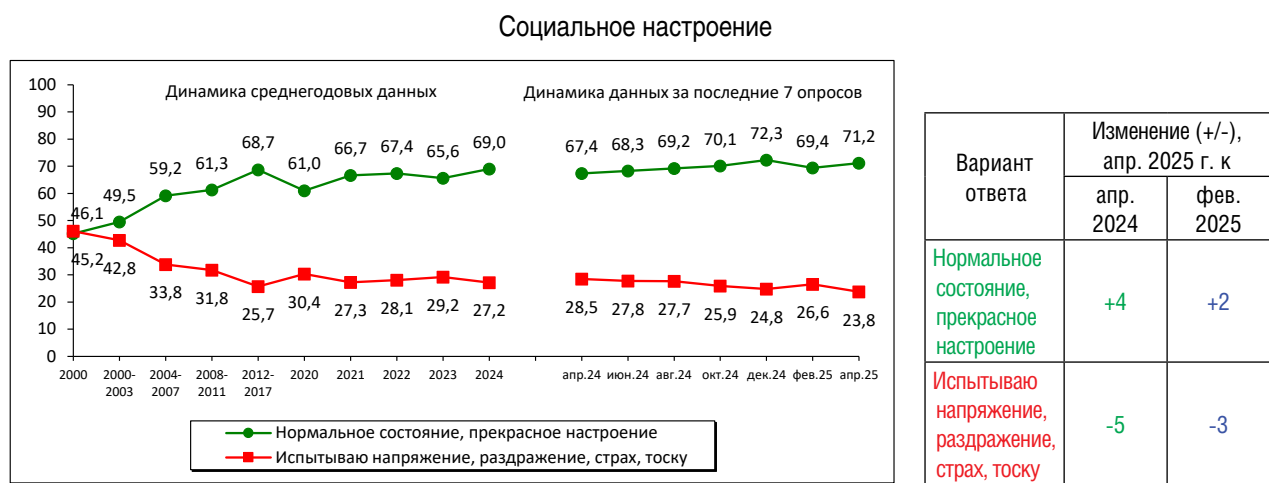
Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	2000	2011	Выборы в ДРФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ДРФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ДРФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	апр. 2024	фев. 2025
Единая Россия	18,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	44,5	43,7	42,5	41,8	42,3	39,9	40,5	-4	+1
КПРФ	11,5	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	8,5	8,2	9,7	8,7	9,1	8,8	8,0	-1	-1
ЛДПР	4,8	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	6,5	7,1	6,1	7,5	8,8	7,5	7,1	+1	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	1,9	2,3	1,6	2,3	2,3	2,3	3,0	+1	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	–	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	2,8	2,7	3,5	4,2	4,4	3,1	2,9	0	0
Другая	0,9	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,0	0,3	0,3	0,3	0,0	0	0
Никакая	29,6	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	24,2	26,1	25,1	24,1	26,3	28,4	27,7	+4	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	11,4	9,8	11,5	11,0	6,5	9,7	10,8	-1	+1

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

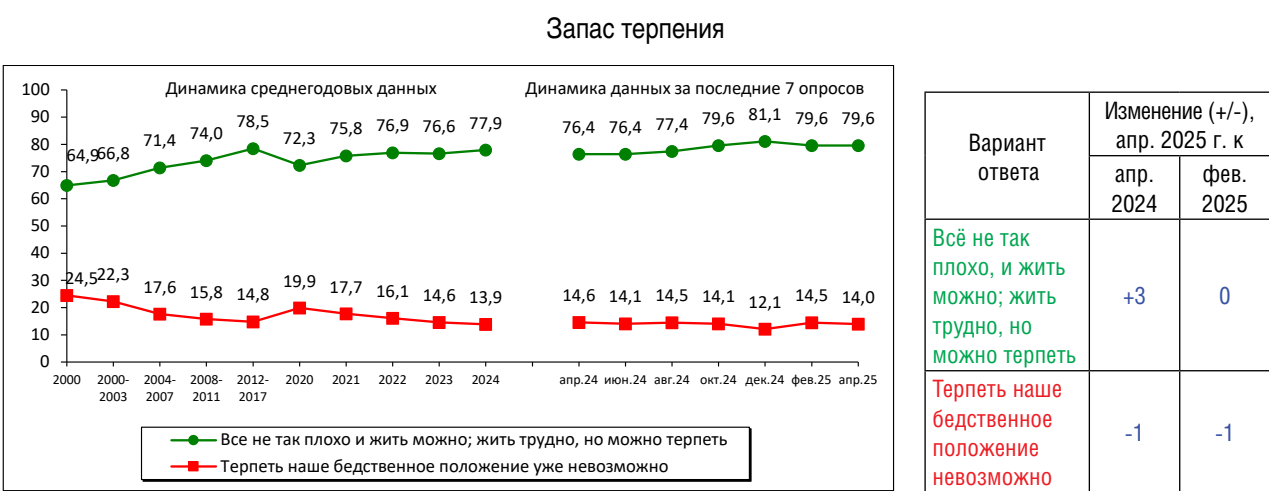
За последние два месяца оценка социального настроения граждан остается стабильно высокой: доля положительных оценок составляет 71%, негативных – 24%.

В апреле 2025 г. по сравнению с апрелем 2024 г. наблюдается положительная динамика общественного мнения относительно своего настроения. Удельный вес позитивных суждений повысился на 4 п. п. (с 67 до 71%). Доля негативных оценок уменьшилась на 5 п. п., с 29 до 24%.

С февраля по апрель 2025 г. показатели запаса терпения населения остаются неизменными. Большая доля людей позитивно характеризует свое повседневное эмоциональное состояние (80%).

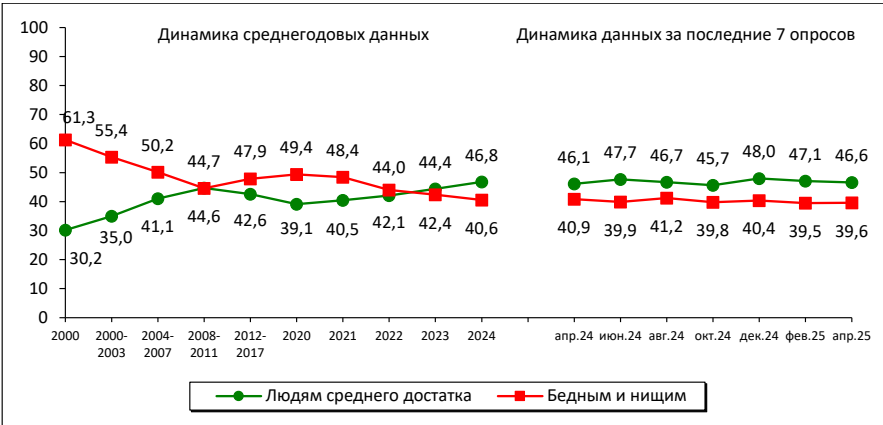
Уровень запаса терпения в оценках жителей региона в годовой ретроспективе незначительно увеличился (на 3 п. п., с 77 до 80%). Уровень негативных оценок остается стабильно низким.

За два месяца (февраль – апрель 2025 г.) доля жителей области, считающих себя людьми «среднего достатка», осталась на том же уровне и составила 47%. По самооценке населения удельный вес «бедных и нищих» сохранился на уровне 39–40%.

За 12 месяцев (с апреля 2024 г. по апрель 2025 г.) самооценка населением своего материального положения также не изменилась.

Социальная самоидентификация*

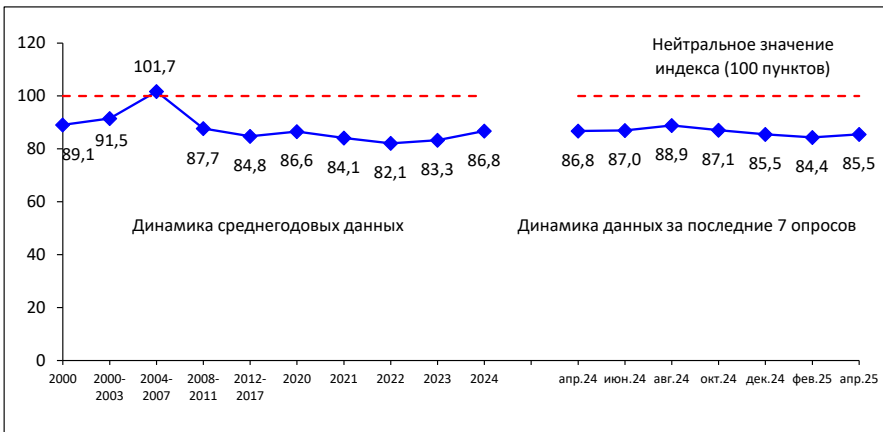
Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+1	-1
Доля считающих себя бедными и нищими	-1	0

*Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

В феврале – апреле 2025 г. индекс потребительских настроений остался на прежнем уровне и составил 85 пунктов.

За последний год измерений ухудшения или улучшения индекса потребительских настроений также не произошло.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

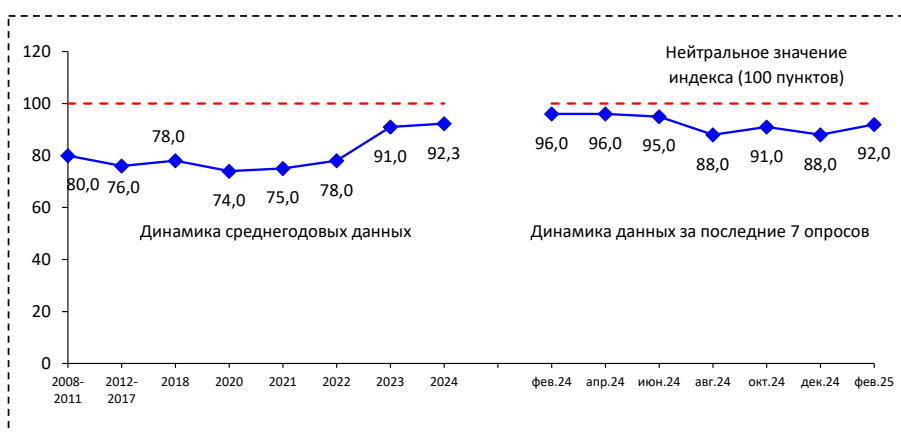
ИПН	Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	апр. 2024	фев. 2025
Значение индекса, в пунктах	-1	+1

Для справки:

По данным Левада-Центра*, индекс потребительских настроений в целом по России за период с декабря 2024 г. по февраль 2025 г. увеличился на 4 пункта (с 88 до 92 п.).

За прошедший год показатель общероссийского индекса потребительских настроений уменьшился на 4 пункта (с 96 п. до 92 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

ИПН	Изменение (+/-), февр. 2025 г. к	
	февр. 2024	дек. 2024
Значение индекса, в пунктах	-4	+4

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за февраль 2025 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Социальное настроение жителей региона за два месяца измерений остается стабильным и характеризуется эмоциональной устойчивостью. При этом наблюдается позитивный сдвиг самооценки настроения у представителей женского пола (с 69 до 73%) и среди людей в возрасте 30–55 лет (с 70 до 74%). Негативных изменений не фиксируется.

Годовая динамика (апрель 2025 г. к апрелю 2024 г.) показала наличие преимущественно положительных тенденций в оценке жителями региона своего социального настроения. При этом наиболее выраженные позитивные изменения фиксируются у:

- ✓ женщин (увеличение доли позитивных суждений на 6 п. п., с 67 до 73%);
- ✓ людей со средним образованием (на 7 п. п., с 68 до 75%);
- ✓ жителей в возрасте старше 55 лет (на 5 п. п., с 61 до 66%).

В разрезе по доходным группам, а также по территориям отмечаются незначительные (на 3–4 п. п.) позитивные изменения.

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2025 г. к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	Апр. 2025	апр. 2024	фев. 2025
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	66,5	67,7	63,5	67,1	65,2	69,2	70,1	68,8	+1	-1
Женский	43,3	61,7	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	70,9	67,1	72,1	70,9	74,0	74,7	68,8	73,1	+6	+4
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	72,3	79,9	67,6	73,5	77,6	75,0	76,6	77,5	71,8	76,1	78,0	81,3	79,9	76,7	-1	-3
30–55 лет	44,2	64,8	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	71,3	70,0	71,8	72,8	69,8	73,2	70,2	74,1	+4	+4
Старше 55 лет	37,4	54,8	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	63,3	60,7	62,7	62,1	67,4	67,8	64,6	65,8	+5	+1
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	64,6	64,7	65,5	65,3	62,5	65,5	64,6	65,6	+1	+1
Среднее специальное	46,4	64,6	66,7	72,1	63,5	66,7	68,3	66,1	70,3	67,9	65,2	70,7	75,2	76,5	71,8	74,8	+7	+3
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	77,0	76,7	63,3	71,5	69,5	68,8	72,3	69,8	76,0	72,1	72,3	74,2	71,4	73,4	+4	+2
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	51,5	57,2	43,4	54,6	57,0	50,1	53,5	53,0	51,3	53,7	54,8	55,7	55,9	56,9	+4	+1
60% среднеобеспеченных	45,5	62,9	68,7	72,1	62,6	67,3	68,1	67,4	70,7	68,5	70,0	71,0	73,6	74,2	70,5	72,6	+4	+2
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	81,1	82,4	75,6	79,9	78,3	73,9	77,6	77,5	78,5	75,9	78,4	80,6	77,9	81,3	+4	+3
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	66,0	64,2	65,2	66,4	67,9	69,6	66,7	68,6	+4	+2
Череповец	50,8	68,1	76,2	75,7	60,4	71,0	71,2	68,1	69,8	68,2	69,4	70,2	70,7	73,0	69,9	71,5	+3	+2
Районы	42,2	61,6	59,8	68,6	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	68,8	69,4	70,3	71,0	73,4	70,7	72,7	+4	+2
Область	46,2	63,6	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	69,0	67,4	68,3	69,2	70,1	72,3	69,4	71,2	+4	+2
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																14: 10/4 /0		14: 2/12 /0

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в марте — апреле 2025 г. Как показывают ее результаты, за последние два месяца в динамике оценок общественного мнения существенных изменений не произошло:

- ✓ стабильно высоким остается уровень поддержки главы государства (64%) и его решений по ключевым направлениям развития страны;
- ✓ не отмечается значимых изменений в динамике самооценок материального положения (доля людей, субъективно причисляющих себя к «бедным и нищим» слоям населения, составляет 40%; индекс потребительских настроений 84–85 пунктов);

✓ сохранилась доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние (69–71%) и обладающих высоким запасом терпения (80%).

✓ С февраля по апрель 2025 г. незначительно снизился уровень поддержки деятельности главы региона (на 4 п. п., с 47 до 43%), что также было отмечено экспертами российского холдинга «Минченко-консалтинг», связавшими это с «обострением противостояния губернатора Вологодской области с «Северсталью» и главой компании Алексеем Мордашовым, а также с задержанием вице-губернатора области Дениса Алексеева»⁵.

Более выраженные изменения в динамике общественного мнения наблюдаются в годовом измерении (за период с апреля 2024 г. по апрель 2025 г.). В частности, отмечается:

✓ положительная динамика в оценках работы Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан (доля одобрительных суждений повысилась на 4 п. п., с 38 до 42%);

✓ позитивные изменения в самооценках социального настроения в большинстве социально-демографических групп (особенно среди женщин, людей среднего и старшего возраста, а также граждан со средним и высшим образованием);

✓ среди негативных изменений следует выделить небольшое снижение поддержки правящей партии «Единая Россия» (с 45 до 41%), а также рост доли людей, которые считают, что ни одна из партий, представленных на сегодняшний день в Государственной Думе, не выражает их интересы (с 24 до 28%).

Сохранение стабильной картины общественного мнения по ключевым вопросам мониторинга на фоне продолжающейся СВО, санкционного и иных форм давления на Россию со стороны стран Запада является безусловной заслугой органов государственного управления на всех уровнях. Однако нельзя не отметить, что достигнутая устойчивость может быть весьма относительной.

В настоящее время она во многом связана с началом и достаточно активным продолжением⁶ переговорных процессов между Россией и США по урегулированию двусторонних отношений на стратегическую перспективу. В некотором смысле общество «замерло» в ожидании реально ощутимых результатов потенциальных договоренностей, лучшим из которых было бы «не перемирие, — как отметил Президент РФ в декабре 2024 г., — а мир — долгосрочный, прочный, обеспеченный гарантиями для Российской Федерации и ее граждан»⁷.

⁵ XIX рейтинг политической устойчивости глав регионов «Госсонет 2.0» / Минченко-консалтинг. Март 2025. С. 9. URL: https://minchenko.ru/news/news_247.html

Для справки: 26 февраля 2025 г. «сотрудники ФСБ и Следственного комитета задержали в Москве вице-губернатора Вологодской области Д. Алексеева по делу о вымогательстве 100 млн руб. Вместе с ним задержан глава представительства региона в столице К. Бочаров» (источник: РБК. 26.02.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/02/2025/67bebf9a9a794722e03df5f3?ysclid=m99nw15ilh127840083>)

⁶ 12 февраля 2025 г. состоялся телефонный разговор между Президентом Российской Федерации В. Путиным и Президентом США Д. Трампом. По его итогам главы государств договорились о продолжении контактов.

18 февраля в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) была проведена первая (с начала СВО) встреча представителей России и США по вопросам восстановления двусторонних дипломатических отношений. Делегацию из России представляли глава МИД С. Лавров, помощник президента Ю. Ушаков и глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев.

24 марта прошли вторые переговоры. Основной темой стала черноморская зерновая инициатива. Россию представляли глава комитета Совета Федерации по международным делам Г. Карасин и советник директора ФСБ С. Беседа.

2–3 апреля (впервые со времен начала конфликта) США с визитом посетил спецпредставитель президента России по инвестиционно-экономическому сотрудничеству с зарубежными странами, глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев. В интервью он отметил, что Россия и США сделали «три шага вперед по большому количеству вопросов», в частности начали «активную работу над восстановлением прямого авиасообщения» (источник: РБК. 04.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67eef5039a79473cb4cd8c1f?from=article_body).

10 апреля в Стамбуле на очередном раунде переговоров обсуждался вопрос о возврате изъятых дипломатической собственности и возобновлении прямого авиасообщения. Российскую Федерацию представлял посол России в США А. Дарчиев, Вашингтон — заместитель помощника госсекретаря по делам Европы и Евразии С. Коултер.

⁷ Итоги года с Владимиром Путиным 19 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>

Однако, неизменно подчеркивая позитивную атмосферу, в которой проходят международные консультации, участники переговорных процессов с российской стороны справедливо обращают внимание на то, что «восстановление диалога — непростой и постепенный процесс»⁸; «не каждые переговоры обязательно оканчиваются какими-то масштабными документами и договоренностями. Важно все время поддерживать контакт и понимать точку зрения друг друга»⁹. Другими словами, пока совершенно не ясно, когда и чем закончатся российско-американские переговоры, как и то, как долго этот фактор будет оказывать позитивное влияние на ожидания и настроения людей.

В этих условиях необходимо учитывать, что стабилизация и некоторые позитивные сдвиги в динамике общественных настроений (прежде всего это касается оценок социального самочувствия населения) не являются гарантией отсутствия потенциальных рисков и вызовов. Поэтому сохраняется необходимость в дальнейшем укреплении доверия между властью и обществом, в открытом диалоге и прозрачности принимаемых решений с учетом интересов различных социальных групп. Не менее важным при этом остается информирование населения о предпринимаемых мерах по социально-экономическому развитию, а также о результатах их реализации.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующей волны мониторинга ВолНЦ РАН.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁸ «Непростой и постепенный процесс»: глава РФПИ Дмитриев сообщил о переговорах с администрацией Трампа // Газета.Ру. 03.04.2025. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1458511-kirill-dmitriev-ssha-peregovory?ysclid=m9r3828fo2374298612>

⁹ Сенатор Карасин о переговорах с США в Эр-Рияде: Взаимопонимание у сторон есть // Российская газета. 24.03.2025. URL: <https://rg.ru/2025/03/24/senator-karasin-o-peregovorah-s-ssha-v-er-riade-vzaimoponimanie-u-storon-est.html>

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
О.В. Лебедева

Подписано в печать 28.04.2025.
Дата выхода в свет 30.04.2025.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,45. Тираж 500 экз. Заказ № 15.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru